

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 2 (46)

**Саранск
2018**

Учредители:

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Основан в 2006 году

Главный редактор

Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

А. В. Чернов — кандидат филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Редколлегия:

Акимова Т. И. — доктор филологических наук, доцент; *Андреев В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Арискина О. Л.* — доктор филологических наук, доцент; *Бикейкин Е. Н.* — доктор исторических наук, доцент; *Бирюкова О. И.* — доктор филологических наук; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Вихляев В. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Водясова Л. П.* — доктор филологических наук, профессор; *Володин В. М.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Загребин А. Е.* — доктор исторических наук, доцент; *Зайцева Т. И.* — доктор филологических наук, доцент; *Зеленев Ю. А.* — доктор исторических наук, доцент; *Ильина И. Е.* — доктор экономических наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Кечемайкин В. Н.* — кандидат экономических наук, доцент; *Куканова В. В.* — кандидат филологических наук; *Липатова Л. Н.* — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Салимова Т. А.* — доктор экономических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Таймасов Л. А.* — доктор исторических наук, профессор; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Нагорных О. С. Деятельность русских врачей в Китае в XIX в.: источники изучения проблемы	7
Бибин М. А. Состояние промышленности Мордовии накануне и в годы Первой мировой войны	13
Стариков С. В. Левые социалисты о полновластии Советов в Великой российской революции 1917 — 1918 гг. (На материалах Поволжья)	22
Бибина Н. М. Состав депутатов местных Советов Мордовии в 1953 — 1964 гг.	31
Мухамедов Р. А., Вильчик А. А. Ульяновская область в 1950 — 70-е гг.: начало реализации социального обеспечения	41
Гусева Т. М. Паспорт на памятник истории и культуры как источник изучения культурной архитектуры Мордовии	45
Пупышев И. В. Становление государственности и развитие национального движения в Чувашии в конце 1980-х — начале 1990-х гг.	52
Нуйкин С. Ю. Низовая структура управления экономической и социокультурной сферами жизни села в годы перестройки (На материалах с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР)	57
Ефремов Е. Н. Русская православная церковь в государственной политике Чувашии в 1985 — 1991 гг. (К историографии проблемы)	64
Анохина А. Б., Мухамедов Р. А. Реализация государственной политики по развитию региональной физической культуры и спорта в 2010 — 2016 гг. (На примере Ульяновской области)	77
Лушин А. И., Авданин В. В. К вопросу изучения создания энергетической системы СССР в отечественной исторической науке	81
Зинуров Р. Н. Историография российско-армянских отношений (тенденции и особенности)	89
Соловьев О. В. Научная работа в высших учебных заведениях Чувашской Республики в конце XX — начале XXI в.	100
Соловьев А. А., Иванов А. А. Крестьянские орудия труда в конце XIX — начале XX в.: традиции и новации (По материалам Вятской губернии)	109
Иванов В. П. Исследования по истории и культуре диаспорных групп чувашского народа	118
Сосновский А. В. Особенности похоронно-поминальных обрядов мордвы Калининградской и Рязанской областей (По материалам этнографических экспедиций)	130
Щанкина Л. Н. Промысловая деятельность мордовских переселенцев Западной Сибири в конце XIX — первой половине XX в.	137

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сбитнева Д. В., Гераськина И. Н. Зарубежный опыт индикативного планирования социально-экономического развития	145
Савинов Л. И., Бистяйкина Д. А., Соловьева Т. В. Старение населения и новые задачи социальных служб	155
Наумкина Е. И., Лохтина Л. М. Российский рынок труда в современных условиях (2014 — 2016 гг.)	165
Градусов В. В., Градусова В. Н. Основные факторы и условия распространения бедности в России	172
Ананьев М. А., Гурьянов А. М., Артемьев А. А. Формирование системы управления элитным семеноводством на этапе становления устойчивой национальной системы продовольственного обеспечения	178
Чубриков Н. В., Катайкина Н. Н., Маркова А. А. Расходы бюджета Республики Мордовия и развитие социальной сферы региона	187
Тренькаева Н. В., Липатова Л. Н. Основные тенденции развития малого инновационного предпринимательства в Республике Мордовия	198

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Щемерова Н. Н. Явления грамматической интерференции в русской речи детей-билингвов при усвоении глагольных форм	208
Цыплякова О. Ю. Послеложные сравнительные конструкции в эрзянском языке	219
Иванова Г. С., Поляков О. Е., Леткина Н. В. Употребление гласных непереднего ряда в мокшанском языке (На примере юго-восточного диалекта)	225
Поцелуева Н. В., Косован О. Л., Федуленкова Т. Н. Традиции в формировании социокультурного кода фразеологической единицы (На материале современного английского языка)	229
РЕЦЕНЗИИ	237
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244
СОКРАЩЕНИЯ	250

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Nagornyykh O. S.

Activity of Russian Physicians in China in the XIX Century:
Sources of Studying the Problem7

Bibin M. A.

The Situation in the Industry of Mordova on the Eve and During World War I13

Starikov S. V.

The Views of the Left Socialists on the Absolute Power of the Soviets
in the Great Russian Revolution of 1917 — 1918 (On the materials of the Volga Region)22

Bibina N. M.

The Composition of the Local Soviets Deputy Corps of Mordovia in 1953 — 196431

Mukhamedov R. A., Vilchik A. A.

The Ulyanovsk Oblast in the 1950-ies — 1970-ies:
Beginning of the Social Security Implementation41

Guseva T. M.

Certificate to the Monument of History and Culture as a Source of Studying
the Religious Architecture of Mordovia45

Pupyshev I. V.

Formation of Statehood and Development of the National Movement in Chuvashia
in the Late 1980-ies — the Early 1990-ies52

Nuykin S. Yu.

The Local Administration Structure of Economic, Social and Cultural Spheres
of the Village Life in the Perestroika Years (On the materials of the village
of Mordovskoe Davydovo of the Kochkurovo District of the Mordovian ASSR)57

Efremov E. N.

The Russian Orthodox Church in the State Policy of the Chuvashia Republic
in 1985 — 1991 (To the historiography of the problem)64

Anokhina A. B., Mukhamedov R. A.

Implementation of the State Policy on Regional Physical Culture and Sports Development
in 2010 — 2016 (On the example of the Ulyanovsk Oblast)77

Lushin A. I., Avdanin V. V.

To the Problem of Studying the USSR Energy System Development
in the National Historical Science81

Zinurov R. N.

Historiography of Russian-Armenian Relations (Tendencies and Features)89

Solovyev O. V.

Scientific Work in Higher Educational Institutions of the Chuvashia Republic
in the Late XX — the Early XXI Century100

Solovyev A. A., Ivanov A. A.

Peasant Tools in the Late XIX — the Early XX Century: Traditions and Innovations
(According to the materials of the Vyatka Governorate)109

Ivanov V. P.

Studies on the History and Culture of the Chuvash People Diaspora Groups118

Sosnovsky A. V.

Features of the Funeral and Memorial Rites of the Mordvins in the Kaliningrad
and Ryazan Oblasts (Based on materials of ethnographic expeditions)130

Shchankina L. N.

Craft Activities of Mordovian Migrants to Western Siberia
in the Late XIX — the First Half of the XX Century137

ECONOMIC SCIENCES

Sbitneva D. V., Geraskina I. N. Foreign Experience of Indicative Planning for Social and Economic Development	145
Savinov L. I., Bistyaikina D. A., Solovyeva T. V. Population Aging and New Tasks of Social Services	155
Naumkina E. I., Lokhtina L. M. The Labour Market of Russia in Modern Conditions (2014 — 2016)	165
Gradusov V. V., Gradusova V. N. The Main Factors and Conditions of Poverty Distribution in Russia	172
Ananyev M. A., Guryanov A. M., Artemyev A. A. The Formation of the Elite Seed Production Control System at the Stage of the Sustainable National Food Supply System Development	178
Chubrikov N. V., Kataykina N. N., Markova A. A. Budget Expenditures of the Republic of Mordovia and the Development of Social Sphere of the Region	187
Trenkaeva N. V., Lipatova L. N. The Main Trends of Small Innovation Business Development in the Republic of Mordovia	198

PHILOLOGICAL SCIENCES

Shchemerova N. N. Phenomena of Grammatical Interference in the Russian Speech of Bilingual Children Learning Verbal Forms	208
Tsypliyakova O. Yu. Postpositional Comparative Constructions in the Erzya Language	219
Ivanova G. S., Polyakov O. E., Letkina N. V. The Use of Not Front Vowels in the Moksha Language (On the example of the southeastern dialect)	225
Potselueva N. V., Kosovan O. L., Fedulenkova T. N. Traditions in Formation of the Social and Cultural Code of Phraseological Units (On the base of Modern English)	229

REVIEWS	237
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	247
--	-----

ABBREVIATIONS	250
----------------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 61(091)

О. С. Нагорных

O. S. Nagornyykh

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ВРАЧЕЙ В КИТАЕ В XIX в.: ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

ACTIVITY OF RUSSIAN PHYSICIANS IN CHINA IN THE XIX CENTURY: SOURCES OF STUDYING THE PROBLEM

Ключевые слова: история медицины, история науки, исторический источник, архив, традиционная медицина, взаимоотношения России и Китая, Русская духовная миссия в Пекине.

В статье в исторической ретроспективе рассматривается медицина как один из ведущих факторов формирования системы российско-китайских отношений в XIX в.; анализируются труды русских врачей, работавших в Китае в XIX в.; делается вывод о влиянии России на становление китайской медицины в европейском понимании.

Key words: history of medicine, history of science, historical source, archive, traditional medicine, russian-chinese relations, the russian orthodox mission in beijing.

Medicine as one of the leading factors in the formation of the system of Russian-Chinese relations in the XIX century is considered in the article in the context of historical retrospect. The works of Russian physicians, who worked in China in the XIX century, are analyzed, as well as a conclusion about the influence of Russia on the development of Chinese medicine formation in the European concept is made.

В современной международной политике российско-китайские отношения играют все более значимую роль. История взаимодействия двух стран не ограничивается форматами межгосударственных внешнеполитических контактов, исследования эволюции экономических моделей отношений либо определения пограничных территорий. Формировавшиеся в течение длительного времени контакты двух стран затрагивали сферы образования, культуры, науки и медицины. Следует отметить, что взаимоотношения России (СССР) и Китая в области медицины и здравоохранения в истории науки изучены недостаточно. В частности, мало исследованным является феномен влияния России (СССР) на развитие медицины в Китае.

За последнее десятилетие были опубликованы работы, в основе которых лежит разносторонний анализ российско-китайских отношений, а именно: восприятие

образа России в Китае¹, рассмотрение различных форм сотрудничества, включая культуру², науку³, медицину⁴, образование⁵. На основании широкого круга литературы и источников, включающих труды русских врачей, осуществлявших свою деятельность в Китае в XIX в., мы сделали попытку проанализировать русско-китайские связи в сфере медицины.

Значимым этапом в истории диалога двух культур является деятельность Русской духовной миссии в Пекине, действовавшей в период 1715/16 — 1854/56 гг. Только с 1716 по 1933 г. в Китай было направлено 20 миссий. Ориентированная на местных албазинцев, с течением времени Русская духовная миссия стала единственным звеном, связывавшим два государства и, что особенно важно, — центром изучения Китая. На протяжении почти 150 лет (до 1861 г.) она выполняла дипломатические функции, являясь единственным иностранным представительством на территории Китая*. Деятельность миссии была организована в соответствии с интересами и задачами Российского государства и играла значительную роль в поддержании российско-китайских отношений. Одновременно со своей основной функцией (представительство российского правительства в Китае) миссия становилась центром научного изучения Китая и подготовки русских синологов. Контакты России и Китая уже в XVIII в. имели свой результат. Для китайской стороны это открывало возможность изучения русского языка, получения знаний о России и населявших ее народностей. Для России эти контакты позволяли изучить Китай, специфику его менталитета, традиций, культуры и медицины, ориентироваться во внутренней политике цинского общества. Существенным аспектом в изучении деятельности Русской духовной миссии является вопрос о роли врачей в процессе интеграции основ европейской медицины в Китае.

Анализируя историю Китая, исследователь О. Е. Непомнин отмечал: «В отличие от Запада Китай с VII в... пребывал в русле циклического буксирования с повторением одних и тех же внутрициклических фаз и стадий. В то время как Запад встал на путь неуклонной модернизации общественного бытия, Китай 14 веков потратил на замораживание исторического процесса, сохранение и производство традиционного общества, т. е. на застой»⁶. При этом следует отметить, что несмотря на «застой китайского традиционного общества» на фоне быстро прогрессирующего Запада, некоторый прогресс в китайской медицине все же существовал и происходило это с участием русских врачей. Начиная с X миссии (1821 — 1830 гг.) они на регулярной основе становились их постоянными участниками. Так, первым доктором в составе X Русской духовной миссии был Осип Войцеховский, оказывавший медицинскую помощь как русскому, так и китайскому населению. Особенностью профессиональной деятельности врачей являлось не только выполнение функций медицинской помощи, но и анализ состояния и уровня национальной медицины в Китае. Почти все русские врачи, работавшие в китайских провинциях, проводили исторический анализ работ китайских лекарей древности, отмечая слабые и сильные стороны китайской медицины. К недостаткам авторы относили ее

* Официально иностранные представительства стали появляться в этой стране лишь после серии тяньзинских договоров, заключенных между Срединной империей и странами Запада в 1858 г.

неразвитость по сравнению с европейской, а к достоинствам — систематизацию и богатый опыт. В связи с этим выделяются работы А. А. Татаринова, П. Я. Пясецкого, П. А. Корниевского, В. В. Корсакова, Я. А. Виолина⁷, а также П. И. Каменского (архимандрита Петра, главы X миссии, одного из основоположников изучения китайской медицины в России).

Существенным недостатком китайской медицинской литературы, по мнению русских врачей, являлось отсутствие в ней комплексного исторического анализа специфики и причин становления, оформления медицины как науки. Подобные труды древних лекарей, скорее, напоминали трансляцию традиций, имевших лишь одно руководство к действию — выполнение указаний без какой-либо трансформации и интерпретации. В сущности, медицинская литература Китая представляла собой компиляцию статей различных авторов, собранных в одном томе с отсутствием последовательности и логики изложения. Причем все сказанное в книгах воспринималось как истина и не подвергалось сомнению, именно поэтому медицина Китая долгое время находилась в застойном состоянии и представляла лишь те знания, которые уже были известны древними авторами без обновлений.

Ценное научно- историческое наследие для изучения медицины Китая оставил доктор медицины, писатель, известный синолог и статский советник А. А. Татаринов⁸, служивший врачом в период работы XII миссии (1840 — 1849 гг.). Его деятельность до сегодняшнего дня остается объектом исследования историков медицины. За время, проведенное в Пекине, Татаринов написал большое количество статей, характеризующих особенности врачевания, оказания медицинской помощи в Китае. Все его работы основывались на знании местных литературных источников, аналогов которых нигде, кроме Китая, не было. Ему удалось собрать богатые ботанические коллекции, в дальнейшем привезенные в Россию и составившие ценный научный фонд лекарствоведения. В своих работах Татаринов дал комплексную характеристику китайской медицины, научных работ известных китайских врачей⁹. При этом исследование китайской медицины не сводилось им только к критике ее положений. Так, в работе «Медицина и врачи в Китае» Татаринов высказал мысль о «значительной целительной силе китайской медицины»¹⁰, рекомендуя российским и европейским специалистам проявить научный интерес ко многим положениям, находя в них рациональную составляющую для дальнейшей практики.

Одной из центральных работ доктора А. А. Татаринова является статья «О состоянии медицины в Китае»¹¹, представляющая собой комплексный анализ работ китайских философов и лекарей древности, санитарного состояния городов и провинций, заболеваний населения. Изучив медицинские труды китайских лекарей, Татаринов пришел к выводу, что «из обширной медицинской литературы... ни на одну книгу как особенную, отличную от других, посмотреть нельзя»¹². Практически все они очень сходны между собой, что свидетельствует о глубокой консервативности китайских врачей к подходу совершенствования способов лечения и взглядов на причины болезней. Китайская медицина сохраняла формат народной и не существовала в формате науки. Большую роль в этом, по мнению доктора, сыграла географическая удаленность страны, препятствовавшая сближению с другими народами, более образованными. Возможно, он имел в виду Европу. Одновременно с этим нельзя было исключать факт самобытности медицинской практики Китая, не

имевшей заимствований. В этом заключалась уникальность не только китайской культуры, но и народной медицины. Находясь длительное время в Китае, Татаринов особое внимание обратил на подчеркнутую гордость китайского народа в чрезмерном почитании и сохранении традиций, не имевшего перед собой иного примера другой нации: «Несомненно, Китай во многих своих познаниях отстал от народов Европейского материка к моменту середины XIX в., но за несколько столетий до этого государство, несомненно, превосходило Европу. Но на этом развитие остановилось»¹³. Характеризуя этот процесс, Татаринов добавил: «Их гражданский и нравственный быт давно уже остановился на известной степени, далее не идет, и теперешнее состояние Китая, без преувеличения, можно обозначить словом: неподвижный»¹⁴.

С древнейших времен китайский народ отождествлял астрологию с медициной, гадателя с врачом. Доктор отмечал также высокую степень суеверия китайцев. Неоднократно он упоминал о китайских предрассудках, выявлявших примитивность некоторых объяснений причин болезни, способов лечения. Суеверие касалось и выбора врача, в процессе которого на первое место выносился внешний вид. Так, в Пекине, например, среди знаменитых врачей, имевших многолетнюю практику, много встречалось дилетантов, лечивших своих больных исключительно «по вдохновению духов»¹⁵.

Несмотря на то, что правительство Китая всегда принимало деятельное участие в народном образовании, существенным минусом системы обучения являлась мотивация к нему: путь «к почестям, к службе, а, следовательно, к богатству»¹⁶ открывало только изучение словесности, древних классических книг и т. д. При этом на медицину правительство «никогда не обращало особого внимания»¹⁷. Именно поэтому большинство врачей получало образование на дому, от своих отцов или учителей, не имея другого руководства к обучению. Безусловно, это формировало навыки применения народной медицины, иглоукалывания, прижигания, использования лекарственных средств, но без необходимой теоретико-научной базы и должного профессионализма. «При таком направлении медицинского образования в Китае нельзя ожидать, чтобы китайские врачи имели систематическое, отчетливое понятие о своем предмете»¹⁸, — к такому выводу пришел А. А. Татаринов.

Среди русских врачей, работавших в Китае в составе Русской духовной миссии, наиболее критически к положению дел в отношении лечения, санитарной ситуации, понимания китайцами основ медицинской науки был настроен П. Я. Пясецкий. В своих работах он отмечал глубокое неведение китайских врачей, мотивируя это тем, что в Китае с целью исследования не вскрыли ни одного человеческого трупа. «Понятно, что построенная на таких основаниях наука носит несерьезный характер»¹⁹, — отмечал доктор Пясецкий. Мнение автора и его выводы вполне объяснимы — в XIX в. в Китае не существовало медицины, с европейской точки зрения. При этом вероятность знаний была, но она имела распространение среди ограниченного круга лекарей. Безусловно, эти эмпирические средства и методы лечения не составляли науку: «Там нет ни одного рода образования, которое бы имело форму науки, и медицину китайцев скорее можно назвать сборником эмпирических народных способов лечения болезней, записанных без особой связи и последовательности, нежели целую, хорошо распознанную наукой... ни в одном нельзя отыскать исторические сведения, так что китайские врачи не знают постепенного

развития изучаемого им предмета»²⁰. По мнению доктора Пясецкого, для того чтобы иметь представление о состоянии медицины какого-либо народа, прежде всего, необходимо исследовать его запас точных знаний, «без которых невозможны никакие сознательные действия лица, посвящающего себя делу исцеления или облегчения человеческих страданий»²¹.

Несмотря на негативное отношение большинства русских врачей к китайской медицинской литературе, лишенной полноты изложения, они отмечали практическое значение некоторых медицинских книг (например, труд «Нэй-цзын», или «Трактат Желтого императора о внутреннем», классическая книга о внутреннем строении, своего рода, кодекс китайской медицины, учение которого в XIX в. оставалось без изменений). В частности, об этом говорил доктор П. А. Корниевский, проанализировавший медицинскую деятельность некоторых китайских лекарей древности. Он отмечал, что классическое медицинское сочинение «Нэй-цзын» выполняет функцию руководства или программы для изучения медицины: «На основании глубокого уважения китайцев ко всему древнему, они, желая написать о медицине, развивали и объясняли эту книгу и ей руководствовались»²².

С развитием российско-китайских отношений, перспективой тесного сотрудничества все отчетливее осознавалась необходимость изучения состояния медицины в Китае, в частности, распространенных заболеваний среди местного населения. Решением этих и других задач занимался в составе Русской духовной миссии В. В. Корсаков. В течение 5 лет он наблюдал и изучал жизнь китайского народа, собирал материалы, связанные как с китайской медициной, так и с общественным санитарным устройством этой страны. Одним из важных и ценных достижений китайских врачей Корсаков считал изучение народной жизни, которое осложнялось отсутствием научных лабораторий и библиотек. К сожалению, восстание ихэтуаней и осада Пекина погубили часть собранных русским врачом материалов (частично погибла коллекция лекарственных насекомых, которую доктор собирал для изучения способов традиционного китайского лечения). Итогом пятилетнего пребывания Корсакова в Китае стал научный труд «Положение медицины в Китае и наиболее распространенные в его населении болезни»²³.

Таким образом, деятельность русских врачей в составе Русской духовной миссии сыграла ключевую роль в научном изучении Китая и подготовке отечественных синологов. Несмотря на богатую историю и самобытную культуру, китайская медицина XIX в. существенно отставала от прогрессивной Европы. Естественные трудности русских врачей в попытках изучения накопленного опыта китайских докторов (обособленность страны, ее географическая удаленность, специфика китайской культуры, трудности в изучении языка, консервативность, отсутствие научного подхода и др.) осложняли процесс интеграции Китая с Россией и Европой.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Тен Н.** От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991 — 2010). М., 2016. 296 с.

² См.: **Григорьева Т. П.** Китай, Россия и всечеловек. М., 2011. 472 с.

³ См.: **Можаев Г. А.** Международные культурные связи СССР. М., 1965. 48 с. ; **Иоффе А. Е.** Международные связи советской науки, техники и культуры М., 1975. 429 с.

⁴ См.: **Беляков А. В., Матвейчев О. А.** Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы. М., 2017. 384 с.

⁵ См.: **Цветко А. С.** Советско-китайские культурные связи : ист. очерк. М., 1974. 131 с.

⁶ **Непомнин О. Е.** История Китая XX века. М., 2011. С. 8.

⁷ См.: **Татаринов А. А.** Медицина и врачи в Китае // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1851. № 71. С. 28 — 32, 90 — 94 ; **Пясецкий П. Я.** Как живут и лечатся китайцы. М., 1882. 89 с. ; **Его же.** О санитарных условиях и медицине Китая. М., 1876. 68 с. ; **Корниевский П. А.** Материалы для истории китайской медицины. Тифлис, 1877. 112 с. ; **Корсаков В. В.** Пять лет в Пекине: из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. СПб., 1902. 183 с. ; **Его же.** Медицина в Китае в прошлом и будущем. Харьков, 1928. 12 с. ; **Виолин Я. А.** Медицина Китая : дис. на соиск. учен. степ. д-ра мед. наук. СПб., 1903. 222 с.

⁸ См.: **Татаринов А. А.** Замечания об употреблении болеутоляющих средств при операции и водолечении (гидропатия) в Китае // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1857. Т. 3. С. 131 — 141 ; **Его же.** Китайская медицина // Там же. 1853. Т. 2. С. 357 — 441.

⁹ См.: **Татаринов А. А.** Анатомо-физиологические понятия китайцев // Труды общества русских врачей. СПб., 1856. Т. 6. С. 353 — 421 ; **Его же.** Замечания об употреблении болеутоляющих средств... ; **Его же.** Китайская медицина ; **Его же.** Китайские средства, производящие бесчувствие // Северное обозрение. СПб., 1850. Т. 3. С. 511 — 512 ; **Его же.** Краткие сведения о китайском лекарстве жень-шень // Труды общества русских врачей. 1856. Т. 6. С. 345 — 352 ; **Его же.** О кровообращении по понятиям китайской медицины // Там же. 1852. Т. 5. С. 273 — 276 ; **Его же.** О состоянии медицины в Китае // Там же. 1853. Т. 5. С. 159 — 208.

¹⁰ **Татаринов А. А.** Медицина и врачи в Китае.

¹¹ Там же.

¹² **Корниевский П. А.** Указ. соч. С. 170.

¹³ См.: **Татаринов А. А.** О состоянии медицины в Китае.

¹⁴ Там же. С. 160.

¹⁵ Там же. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 161.

¹⁷ Там же. С. 165.

¹⁸ Там же.

¹⁹ **Пясецкий П. Я.** Как живут и лечатся китайцы. С. 64.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 62.

²² **Корниевский П. А.** Указ. соч.

²³ **Корсаков В. В.** Положение медицины в Китае и наиболее распространенные в его населении болезни : дис. на соиск. учен. степ. д-ра мед. наук. СПб., 1901. С. 159.

Поступила 22.02.2018 г.

УДК 94(470.345).083

М. А. Бибин
M. A. Bibin

СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОРДОВИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

THE SITUATION IN THE INDUSTRY OF MORDOVA ON THE EVE AND DURING WORLD WAR I

Ключевые слова: Мордовия, промышленное производство, Первая мировая война, завод, фабрика, рабочий, продукция, предприятие, сельское хозяйство, крестьянин.

В статье освещается деятельность предприятий металлообрабатывающей, кустарной, спиртоводочной и сельскохозяйственной промышленности Мордовии накануне и в годы Первой мировой войны.

Key words: Mordovia, industrial production, World War I, plant, factory, worker, production, enterprise, agriculture, peasant.

The activities of enterprises of the metalworking, handicraft, alcohol beverage industries and agriculture of Mordovia on the eve and during World War I are described in the article.

Первая мировая война оказала заметное влияние на промышленность Мордовии. По данным Министерства финансов и промышленности, в 1909 г. на территории края находилось 51 ценовое предприятие, большая часть которых была основана в последнюю четверть XIX и в начале XX в. В 41 промышленное предприятие, занимавшееся переработкой сельскохозяйственного сырья, входили: 30 спиртоводочных предприятий, 2 табачно-махорочные фабрики, 1 маслозавод, 1 пенькотрепальный завод и 7 мукомольных мельниц с механическими двигателями. В 1909 г. на долю этой отрасли промышленности приходилось 68,7 % всех рабочих, занятых в ценовой промышленности, и 93,6 % выпуска валовой продукции всех промышленных предприятий¹.

Другие отрасли промышленности имели вспомогательное значение и в общем балансе промышленного производства занимали незначительное место. Так, металлообрабатывающую промышленность в 1909 г. представляли 5 небольших заводов полукустарного типа с численностью рабочих 85 чел. Их валовая продукция насчитывала около 61 тыс. руб., или 0,7 % всего выпуска валовой продукции ценовых предприятий².

Промышленные предприятия Мордовии были небольшими, с незначительной энерговооруженностью труда (в среднем 40 лошадиных сил на одно ценовое предприятие с количеством рабочих от 15 до 50 чел.). К более крупным предприятиям относились Ширингушская суконная фабрика Суворова (358 чел.) в Наровчатском уезде с выпуском продукции на сумму 225 608 руб. в год, Кондровская бумажная фабрика Степановой (125 чел.) в Темниковском уезде — 122 240 руб. и табачно-махорочная фабрика Никитина в Саранске (632 чел.) — 118 570 руб. Из спиртоводочных предприятий к более крупным относились Саранский казенный

винный склад (95 чел.) с ректификационным отделением с выпуском продукции на сумму 1 575 555 руб. и Лашманский винокуренный завод Арапова (124 чел.) в Наровчатском уезде, выпускавший продукции на сумму 384 018 руб.³

Отмена выкупных платежей в 1906 г. и аграрная реформа П. А. Столыпина расширили внутренний рынок для тяжелой промышленности и увеличили сырьевую базу легкой промышленности, что дало толчок к его развитию.

Быстрыми темпами росло винокурение. Если в 1909 г. по всей Мордовии насчитывалось 30 спиртоводочных предприятий, то в 1911 г. только в 4 уездах (Инсарском, Наровчатском, Краснослободском и Саранском), входивших в состав Пензенской губернии, было 27 винокуренных заводов и 2 казенных винных склада (в г. Краснослободске и Саранске). К началу Первой мировой войны только в Большеберезниковской волости Карсунского уезда Симбирской губернии работали 6 винокуренных заводов⁴.

Царское правительство поощряло развитие винокурения. Причисление к заводам для права пользования льготами сельскохозяйственного винокурения пахотной земли от 116 до 15 тыс. десятин на завод⁵, скупка спирта-сырца в казну способствовали росту винокурения. Наиболее крупные заводы выкуривали сотни тысяч ведер спирта-сырца. Так, Лашманский винокуренный завод Арапова в сезон винокурения (с сентября 1912 по июнь 1913 г.) выкурил до 400 тыс. ведер⁶; Парадеевский завод в Ардатовском уезде в 1911 г. выкурил 36 543 ведра спирта, в 1912 г. — 42 159, а в 1913 г. — 32 615 ведер спирта⁷.

Большинство заводов принадлежало помещикам, которые могли на месте реализовать урожай ржи, овса и картофеля. Например, помещики Лачиновы в Наровчатском уезде имели 2 завода⁸; Начаркин, владевший в Наровчатском и Саранском уездах 2 359 десятинами земли⁹, — 5 заводов¹⁰.

Винокурение поглощало большое количество сельскохозяйственного сырья. По данным 1912 — 1913 гг., его расход на 1 ведро винокуренного спирта в 40 градусов включал: зерно, муку, крахмал, сухой солод — 0,107 пуда, или 12,7 %, зеленого солода — 0,105 пуда, или 11,5 %, и картофеля — 2,016 пуда, или 75,8 %¹¹. Таким образом, основным видом сырья для выкурки служил картофель, 47 % которого владельцы заводов получали из собственных имений¹².

Значительное количество сырья перерабатывала крахмало-паточная промышленность. Предприятия этого вида производства были полукустарными с количеством рабочих от 10 до 20 чел. В год работали по 160 дней. Наиболее крупными являлись завод АО «Просвет» в Саранске, перерабатывавший до 4 тыс. пудов картофеля в сутки при двигателе в 30 лошадиных сил, и завод Дербенева в Инсаре, перерабатывавший до 40 тыс. пудов картофеля в сутки при двигателе в 37 лошадиных сил¹³.

Семя конопли расходовалось на маслобойных предприятиях. Наиболее крупным из них был маслобойный завод Овечкина в Саранске, имевший 7 гидравлических открытых прессов с 16 плитами каждый, и паровой двигатель в 75 лошадиных сил. На заводе работали 90 рабочих. В сутки они перерабатывали до 1 200 пудов семян конопли. Годовая производительность этого завода, по данным 1913 г., составляла 250 тыс. пудов семян конопли¹⁴. В предвоенные годы вместе с подъемом промышленного производства росло производство и махорочных фабрик. Сырьем для двух табачных фабрик в Саранске служил листовой табак. В 1911 г. в Саранском

уезде насчитывалось 1 782 плантации с общей площадью земли в 140 десятин, в 1913 г. — 1 399 с площадью земли в 77 десятин. Урожай 1911 г. равнялся 287 пудам с одной десятины, в 1912 г. — 400, а в 1913 г. снизился до 211 пудов. Ввоз листового табака из других мест был незначительным и в 1911 г. составлял 2 836 пудов¹⁵, или 7 % всего сырья.

В 1910 г. фабриками было переработано 21 786 пудов листового табака и выпущено 9 600 пудов табачных изделий. В 1911 г. фабрики изготовили махорки на 7 800 пудов меньше. Такое сокращение обуславливалось усилившейся конкуренцией на рынке других фабрик, изделия которых отличались лучшим качеством и постепенно вытесняли с рынка низкосортный табак саранских фабрик. В 1914 г. махорки было произведено на 347 750 фунтов (8 694 пуда) на сумму бандерольного сбора 45 796 руб. 50 коп. больше, чем в 1913 г.¹⁶

В промышленном производстве Мордовии значительное место занимали лесо- и торфоразработки. Так, в 1913 г. здесь было занято 5 268 рабочих с выходом валовой продукции в 5 460 тыс. руб.¹⁷ Продукция лесной промышленности, в основном древесины, сплавлялась по Суре и Мокше в различные страны.

Развитие капитализма в Мордовии тесно связано с деятельностью крупных банков России. В городах Мордовии имели свои отделения Русский для внешней торговли банк, Соединенный, Русско-Азиатский и Петербургский международный банки. Возникали общества и компании. Так, в Ардатовском уезде Симбирской губернии мукомольная промышленность была сосредоточена у торгово-промышленного товарищества «К. Н. Попов и К°». В 1910 г. городской голова Саранска Никитин основал Торговый дом «Братья Никитины», в том же году в Саранске возникло АО «Просвет», которое в 1910 г. построило крахмальный завод и мукомольную мельницу с локомотивом¹⁸.

Несмотря на рост промышленных предприятий в начале XX в., промышленное производство занимало в экономике незначительное место. Так, в 1913 г. все цензовые предприятия выработали продукции на 8 813 тыс. руб., а вместе с лесоразработками и торфопредприятиями — на 13 173 тыс. руб.¹⁹ В 1914 г. в Ардатовском уезде работали всего 1 103 промышленных завода, из них 1 092 — мелкие предприятия кустарного типа. В среднем на каждом предприятии было занято 1,52 рабочего с выработкой продукции на 80,2 руб. в среднем. Только на 11 заводах было занято 154 рабочих (9,3 %), выпускавших продукции на сумму 368,4 тыс. руб., или на 82,7 % всей продукции²⁰.

Слабое экономическое развитие Мордовии накануне Первой мировой войны подтверждают показатели роста городского населения (таблица).

Таблица

Рост городского населения Мордовии накануне Первой мировой войны, чел.

Уезд	Население обоого пола		Прирост населения	В % к 1897 г.
	по переписи 1897 г.	в начале войны		
1	2	3	4	5
Ардатовский	4 738	6 582	1 844	38,9
Инсарский	4 244	5 700	1 456	34,3
Краснослободский	7 381	8 400	1 019	13,8

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Наровчатский	4 710	2 100	-2 610	-55,4
Саранский	14 584	16 203	1 619	11,1
Спасский	6 027	11 365	5 338	88,5
Темниковский с г. Кадомом	12 101	17 427	5 326	44,0
Итого	53 785	67 777	13 992	32,9

Составлена по: **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С. 33.

С развитием капитализма в городах концентрировалось купечество, сосредоточившее у себя почти все торгово-промышленные предприятия. Основную часть городского населения составляли крестьяне в качестве наемных рабочих в торговых и промышленных заведениях.

Города Мордовии были небольшими, представлявшими собой уездные центры с населением от 2 до 11 тыс. чел. В 1914 г. в Саранске проживало более 16 тыс. чел.; в Ардатовском уезде городское население составляло 2,8 %²¹, в Спасском уезде Тамбовской губернии — 6,3, в Темниковском уезде Тамбовской губернии — 7,7 %²².

В 1906 г. в Саранске насчитывалось 205 промышленных рабочих и 1 018 ремесленников²³. К 1913 г. число рабочих увеличилось в более чем 2 раза, составив 722 чел., ремесленников — около 1 300 чел., батраков — до 100 чел., ломовых извозчиков — 60 чел.²⁴

В Мордовии накануне Первой мировой войны очень медленно шел процесс образования кадров постоянных рабочих на предприятиях. Сезонный характер, низкая техническая оснащенность предприятий позволяли предпринимателям брать на работу людей без профессиональных навыков за низкую заработную плату. В губернских по фабричным и горнозаводским делам присутствиях устанавливали среднюю поденную плату для работников, занятых в промышленности. Например, с 1913 по 1915 г. по Симбирской губернии она составляла: у взрослых мужчин — 65 коп., женщин — 55 коп.; подростков мужского пола — 40 коп., женского — 35 коп.; малолетних мальчиков — 25 коп., девочек — 20 коп.²⁵

В 1913 — 1915 гг. поденная плата чернорабочих на промышленных предприятиях Пензенской губернии по фабричным и горнозаводским делам составляла: у взрослых мужчин — 50 коп., женщин — 30 коп.; подростков мужского пола — 30 коп., женского — 22 коп. и малолетних мальчиков и девочек — по 19 коп. Оплата труда на промышленных предприятиях Пензенской губернии была ниже, чем в Симбирской губернии: у взрослых — на 15 — 25 коп., подростков — 10 — 13 коп. и малолетних — на 1 — 6 коп.²⁶

На предприятиях широко применялся труд женщин и подростков. Так, по данным фабричной инспекции Симбирской губернии, в 1912 г. на лесопильно-паркетном заводе Карла Кона близ Ардатова из 55 занятых на заводе рабочих 5 составляли малолетние, 15 — подростки и 10 — женщины²⁷. Таким образом, на этом заводе 9,0 % рабочих были малолетние, 27,2 % — подростки и 18,2 % — женщины. На Тургеневской мельнице в Ардатовском уезде из 63 занятых на мельнице рабочих было 16 подростков²⁸.

В погоне за прибылью предприниматели пренебрегали техникой безопасности, что приводило к многочисленным увечьям рабочих. Так, на заводе К. Кона причиной многих несчастных случаев было отсутствие на обрезных столиках по выделке паркета ограждений для пил. Так, в заявлении рабочего старшему фабричному инспектору Симбирской губернии от 17 марта 1913 г. сообщалось следующее: «рабочий... Мошин получил увечье и потерял трудоспособность на 75 %, другой рабочий Бойко отрезал палец и никто из них не удовлетворен»²⁹.

Крайне неприглядными были жилищно-бытовые условия рабочих. Они жили в неблагоустроенных домах, нередко в подвалах, казармах и даже землянках. На заводе К. Кона на 300 — 400 рабочих были 2 казармы, за недостатком мест соорудили верхние нары. Среди этих же помещений находилась столовая рабочих³⁰. Существовала постоянная угроза увольнения рабочих: «...плохо при них жилось рабочим... Зарплата была до того низка, что за месяц, бывало, несешь домой гроши. Да и штрафы сильно одолевали. Жили рабочие в казармах, без света и отдыха. А попробуй с администрацией заговорить об улучшении рабочего быта — мигом очутишься за воротами»³¹.

Рабочий день на заводах и фабриках регламентировался законом 1897 г., но на практике он систематически нарушался, особенно на мелких предприятиях, расположенных в сельской местности, и там, где работа осуществлялась в одну смену. Рабочий день на предприятиях Мордовии, в частности, на винокуренных, доходил до 16 ч в сутки. Например, на винозаводе помещика Габбе в Мельцанах Инсарского уезда рабочий день при 4 заторах длился с 6 ч утра до 6 ч вечера, а при 5 заторах — с 5 ч утра и до 8 ч вечера³². На маслобойном заводе и мельнице Овечкина дневные и сдельные рабочие работали с 6 ч утра до 6 ч вечера. При сменной работе рабочие делились на группы, и рабочий день у них был организован следующим образом: 1-я группа начинала рабочий день с 6 ч утра и работала до 12 ч дня; через 6 ч, т. е. в 6 ч вечера, эта группа опять заступала на работу³³.

Заработная плата рабочих была крайне низкой. В среднем они получали от 12 до 18 руб. в месяц. Только единицы квалифицированных рабочих ежемесячно зарабатывали 40 — 60 руб. в месяц. Наиболее низкая заработная плата была у рабочих мелких сельских предприятий, а также предприятий пищевкусовой промышленности. Несколько выше оплачивался труд сталеваров и железнодорожников. Самым дешевым и изнурительным был труд на торфо- и лесоразработках. В Темниковском уезде лесорубы за свою работу получали от 1 руб. 50 коп. в неделю без питания³⁴. В. И. Ленин, описывая условия труда и быта рабочих на лесоразработках, писал, что лесопромышленники «опутывали заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью»³⁵. Заработная плата уменьшалась также вследствие штрафов, которые практиковались на многих предприятиях. Например, на махорочной фабрике Покровского в Саранске рабочих штрафовали, даже за незначительные провинности, на сумму от 10 коп. до 1 руб.³⁶

Последствия империалистической войны для экономического развития мордовского края оказались весьма разрушительными. Модернизационные процессы, начатые реформами П. А. Столыпина, были прерваны. Несмотря на относительную отсталость края по сравнению с промышленно развитыми районами страны, здесь, как и в целом в России, начались структурные изменения, экономика региона перестраивалась для работы в новых условиях.

Существенную роль в налаживании военного производства играл Поволжский регион, занимавший стратегическое положение. Территория Мордовии входила в состав двух военных округов — Казанского и Московского и в состав Нижегородского заводского совещания. В Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны на оборону работали 614 предприятий, или 18,72 % от всех предприятий России, выполнивших военные заказы. С началом военных действий наиболее крупные предприятия Мордовии выполняли заказы военного ведомства. Так, Ширингушская суконная фабрика Суворова выпускала шинельное сукно для армии и подчинялась непосредственно военному интендантству. На заказы Петроградского военно-промышленного комитета работала кузнечно-слесарная мастерская Корнилова в Саранске, специализировавшаяся на подковах для лошадей.

На военные нужды работали все крупные мукомольные предприятия Мордовии: Тургеневская мельница торгово-промышленного товарищества «К. Н. Попов и К°», мельницы Овечкина, Петрова и Якушева в Саранске, Арапова — в Воскресенской Лашме и др. В 1913 г. водяная турбинная мельница Арапова с численностью рабочих 16 чел. давала продукции на 160 тыс. руб., а в 1915 г. в количестве 27 рабочих — на 366 тыс. руб. Армия нуждалась и в таком стратегическом продукте, как махорка. Махорочная фабрика Никитина в 1915 г. изготовила продукции на 108 тыс. руб. больше, чем в 1913 г.³⁷

Не остались в стороне от военных заказов и химические предприятия Мордовии. Несмотря на свою малочисленность, они также работали на оборону. Токмовский химический завод княгини Н. М. Гагариной в Инсарском уезде выполнял заказ Военного министерства и Главного комитета Всероссийского земского союза, связанный с производством эфира.

Вслед за наиболее крупными промышленными предприятиями на работу по заказам военных и других ведомств перешли и мелкие заведения. Бондарное производство Беляевой в с. Соколовка Саранского уезда во время войны поставляло свою продукцию сначала Министерству земледелия, потом Военно-промышленному комитету и Всероссийскому земскому союзу, а впоследствии работало по заказу Пензенского продовольственного комитета.

Начальный период войны благоприятно отразился на промышленном развитии региона, особенно тех предприятий, которые обслуживали военные ведомства. Получая значительные заказы, их владельцы извлекали из своего положения существенную выгоду, расширяя производство. Однако на предприятиях значительных структурных изменений не происходило. Удельный вес заводов по переработке продукции сельского хозяйства оставался наиболее высоким. В дальнейшем благоприятные тенденции в экономике постепенно сменялись отрицательными: российская промышленность оказалась не подготовленной к затяжной войне. Ситуация изменилась уже во второй половине 1915 г., когда в результате многочисленных мобилизаций предприятия лишились большинства квалифицированных рабочих, что явилось одной из причин падения производства. Еще более усугубляли ситуацию расстройство транспортной и финансовой систем, а также топливный кризис.

В годы войны больше половины рабочей силы составляли женщины и дети. Происходило абсолютное сокращение числа рабочих, занятых в промышленности. Этот процесс коснулся не только мелких, но и достаточно крупных предприятий, например, промышленника Овечкина, в начале войны расширивших свое произ-

водство. Число занятых на его мельнице сократилось с 22 чел. в 1913 г. до 12 чел. в 1915 г. Не обошел этот процесс и его маслобойный завод, на котором в 1913 г. работали 45 чел., а в 1916 г. — 30. Пострадал и промышленник Арапов. Если его мукомольные предприятия, выполнявшие заказы военного ведомства, увеличили производство, то Лашманский винокуренно-ректификационный завод вынужден был сократить объем выпуска продукции из-за недостатка сырья и рабочей силы. В 1913 г. здесь работали 170 чел., а в 1916 — 63³⁸.

Особенно тяжело переносили тяготы военного времени мелкие промышленные предприятия, для которых война стала поистине разорительной. В мордовском крае их было абсолютное большинство. Так, например, в Тамбовской губернии в 1915 г. из 800 предприятий лишь на 172 работали более 20 чел.³⁹ Некоторые производства, даже достаточно крупные, в результате вынужденного бездействия переходили в ведение акционерных обществ, например, Кондровская бумажная фабрика.

Во второй половине 1915 г. начался процесс сокращения производства, в результате которого в Среднем Поволжье число предприятий, подчиненных фабрично-заводской инспекции, уменьшилось с 1 080 до 877⁴⁰.

В более сложной ситуации находились кустарные производства. Так, в Ардатовском уезде их число за годы Первой мировой войны уменьшилось с 1 610 до 1 018, а число занятых на них рабочих сократилось с 2 111 до 1 874 чел. Аналогичная картина прослеживалась в Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах. Уже в апреле 1915 г. в газете «Волжские вести» отмечалось: «Во второй половине 1914 года деятельность мукомольных мельниц значительно понизилась. В легкой промышленности во второй половине — полный застой. Прибыль всех предприятий по губернии (Симбирской. — М. Б.) должна быть на 449 000 рублей меньше, чем в 1914 году. К раскладке промыслового налога в Симбирской губернии в 1915 году привлекались 5 790 предприятий вместо 6 358 в 1914 году»⁴¹. Данная ситуация была характерна для мелких производств всего региона. Так, из 16 торговых и промышленных предприятий Лямбирской волости Саранского уезда в 1915 г. закрылись 4 мелочные лавки, в 1916 г. — 2 ветряные мельницы⁴².

Неоднозначные процессы происходили в винокуренной промышленности. Если в целом по России после принятия законов от 22 июля и 29 сентября 1914 г., ограничивавших производство винно-водочной продукции, происходило его сокращение параллельно с уменьшением числа фабрик и заводов, то в Среднем Поволжье на фоне уменьшения производства число винокуренных заводов увеличивалось. В 1913 г. в регионе действовало 255 винокуренных заводов, а в 1915 г. — 289, при этом число рабочих уменьшилось на 1 200 чел. Объем продукции в 1915 г. составил лишь 37,2 % от уровня 1914 г.⁴³

Большая часть сельскохозяйственной продукции шла на нужды армии, а предприятия региона были в основном ориентированы на ее переработку. Однако в военные годы ощущался острый недостаток сырья, что влияло на объем производства многих промышленных заведений. Одной из причин снижения выпуска продукции на маслобойном заводе Овечкина был недостаток сырья. Промышленник закупал его на многих станциях близ Саранска, но не мог доставить на предприятие, так как железные дороги испытывали большое напряжение и практически не занимались перевозкой грузов, не предназначенных для армии. По этим причинам производство неуклонно сокращалось. В 1913 г. это предприятие давало продукции

на 525 тыс. руб. в год, а в 1916 г. — лишь на 10 тыс. руб. Аналогичная ситуация сложилась и на паровой мельнице Овечкина, которая из-за недостатка рабочих рук и сырья сократила производство с 330 тыс. руб. в 1913 г. до 190 тыс. руб. в 1916 г.⁴⁴

Процесс падения производства в 1915 — 1916 гг. наблюдался и на крупных мукомольных предприятиях. Если водяная турбинная мельница Арапова в 1915 г. увеличила производство до 366 тыс. руб., то в 1916 г. в результате острого дефицита сырья производство упало до 190 тыс. руб. Тургеневская мельница сократила размол зерна с 1,5 млн пудов в 1913 г. до 1,4 млн пудов в 1915 г. С марта 1915 г. по июнь 1916 г. из-за недостатка сырья пшеничное отделение не работало, с июня остановилось и ржаное. Однако владельцы мельницы не только не понесли значительные убытки, но даже получили больше прибыли, чем до войны, так как оборот денежных средств в 1915 г. увеличился на 1 млн руб. по сравнению с 1913 г.⁴⁵

Со второй половины 1915 г. процесс сокращения в наибольшей степени коснулся отраслей, производивших товары широкого спроса. В 1916 г. 70 — 80 % текстильной продукции шло на нужды армии, а производство сельскохозяйственных машин и инструментов сократилось на 80 % от довоенного уровня. Вследствие отсутствия товаров первой необходимости страдало население страны. Народное потребление сократилось за первый год войны на 25 %, за второй — на 43, за третий — на 52 %⁴⁶.

Война дезорганизовала работу железнодорожного транспорта, где с лета 1915 г. происходил настоящий хаос. Транспорт обслуживал преимущественно нужды армии и флота, обеспечивая доставку войск и грузов на фронт. Однако транспортная система России, как и другие сферы жизнеобеспечения, не выдержала испытание военным временем и фактически оказалась разрушенной. В 1916 г. парк изношенных паровозов достиг 16 %. Кризисные явления на железных дорогах страны отражались и на населении мордовского края: сокращалось количество рабочих мест на железнодорожной станции Рузаевка, падало благосостояние жителей не только станции, но и окрестных сел⁴⁷.

Таким образом, в Мордовии накануне Первой мировой войны крупной промышленности как отрасли не существовало. Аграрная реформа П. А. Столыпина и отмена выкупных платежей способствовали увеличению базы легкой промышленности, а также расширению внутреннего рынка. Как результат — развитие винокуренного производства с разрастанием спиртоводочных предприятий, выпуск табачной продукции в промышленных масштабах. Значительное место в предвоенные годы в Мордовии занимали лесо- и торфоразработки. Тем не менее, несмотря на увеличение выпуска продукции отдельными перерабатывающими предприятиями, сырьевой кризис и топливный голод привели к тому, что уже в 1916 г. они сократили свое производство.

Библиографические ссылки

¹ См.: Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

² См.: Очерки истории Мордовский АССР : в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1. С. 470.

³ Там же.

⁴ См.: Жидков Н. От винокурни до завода // Заветы Ильича. 1968. 10 дек.

⁵ См.: Природа и хозяйство Пензенского края. Пенза, 1922. Вып. 1. С. 56.

⁶ Там же. С. 57.

- ⁷ ГАУО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.
- ⁸ ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 1594. Л. 3.
- ⁹ Там же. Д. 1589. Л. 6 ; Д. 1617. Л. 21.
- ¹⁰ См.: Вестн. Пензы. 1914. 19 июля.
- ¹¹ См.: Природа и хозяйство Пензенского края. С. 57.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 62 — 63.
- ¹⁴ Там же. С. 57.
- ¹⁵ Там же. С. 69.
- ¹⁶ См.: Обзор Пензенской губернии за 1914 г. : Приложение к верноподданнейшему отчету пенз. губернатора. Пенза, 1915.
- ¹⁷ См.: **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С. 32.
- ¹⁸ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 436.
- ¹⁹ См.: **Дорожкин М. В.** Указ. соч. С. 37.
- ²⁰ См.: Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 год (год пятый). Симбирск, 1916. С. 175.
- ²¹ Там же. С. 155.
- ²² ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 94. Л. 22.
- ²³ См.: **Воронин И. Д.** Историко-географический очерк. Саранск, 1961. С. 55.
- ²⁴ Там же. С. 55.
- ²⁵ ГАУО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 40. Л. 1.
- ²⁶ См.: Пенз. губерн. ведомости. 1913. 9 янв.
- ²⁷ ГАУО. Ф. 197. Оп. 14. Д. 259. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Ф. 195. Оп. 30. Д. 59. Л. 1.
- ³¹ Работай и учись. Пенза. 1928. № 5. С. 19.
- ³² ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 122. Л. 19.
- ³³ Там же. Д. 62. Л. 33.
- ³⁴ См.: **Дорожкин М. В.** Указ. соч. С. 34.
- ³⁵ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1968. Т. 12. С. 530.
- ³⁶ ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 122. Л. 96.
- ³⁷ См.: История Мордовии : От эпохи великих реформ до великой рос. революции. Саранск, 2005. С. 332.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См.: **Дорожкин М. В.** Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ История Мордовии. С. 333.
- ⁴² См.: **Дорожкин М. В.** Указ. соч. С. 53.
- ⁴³ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 470.
- ⁴⁴ История Мордовии. С. 334.
- ⁴⁵ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 471.
- ⁴⁶ Там же. С. 472.
- ⁴⁷ История Мордовии. С. 335.

Поступила 15.01.2018 г.

УДК 947.084.2 (470.41-25) «1918»

С. В. Стариков
S. V. Starikov

**ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ О ПОЛНОВЛАСТИИ СОВЕТОВ
В ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 — 1918 гг.
(На материалах Поволжья)**

**THE VIEWS OF THE LEFT SOCIALISTS
ON THE ABSOLUTE POWER OF THE SOVIETS
IN THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 — 1918
(On the materials of the Volga Region)**

Ключевые слова: революция, левые социалисты, власть Советов, левые эсеры, эсеры-максималисты, большевики.

В статье на материалах Поволжья рассматривается доктрина левых социалистов о полновластии Советов в период Великой российской революции 1917 — 1918 г.; раскрываются особенности взглядов левых эсеров и эсеров-максималистов на сущность, организацию и механизм функционирования власти Советов в центре и на местах как главное условие успеха революционных преобразований.

Key words: revolution, the Left Socialists, the power of the Soviets, the Left Socialist-Revolutionaries, the SRs-Maximalists, the Bolsheviks.

The doctrine of the Left Socialists on the absolute power of the Soviets during the Great Russian Revolution of 1917 — 1918 is considered in the article on the materials of the Volga Region. The peculiarities of the views of the Left SRs and SRs-Maximalists on the essence, organization and mechanism of the functioning of the power of the Soviets in the center and in the regions as the main condition for the success of revolutionary changes are revealed as well.

Лозунг «Вся власть Советам!» левые социалисты уже весной-летом 1917 г. сделали своим знаменем. Как понимали они советскую власть, какими хотели видеть Советы? Эти вопросы имели принципиальное значение, ибо в своей практической политике они стремились построить ту модель советского общества, которая ими была теоретически обоснована. Большевики, как известно, сделали этот лозунг одним из главных своих политических требований. Больше того, лозунг «Вся власть Советам!» ассоциировался всегда именно с большевиками, а левые социалисты якобы поддержали в этом главном вопросе большевиков. Подобную трактовку нельзя признать объективной. Несмотря на единство политических требований, обе партии различались в понимании сущности и особенно механизма функционирования советской власти. Несомненно, что советская организация общества представлялась тем и другим высшим типом демократии. Однако, когда лозунг «Вся власть Советам!» перестал быть только политическим лозунгом дня, стал реальностью и перешел в область практики, различия стали еще более рельефными.

Позиция большевиков по отношению к Советам в 1917 — 1918 гг. была в значительной мере подвержена политической конъюнктуре — борьбе партии за власть.

Как известно, В. И. Ленин после июльского кризиса власти 1917 г. призвал партию снять лозунг «Вся власть Советам!» и сделать ставку в предстоявшей борьбе за власть на вооруженные отряды рабочей Красной гвардии и фабзавкомы. В партии развернулась дискуссия по отношению к Советам. Умеренные большевики предлагали не порывать отношения с Советами, усилить в них свое влияние, добиваться их дальнейшей большевизации. В начале осени 1917 г. Ленин вновь возвратился к Советам с призывом обеспечить переход всей власти к ним путем подготовки и проведения вооруженного восстания против правительства А. Ф. Керенского. После октябрьского переворота Ленин призвал рабочих и крестьян стать властью, объединенной Советами. Однако, оказавшись одной из фракций в Советах и их исполкомах, большевики упорно отстаивали свой принцип пролетарской диктатуры, т. е. особого положения своей партии в Советах всех уровней, стремясь к лидерству любыми путями. В этих условиях левые социалисты имели свое видение, предлагали свою альтернативу о полновластии Советов.

В отечественной историографии левосоциалистическая альтернатива не являлась предметом исследования. В советский период советская власть полностью ассоциировалась с ленинскими высказываниями и большевистскими подходами к этому вопросу. Ни о какой доктрине левых партий не было и речи. Историки писали лишь о политической борьбе в Советах. При этом отмечалось, что соглашение большевиков с левыми эсерами и максималистами сыграло в целом положительную роль, а блок советских партий на Волге стал более прочным и длительным¹.

В постсоветский период появились новые исследования о социалистических партиях в 1917 — 1918 гг., для которых было характерно стремление к более объективному оцениванию революционного процесса². Однако и в этот период специальных исследований не появилось. В связи со 100-летием Великой российской революции вышли представлявшие интерес публикации о левой альтернативе большевизму³. Нами была сделана попытка на материалах левых партий и организаций Поволжья рассмотреть некоторые принципиальные теоретические позиции левых социалистов по вопросу о Советах и советской власти в ходе революции 1917 — 1918 гг.

Левые эсеры в Поволжье пришли к заключению о необходимости полновластия Советов уже весной 1917 г., что явилось своеобразной ответной реакцией на действия правого крыла партии социалистов-революционеров (ПСР). Дело в том, что эсеры после Февральского переворота ориентировали крестьян на организацию крестьянских союзов. Уже в марте-апреле 1917 г. поволжские губернии покрылись сетью таких союзов. Эсеры и энесы руководили крестьянскими союзами, призванными организовать деревню и благополучно, без крутых перемен довести ее до Учредительного собрания. Правда, как отметил историк Д. С. Точеный, среди эсеров были разногласия по этому вопросу, а левые эсеры в Казанской губернии призывали бойкотировать крестьянские союзы и создавать Советы крестьянских депутатов⁴. Действительно, левые течения в ПСР сочли союзы недемократическими организациями по двум причинам: во-первых, такая форма организации крестьянства была навязана деревне правительством и по своей сути не могла объединить все трудовое крестьянство, а лишь его часть; во-вторых, и это главное, земельная программа союзов не отвечала интересам крестьянства. Через газету «Социалист-революционер» казанские левые эсеры подробно разъясняли крестья-

нам как нужно создавать Советы в уездах и волостях, как проводить собрания (сходы), выбирать исполнительные комитеты. При этом они опирались и апеллировали к общинным традициям деревенской жизни: «Совет крестьянских депутатов единолично управляет при посредстве исполнительного комитета делами всей волости и его постановления обязательны для всех проживающих в ней»⁵. В конце апреля-мае 1917 г. под влиянием левых сил на местах и общеполитической ситуации в стране организация Советов крестьянских депутатов (губернских, уездных) началась быстрыми темпами. Умеренные социалисты не могли игнорировать их популярность и переключились на создание советских организаций. При этом левые эсеры уже развернули кампанию по сосредоточению в руках Советов всех властных полномочий.

Они рассматривали Советы как наиболее эффективный инструмент разрешения социальных задач русской революции, механизм, приводящий ремни которого уходили в массы трудового народа. Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских депутатов составляли единое целое и вершили социальную революцию. После Октябрьской революции, когда произошло слияние Советов, левые эсеры болезненно реагировали на ущемление прав крестьянства в советских органах, предлагали изменить избирательную систему с тем, чтобы крестьяне получили равные избирательные права с рабочими и могли вывить свою волю через Советы. Без этого, по мнению левых эсеров, социальная революция развиваться не могла. «Трудовое крестьянство, — отмечали пензенские левые эсеры, — должно расцениваться как решающая политическая и социальная сила, призванная к строительству Советской республики. Только тогда пролетариат сможет удержать свои завоевания, когда он обопрется на трудовое крестьянство»⁶. Большевики в Советах, напротив, не склонны были поступаться гегемонией пролетариата и предложения левых эсеров рассматривали как «мелкобуржуазные колебания». В этом заключался один из источников противоречий между двумя советскими партиями. В вопросе функционирования советской власти левые эсеры более склонялись к парламентаризму, настаивая на соблюдении принципа разделения властей. Большевики исходили из того, что законодательная и исполнительная власти должны представлять собой нечто единое. Советское правительство, полагали левые эсеры, назначается ВЦИК и ответственно перед ним. Все декреты правительства подлежали предварительному обсуждению во ВЦИК, который мог приостановить действие любого ранее принятого закона. Съезд Советов являлся органом высшего руководства, а исполнительные комитеты — это органы, объединявшие в себе законодательную (общие собрания исполкома) и исполнительную власть (отделы исполкома, комиссариаты, коллегии). Эта система переносилась левыми эсерами на губернский и уездный уровни. Характерно, что левые эсеры отстаивали полноту местной исполнительной власти для местных Советов, заключавшуюся в сосредоточении местными Советами в своих руках всех исполнительных функций и в праве назначения на все должности своих представителей. В этом большевики, сторонники централизма, увидели проявление сепаратизма. Так рождался еще один источник межпартийных противоречий. Кроме этого, левые эсеры настаивали на подотчетности комиссаров и комиссариатов исполнительным комитетам, с санкции и постановления которых они могли действовать. Превышение полномочий не допускалось. В этом, по мнению пензенских левых эсеров, состоял «единственный

выход для социальной революции, которую партия большевиков готова бросить в объятия личной диктатуры»⁷. Что касается взаимоотношений партий и Советов, то левые эсеры считали себя полномочными выразителями крестьянских интересов в Советах. Они принимали партийную борьбу в советских органах, через свои фракции в них стремились повлиять на исход голосования и принятие решений в интересах трудового крестьянства. Правда, у крестьян иногда возникали сомнения на этот счет. Один из таких инцидентов произошел на заседании крестьянской секции Казанского Совета 11 мая 1917 г.

В адрес А. Л. Колегаева со стороны ряда делегатов прозвучала критика о том, что резолюции принимались большинством голосов «под давлением тов. председателя Колегаева». Крестьянский съезд, по их мнению, являлся всепартийной организацией, поэтому его вождями должны были быть лица, не связанные «оковами партийности». При этом Колегаев был социалистом-революционером и в председатели не годился, так как «будет тянуть съезд по пути убеждений партии с.-р.»⁸ В ответ Колегаев сказал, что «если партийный человек выбран в председатели собрания, это не значит вести по пути партийности... Пусть председателем собрания будет с.-р., с.-д. — это безразлично. Председатель не тянет собрание куда-то за веревочку»⁹. В итоге сошлись на том, что партийность не должна быть пугалом, ибо социалисты стремились к справедливости. Партии, как считали левые эсеры, не должны навязывать Советам свои решения. Их задача состояла в том, чтобы направить трудовой народ в Советах на единственно верный, «подсказываемый жизнью путь». Грань между «навязыванием и направлением» уловить было очень трудно. Она исчезала почти всегда, когда вопрос переходил в практическую плоскость, когда логика партийной борьбы брала верх над всеми остальными соображениями.

Сторонниками полной департизации Советов являлись эсеры-максималисты. Они категорически отрицали возможность какой бы то ни было партии управлять народом или выступать от ее имени. Партийность в Советах они отвергали и считали необходимым уже в период разрушения старого строя провести полную департизацию. В Советах, по их мнению, должны сталкиваться не партийные амбиции, а только различные мнения одной воли — воли трудового народа, которую максималисты возводили в ранг диктатуры трудового народа. Должна быть диктатура трудового народа, но не должно быть диктатуры над народом. И в этом вопросе максималисты расходились как с большевиками, так и с левыми эсерами. При этом они никогда не отождествляли свой союз с партией. «Задачи, которые ставят русской революции большевики и торжеству которых они способствуют всеми силами, в общем нами разделяются, — писала газета «Максималист». — Но большевики теперь правительственная партия, партия власти, а каждая партийная власть, хотя бы это была власть партии истинно революционно-социалистической, обрекает страну на длительную борьбу. Мы, максималисты, связываем творческую работу по созданию и укреплению трудового строя с упрочением истинно Советской власти, власти, опирающейся на самый широкий государственный фундамент, на суверенную волю всего трудового народа. Мы будем разоблачать всякую попытку замаскировать, подменить эту волю интересами какой-либо партии»¹⁰. Именно поэтому максималисты не принимали участия в центральной власти. Ф. Я. Светлов, один из лидеров максимализма, на III Всероссийской конференции максималистов в Москве в апреле

1918 г. подчеркивал следующее: «Мы стояли особняком. Мы не могли принять участие в центральной власти, ибо ясно осознавали, что в такой момент власть должна быть надпартийной. Она должна защищать только интересы труда и социального развития. Кроме нас этих положений еще никто не признавал и власть, хотя прикрывалась маркой Советской власти, в действительности была партийной. Все, что принимали центральные комитеты партий, имеющих большинство в Советах, неизбежно принималось. Партийная дисциплина убивала дух самостоятельности и часто постановления принимались фиктивным большинством... Политика большевизма губительна, но открытая война против этой политики при создавшейся обстановке немыслима. Большевизм тесно связан с Советами, и борьба с ним превратится в борьбу с Советами»¹¹.

По части критики «разлагавшего» влияния партий на Советы у максималистов не было конкурентов. Здесь они не имели себе равных. «Идея советской власти проста, — говорил один из руководителей самарских эсеров-максималистов А. Я. Дорогойченко, — но она убивается рукой господ сегодняшнего положения»¹². Советы, как писал лидер Союза социалистов-революционеров максималистов А. А. Зверин, стали придатками партийных комитетов. Они подчинялись директивам кого угодно, но только не трудящихся. Никто не отчитывался ни перед ними, ни даже перед «послушными Советами». Советские чиновники грубы, такие Советы авторитетом народа пользоваться не могут: «Из учреждений, возбуждающих революционную энергию трудящихся масс, они превратились в какие-то казенные учреждения для выслушивания фракционной болтовни и поднимания рук»¹³.

Другой лидер максимализма М. В. Селиванов в резких выражениях писал о том, что советская власть проституирована, сведена к пустой формальности: «Съезд разъезжается, а на его месте остается центральный комитет партии большевиков, но отнюдь не представители с мест, ибо выборы в это мертворожденное большевистское учреждение (ВЦИК. — С.С.) производятся не по областям, а по фракциям, где в громадном большинстве избираются люди, которые представляют собой лишь самих себя, а не какой рабоче-крестьянский Совет и которым до Советской власти в полном смысле этого слова такое же дело, как соборному дьячку до китайской грамоты»¹⁴. Селиванов бичевал местных большевиков, отбивавших своими действиями все желание к работе у рабочих и крестьян в Советах. Вот и получалось, заключал он, что Советы разрушают. Извне это делали кадеты, меньшевики, правые эсеры, а изнутри — большевики. «Такова уже судьба всякой партии: добившись власти, она уже начинает защищать не революцию и народ, давших ей власть, а себя», — писала самарская «Трудовая республика»¹⁵. Советы, по мнению максималистов, еще не сыграли свою роль. Они должны окунуться в свой «первоисточник» — в жизнь масс, творить вместе с ними. Надо побороть «безумие фракционности», фракции разделяют трудовой народ. Рабочие, как писал А. А. Зверин, на своих собраниях должны выработать наказ своим депутатам в Совете, где надо настоять на уничтожении в советской работе всякой фракционности¹⁶.

Максималисты считали заблуждением партий их стремление во что бы то ни стало вести трудовой народ за собой, «пичкать» его своими идеями, мешая ему обрести подлинное народовластие. «Народ сам нащупывает быстро правильный путь», — отмечал А. А. Зверин¹⁷. Массы сами выдвинули свои организации, а

«вожди, запутавшись сами в своих ученых построениях и в своем властолюбии, путаются под ногами масс»¹⁸. «Мы, максималисты, — продолжал он, — учитывая это основное свойство народной революции, не претендуем на руководство борьбой и созидательной социалистической работой. Это дело восставшего трудового народа и его активно действующего меньшинства, которое группируется в Советах и комитетах»¹⁹.

Роль партии, по мнению самарского максималиста К. К. Гецольда, должна сводиться к вспомогательной роли для организации трудовых масс, для социального строительства: «Партия должна оставить власть трудовому народу, а силу свою направить на созидание и организацию единого трудового класса и фронта»²⁰. Свою задачу максималисты видели в том, чтобы активно содействовать трудовому народу в его беспартийном объединении вокруг «классового представительства», т. е. вокруг Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов²¹. Под содействием имелось в виду вносить сознательность и организованность в широкие слои трудового народа. До тех пор, пока в Советах не было уничтожено партийное представительство и партии не осознали подлинного своего предназначения, максималисты считали необходимым иметь в Советах свое представительство.

Советы, по мнению максималистов, представляли собой «наиболее чистое воплощение воли труда», «наиболее чистое отражение воли труда»²². Идея власти Советов, по мнению А. Я. Дорогойченко, очень глубока. «Власть Советов, — писал он, — если она создана естественно, обнимает и примиряет две как будто бы непримиримые и несовместимые стороны: социализм как учение государственное, централистское и учение абсолютно антигосударственное — анархизм, в его разумной и жизненной части»²³. Советская власть предполагала централизацию в плане координации — с одной стороны, и давала широкий простор революционному творчеству, «самоинициативе» на местах — с другой. Большевики, как писали максималисты, «убивают» советскую власть своей сверхцентрализацией, а анархисты дают волю безудержной анархии. Ни то, ни другое не есть «истинная советская власть». Советы есть «форма общежития» трудового народа. Максималисты, как и левые эсеры, вкладывали в понятие власти Советов «общинный смысл». Основной задачей Советов они считали объединение всех трудящихся в единое целое и защиту их интересов: «Советы — вот те организации, из которых должно исходить творчество новой жизни, которые должны взять на себя почин осуществления прав трудящихся»²⁴. Имелась в виду реализация прав трудового народа на разрушительном и созидательном этапах русской революции.

Организовать советскую власть максималисты предлагали следующим образом. Поскольку власть Советов крепка доверием масс, то трудовой народ должен послать в Советы всех уровней своих представителей. Единственным верховым органом в Советской России должен быть Всероссийский съезд Советов — представительство всех Советов (Совет Советов). ВЦИК не может стать «необходимой народу властью», ибо в него попадают люди, с Советами никак не связанные, «партийные товарищи», подчиненные своему ЦК. Съезд Советов — это съезд уполномоченных всей трудовой России. При этом уполномоченные есть доверенные лица от самого народа, к которым можно обратиться, проконтролировать их действия или отозвать. Съезд объявляет себя высшей государственной властью и не разъезжается, периодически обновляется. Исполнительный орган, создаваемый съездом, должен быть

тесно связан с местными Советами и работоспособен. Достичь этого, как считали максималисты, можно следующим способом. Съезд разбивается на областные секции, например, поволжскую, сибирскую и другие, которые через связных будут в постоянном общении со своими Советами, ведая всеми хозяйственными и общественными делами своего региона. Секции выбирают из своей среды председателей. Кроме того, съезд разбивается на «деловые отделы»: земельно-сельскохозяйственный, промышленный, военный, по народному образованию. Председатели этих отделов совместно с председателями областных секций образуют центральный исполнительный орган, ответственный перед съездом Советов. Такой ЦИК, по мнению максималистов, будет «жизненным, близким к местным Советам, нуждам трудовых масс»²⁵. Отделы, в свою очередь, разбиваются на подотделы и комиссии. Их председатели образуют вместе исполкомы данного отдела. Вся работа сосредотачивается в комиссиях. Общие собрания съезда собираются не менее одного раза в месяц для заслушивания докладов председателей секций и комиссий, а также представителей от областей о положении дел и для решения государственных вопросов. Лишь в экстренных случаях право решения вопросов может быть дано исполнительному органу съезда — собранию председателей областных секций и отраслевых отделов (малый Совет). Для того чтобы теснее связать работу секций и комиссий с провинцией, максималисты предлагали создать «систему делегаций с мест» — от Советов, армии и деревенских сходов. Такие делегации могли участвовать в заседаниях отделов и областных секций, пользуясь совещательным голосом. «Центральная власть Советов, — подчеркивал А. А. Зверин, — может существовать лишь при условии полного доверия и действенной поддержки всех местных Советов: иначе это уже будет не власть Советов, а власть над Советами»²⁶. Трения между центральными и местными органами при четко налаженной организации максималисты исключали. Все строилось на доверии и совпадении стремлений и желаний. Советская власть на местах организовывалась аналогично. Губернские Советы и их исполкомы полномочны были решать все местные вопросы в опоре на профсоюзы и другие рабочие организации.

Для того чтобы советская организация общества заработала в полную силу, как писали максималистские теоретики, следовало запустить механизм ее функционирования. «Приводным ремнем» его являлся член Совета, от работоспособности которого зависела слаженная работа всей системы: «Надо выбрать не болтуна-краснобая, а именно дельного и честного, энергичного и стойкого, который бы не поддался на слова первопопавшегося краснобая-оратора»²⁷. При этом, чтобы Совет «не заснул», он должен находиться в постоянной зависимости от голодающих и страдающих, от дороговизны и спекуляции. Депутат должен исполнять, и это подчеркивалось, только волю пославших его и больше ничью. Во всех случаях ему следовало советовать не с лидерами партий, а с избирателями. Не менее двух раз в неделю он должен был отчитываться перед избирателями, перед общим собранием своего предприятия. Рабочие, посылая депутата в Совет, должны были вырабатывать наказ своему представителю и каждый день спрашивать своего избранника, что сделано Советом для решения вопросов. Для того, чтобы трудящиеся могли контролировать свой Совет и лучше воздействовать на него, максималисты предлагали сделать открытыми пленарные заседания Совета для рабочих-избирателей, так как Совету нечего бояться

гласности. «Пусть массы вольют в Советы свое нетерпение, свою решительность, свою требовательность, — писала «Трудовая республика», — а Советы пусть научат массы разбирать вопросы с точки зрения интересов всего трудового населения»²⁸. Каждому избирателю давалось право публично излагать свою жалобу на членов Совета, на советских чиновников. Трудовой народ должен был «слиться» со своим Советом, иначе, предупреждали максималисты, Советы отомрут, «как шелуха от высохшего плода».

Анализируя деятельность Советов в период революции, максималисты указывали, что Советы в какой-то мере отвечали своим требованиям в начальный ее период, но после октябрьского переворота стали быстро превращаться в придаток партий, стоявших у власти, прежде всего РКП(б). Весной 1918 г. этот вопрос не сходил со страниц максималистских изданий. Максималисты полагали, что еще не все потеряно, еще можно вдохнуть в Советы свежую струю, сделать их полномочными выразителями интересов трудящихся, наполнить лозунг «Вся власть Советам!» реальным содержанием. Для этого, по их мнению, трудящиеся должны были переизбрать Советы, а «здоровые силы большевизма» отказаться от порочной практики навязывания советской власти своих узкопартийных решений, перестать «комиссарить» в Советах. 1 мая 1918 г. самарская «Трудовая республика» вышла под лозунгами: «Власть комиссаров не есть власть Советов!», «Вся власть Советам — на местах, съезду Советов — в центре!»²⁹. В качестве первого шага максималисты предлагали немедленно созвать Всероссийский съезд Советов, который не разъедется, а будет работать на постоянной основе: «Мы звали и зовем все партии, а большевиков, как признавших Советскую власть более чем кого бы ни было, объединиться в дружной работе в Советах и при Советах, — призывала «Трудовая республика»³⁰. Такова была доктрина максималистов о полномочии Советов. Реализовать основные ее положения им не удалось, хотя на губернском уровне такая попытка была предпринята в Самаре весной 1918 г.³¹

Однако дальнейшее развитие системы советской власти пошло по пути, указанном правящей партией большевиков. В условиях чрезвычайной политики весны-лета 1918 г. произошло резкое усиление власти большевистских комиссаров. Даже левые эсеры апеллировали к чрезвычайным мерам. Очевидной и для левых социалистов стала истина о том, что ограничение советской демократии в условиях начавшегося периода Гражданской войны — необходимое явление. Постепенно принципы, положенные в основу функционирования власти Советов партией большевиков, превратились в систему, и в Советской республике утвердилась однопартийная диктатура и однопартийная система советской власти.

Библиографические ссылки

¹ См.: Герасименко Г. А., Точеный Д. С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977; Семьянинов В. П. Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры. Саратов, 1980.

² См.: Литвин А. Л., Овруцкий Л. М. Левые эсеры: программа и тактика. Казань, 1992; Суслов Ю. П. Социалистические партии и крестьянство Поволжья (октябрь 1917 — 1920). Саратов, 1994; Юрчёнков В. А. Левые эсеры и советское строительство: региональный аспект // Общество и власть. XX век. Саранск, 2006. С. 85 — 92.

³ См.: Альтернативы Октября : круглый стол «Петербург. ист. журн.» // Петербург. ист. журн. : исслед. по рос. и всеобщей истории. 2017. № 4. С. 120 — 175; Стариков С. В. Лево-

социалистическая альтернатива в Великой российской революции 1917 — 1918 гг. // Там же. С. 161 — 170.

⁴ См.: **Точеный Д. С.** Межпартийная борьба в Поволжье вокруг крестьянских союзов (март-октябрь 1917 года) // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период капитализма. Казань, 1987. С. 95.

⁵ Социалист-революционер. [Казань]. 1917. 14 мая.

⁶ Знамя революции. [Пенза]. 1918. 11 мая.

⁷ Там же.

⁸ НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Максималист. [Пг.]. 1918. 26 янв.

¹¹ Максималист. [М.]. 1918. 21 апр.

¹² Трудовая респ. [Самара]. 1918. 25 апр.

¹³ **Зверин А.** Как организовать Советскую власть на местах. Самара, 1918. С. 3.

¹⁴ Трудовая респ. 6 апр.

¹⁵ Там же. 16 апр.

¹⁶ Там же. 10 апр.

¹⁷ Там же. 9 апр.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. 21 апр.

²¹ Там же. 17 апр.

²² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 24. Л. 104.

²³ Трудовая респ. 25 апр.

²⁴ К рабочим, крестьянам и солдатам. Самара, 1917. С. 12.

²⁵ **Зверин А.** Указ. соч. С. 17 — 19.

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ Трудовая респ. 23 апр.

²⁹ Там же. 1 мая.

³⁰ Там же. 17 апр.

³¹ См.: **Стариков С. В.** «Власть Советам, а не партиям!» : Совет. революция в Самаре в 1917 — 1918 гг. Йошкар-Ола, 1999.

Поступила 05.03.2018 г.

УДК 94(470.345).084.9«1953/1964»

Н. М. Бибина
N. M. Bibina

СОСТАВ ДЕПУТАТОВ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ МОРДОВИИ В 1953 — 1964 гг.

THE COMPOSITION OF THE LOCAL SOVIETS DEPUTY CORPS OF MORDOVIA IN 1953 — 1964

Ключевые слова: Мордовская АССР, Советы, депутатский корпус, национальный состав, возрастная группа, образовательный уровень, социальная характеристика.

В статье рассматривается состав депутатских корпусов местных Советов в 1953 — 1964 гг.; прослеживается динамика количественного и качественного состава, включая такие демографические показатели, как пол, возраст, национальность, уровень образования и сфера профессиональной деятельности.

Key words: the Mordovian ASSR, the Soviets, deputy corps, national structure, age group, educational level, social characteristics.

The structure of the deputy corps of local Soviets in 1953 — 1964 is considered in the article. The dynamics of quantitative and qualitative composition, including such demographic indicators as sex, age, nationality, level of education and the sphere of professional activity, is observed.

Местные Советы Республики Мордовия представляли, прежде всего, депутаты, избравшиеся гражданами республики и призванные выражать их волю в форме закона. Основной характеристикой местных органов власти являлась представительность, проявлявшаяся, в первую очередь, в количественном составе депутатского корпуса. От численности народных избранников зависела их работоспособность. Кроме того, количественная характеристика позволяет судить о степени участия граждан в непосредственном управлении государством. Численный состав местных Советов определялся исходя из количества населения села, поселка, района и города.

Важным моментом в формировании органов государственной власти Советского государства являлось обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин. Провозглашенные в первой Конституции Советской России 1918 г. гражданские и политические права женщин гарантировались и последующими основными законами СССР. Так, согласно Конституции Советского Союза 1936 г., женщинам предоставлялись равные права с мужчинами во всех сферах хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни¹.

В годы советской власти женщина начала занимать прочное положение в обществе, пользоваться всесторонней поддержкой государства². В 1950-е гг. роль женщины в социально-экономической и общественно-политической жизни страны возросла многократно. Она стала основным работником в производстве, в сфере обслуживания, в административном управлении³. Однако понять реальное положение женщины в советском обществе можно, лишь определив степень ее доступа к рычагам реальной власти. В советской практике выборов в депутаты Советов всех

уровней действовало негласное правило обязательного выдвижения определенного числа женщин — кандидатов в депутаты. Исходя из того, что с 1953 по 1964 г. в местные Советы Мордовской АССР было избрано 64 699 депутатов, из которых 24 551 депутат представляли женщины, средний показатель количества женщин в депутатском корпусе местных Советов составил 38 %⁴ (табл. 1). Такой показатель соответствовал общесоюзной тенденции представительства женщин в местных органах государственной власти автономных республик с поправкой на то, что в каждом созыве их численность изменялась.

Таблица 1

Гендерный состав депутатов Советов Мордовской АССР (1953 — 1964 гг.)

Совет	Женщины-депутаты		Мужчины-депутаты		Всего депутатов
	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	
Сельский	20 094	37,5	33 481	62,5	53 575
Поселковый	656	37,8	1 079	62,2	1 735
Районный	2 654	40,4	3 912	59,6	6 566
Городской районного подчинения	409	42,4	556	57,6	965
республиканского подчинения	738	39,8	1 120	60,2	1 858
Итого	24 551	38,0	40 148	42,0	64 699

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 9 ; Д. 29. Л. 14 ; Д. 132. Л. 73 ; Д. 278. Л. 6, 48 — 52 ; Д. 378. Л. 7 ; Д. 480. Л. 8, 51.

За весь период работы исследуемых органов власти доля женского представительства составляла от 33 до 46 %. Однако исследование депутатского корпуса местных Советов в период с 1953 по 1964 г. не позволяет говорить о значительных изменениях этого показателя. Так, численность женщин в составе местных Советов республики имела тенденцию к постепенному росту, хотя и с элементами колебания в пределах 35 — 40 %⁵.

Важным этапом в исследовании депутатского корпуса местных представительных органов власти республики является изучение национального состава, отражавшего специфику Мордовской АССР. Автономная республика представляла одну из форм национальной государственности, в которой был воплощен суверенитет нации, определявший ее название. В исследуемый период население республики представляло собой конгломерат различных национальностей. Кроме титульной нации здесь проживали представители таких этнических групп, как армянская, белорусская, грузинская, еврейская, мордовская, русская, татарская, украинская, чувашская и др. Это нашло отражение и в составе местных органов государственной власти республики, депутатами которого были люди разной этнической принадлежности, что подтверждало представительную природу этих органов. Так, за рассматриваемые годы в деятельности всех созывов местных Советов республики в его составе было представлено 10 национальностей⁶.

Однако Мордовская АССР являлась одной из автономных республик с абсолютным преобладанием русской и коренной нации. Третью составляющую населения республики представляла татарская национальность. Так, в ходе всесоюзной переписи 1959 г. было выявлено, что в республике проживало 590 557 русских, 357 978 мордвы и 38 636 татар⁷. Вследствие этого с 4-го (1953 г.) по 9-й (1965 г.) созывы в составе местных Советов Мордовии устойчиво доминировали 2 национальные группы — русские и мордва, составлявшие в среднем соответственно 59 и 36 %⁸. Кроме того, это соответствовало основному принципу советской автономии, согласно которому высшие органы власти республики формировались преимущественно из лиц коренной национальности, образующей автономию. Значительный процент русского населения в Мордовской АССР объяснялся ее статусом как составной части РСФСР.

Анализ динамики национального представительства в составе депутатских корпусов местных Советов Мордовии показал наличие устойчивого роста числа народных избранников коренной нации наряду с небольшим сокращением числа депутатов-русских вплоть до 10-го созыва (1963 г.). В двух созывах, в 5-м и 7-м (1955 и 1959 гг.), представительство депутатов-русских сократилось за счет увеличения численности народных избранников других этнических групп, оставаясь при этом доминирующим, и составляло 58 %⁹ (табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав местных Советов Мордовской АССР (1953 — 1964 гг.)

Совет	Мордва		Русские		Татары		Другие национальности		Всего
	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	
Сельский	20 158	37,6	31 118	58,1	2 079	3,9	220	0,4	53 575
Поселковый	270	16,0	1 363	81,0	4	0,2	47	2,8	1 684
Районный	2 317	35,3	3 931	59,9	211	3,2	107	1,6	6 566
Городской районного подчинения	87	9,0	852	88,3	3	0,3	23	2,4	965
республиканского подчинения	394	21,2	1 359	73,1	7	0,4	98	5,3	1 858
Итого	23 226	35,9	38 623	59,7	2 304	3,6	495	0,8	64 648

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 29. Л. 59 ; Д. 278. Л. 87 ; Д. 480. Л. 49.

Таким образом, за 6 созывов в состав Советов республики было избрано 64 648 депутатов, из них русских — 38 623 чел., или 59,7 %, мордвы — 23 226 чел., или 35,9 %, татар — 2 304 чел., или 3,6 % и представителей других национальностей — 495 чел., или 0,8 % (см. табл. 2). Доля депутатов коренной национальности в составе Советов республики составляла 36 — 38 %, причем наибольший показатель отмечался в 1953 г. (39 %) и наименьший — в 1959 г. (36 %). В итоге доля мордвы в депутатском корпусе Советов республики составляла 36 %¹⁰.

Национальный состав депутатского корпуса Советов существенно различался в зависимости от районов. Например, в Атяшевском, Дубенском, Zubово-Полянском, Козловском, Кочкуровском и Ширингушском районах с наиболее компактным проживанием мордвы число депутатов коренной национальности составляло 60 — 65 %, в Большеберезниковском, Ардатовском, Торбеевском и Атюрьевском районах — 55 — 60 %. При этом в Саранском, Ромодановском, Лямбирском и Ладском районах, на территории которых практически отсутствовали мордовские села и деревни, соответственно было мало лиц мордовской национальности, доля депутатов составляла 3 — 5 %¹¹.

Изучение периодичности вхождения представителей не титульной нации в состав местных выборных органов государственной власти Мордовии показало, что наряду с депутатами русской национальности в каждый созыв рассматриваемых органов избирались депутаты татарской национальности (2 — 3 %) ¹². Как правило, доля их участия доминировала в депутатском корпусе Советов Лямбирского района — 60 % ¹³, являвшегося территорией компактного проживания татарского населения республики. Одновременно функционировали Советы, в составе которых не было ни одного депутата татарской национальности (Ардатовский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Zubово-Полянский, Ковылкинский, Козловский, Кочелаевский, Ладский, Ичалковский, Саранский, Старошайговский и Теньгушевский районы), что обуславливалось отсутствием в этих районах населенных пунктов с татарским населением.

Среди депутатов других национальностей лидировали украинцы, стабильно имевшие в каждом из 6 созывов по 30 — 32 депутата (представляли Zubово-Полянский район и являлись военнослужащими «Дубравлага»); второе место занимали белорусы — 6 — 8 депутатов (от Саранского горсовета); третье — евреи и чувашаи, имевшие соответственно по 5 и 3 депутата ¹⁴. По одному депутату в составе Советов республики имели армяне, адыгейцы, латыши, литовцы, французы и чехи ¹⁵.

Таким образом, согласно анализу национального состава местных Советов в рассматриваемый период, при формировании депутатского корпуса соблюдались интересы каждой нации на представительство с учетом ее удельного веса в составе республики. Это позволяло местным органам государственной власти выражать волю и интересы всех национальностей, проживавших в Мордовии, и придавать национальной по форме государственности интернационалистическое содержание.

Значимой составляющей анализа состава депутатского корпуса местных Советов Мордовской АССР является изучение представительства возрастных групп, обладавших избирательным правом. Эта характеристика позволяет определить способность местных органов понимать и отражать интересы граждан различных возрастов, а также выявить уровень политической активности молодежи, зрелого населения и лиц пожилого возраста (табл. 3).

Согласно сложившейся в социологических исследованиях практике, группа лиц первой и второй категорий (до 24 и до 29 лет) определяется социологами как молодежь. Несмотря на то, что верхняя граница «молодежной» группы в различных исследованиях варьировалась от 28 до 30 лет, использованная нами возрастная группа 24 и 29 лет была уже определена в статистических отчетах мандатных комиссий по итогам выборов всех созывов местных органов государственной власти Мордовской АССР. При определении нижней границы этой группы исходили от возраста, при

Таблица 3

Возрастной состав Советов Мордовской АССР (1953 — 1964 гг.)

Совет	До 24 лет		25 — 29 лет		30 — 39 лет		40 — 49 лет		50 лет и старше		Всего депутатов
	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	
Сельский	2 706	5,0	7 714	14,4	22 349	41,7	14 291	26,7	6 515	12,2	53 575
Поселковый	68	4,0	180	10,7	653	38,8	532	31,6	251	14,9	1 684
Районный	270	4,1	844	12,9	2 868	43,7	1 984	30,2	600	9,1	6 566
Городской районного подчинения	35	3,6	90	9,3	326	33,8	296	30,7	218	22,6	965
республиканского подчинения	110	5,9	226	12,1	608	32,7	594	32,0	320	17,3	1 858
Итого	3 189	4,9	9 054	14,0	26 804	41,5	17 697	27,4	7 904	12,2	64 648

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 10 — 12 ; Д. 29. Л. 13 — 15 ; Д. 278. Л. 7 — 9 ; Д. 480. Л. 4 — 7.

достижении которого человек становился обладателем гражданских и политических прав. В соответствии с основным законом страны он составлял 18 лет¹⁶.

Изучение данного аспекта демографической характеристики народных избранников местных Советов МАССР позволило выявить две устойчивые тенденции. Во-первых, оно показало, что в депутатском корпусе Советов доминировали граждане в возрасте 30 — 39 лет, имевшие стаж работы в сфере производства, управления, образования и т. д. Они составляли в сельских Советах 41,7 %, поселковых — 38,8, районных — 43,7, городских районного подчинения — 33,8 и в городских республиканского подчинения — 32,7 % от общей численности депутатских корпусов (см. табл. 3). За весь период функционирования местных Советов Мордовии средний показатель участия депутатов этой возрастной категории в работе местных органов государственной власти составил почти 42,0 %. Во-вторых, эта возрастная группа существенно опережала следующую — 40 — 49 лет, представленную, как правило, руководящими работниками сельских, поселковых, районных, городских, областных государственных, партийных и общественных учреждений и организаций. В течение рассматриваемого периода средний показатель участия лиц этой возрастной категории в работе местных Советов республики составил более 27,0 %. Таким образом, основу депутатского корпуса местных Советов Мордовской АССР составляли народные избранники в возрасте 30 — 49 лет.

Степень участия молодежи республики в управлении государством нельзя назвать стабильной. В составе каждого Совета численность младшей молодежной группы (до 24 лет) была очень низкой и составляла в сельских Советах 5,0 %, поселковых — 4,0, районных — 4,1, в городских районного и республиканского подчинения соответственно 3,6 и 5,9 %. Основная причина малочисленности этой возрастной группы в составе Советов заключалась в отсутствии времени и возможности проявить себя, завоевать авторитет и уважение в коллективе.

Более стабильной была старшая молодежная группа от 25 до 29 лет, которую представляли агрономы, зоотехники, ветеринары, звеньевые бригадиры, инженеры, комбайнеры, шоферы, доярки, телятницы, птичницы, кукурузоводы, свекловоды и коноплеводы, комсомольские работники, рабочие промышленных предприятий и строительных организаций, но и она была малочисленной по сравнению с другими возрастными группами. В сельских Советах старшая молодежная группа составляла 14,4 %, в поселковых — 10,7, районных — 12,9, в городских районного и республиканского подчинения соответственно 9,3 и 12,1 % (см. табл. 3). За весь рассматриваемый период функционирования Советов республики средний показатель участия этой возрастной категории в работе Советов составил 14,0 %.

Относительно депутатов старшей возрастной группы (50 лет и старше) следует отметить процесс постепенного сокращения их численности в составе местных Советов — от 22,6 до 9,1 % (см. табл. 3). За исследуемый период деятельности местных Советов республики средний показатель участия этой возрастной категории в работе Советов составил наиболее низкий уровень — 12,0 %. Как правило, ее представляли депутаты с большим стажем работы в сфере производства, управления, образования, культуры и т. д., имевшие заслуженные и почетные звания, различные государственные награды. Примечательно, что во все созывы местных Советов республики избирались граждане, перешедшие 60-летний рубеж. В среднем их удельный вес составлял 1%, что являлось, пусть и символическим, но

подтверждением отсутствия возрастных ограничений для получения депутатского мандата.

Таким образом, анализ демографо-этнического состава депутатского корпуса местных Советов Мордовии позволил сделать следующие выводы. Во-первых, в течение рассматриваемого периода сформировалась тенденция к разрастанию численности депутатских корпусов. Во-вторых, активное участие в деятельности Советов республики стали принимать женщины, получившие равные с мужчинами политические и гражданские права и имевшие в среднем 38 % депутатских мандатов. В-третьих, многонациональный состав народных избранников данных институтов власти оправдывал их статус как представительных органов с закономерным преобладанием депутатов русской нации. В-четвертых, в возрастной структуре депутатского корпуса местных Советов Мордовии стабильно доминировали народные избранники среднего возраста (30 — 49 лет), что обеспечивало его высокую трудоспособность. Однако в целом они отражали интересы граждан различных возрастных групп — от молодежи до лиц пенсионного возраста.

Специфика местных Советов Мордовии как органов власти в селениях, поселках, районах и в городах требует особого подхода к рассмотрению структуры депутатского корпуса, в частности, его социального состава. В процессе анализа статуса народных избранников нами были выделены следующие категории: рабочие, крестьяне, специалисты и руководители (табл. 4).

Таблица 4

Депутаты Советов Мордовии по социальному положению (1953 — 1964 гг.)

Совет	Рабочие		Крестьяне		Специалисты		Руководители		Лица других занятий		Всего депутатов
	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	
Сельский	3 975	7,4	28 051	52,4	8 573	16,0	12 166	22,7	810	1,5	53 575
Поселковый	589	35,0	44	2,6	422	25,1	395	23,4	234	13,9	1 684
Районный	566	8,6	1 758	26,8	749	11,4	3 378	51,5	115	1,7	6 566
Городской районного подчинения	251	26,1	17	1,8	303	31,4	314	32,5	80	8,2	965
республиканского подчинения	731	39,3	8	0,4	414	22,3	666	35,9	39	2,1	1 858
Итого	6 112	9,4	29 878	46,2	10 461	16,2	16 919	26,2	1 278	2,0	64 648

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 10 ; Д. 29. Л. 13 ; Д. 278. Л. 7 ; Д. 480. Л. 5.

Данные табл. 4 свидетельствует о безоговорочном преимуществе в депутатском корпусе местных Советов представителей колхозного крестьянства, составлявших 46,2 % от общей численности депутатов. Основу этой категории депутатов состав-

ляли передовики производства — звеньевые полеводческих бригад, доярки, телятницы, овцеводы, птичники, кукурузоводы, свекловоды, коноплеводы, комбайнеры, шоферы и трактористы. Они на 20 % опережали руководителей и на 30 % — специалисты. Однако это преимущество достигалось за счет сельских и районных Советов, где колхозники имели соответственно 52,4 и 26,8 %. Колхозные крестьяне также являлись депутатами поселковых и городских Советов, однако средний показатель доли их участия был наименьшим — 2,6, 1,8 и 0,4 % (см. табл. 4). Представители трудового колхозного крестьянства избирались депутатами вышеназванных Советов по причине того, что на территории поселка или города функционировало хотя бы одно сельскохозяйственное предприятие. При этом колхозные крестьяне в районных Советах были вторыми (26,8 %) после руководителей¹⁷.

Второе место в составе депутатов местных Советов республики занимали руководители, доля участия которых составляла 26,2 % (см. табл. 4). В эту категорию входили председатели колхозов, директора совхозов, МТС, школ, заведующие фермами колхозов, совхозов, бригадиры колхозных и совхозных бригад. В течение рассматриваемого периода средний показатель участия этой категории в работе Советов составил почти 23,0 % (см. табл. 4). Руководители производственных предприятий и организаций, расположенных на территории рабочих поселков, представляли в составе депутатских корпусов поселковых Советов 23,4 %. Численное превосходство руководителей прослеживалось в составе депутатов районных Советов Мордовии (51,5 %), а также в городских Советах республиканского (35,9 %) и районного (32,5 %) подчинения (см. табл. 4). Депутатами городских Советов районного и республиканского подчинения избирались секретари райкомов и горкомов КПСС, заведующие отделами райкомов, горкомов и обкома партии, республиканские министры и их заместители, руководители промышленных предприятий, производственных объединений и строительных организаций, главные врачи больниц и директора школ.

Третью позицию в системе местных Советов занимали специалисты, доля участия которых в депутатских корпусах составляла немного более 16 %: врачи и учителя, бухгалтеры и экономисты, инженеры и техники, агрономы и зоотехники, писатели и художники, артисты и работники культурно-просветительных учреждений, преподаватели высших учебных заведений и техникумов, а также сотрудники научно-исследовательских институтов (см. табл. 4). В целом средний показатель их участия в составе депутатских корпусов соответствовал уровню, занимаемому в обществе.

Очень низким был показатель доли участия представителей рабочего класса в составе депутатских корпусов местных Советов — 9,4 % (см. табл. 4). Это наглядно демонстрировало аграрную направленность республики и основной состав населения, представленный сельскими тружениками. Ситуация стала меняться, когда по всей республике начали возводить промышленные предприятия, в том числе в районных центрах и рабочих поселках. Это привело к росту численности рабочего класса и увеличению его представительства в составе местных Советов.

Символическим в составе депутатов местных Советов являлось представительство лиц других занятий, набиравших всего 2 % (см. табл. 4). К ним относились пенсионеры, домашние хозяйки, учащиеся высших и средних учебных заведений, т. е. студенты.

Существенной качественной характеристикой, повлиявшей на эффективность и профессионализм местных представительных органов Мордовии, являлся образовательный уровень народных избранников. Для решения задач управления обществом и государством депутат местного Совета Мордовской АССР должен был обладать определенными знаниями. Как государственным деятелю, пусть даже невысокого ранга, ему приходилось ориентироваться в многочисленных и сложных вопросах политической, экономической и социально-культурной жизни республики (табл. 5).

Таблица 5

Уровень образования депутатов местных Советов Республики Мордовия (1953 — 1964 гг.)

Совет	Высшее		Среднее и неполное среднее		Начальное и ниже		Всего депутатов
	Кол-во чел.	% от общего числа	Кол-во чел.	% от общего числа	Кол-во чел.	% от общего числа	
Сельский	3 220	6,1	17 331	32,3	33 024	61,6	53 575
Поселковый	275	16,3	910	54,1	499	29,6	1 684
Районный	1 356	20,7	2 505	38,1	2 705	41,2	6 566
Городской районного подчинения	187	19,4	555	57,5	223	23,1	965
республиканского подчинения	526	28,3	889	47,9	443	23,8	1 858
Итого	5 564	8,6	22 190	34,3	36 894	57,1	64 648

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 9 ; Д. 29. Л. 11 ; Д. 278. Л. 5 ; Д. 480. Л. 7.

Согласно таблице, в состав местных Советов республики избирались депутаты с разным уровнем образования — от начального до высшего. Несмотря на то, что с каждым созывом образовательный уровень народных избранников повышался, депутаты, закончившие только начальную школу, составляли в местных Советах 57,1 %. Второе место занимали депутаты со средним образованием — 34,3 %. Это говорит о том, что при достаточном числе специалистов, получивших среднее и высшее профессиональное образование, почти во всех областях народного хозяйства и в аппарате управления существенной была доля так называемых практиков. Их производственный, административный и жизненный опыт компенсировал отсутствие соответствующего занимаемой должности образования. Символическим в составе депутатов местных Советов являлось представительство лиц с высшим образованием — всего 8,6 %. Это свидетельствовало об отсутствии в республике высших учебных заведений, подготавливавших специалистов высшей квалификации. Созданные Мордовский государственный университет (1957 г.) и педагогический институт (1962 г.) находились на стадии становления и развития, поэтому, естественно, не могли удовлетворить стремительно развивавшуюся и остро нуждавшуюся экономику республики в специалистах с высшим образованием.

Относительно партийной принадлежности депутатов следует отметить, что на протяжении исследуемого периода деятельности местных Советов Мордовии народные избранники, имевшие партийный билет, составляли большинство депутатского

корпуса — около 58 %, беспартийные — почти 39 %. В целом это отражало существование такого явления политической жизни СССР, как «блок коммунистов и беспартийных».

Обновляемость народных избранников местных Советов республики была высокой и составляла от 65 до 85 %. С одной стороны, это свидетельствовало о ротации депутатского корпуса и способности реагировать на изменения в жизни общества, с другой — о низком уровне относительно стабильного состава местных представительных органов власти республики. Однако спецификой местных Советов Мордовии в рассматриваемое время являлось то, что значительную долю депутатов (15 — 17 %), избиравшихся неоднократно, составляли руководители партийных органов, учреждений и предприятий, имевшие опыт хозяйственной и экономической деятельности.

Таким образом, депутатский корпус местных Советов Мордовии соответствовал статусу местных представительных органов, однако доминирующую роль в их составе играли депутаты, занимавшие руководящие должности. Высокий процент депутатов-коммунистов подтверждал определенную роль партийной принадлежности в социальном росте гражданина.

Библиографические ссылки

¹ См.: Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936 г. М., 1945.

² См.: **Калинин Ю. В.** Коренные преимущества советской избирательной системы перед буржуазной. Минск, 1979. С. 10.

³ См.: **Груздева Е. Б., Чертихина Э. С.** Труд и быт советских женщин. М., 1983. С. 46.

⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 9 ; Д. 29. Л. 14 ; Д. 132. Л. 73 ; Д. 278. Л. 6, 48 — 52 ; Д. 378. Л. 7 ; Д. 480. Л. 8, 51.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 6 ; Д. 132. Л. 71 ; Д. 278. Л. 3, 54 ; Д. 378. Л. 3 ; Д. 480. Л. 5, 9.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 7 ; Д. 29. Л. 10 ; Д. 132. Л. 72 ; Д. 278. Л. 44 ; Д. 378. Л. 5 ; Д. 482. Л. 52.

⁷ См.: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 24.

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 8. Л. 10 ; Д. 29. Л. 13 ; Д. 278. Л. 91 ; Д. 480. Л. 5.

⁹ Там же. Д. 29. Л. 58 — 91 ; Д. 278. Л. 85 — 116 ; Д. 480. Л. 50.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 42 ; Д. 29. Л. 81 ; Д. 278. Л. 48 — 52 ; Д. 480. Л. 7, 53.

¹¹ Там же. Д. 8. Л. 6 ; Д. 29. Л. 10 — 54 ; Д. 278. Л. 53 — 84 ; Д. 480. Л. 54 — 85.

¹² Там же. Д. 29. Л. 15 — 54.

¹³ Там же. Д. 480. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 8 ; Д. 29. Л. 11, 15, 32, 49 ; Д. 278. Л. 5, 44 — 47 ; Д. 480. Л. 6, 51 — 54.

¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 7 ; Д. 29. Л. 10, 56 — 57 ; Д. 278. Л. 4, 42 — 43 ; Д. 480. Л. 5, 52 — 53.

¹⁶ См.: Конституция (основной закон).

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 278. Л. 49.

Поступила 20.02.2018 г.

УДК 94(47).084.9

Р. А. Мухамедов, А. А. Вильчик
R. A. Mukhamedov, A. A. Vilchik

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1950 — 70-е гг.: НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

THE ULYANOVSK OBLAST IN THE 1950-ies — 1970-ies: BEGINNING OF THE SOCIAL SECURITY IMPLEMENTATION

Ключевые слова: экономическое развитие, социальное обеспечение, жилищное строительство, культурно-бытовой объект, совнархоз, партконференция, электрификация.

В статье рассматривается реализация социального обеспечения населения Ульяновской области в 50 — 70-х гг. XX в.: исследуются вопросы жилищного строительства, развития промышленного потенциала области, обеспеченности населенных пунктов электроэнергией.

Key words: economic development, social security, housing construction, cultural and everyday object, the Sovnarkhoz, party conference, electrification.

The implementation of social security for the population of the Ulyanovsk Oblast in the 1950-ies — 1970-ies is considered in the article, the problems of housing construction, development of the industrial potential of the region, the provision of settlements with electricity are studied.

В середине 1950-х гг. в Советском Союзе особое значение придавалось разработкам перспектив дальнейшего политического и экономического развития. Руководством страны впервые были поставлены задачи по решению первоочередных социальных проблем. К этому периоду социальная сфера, включавшая такие составляющие, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, торговое обслуживание и общественное питание, жилье и система коммунально-бытовых услуг, пассажирский транспорт, связь, а также повседневные условия людей, их благосостояние и уровень потребления, превращалась в приоритетное направление внутригосударственного развития. Материальное положение населения, задействованного как в производственной, так и в непроизводственной сферах, определялось получаемой заработной платой.

К 1955 г. закончился переход советского аппарата на новый тип работы. Суть этой перестройки заключалась в том, чтобы окончательно ликвидировать «обезличенность» в руководстве и избавиться от канцелярско-бюрократических методов в работе советских органов. Значительный кадровый аппарат исполкома Совета, его отделов и управлений, к сожалению, большую часть времени затрачивал на составление различных справок, проектов и директив, вместо оперативного решения первоочередных вопросов. Из облисполкома, его отделов и управлений ежедневно в районы поступало по 5 — 6 директив на 14 — 16 листах. Если принять во внимание письма и другие документы из отделов и управлений, то в среднем каждый райисполком в день получал по 10 — 12 страниц¹. Как следствие — у руководителей разного уровня не оставалось времени на основную работу, связанную с реализацией и разрешением острых социальных проблем.

Так, одним из слабых звеньев Ульяновска было водоснабжение. Например, зимой 1953 — 1954 гг. горожане испытывали существенные проблемы с поставкой воды из-за постоянных аварий на водопроводе, требовавшем обновления и замены². Сложным оставался и жилищный вопрос. В капитальной застройке нуждался областной центр, характеризовавшийся как неблагоустроенный. Только в середине 1950-х гг. здесь начали асфальтировать центральные улицы и тротуары, при этом въезды в город с его южной и западной окраин оставались проблематичными из-за отсутствия асфальтированной дороги.

В жилищном строительстве партийное руководство Ульяновска успешно применяло такой принцип нематериальной стимуляции рабочих, как социалистическое соревнование. Ульяновцы, соревнуясь с жителями Пензы, за 1957 г. сдали в эксплуатацию более 600 жилых домов, газифицировали 1 200 квартир, проложили трамвайные пути по Железнодорожному району, завершили строительство инженерной защиты по береговой линии³. Модернизация и строительство новых кирпичных заводов позволили не только обеспечить строительные организации необходимым материалом, но и уменьшить стоимость 1 м² жилья. Руководители строительных трестов изыскивали и иные способы экономии. Так, управляющий трестом «Ульяновскстрой», выступая с докладом о планах жилищного строительства, отмечал: «Мы должны делать все, чтобы удешевить один метр жилой площади. Например, чтобы вывезти одну тысячу штук кирпича с завода силикатного кирпича по железной дороге, нужно уплатить 15 рублей, а чтобы вывезти эту же тысячу на автомашине, надо уплатить 125 рублей. Это дает удорожание жилой площади 50 рублей на один метр жилья. Если взять количество кирпича, подлежащего перевозке за год, и возить его только по железной дороге, мы получим экономию, которая даст возможность построить дом площадью более 500 кв. м за счет этой экономии»⁴.

Совнархоз ежегодно разрабатывал производственно-финансовый перспективный план по анализу и развитию народного хозяйства. Председатель Ульяновского областного исполкома И. М. Серегин на 7-й областной партийной конференции⁵ озвучил некоторые пункты из этого «промфинплана» на предстоящий 1958 г., в которых говорилось о немедленном разрешении строительных проблем в регионе. По его мнению, ведущей отраслью машиностроения должен был стать Ульяновский автомобильный завод, вокруг которого концентрировались бы крупные и средние заводы, позволявшие организовать широкую кооперацию автозавода с другими промышленными предприятиями области. На партконференции говорилось также об усилении развития производства строительных материалов (цемента и его производных, стекла и термоизоляционных изделий) на базе комплексного использования местного сырья. При этом предприятия, находившиеся в подчинении Министерства строительства РСФСР, должны были перейти в ведение совнархоза. Производство других строительных материалов (кирпич, известь и др.) предлагалось сосредоточить на предприятиях областного управления, развернув строительство небольших заводов по изготовлению кирпича и силикатных блоков в райцентрах, чтобы исключить дальние перевозки местных строительных материалов⁶. Однако при этом были и сдерживающие факторы. Например, 20 марта 1959 г. Совет министров РСФСР принял постановление, согласно которому не допускалось производство сверх плана продукции, имевшей ограниченный сбыт⁷. Контроль за обеспечением жилищного строительства осуществлял обком партии. Например, в

письме председателя областной комиссии от 29 июня 1957 г. первому секретарю обкома сообщалось о недостаточной обеспеченности строительных площадок рабочей силой и конкретными строительными материалами⁸.

Обострение жилищного вопроса в Ульяновском регионе наблюдалось в середине 1960-х гг. из-за переселения значительного количества людей из зоны затопления (ложа Куйбышевского водохранилища). За этот период подверглись переселению 5 244 семьи, а также свыше 300 колхозных построек и более 4 900 домов⁹. По мнению первого секретаря обкома КПСС И. П. Скулкова, основным недостатком в решении этой жилищной проблемы являлось отставание в школьном строительстве, открытии магазинов, столовых, медицинских пунктов. Переселенные граждане не в полном объеме снабжались водой, электроэнергией и строительными материалами¹⁰. К середине 1960-х гг. были созданы такие строительные компании, как «Главэлектросельстрой», «Облжилкомунстрой» и «Ульяновскстрой»¹¹. Они обеспечивались современным оборудованием и спецтехникой. Если в 1951 г. строители сдавали 14,7 тыс. м² нового жилья, то к началу 1960 г. — более 30 тыс. м² капитального жилья за год и 20 тыс. м² временных жилых домов¹². Однако дальнейшее увеличение объемов строительства жилья тормозилось вследствие недостатка строительных кадров, а также слабой обеспеченности строительной спецтехникой. Например, в тресте № 39 из-за отсутствия необходимого количества высококвалифицированных кадров более 170 тыс. м³ земляных работ было выполнено вручную, а экскаваторный парк простоял более половины рабочего времени¹³.

В рассматриваемый период промышленные предприятия Ульяновска и Ульяновской области испытывали существенный недостаток в электроэнергии, часть которой потребляло сельское хозяйство. В дальнейшем это повлияло на увеличение выпуска электроэнергии промышленными предприятиями Ульяновска собственными силами. В середине 1950-х г. выработка электроэнергии в городе была почти удвоена, в том числе значительно возросли объемы электричества, производимого на Мелекесском механическом и Сенгилеевском цементном заводах, на фабрике им. Кирова и ряде других предприятий¹⁴. Однако уже к началу 1960-х гг. мощности электросетей Ульяновска снова не хватало. ТЭЦ автомобильного завода, питавшая весь город, была реконструирована в 1949 — 1950 г. и вновь нуждалась в установке дополнительного оборудования, повышавшего ее мощность почти вдвое. В апреле 1954 г. на автозаводе было введено в эксплуатацию 92 тыс. м² производственных площадей и ТЭЦ мощностью 24 тыс. кВт, через год мощность ТЭЦ увеличилась на 12 тыс. кВт.¹⁵

В 1958 г. в Ульяновской области работали только 2 крупные ТЭЦ, обеспечивавшие работу двух крупных заводов. Остальные предприятия машиностроения, легкой и пищевой промышленности, строительные организации, а также коммунальные нагрузки города снабжались электроэнергией в основном за счет значительного числа малоэкономичных дизельных электростанций, имевших большой износ. В зимнее время дефицит электроэнергии в городе вынуждал промышленные предприятия, стройки и культурно-бытовые объекты города сокращать потребление электричества. Решением энергетической проблемы для Ульяновской области стала ее электрификация от Куйбышевской ГЭС в 1958 — 1960 гг.¹⁶

Таким образом, в 50 — 70-х гг. XX в. первоочередными задачами руководства Ульяновской области было решение социальных проблем. С развитием жилищного строительства увеличивалось количество заводов по производству строительных материалов. За этот период наращивались энергетические мощности в промышленности, удваивалась выработка электроэнергии, в частности, на Мелекесском механическом и Сенгилеевском цементном заводах. Энергоемкое производство требовало увеличения потребления электроэнергии, но одних «региональных сил» в решении данного вопроса было недостаточно. Помощь со стороны центрального руководства страны позволила избежать энергетического кризиса в регионе и впоследствии увеличить продуктивность строительной и сельскохозяйственной отраслей.

Библиографические ссылки

¹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 12. Д. 2. Л. 12 — 15.

² Там же. Оп. 17. Д. 236. Л. 31.

³ Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 25.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 1. Л. 84.

⁵ Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 124.

⁶ Там же. Л. 115.

⁷ Там же. Д. 235. Л. 39 — 41.

⁸ Там же. Оп. 17. Д. 236. Л. 30.

⁹ Там же. Оп. 15. Д. 118. Л. 37 — 39.

¹⁰ Там же. Оп. 17. Д. 236. Л. 31.

¹¹ Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 19 — 21.

¹² Там же. Оп. 17. Д. 236. Л. 17 — 23.

¹³ Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 25.

¹⁴ Там же. Оп. 12. Д. 1. Л. 12.

¹⁵ Там же. Оп. 15. Д. 118. Л. 38 — 39.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 21.

Поступила 27.11.2017 г.

УДК 351.853.1(470.345)

Т. М. Гусева

T. M. Guseva

ПАСПОРТ НА ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МОРДОВИИ

CERTIFICATE TO THE MONUMENT OF HISTORY AND CULTURE AS A SOURCE OF STUDYING THE RELIGIOUS ARCHITECTURE OF MORDOVIA

Ключевые слова: охрана памятников, паспорт на памятник истории и культуры, классификация, ВООПИК, аренда памятников культуры.

В статье рассматриваются изменения в области охраны историко-культурного наследия в 70-х гг. XX в.; анализируются паспорта на памятники истории и культуры, содержащие ценный материал по культовой архитектуре.

Key words: protection of monuments, certificate to the monument of history and culture, classification, All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture, rent of cultural monuments.

The article deals with the changes in the field of protection of historical and cultural heritage in the 1970-ies; certificates to the monument of history and culture, containing valuable material on the religious architecture, are analyzed as well.

В 1950-е — начале 70-х гг. XX в. государственная политика в области охраны историко-культурного наследия регулировалась в основном нормативными документами Совета Министров РСФСР, Министерства культуры и иных ведомств. Нормативная база в данной сфере не имела верховного законодательного статуса, поднимаясь лишь до уровня постановлений Совета Министров СССР, на местах — постановлениями региональных властей. Так, Постановление Совета Министров Мордовской АССР № 596 от 16 сентября 1970 г. «Об улучшении постановки дела охраны, эксплуатации и учета памятников истории и культуры Мордовской АССР» сыграло большую роль в организации охраны памятников. В постановлении были утверждены списки памятников по г. Саранску и республике. Согласно классификации, они подразделялись на историко-революционные памятники и памятные места; памятники и обелиски воинам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.; архитектурные памятники; памятники, связанные с жизнью деятелей культуры, науки и техники; скульптурные памятники и археологические. Данное постановление обязывало Министерство культуры МАССР, исполкомы городских и районных депутатов осуществлять необходимые мероприятия по приведению в надлежащее состояние памятников истории и культуры, обеспечить их правильное содержание, в том числе использовать памятники для воспитательной работы среди молодежи. Кроме того, следовало проводить мероприятия по ремонту, реставрации и консервации памятников, не допуская их дальнейшего разрушения¹.

В 70-е гг. XX столетия перед государством стояла задача по созданию общегосударственного законодательного акта об охране памятников истории. Закон СССР 1976 г. стал первым советским общесоюзным актом в области охраны и использования культурных ценностей, вобравшим в себя предшествующий опыт нормативного регулирования общественных отношений в данной сфере, и явился важным шагом в совершенствовании правовой охраны всех видов памятников. Сегодня действующими законодательными актами являются: Постановление Совета Министров СССР № 865 от 16 сентября 1982 г.; современный Закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и многочисленные инструкции министерств.

Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XX в. (во время «хрущевской оттепели») негативное отношение государства к церкви стало причиной забвения и разрушения многих культовых сооружений. Ситуация изменилась в 70-х гг. XX в., в период возрастания внецерковной христианской активности (появились православные кружки, школы, проводились теологические семинары). В это время усилился интерес к музейным ценностям, уникальной архитектуре, историческим памятникам. Началось более углубленное изучение культурного наследия.

Создание в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) сыграло положительную роль в сохранении старины. С этого времени стала решаться проблема учета памятников, специалисты приступили к подготовке Свода памятников России. Работа по составлению свода активизировала научные и общественные силы регионов, где также начали создаваться общества по охране памятников и проводиться аналогичная работа. Необходимо отметить, что Мордовия относится к числу республик, где составление свода было завершено. В 1979 г. по инициативе Мордовского республиканского отделения ВООПИК был составлен «Каталог памятников истории и культуры Мордовской АССР», который до настоящего времени является основным документом при проведении охранных работ в регионе. Авторами-составителями каталога выступили Г. П. Ласкин, П. Я. Машканцев, И. М. Петербургский, ответственным редактором — профессор И. Д. Воронин².

Существенное значение для подготовки свода имели паспорта, составленные архитекторами и искусствоведами. Каталог представлял собой перечень памятников истории и культуры, выявленных отделениями ВООПИК совместно с государственными органами на территории республики и поставленных на учет и государственную охрану. Зарегистрированные таким образом памятники были объявлены достоянием республики.

В этот период ВООПИК разработало инструкцию по обследованию, классификации и критериям отбора памятников. В 70-е гг. XX в. в республике было выявлено и описано значительное число памятников. На каждый недвижимый историко-культурный объект составлялся паспорт, который являлся учетным документом, содержащим комплекс научных сведений и фактических данных, характеризовавших историю памятника и его современное состояние, местонахождение в окружающей среде, оценку исторического, научного, художественного или иного культурного значения, сведения о его территории, связанных с ним сооружениях, садах, парках, находившихся в нем произведениях искусства, предметах, представлявших культурную ценность, о зонах охраны, а также об основных историко-архитектурных и

библиографических материалах. В паспорте указывались категория охраны и вид памятника со ссылкой на утверждающий документ*.

Учетная карточка и паспорт составлялись в 4 экземплярах и передавались в следующие инстанции: Центр научной документации Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР; государственные органы охраны памятников союзных республик; научные учреждения, осуществлявшие подготовку Свода памятников истории и культуры народов СССР; в местные государственные органы охраны памятников. Учетная карточка и паспорт памятника подлежали дополнению при получении новых сведений, которые оформлялись вкладышами и рассылались в соответствующие организации.

Министерство культуры МАССР планировало в 1973 г. завершить полную паспортизацию памятников на территории республики, подготовить материал для свода памятников³. Составление паспортов на объекты историко-культурного наследия началось раньше. В 1967 г. ответственный секретарь Мордовского республиканского общества охраны памятников истории и культуры А. А. Богомолов накануне реставрации Иоанно-Богословской церкви в с. Макаровка и Санаксарского монастыря в Темниковском районе составил паспорта на данные памятники архитектуры, в которых сделал заключение о их состоянии и необходимости реставрации. Московская группа архитекторов и искусствоведов начала работу по обследованию памятников архитектуры и, в частности, культовой архитектуры в Мордовии в 1973 г. Экспедиции продолжались до 1977 г. В ноябре 1973 г. Е. Н. Новик и Л. В. Сивкович обследовали памятники в Темниковском районе. В Торбеевском и Краснослободском районах работала архитектор А. П. Денискина, в Атюрьевском, Zubovo-Полянском, Теньгушевском, Ельниковском, Ковылкинском и Инсарском — архитектор Э. Руса. С октября 1974 г. в Мордовии исследование памятников истории и культуры продолжила искусствовед Н. Д. Троскина. Все архитектурные памятники, заслуживавшие внимание, были обследованы ею в Ардатовском, Атяшевском, Большеигнатовском, Ичалковском, Рузаевском и Чамзинском районах. Наталья Дмитриевна Троскина закончила исторический факультет МГУ, почти 40 лет работает в Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Минкультуры РФ (ЦНРПМ). В 1991 — 2011 гг. она была ученым секретарем мастерских, в 1996 — 2006 гг. — заместителем директора по научной работе и информации. Является государственным аттестованным экспертом Министерства культуры РФ по проведению историко-культурной экспертизы. Среди ее работ — историко-архивные обоснования реставрации фасадов Большого Кремлевского дворца и воссоздание Андреевского зала (1990-е гг.); историко-архивные исследования стен и башен Московского Кремля (2014 г.). Н. Д. Троскина является автором публикаций по истории ЦНРПМ.

К составлению паспортов на архитектурные памятники московские архитекторы и искусствоведы отнеслись очень ответственно, проведя всестороннее исследование.

* Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры (утверждена приказом Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203, с изменениями от 25 марта 1994 г.).

В настоящее время, когда возрос интерес к православной религии и многие приходы восстанавливают храмы, важно иметь составленный профессионалами документ, содержащий подробное описание церкви.

Паспорт на памятник истории и культуры старого образца является ценным источником по культовой архитектуре, так как содержит основные сведения о культурном объекте. Паспорт, который составляли в 70-е гг. XX в., состоял из 10 основных разделов. Первая страница документа включала 5 разделов: «Сведения о наименовании памятника»; «Типологическая принадлежность» (подразделение на памятники археологии, истории, архитектуры или монументального искусства); «Датировка» (здесь было необходимо определить, к какому периоду относился памятник, нередко она являлась предположительной из-за сложности в установлении даты возникновения объекта); «Подробный адрес» с указанием маршрута; «Характер современного использования» (согласно первоначальному назначению, в культурно-просветительных (музей, клуб, библиотека), туристско-экскурсионных, лечебно-оздоровительных или хозяйственных (под жилые помещения) целях либо не используется. Сведения, содержащиеся в паспортах на культовые сооружения, расположенные на территории Мордовии, свидетельствовали о том, что большая часть церквей использовалась в хозяйственных целях, чаще всего под колхозный склад, реже — под учебные заведения, еще реже — под музеи.

На второй странице паспорта содержались исторические сведения о памятнике. Так, для объектов архитектуры следовало указать автора, строителя, заказчика, изложить историю создания. Архитектор А. П. Денискина кропотливо отнеслась к сбору таких сведений. В паспорте на Успенскую (Никольскую) церковь в с. Никольское (бывшее Лачиново) Торбеевского района приведены следующие сведения: «Автор и строитель неизвестны. В качестве заказчика в „Справочной книге по Тамбовской епархии на 1876 г.“ упоминаются помещики Лачиновы. Помещики Лачиновы владели деревнями в этой местности не позже, чем с первой половины XVIII века, например, Кочетовкой в 9 километрах от Никольского. Датой построения церкви в Никольском „Справочная книга“ считает 1867 г., с чем нельзя согласиться при стилистическом анализе архитектуры памятника и отнести его не позже, чем ко второй половине XVIII века. Известия Ученой Тамбовской архивной комиссии, № 27 „Опись дел Шацкого архива“, стр. 108 за 1758 г. Михаил Григорьев сын Лачинов в прошении, поданном в Вотчинную коллегия, объяснял: „...имеется за ним недвижимое имение Шацкого уезда деревня Высокое, Кочетовка тож, которое за ним справлено и отказано в прошлом 746 году после дяди его родного Алексея Васильевича Лачинова, а ныне он в той деревне Высокое, Кочетовка тож построил вновь церковь во имя Казанской Пресвятой Богородицы“». Строительство Казанской церкви в с. Кочетовка датируется в „Справочной книге“ 1790 г. (очевидно, эта дата обновления), что говорит о неточности сведений, приводимых в источнике*.

* Паспорт на объект культурного наследия — Успенскую церковь в с. Никольское Торбеевского района (Министерство культуры Республики Мордовия, технический отдел).

В паспорте на церковь Рождества Христова в с. Мальцево (бывшее с. Богородицкое) Торбеевского района, также составленном архитектором А. П. Денискиной, содержится следующая информация: «Автор и строитель неизвестен, заказчик — помещик Приклонский; в четверике, на откосе окна северного фасада изнутри сохранились следы надписи „сей храм... Михаил Приклонский“. В „Описи дел Шацкого архива“ 1774 г. упоминается помещик с. Мальцева Приклонский, а в „Справочной книжке по Тамбовской епархии“ сказано: „церковь в с. Мальцево, Христорождественская каменная, построенная в 1796 г. тицием помещика Приклонского“. В Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 34, 1893, стр. 46: „...с заводу пугачевцы в сопровождении народа поехали в с. Мальцево. Приклонский, помещик этого села...“»*.

Необходимо подчеркнуть, что в паспорте недостаточно полно были представлены именно исторические сведения о памятниках, так как для их сбора требовалось время, которым архитекторы не располагали. Достаточно часто в паспорте содержалась запись: «Исторических сведений о памятнике не обнаружено, результаты стилистического анализа позволяют отнести сооружение к... (указывалась предположительная дата)».

Следующая графа паспорта подробно информировала, каким разрушениям и возможным перестройкам подвергался памятник. Так, в паспорте на Казанскую церковь в с. Стрелецкая Слобода Рузаевского района дана следующая информация: «Церковь и колокольня перестройкам не подвергались. В настоящем виде памятник утратил купол и главу над центральным барабаном, а также кровли над четвериком, алтарным выступом и западным. Частично или полностью разрушены фронтоны на фасадах четверика»**.

Отрицательный ответ во всех паспортах содержал раздел, где речь шла о реставрационных работах. Храмы в данный период не реставрировались (за редким исключением).

На третьей странице находился наиболее содержательный раздел — «Описание памятника». На примере Казанской церкви в с. Стрелецкая Слобода мы рассмотрели работу искусствоведов и архитекторов, составлявших документ. Для того чтобы доказать, насколько ценным по содержанию для современных исследователей архитектуры является паспорт, составленный на памятник истории и культуры 60 — 70-х гг. XX в., приведем некоторые выдержки из него. Искусствовед Н. Д. Троскина анализировала основные характеристики объекта культурного наследия:

а) особенности планировочной, композиционной структуры и конструкций: «Кирпичное здание церкви внушительных размеров и отдельно стоящая колокольня, расположенные на одной оси, находятся в центре села, вытянутого вдоль дороги Рузаевка — Огарево. Трапезная отсутствует. В плане к прямоугольнику четверика, разделенному двумя парами столбов на три нефа, примыкают с востока и запада два

* Паспорт на объект культурного наследия — Рождественскую церковь в с. Мальцево Торбеевского района (Министерство культуры Республики Мордовия, технический отдел).

** Паспорт на объект культурного наследия — Казанскую церковь в с. Стрелецкая Слобода Рузаевского района (Министерство культуры Республики Мордовия, технический отдел).

прямоугольника, вытянутых по оси север — юг. По ширине алтарь и западный притвор равны среднему нефу храма. Колокольня в плане квадратная. Мощный двусветный четверик храма призматических пропорций увенчивается пятью главами на круглых барабанах. Три яруса колокольни представляют собой уменьшающиеся четверики, верхний из которых со скошенными углами завершается куполом с маленькой главкой. В интерьере храма четыре арки, перекинутые между крещатыми в плане столбами, несут центральный барабан. Ветви креста перекрыты коробовыми сводами с одним лотком, а угловые части четверика имеют плоские перекрытия. Пространство интерьера ориентировано по продольной оси плана к алтарю, как в центральном нефу, так и в боковых. Алтарь и притвор имеют коробовые своды и открываются в четверик арочными проемами. Северный и южный фасады храма симметричны относительно центральной оси и имеют выступающие ризалиты, которые соответствуют трансепту четверика и отмечены фронтонами. Центральный неф также выявлен фронтонами, поднимающимися над восточным и западным фасадами. Оконные проемы первого света, расположенные по одному в боковых частях фасадов и два по сторонам от арочного дверного проема, в ризалитах имеют арочную форму. В алтаре и притворе на северной и южной их гранях расположено по одному арочному проему, а продольной оси четверика в алтаре помещен киот, в притворе — трехарочная ниша и дверной прямоугольный проем. Три арочных проема второго света расположены в ризалитах*;

б) характер декора фасадов и интерьера: «Декор фасадов сух и плоскостен. Углы четверика, ризалитов, алтаря и притвора рустованы, в основании окон первого света проходит горизонтальная тяга, объединяющая все объемы здания. Центральный барабан декорирован спаренными пилястрами, восемь его окон имеют лучковое завершение, повторяющееся наличником. Малые барабаны украшены арочными нишками и филенками между ними. На западном фасаде храма, справа и слева от притвора имеются плоские прямоугольные ниши, которые украшены крестами, образованными уступами кирпича. Декор интерьера выполнен тянутыми штукатурными профилями, которые отмечают наличники окон, карнизы столбов и пилястр, все фасады колокольни одинаковы, в ее декоре использованы мотивы поздней классики. Фасады первого яруса оформлены выступающими двухколонными портиками, его арочные проемы обрамлены тягами из кирпича, справа и слева от них помещены кресты, выложенные кирпичом. Второй и третий ярусы колокольни декорированы прямоугольными нишами, плоскими пилястрами, в арках звона — замковые камни**;

в) строительный материал и основные габариты: размер кирпича церкви: $250 \times 120 \times 75$; размер кирпича колокольни: $150 \times 120 \times 75$; габариты плана церкви: 32×21 м; габариты плана колокольни: 10×10 м.***

Каждый памятник в паспорте получал общую оценку его исторической и художественной значимости. Заключение об Ильинской церкви в с. Сорлиней Чамзинского района: «Церковь представляет собой один из ранних примеров псевдорусской архитектуры, появившихся в провинции. Несмотря на некоторую ординарность

* Паспорт на объект культурного наследия — Рождественскую церковь...

** Там же.

*** Там же.

общей композиции, памятник на фоне ничем не примечательной застройки села привлекает внимание выразительным силуэтом, монументальностью форм и очень живописным местоположением. Памятник, видный издали, является архитектурным ориентиром села»*.

Очень подробно оценивалось техническое состояние памятников, для каждого из них существовал свой перечень позиций. Так, для архитектурных объектов требовалось установить, в каком виде (хорошем, удовлетворительном, плохом) находились конструкции здания, стены, потолки, перекрытия, декор фасадов и интерьера.

В 60 — 70-е гг. XX в. система охраны памятников истории и культуры была союзной, республиканской и местной. В одном из разделов паспорта указывались дата постановления на учет памятника и номер документа о принятии его под охрану. В связи с тем, что многие храмы в рассматриваемый период еще не находились под охраной, архитекторы давали заключение о необходимости их постановки на учет. Во многих паспортах содержится запись о том, что данный храм не охранялся государством.

В разделе паспорта «Балансовая принадлежность» находились сведения о том, кто в данный момент распоряжался храмом. Наиболее распространенной была запись «используется под склад колхоза». Многие храмы — памятники архитектуры в то время сдавались в аренду. Нередко их использовали по прямому назначению религиозные общины. Сохранился представляющий интерес документ на имя заместителя председателя Совета Министров Мордовской АССР товарища А. О. Пиксаева и уполномоченного Совета по делам религии товарища А. С. Петрушкина: «Министерство культуры Мордовской АССР направляет сведения о поступлении средств за аренду памятников архитектуры за 1968 — 1969 гг. и 9 месяцев 1970 г. по годам, месяцам и арендаторам. На расчетный счет Министерства культуры. В 1968 году на расчетный счет Министерства культуры за аренду памятников культуры поступило 20 902,00 руб., в 1969 г. — 88 410,00 руб., в 1970 г. — 78 509,67 руб. Всего перечислено 182 821,67 руб.⁴» Центральный Совет ВООПИК в связи с перечислением денег за аренду памятников культуры адресовал товарищу республиканского отделения Воронину И. Д. — председателю президиума Мордовского ВООПИК письмо, в котором говорилось, что «при проверке финансово-хозяйственной деятельности... было установлено, что в течение 1968 — 1977 гг. добровольные взносы от религиозных общин Мордовской АССР не без Вашего ведома поступали не в отделение общества, а на расчетный счет Министерства культуры АССР № 14211 на общую сумму 1 122 600 руб.»⁵ Согласно установленному порядку, добровольные взносы во Всероссийский фонд охраны памятников должны были поступать только в ВООПИК или непосредственно на счет Центрального Совета, или через его отделения. Получение этих взносов государственными органами считалось противозаконно. Все денежные средства, поступающие от использования памятников, должны были расходоваться исключительно на мероприятия, связанные с их ремонтом или реставрацией. Как свидетельствуют документы, средствами от аренды распоряжалось Министерство культуры МАССР, в связи с чем на реставрацию выделялась лишь незначительная их часть.

* Паспорт на объект культурного наследия — Ильинскую церковь в с. Сорлиней Чамзинского района (Министерство культуры Республики Мордовия, технический отдел).

Последняя страница паспорта содержала сведения о том, кто являлся составителем и в каком году это было.

Таким образом, в 70-е гг. XX в. в Мордовии существенное внимание уделялось охране объектов историко-культурного наследия. В числе основных моментов проводимой работы стала их паспортизация. Являясь ценным источником по культурной архитектуре Мордовии, паспорт представлял собой учетный документ, содержащий комплекс научных сведений и фактических данных о памятнике истории и культуры.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 29. Л. 149.

² См.: Памятники истории и культуры Республики Мордовия. Саранск, 2007. С. 9.

³ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 638. Л. 14.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 445. Л. 246 — 247.

⁵ Там же. Ф. Р-3069. Оп. 1. Д. 3129. Л. 14.

Поступила 31.01.2018 г.

УДК 94(470.344)

И. В. Пупышев

I. V. Pupyshv

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧУВАШИИ В КОНЦЕ 1980-х — НАЧАЛЕ 1990-х гг.*

FORMATION OF STATEHOOD AND DEVELOPMENT OF THE NATIONAL MOVEMENT IN CHUVASHIA IN THE LATE 1980-ies — THE EARLY 1990-ies

Ключевые слова: Чувашская Республика, государственность, национальное движение, чувашский язык.

В статье прослеживается становление чувашской государственности в конце 1980-х — начале 1990-х гг.; исследуются вопросы развития национального движения в республике, эффективность языковой политики, проводимой в данный период.

Key words: the Chuvashia Republic, statehood, national movement, the Chuvash language.

The formation of Chuvash statehood in the late 1980-ies — the early 1990-ies is observed in the article; the problems of the development of the national movement in the republic, as well as the effectiveness of the language policy, implemented in that period, are studied.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 p_a.

Начавшиеся в конце 1980-х гг. кардинальные преобразования в Советском государстве естественным образом отразились и на развитии Чувашской Республики. Если изначально речь шла лишь об «ускорении» социально-экономического развития страны, то в дальнейшем постепенно пришло понимание необходимости глубоких политических реформ. В июне 1988 г. состоялась XIX Всесоюзная конференция КПСС, на которой были намечены основные контуры будущих преобразований. Предполагалось разграничить функции партийных и государственных органов, обеспечить реальную власть Советам, усилить правовые основы государства.

В ноябре 1988 г. М. С. Горбачев, выступая на сессии Верховного Совета СССР, определил направленность реформирования Советского государства. На первом этапе предполагалось изменить избирательную систему, обновить структуру Советов; затем планировалось заняться вопросами национальных отношений, принять решение о статусе республик и автономий, расширить их права. Первым шагом реформы явилась демократизация избирательной системы, главными принципами которой стали альтернативность, состязательность и гласность. В 1989 г. прошли выборы народных депутатов СССР, характеризовавшиеся активностью электората и политизацией общественных настроений.

Весной 1990 г. состоялись выборы Верховного Совета Чувашской АССР. В большинстве избирательных округов они проходили на альтернативной основе. В результате в высший орган автономии помимо представителей из номенклатуры вошли и новые люди демократической ориентации, которые активно высказывались против 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей руководящую роль Коммунистической партии, осуждали партийную номенклатуру, видя в ней главную причину всех бед в стране и препятствие демократизации. Началась перестройка внутренней организации местных Советов, увеличились полномочия представительных органов, усилилась гласность в их деятельности.

26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Советской Федерации». На основании закона в качестве субъектов Федерации СССР объявлялись не только союзные республики, но и автономные образования¹. 24 октября 1990 г. Верховный Совет Чувашской АССР утвердил «Декларацию о государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики» и Закон ЧАССР «О декларации о государственном суверенитете Чувашской ССР», которые вызвали значительный национальный подъем, а также дискуссии в прессе, в первую очередь, в республиканской. Чувашская АССР была провозглашена Чувашской ССР, что приводило к выравниванию ее статуса с союзными республиками. В октябре 1990 г. Верховным Советом Чувашской АССР были приняты постановление «О концепции государственной символики Чувашской Советской Республики» и «Положение о концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики». В положении провозглашалось, что «национальные гимн, флаг и герб являются неотъемлемыми символами чувашской государственности. Они должны олицетворять историческое прошлое чувашского народа, современное политическое состояние (олицетворять статус республики) и выражать его перспективу на будущее»². В 1990 — 1992 гг. были разработаны и установлены современные государственные символы Чувашской

Республики. Это был увлекательный и созидательный процесс, в котором приняли участие талантливые и творческие люди: профессиональные художники, деятели культуры, науки и широкой общественности Чувашии³.

После распада СССР проблема статуса Чувашии обрела особую актуальность. 13 февраля 1992 г. Верховный Совет Чувашской ССР принял закон «Об изменении наименования Чувашской ССР». Чувашская ССР стала именоваться Чувашская Республика. Кроме того, в октябре 1991 г. были приняты законы Чувашской ССР «О Президенте Чувашской ССР» и «О выборах Президента Чувашской ССР». В соответствии с Законом Чувашской ССР «О выборах Президента Чувашской ССР» постановлением Верховного Совета Чувашской ССР от 16 октября 1991 г. на 8 декабря этого же года были назначены выборы Президента Чувашской ССР⁴.

Представители чувашского национального движения предприняли попытку демократическим путем захватить власть в республике, которая едва не увенчалась успехом. Кандидату на пост Президента Чувашии от Партии чувашского национального возрождения (Чаваш аталанавен партияе — ЧаП) Атнеру Петровичу Хузангаю не доставало для победы только 0,7 % голосов избирателей⁵. Организационно ЧаП оформилась на I съезде, который проходил в Чебоксарах в марте 1991 г. На съезде были приняты устав и программа партии. Основной целью создания этой политической организации, согласно уставу, стало «отстаивание государственного суверенитета, политической и экономической самостоятельности Республики Чувашьен»⁶.

Заслуживает внимания то, что признанный лидер чувашского национального движения во время предвыборной кампании делал акцент не на «национальной идее». В своей предвыборной программе в качестве первостепенной задачи А. Хузангай указывал на стабилизацию экономики республики, социальное и экономическое преобразование села, изменения в земельной реформе, независимую и скоординированную бюджетную политику, гарантирование занятости населения, строгую систему исполнительной власти и т. д. При этом ничего не говорилось о национальных приоритетах.

В предвыборном марафоне А. Хузангай предпочел имидж демократа-гуманиста образу защитника национальных интересов чувашского народа. Такой расчет был верен еще и потому, что демократические организации не сумели объединить свои усилия и выставить сильную кандидатуру на выборах. Соперниками А. Хузангай были П. Ивантаев — секретарь республиканского совета профсоюзов, в прошлом — секретарь райкома КПСС; Л. Прокопьев — председатель Госкомнаца (в то время), в прошлом бессменный председатель Совета Министров ЧАССР (доверенным лицом Л. Прокопьева был М. Юхма). В сложившейся ситуации лица, возглавлявшие демократические партии и организации (Чувашское республиканское отделение ДПР и региональная организация РПР), выступали против института президентства в Чувашии.

Отдельную позицию занял И. Тореев, глава Союза в защиту Родины и свободы (эта демократическая партия в Чувашии, организовавшая множество митингов, пикетов, демонстраций протеста и т. д., отстаивала идею интернационализма и межнационального согласия в Чувашии). Когда стало понятно, что за должность президента во втором туре будут бороться Л. Прокопьев и А. Хузангай, «Союз»

решил провалить выборы. Это обуславливалось нежеланием видеть во главе Чувашии ни представителя старой партийной номенклатуры, ни идеолога националистов. Применяя так называемое третье условие закона о выборах (количество «за» должно быть больше, чем «против»), И. Тореев и его единомышленники сделали все возможное, чтобы отобрать голоса избирателей у Л. Прокопьева и отдать их А. Хузангаю. «Союз» издал листовки в поддержку последнего и начал принимать активное участие в их распространении среди сельских жителей Чувашской Республики. Одновременно с этим члены «Союза» распространяли листовки с призывом не принимать участие в выборах вообще. Подобная противоречивость в предвыборной агитации была воспринята А. Хузангаем и его сторонниками как измена. И. Тореев в своей статье «Немного о дилетантах» признал, что его «Союз», поддерживая А. Хузангаю, ставил перед собой единственную цель — сорвать выборы. В результате первых президентских выборов в Чувашии ни один из кандидатов не набрал нужного количества голосов⁷. Более того, обострилась межэтническая конфронтация в республике. В связи с этим Верховный Совет Чувашской Республики объявил мораторий на проведение выборов Президента Чувашской Республики до истечения срока полномочий, действовавшего на тот момент Верховного Совета Чувашской Республики XII созыва. Новые президентские выборы в Чувашии состоялись 12 и 26 декабря 1993 г., в результате которых первым Президентом Чувашской Республики был избран Н. В. Федоров.

На фоне увеличивавшихся процессов демократизации в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Чувашии начало возрождаться национально-культурное движение, которое быстро политизировалось. В ходе него создавались различные национальные организации, наиболее влиятельными из которых являлись ЧОКЦ (Чувашский общественно-культурный центр), ЧАП и ЧНК (Чувашский национальный конгресс). Одной из главных целей, которую активно проповедовали возникшие движения, стало расширение функций чувашского языка и придание ему статуса государственного. Данная идея была реализована, когда 27 октября 1990 г. Верховный Совет Чувашской ССР принял «Закон о языках в Чувашской ССР»⁸.

Согласно закону о языках, статус государственных языков на территории республики получили русский и чувашский. Государственным служащим предоставлялось право в общении с гражданами использовать как русский, так и чувашский языки. При этом законом не предусматривалось какой-либо дискриминации в зависимости от знания или незнания этих языков. Однако радикально настроенные представители чувашской интеллигенции после распада СССР выдвинули националистические идеи за разрушение целостности Российского государства и установление этнократического режима в Чувашии (Большой Чувашии), за принудительное обучение всего населения республики чувашскому языку⁹.

Существовавшая на тот момент в Чувашской Республике языковая политика не способствовала освоению языка титульного этноса людьми других национальностей, владевших государственным языком России — русским. Во время проведения языковой реформы в Российской Федерации сложилась ситуация, при которой проживавшее в Чувашской Республике не титульное население практически не использовало чувашский язык, но свободно общалось на русском языке. Кроме того, не все представители чувашского народа свободно разговаривали на родном языке.

Для реализации языковой реформы требовались специальные меры по развитию чувашского языка, стимулирования его изучения взрослым населением, в первую очередь, специальные образовательные программы¹⁰.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Чувашии, характеризовалась курсом на демократизацию общественной и политической жизни, расширением правового статуса автономии на фоне возраставшей общей политической и экономической нестабильности в стране.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Клементьев В. Н.** Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917 — 1993 гг.). Чебоксары. 2002. С. 66 — 70.

² **Кирчанов М. В.** Региональная модель политического развития в Российской Федерации // Регионоведение. 2010. № 3. С. 22 — 23.

³ См.: **Щербakov С. В.** Создание современных государственных символов Чувашской Республики в 1990 — 1992 гг. // Государственные символы Чувашской Республики: история создания, проекты, документы и материалы. Чебоксары. 2014. С. 36 — 53.

⁴ См.: **Кирчанов М. В.** Проблемы развития политического национализма в Чувашской Республике (первая половина 1990-х годов) // Вопр. политологии. 2013. № 4 (12). С. 112 — 113.

⁵ См.: **Филиппов В. Р.** Чувашия девяностых : этнополит. очерк. М., 2001. С. 30.

⁶ Устав Партии чувашского национального возрождения (ЧАП). Чебоксары, 1991. С. 1.

⁷ См.: **Филиппов В. Р.** Указ. соч. С. 29 — 32.

⁸ Совет. Чувашия. 1990. 2 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.chuvash> (дата обращения: 02.12.2017 г.).

⁹ См.: **Минеева Е. К.** Экскурс в исследовательскую и публицистическую литературу конца XX — начала XXI века о национально-государственном строительстве в Чувашии // Вестн. Чуваш. ун-та. 2006. № 5. С. 21 — 33.

¹⁰ См.: **Носов В. Е.** Становление нормативно-правовой базы национального образования в современной России // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2007. № 4. С. 141 — 146.

Поступила 10.01.2018 г.

УДК 94(470)

С. Ю. Нуйкин
S. Yu. Nuykin

НИЗОВАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРАМИ ЖИЗНИ СЕЛА В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

(На материалах с. Мордовское Давыдово
Кочкуровского района Мордовской АССР)

THE LOCAL ADMINISTRATION STRUCTURE OF ECONOMIC, SOCIAL AND CULTURAL SPHERES OF THE VILLAGE LIFE IN THE PERESTROIKA YEARS

(On the materials of the village of Mordovskoe Davydovo
of the Kochkurovo District of the Mordovian ASSR)

Ключевые слова: Мордовская АССР, Мордовское Давыдово, перестройка, сельский Совет, комсомол.

В статье на примере с. Мордовское Давыдово рассматривается низовая структура управления экономическим и социокультурным развитием села во второй половине 1980-х гг.; анализируются роль и место государственных, партийных органов и общественных организаций в данной структуре.

Key words: the Mordovian ASSR, Mordovskoe Davydovo, Perestroika, rural Soviet, Komsomol.

The local administration structure of the economic, social and cultural development of the village in the second half of the 1980-ies is considered in the article on the example of the village of Mordovskoe Davydovo; the role and place of state, party bodies and public organizations in this structure are analyzed.

Во второй половине 1980-х гг. низовая сельская структура управления экономической и социокультурной сферами жизни села основывалась на сложившихся в советской системе управления общественных процессах и состояла из сельсовета, административно-управленческого аппарата колхоза, а также сельских ячеек общественных организаций, в первую очередь, первичной парторганизации КПСС.

Мордовско-Давыдовский сельский Совет народных депутатов Кочкуровского района Мордовской АССР являлся первичным органом советской власти в селе, нижним звеном системы Советов народных депутатов. Сельский совет избирался на определенный срок (2 года), текущая работа велась исполнительным комитетом во главе с председателем. В годы перестройки председателями исполкома были: М. И. Бакова (до 19 июня 1986 г.), М. Н. Нуштайкина (с июня 1986 до сентября 1987 г.), П. В. Елфутин (с осени 1987 г. до августа 1988 г.), В. Н. Итяйкина (с августа — сентября 1988 г., совмещая с должностью председателя народного контроля)*. В структуре

* Установить точные даты периодов работы некоторых председателей исполкома, директоров школ, председателей колхоза не позволили имевшиеся в нашем распоряжении архивные материалы.

сельского Совета существенная роль отводилась работе постоянных комиссий, курировавших то или иное направление деятельности.

В Мордовском Давыдове сельский Совет регулярно созывался исполкомом на сессии, как правило, 4 — 6 раз в год. При этом исполком проводил свои заседания раз в месяц. Ежегодно составлялся план работы сельского Совета, в котором подробно расписывался график проведения сессий и заседаний исполкома, определялись рассматриваемые вопросы и ответственные за них лица.

На сессиях и заседаниях исполкома сельского Совета поднимались наиболее значимые вопросы экономической и социокультурной жизни села, связанные, как правило, с сезонными особенностями сельскохозяйственных работ (подготовка к севу, уборка урожая, зимовка скота и др.), а также с проведением общероссийских, республиканских и районных экономических, идеологических и культурных кампаний и мероприятий. По сути, заседания представляли собой отчеты ответственных лиц о результатах проделанной работы. Так, план работы Мордовско-Давыдовского сельского Совета на 1985 г. включал в себя следующее:

— проведение сессий с рассмотрением ряда вопросов: в мае — «О ходе подготовки весенне-полевых работ колхоза „Правда“» (ответственный П. Н. Мырксин); в июле — «Отчет о работе исполкома сельского Совета народных депутатов» (ответственный М. И. Бакова); в сентябре — «О подготовке помещений к зимовке скота в колхозе «Правда» (ответственные А. И. Атаманкин, М. И. Баков); «О работе торгового предприятия и бытового обслуживания по Мордовско-Давыдовскому сельскому Совету» (ответственные К. Н. Нуштайкин, А. И. Бурчина, Э. В. Рябушева, Л. В. Ловштанова); в ноябре — «О ходе зимовки общественного скота в колхозе „Правда“» (ответственные М. И. Баков, И. М. Барашкин);

— проведение заседаний исполкома с рассмотрением вопросов, направленных на детализацию озвученных проблем на сессиях. Так, в январе 1985 г. обсуждались вопросы: «О ходе выполнения зимних агромероприятий и подготовке к весеннему севу» (ответственный П. Н. Мырксин), «О работе общественных организаций» (ответственный М. Н. Нуштайкина); в марте — «О ходе закупок излишков у населения» (ответственный М. И. Бакова); в апреле — «Об усилении противопожарной безопасности и мерах по улучшению санитарного состояния на территории сельского Совета» (ответственные Н. П. Кирюшкина, А. В. Еремина); в мае — «О состоянии бытового обслуживания» (ответственная Л. В. Ловштанова)¹ и т. д.

Кроме того, на сессиях и заседаниях исполкома обсуждались вопросы подготовки и проведения выборов в Советы разных уровней, о бюджете и его исполнении, а также ежегодные планы экономического и социального развития сельского Совета.

Весной 1985 г. начал работать 19-й созыв Мордовско-Давыдовского сельского Совета, в состав которого было избрано 25 народных депутатов. Необходимо отметить, что в условиях ограниченного кадрового ресурса села состав депутатов кардинально не менялся десятилетиями. Ротация происходила либо по естественным причинам (возраст, смерть, выезд из села и пр.), либо в случае утраты депутатом доверия населения или партии. Депутатами избирались сельские активисты и «сельские менеджеры» разных уровней. Село Мордовское Давыдово в этом отношении не являлось исключением.

4 марта состоялась первая сессия 19-го созыва Мордовско-Давыдовского сельского Совета. Традиционно в начале с краткой речью выступил старейший депутат Петр

Васильевич Елфутин. Н. И. Адушкин был избран председателем сессии, В. Н. Кирюшкина — секретарем. Затем были сформированы структурные подразделения сельского Совета и избран их состав. В состав мандатной комиссии вошли М. Н. Нуштайкина (председатель), Н. В. Адушкин и В. Н. Итяйкина; исполком сельского Совета представляли М. И. Бакова (председатель), Н. И. Адушкин (заместитель председателя), Л. С. Давыдова (секретарь), Б. В. Цыбин, Н. В. Ловштанов, П. В. Елфутин, А. В. Адушкин. На сессии также были сформированы постоянные комиссии: плано-бюджетная (председатель В. Н. Кирюшкина), культурно-бытовая (председатель Т. П. Кирюшкина), по делам молодежи (председатель В. Н. Итяйкина), по социальной законности и охране общественного порядка (председатель Р. М. Мамедов), по сельскому хозяйству (председатель П. Н. Мырксин), по борьбе с пьянством и алкоголизмом (председатель М. Н. Нуштайкина). Кроме того, при исполкоме сельского Совета образовали группу народного контроля из 15 чел. (председатель П. В. Елфутин)².

В задачи сельсоветов и их председателей входило выполнение административных, фискальных функций, ведение статистического и военного учета, руководство местным хозяйственным и культурным строительством, формирование местного бюджета. Исполнительные органы сельсоветов были подотчетны как избравшему их Совету, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов. Отсутствие финансовой самостоятельности и постоянный дефицит бюджета ставили сельсовет в зависимое положение и от районных органов власти, и от председателей колхозов или директоров совхозов. В результате низовой орган государственной власти (сельсовет) имел очень шаткие позиции в сельском социуме, находясь между различными административными и хозяйственными центрами влияния, а также сельским обществом. Тем не менее на низовом уровне управления сохранялись некоторые демократические механизмы контроля сельской власти, что снижало степень бюрократизации этих структур³.

Так, административно-управленческий аппарат колхоза «Правда»⁴ с. Мордовское Давыдово состоял из председателя колхоза, правления колхоза, избравшегося общим собранием (5 — 9 чел.) сроком на 2 года, ревизионной комиссии из 3 чел., партийного комитета, а также общего собрания колхоза, состоявшего из членов колхоза. Председатель колхоза избирался общим колхозным собранием из членов колхоза на 2 года по согласованию с райисполкомом и райкомом. Он осуществлял распорядительные функции, а также стратегическое и оперативное руководство сельхозпредприятием. В годы перестройки должность председателя колхоза «Правда» занимали Б. В. Цыбин, с августа 1987 г. — И. В. Немойкин, с января 1989 г. — В. И. Шагалкин, с 1990 г. — В. И. Вишняков. Известные историки-аграрники М. А. Безнин и Т. М. Димони причисляли председателей колхозов к «протобуржуазии», подчеркивая особую власть и положение в сельском сообществе, а также важность делегируемых им административно-управленческих функций⁵. По сути, председатель колхоза представлял собой центральную фигуру советской деревни. Это был руководитель, от которого зависела не только судьба колхоза и колхозников, их доходы и уровень жизни, но и развитие инфраструктуры села, поскольку строительство дорог, школ, клубов, больниц и прочих социальных объектов, на которое у сельсовета не было средств, возлагалось на колхоз. Председатель нес персональную ответственность за выполнение производственных планов, сдачу сельхозпродуктов, выплату налогов

и т. п. Фактически руководитель колхоза являлся государственным чиновником, поскольку в большинстве случаев выборы носили формальный характер. Именно председателя колхоза назвал «хозяином», «самым влиятельным человеком в Мордовском Давыдове»⁶ в своих воспоминаниях уроженец села А. Н. Пинямаскин. Более того, как отметил исследователь Л. Н. Мазур, «колхозная верхушка обладала значительным властным ресурсом по отношению к рядовым колхозникам. Это проявлялось при распределении колхозных работ и должностей, при организации трудовой и гужевой повинностей на лесозаготовках, при записи трудовой, при распределении денежных и натуральных авансов, в штрафных санкциях»⁷.

В условиях советской действительности вся власть, в том числе районная и сельская, сосредотачивалась в руках не советских, а партийных органов. Не было исключением и Мордовское Давыдово. Партийный комитет колхоза избирался из числа коммунистов на партийном собрании сроком на 2 — 3 года. Он осуществлял контрольные функции, вместе с председателем колхоза отвечал за выполнение плановых заданий и государственных поставок, обеспечивал идейное воспитание колхозников и выполнение решений партии. Динамика численности первичной партийной организации колхоза «Правда» в 1985 — 1989 гг. была следующей: в апреле 1985 г. — 38 чел., в июне — 39 чел.; соответственно в июне и октябре 1986 г. — 37 и 36; в марте и августе 1987 г. — 36 и 43; в марте и августе 1988 г. — 41 и 40 и в мае 1989 г. — 40 чел.⁸

Данные статистики свидетельствуют о незначительном увеличении численности парткома колхоза. Так, до 1987 г. в ряды членов партии принимали по несколько человек, при этом наибольший рост был в 1987 г. — приняли 7 чел. За 3 года XII пятилетки выбыли 3 члена партии⁹, основными причинами исключения стали нарушение партийной дисциплины и пьянство. Начиная с 1988 г. в партком колхоза больше не приняли ни одного человека.

Партийную организацию колхоза «Правда» возглавлял секретарь, избиравшийся из членов парткомитета по согласованию с райкомом. Секретарями парткомитета колхоза в разное время были Н. В. Ловштанов (до 19 июня 1986 г.)¹⁰, М. И. Бакова¹¹, Н. Н. Пивцайкин (1990 г.)¹².

Текущее руководство парторганизацией колхоза «Правда» осуществляло партбюро, избираемое из членов парткома. Например, 20 сентября 1985 г. в состав партбюро вошли: Н. И. Адушкин, М. И. Бокова, Н. В. Ловштанов, Л. И. Мурлаева, Н. И. Мотолов, В. Н. Итяйкина, Б. В. Цыбин¹³. 19 июня 1986 г. избрали М. И. Бакову, Б. В. Цыбина, Н. И. Адушкина, Н. И. Моголова, Л. И. Дурнову, В. Н. Итяйкину, А. Н. Мырксина¹⁴. Н. В. Ловштанов был выведен из состава партбюро. 28 сентября 1988 г. был избран последний состав партбюро колхоза (судя по имевшимся в нашем распоряжении документам), в который вошли М. И. Бакова, И. В. Немойкин (до января 1989 г.), В. Н. Итяйкина, Р. М. Мамедов, А. Н. Мырксин, В. Н. Лачин и Н. В. Ловштанов¹⁵.

По данным на октябрь 1986 г., структура парторганизации включала 3 партийные группы (в механических мастерских, на МТФ и в Мордовско-Давыдовской 8-летней школе). По роду занятий членами партии являлись 26 колхозников, 6 служащих и 6 пенсионеров; с высшим образованием были 3 чел., со средним — 24, с неполным средним — 4 и с начальным — 4 чел.¹⁶ В декабре 1987 г. в партийной организации с. Мордовское Давыдово было уже 4 партгруппы (в механических мастерских, на МТФ, Мордовско-Давыдовской 8-летней школе и в мебельном цехе).

По роду занятий в партию входили 26 колхозников, 6 служащих и 10 пенсионеров; среди них с высшим образованием были 5 чел., со средним — 21 и с начальным образованием — 6 чел.¹⁷ В сентябре 1988 г. в структуре партийной организации колхоза осталось 3 партгруппы (была ликвидирована партгруппа мебельного цеха), включавшие 19 колхозников, 7 служащих, 12 коммунистов-пенсионеров. Из них партийный стаж до 30 лет имели 9 чел., до 20 лет — 4, до 10 лет — 9 и до 5 лет — 11 чел.; с высшим образованием насчитывалось 4 чел., со средним — 23, с начальным — 6 чел.¹⁸

Парторганизация колхоза «Правда» вела активную агитационно-массовую работу, заключавшуюся в подготовке и размещении около здания правления колхоза, на ферме, во время уборки на току наглядной агитации, отражавшей итоги работы основных подразделений колхоза за месяц, квартал и год, условия соцсоревнования и соцобязательства. Во время напряженных сельскохозяйственных работ выпускались «Молния» и «Боевой листок», заполнялись доски показателей. На агитплощадках в честь победителей соцсоревнования поднимался флаг трудовой славы. В животноводстве успешно зарекомендовала себя такая форма воспитательной работы, как дни животновода, или, как они назывались в Мордовском Давыдове, «среды»¹⁹. В парторганизации колхоза в годы перестройки ежегодно насчитывалось 25 агитаторов²⁰.

В обязанность агитаторов и пропагандистов входила в том числе работа в области образования и политического просвещения. Например, с 1 октября 1986 г. в Мордовском Давыдове проходили занятия в системе партийного экономического образования и в школе коммунистического труда. Для этого было образовано несколько школ: основ марксизма-ленинизма, конкретной экономики, коммунистического труда с животноводами и коммунистического труда с механизаторами. В качестве пропагандистов были утверждены М. И. Бакова, Б. В. Цыбин, Т. В. Елфутина (главный зоотехник) и П. Н. Мырксин (главный агроном)²¹. Данные школы организовывались ежегодно.

В период перестройки парторганизация колхоза «Правда» стала экспериментальной площадкой по реорганизации системы политпросвещения с применением метода «диалога с людьми»²². Так, в 1987 — 1988 гг. курсы политпросвещения с использованием новой методологии посещали 10 чел. Занятия в разное время вели П. В. Елфутин и П. В. Ловштанов²³. Как показала практика, занятия проходили «при низкой явке слушателей» и «отсутствии заинтересованности в обсуждении актуальных тем»²⁴.

Партийная организация колхоза «Правда» активизировала свою работу в периоды проведения наиболее интенсивных и ответственных сельскохозяйственных работ (сев, уборка урожая, подготовка к зимовке скота и др.). Так, ежегодно в период весенне-полевых работ партийная организация утверждала в колхозе условия соцсоревнования, списки коммунистов и всех специалистов, занятых на весеннем севе, списки агитаторов и политинформаторов, закрепленных за агрегатами, дополнительные посты народного контроля, списки партийно-комсомольской группы, депутатские посты на период сева²⁵. Кроме того, за каждым членом партбюро колхоза закреплялось определенное направление работы хозяйства. Так, например, 19 июня 1986 г. состоялось заседание партбюро колхоза, на котором секретарем партбюро была избрана М. И. Бакова, предложившая распределить обязанности между членами парт-

бюро следующим образом: Н. И. Адушкин — заместитель секретаря по идеологической работе; Б. В. Цыбин — заместитель секретаря по организационной партийной работе; Н. И. Мотолов — ответственный за работу автопарка; Л. И. Дурнова — ответственная за работу животноводческого хозяйства; В. Н. Итяйкина — ответственная за полеводство, общественные организации; А. Н. Мырксин — ответственный за наглядную агитацию; М. И. Бакова — общее руководство²⁶.

В Мордовском Давыдове функционировала и комсомольская организация, где на учете по состоянию на март 1987 г. числилось 32 комсомольца. К концу года их численность сократилась до 28 чел.²⁷, а в конце 1988 г. увеличилась до 30 чел.²⁸ В основном это были трактористы, шоферы и специалисты. Комитет комсомола колхоза в 1986 г. возглавляла Н. П. Еремина, в 1987 г. — Н. П. Ласкуткина, Н. П. Еремина и Г. Н. Мотолова²⁹. Частая сменяемость комсомольских вожakov объяснялась, как правило, их неудовлетворительной работой.

В конце 1989 г. в первичной партийной организации колхоза начались трудности, обусловленные, в первую очередь, общероссийскими процессами. 2 — 13 июля 1990 г. в Москве прошел XXVIII съезд КПСС, оказавшийся последним съездом партии перед ее упразднением в 1991 г. «... Съезд проходил на фоне усугубляющегося экономического кризиса, роста социальной напряженности в стране, обострения межнациональных отношений. Нарастал размах самых противоречивых и острых идейных течений в обществе. Все это усугубило идейный разброд, породило неуверенность в завтрашнем дне Компартии и СССР», — так оценил основные итоги съезда первый секретарь Кочкуровского РК КПСС П. Н. Никеров в докладе на XXXII (последней) районной партконференции 13 октября 1990 г.³⁰ Роль партии, таким образом, в жизни советского общества ослабевала под давлением реформ и их последствий.

Необходимо отметить, что мордовско-давыдовская парторганизация одной из первых в районе в полной мере ощутила на себе эти тенденции. Как следствие, резко усилилась критика со стороны райкома КПСС. П. Н. Никеров, анализируя деятельность первичных парторганизаций, отмечал, что «...отдельные парткомы (бюро) все еще продолжают оставаться в состоянии определенной апатии к происходящему вокруг. Ощущается скованность их практических действий, проявляется беспомощность, нерешительность...»³¹. К их числу он отнес партком и партбюро колхоза «Правда», подчеркнув при этом их слабое влияние на положение дел на местах. В результате в 1990 г. в парторганизации колхоза произошли кадровые перемены, ее секретарем вместо М. И. Баковой стал Н. Н. Пивцайкин³².

Жесткая критика парторганизации колхоза «Правда», в первую очередь, обуславливалась резко увеличившимся оттоком коммунистов из рядов КПСС. С января по октябрь 1990 г. Кочкуровскую районную парторганизацию покинуло 17 чел. Наибольший отток наблюдался в организациях МПМК, колхозах «Победа» и «Правда». В основном люди мотивировали свое решение снижением авторитета партии, нежеланием выполнять партийные обязанности, платить членские взносы. Часть коммунистов уходила из рядов партии из-за «низкого уровня работы партийных организаций». Именно к последним райком партии и отнес парторганизацию колхоза «Правда». П. Н. Никеров констатировал: «...за последнее время партбюро колхоза „Правда“ самоустранилось от работы с коммунистами, перестало жить нуждами и заботами людей, пустило все дело на самотек. И вот результат — в названной парторганизации

сдали свои билеты 4 коммуниста»³³. Таким образом, партийная организация в Мордовском Давыдове одной из первых в районе начала постепенно распадаться.

В годы перестройки в Мордовском Давыдове действовали в том числе такие общественные организации, как профсоюзный комитет (председатель Н. М. Адушкина), товарищеский суд, женсовет и добровольная народная дружина³⁴. Однако активной и плодотворной их работу назвать сложно в связи с формальным характером их функционирования.

Таким образом, в середине 1980-х — начале 1990-х гг. произошли существенные изменения в экономической и социокультурной структурах управления села. При этом трансформации подверглась не сама управленческая система, а прежде всего составлявшие ее организационно-функциональные доминанты. Сельские партийные органы и другие общественные организации утратили ведущие позиции в определении векторов развития села.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 192. Л. 1 — 2.

² Там же. Д. 193. Л. 1 — 18.

³ **Мазур Л. Н.** Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Изв. Урал. федеральн. ун-та. 2015. № 2 (139). С. 153 — 154.

⁴ Подробнее об этом см.: **Бикейкин Е. Н.** Трансформация социально-экономической инфраструктуры села во второй половине 1980-х гг.: опыт анализа на микроуровне // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 63 — 70.

⁵ **Безнин М. А., Димони Т. М.** Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930 — 1980-х гг. // Социс. 2011. № 11. С. 90 — 102.

⁶ Текущий арх. отдела истории НИИГН.

⁷ **Мазур Л. Н.** Указ. соч. С. 154 — 155.

⁸ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 77. Л. 26 ; Д. 78. Л. 39, 67 ; Д. 79. Л. 1, 58, 71 ; Д. 83. Л. 12.

⁹ Там же. Д. 81. Л. 138.

¹⁰ Там же. Д. 78. Л. 41.

¹¹ Там же. Д. 79. Л. 1.

¹² Там же. Ф. 677-П. Оп. 39. Д. 1. Л. 64.

¹³ Там же. Д. 77. Л. 95.

¹⁴ Там же. Д. 78. Л. 43.

¹⁵ Там же. Д. 81. Л. 113.

¹⁶ Там же. Д. 78. Л. 67 — 68.

¹⁷ Там же. Д. 79. Л. 99.

¹⁸ Там же. Д. 81. Л. 90.

¹⁹ Там же. Д. 78. Л. 85 — 86.

²⁰ Там же. Д. 79. Л. 112.

²¹ Там же. Д. 78. Л. 145 — 146.

²² Там же. Д. 79. Л. 112.

²³ Там же. Д. 81. Л. 101.

²⁴ Там же. Д. 79. Л. 112.

²⁵ Там же. Д. 78. Л. 122 — 132.

²⁶ Там же. Д. 78. Л. 133 — 134.

²⁷ Там же. Д. 79. Л. 115.

²⁸ Там же. Д. 81. Л. 104.

²⁹ Там же. Д. 79. Л. 22.

³⁰ Там же. Ф. 677-П. Оп. 39. Д. 1. Л. 61.

³¹ Там же. Д. 1. Л. 62.

³² Там же. Д. 1. Л. 64.

³³ Там же. Д. 1. Л. 64 — 65.

³⁴ Там же. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 82. Л. 2 — 3.

Поступила 26.02.2018 г.

УДК 94(470)«19»:271

Е. Н. Ефремов

E. N. Efremov

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ ЧУВАШИИ В 1985 — 1991 гг.
(К историографии проблемы)**

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE STATE POLICY
OF THE CHUVASHIA REPUBLIC IN 1985 — 1991
(To the historiography of the problem)**

Ключевые слова: конфессиональная политика, Русская православная церковь, Чебоксарско-Чувашская епархия, Чувашская АССР, Чувашская ССР, уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Чувашской АССР.

В статье рассматриваются основные направления эволюции государственной политики чувашских властей в отношении РПЦ периода «перестройки и гласности»; проводится комплексный анализ историографии проблемы, причин, периодизации, особенностей и значения данных событий в истории Чувашии.

Key words: confessional policy, the Russian Orthodox Church, the Cheboksary-Chuvash Eparchy, the Chuvash ASSR, the Chuvash SSR, the Commissioner of the Council for Religious Affairs by the Council of Ministers of the USSR in the Chuvash ASSR.

The article deals with the main directions of the evolution of the state policy of the Chuvash authorities in relation to the Russian Orthodox Church of the period of «perestroika and publicity»; comprehensive analysis of the historiography of the problem, as well as of causes, periodization, features and significance of those events in the history of Chuvashia is made.

Политические события в СССР второй половины 1980-х — начала 1990-х гг., сопровождавшиеся коренными преобразованиями Советского государства и общества, затронули и религиозную сферу, прежде всего государственно-церковную. Рассмотрение данных изменений во взаимодействии государства и православия является крайне актуальным, так как обусловлено важностью «перестроечных» религиозных преобразований в СССР, ставших основой для последующей политики Российской Федерации в отношении Русской православной церкви (РПЦ).

Несмотря на то, что в Чувашской АССР сохранялись крепкие дореволюционные традиции православного христианства, в отечественной региональной историографии

практически отсутствуют современные комплексные исследования по вопросам церковной политики местных отделений ЦК КПСС в конце XX столетия. В ряде исследований чувашских историков, затронувших отдельные аспекты рассматриваемой тематики, наиболее значимыми являются работы известного религиоведа республики Л. Ю. Браславского¹. В своих монографиях ученый исследовал процессы организационно-культурного возрождения Чебоксарской и Чувашской епархий РПЦ на рубеже 1980 — 90-х гг. Данные вопросы затронуты также в диссертации В. П. Козлова². Однако Браславский и Козлов, исследуя восстановление позиций православия в Чувашии, ограничились рассмотрением данных вопросов без анализа политического участия в них властей республики.

Дополняет историографию исследования монография В. Р. Филиппова³. В своей работе ученый наряду с общей характеристикой этнополитической ситуации в Чувашии в конце 1980 — 90-х гг. выделил дестабилизирувавшие ее факторы. По мнению автора, ими стали тенденции к укреплению позиций «русского православия», вызвавшие в 1990-е гг. противодействие РПЦ со стороны представителей чувашских этносов, традиционно исповедовавших языческие культы. Позиция Филиппова свидетельствует, помимо динамичного ренессанса православия в Чувашской АССР, об активном вовлечении объединений РПЦ в республиканские политические процессы.

Исследованию государственно-церковных отношений в 1917 — начале 1940-х гг. на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии посвящена монография чувашского историка Ф. Н. Козлова⁴. Значительный архивный материал, использованный автором, дает представление о наиболее трудных советских десятилетиях притеснения Советским государством православия в Чувашии. Сравнение этих трагичных событий с церковной политикой чувашских властей эпохи «перестройки и гласности» позволяет более полно определить тенденции и историческое значение последней.

Специфика политики власти Чувашской АССР по отношению к РПЦ прослеживается из информации, содержащейся в рассекреченных в последние годы документах за 1981 — 1991 гг. фондов Р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религий» и Р-203 «Совет Министров ЧР» Государственного исторического архива Чувашской Республики⁵.

Следует отметить, что к середине XIX в. православие стало основной конфессией Чувашского края в результате проводимой с XVI в. христианизации чувашей и других нерусских этносов⁶. До революционных религиозных гонений, по данным Ф. Н. Козлова, в Чувашии в январе 1918 г. насчитывалось 338 различных культовых зданий РПЦ⁷. Большинство из них впоследствии были разрушены или закрыты в годы большевистского атеизма, за исключением «послабления» сталинской религиозной политики во время Великой Отечественной войны, когда в Чувашской АССР были восстановлены церкви в с. Раскильдино (1944 г.) и Атрать (1944 г.), а также в г. Алатыре (1945 г.)⁸.

В 1985 г. Чебоксарско-Чувашская епархия, образованная в 1945 г., располагала, согласно сведениям исследователя В. П. Козлова, всего лишь 36 действовавшими церквями⁹. Однако в информационном отчете уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР по Чувашской АССР за 1987 г. приведена информация о 37 православных церквях, функционировавших в Чувашии до пере-

стройки¹⁰. В территориальном плане, согласно документу, эти церкви были «расположены крайне неравномерно: в шести районах и городе Новочебоксарске религиозных обществ нет, в восьми районах — по одной церкви, в двух — по две, в одном — три, в трех районах — по четыре и в одном, Порецком районе, — семь»¹¹.

В целом к началу «перестроечных процессов» религиозную структуру Чувашской АССР помимо православных церквей представляли 2 мусульманские общины, 2 евангельских христианско-баптистских объединения и 1 организация адвентистов седьмого дня¹². Оставшиеся церкви епархии руководство Чувашии к середине 1980-х гг. по-прежнему тотально контролировало, в частности, их организационно-хозяйственную деятельность. Так, уполномоченный по делам религии при Совете Министров СССР по Чувашской АССР П. К. Громов указывал на необходимость информирования о внесении церквами денег в государственный фонд мира, проведении православных праздников, состоянии религиозной обрядности верующих, возрастных группах посетителей храмов, негативных моментах в поведении церковнослужителей¹³. Все это свидетельствовало об упадническом состоянии позиций православия в Чувашии перед началом политического курса М. С. Горбачева.

Общепринятым в отечественной историографии является положение, согласно которому конструктивные сдвиги в церковной политике на общесоюзном уровне произошли только в 1988 г., чему во многом способствовало празднование тысячелетия крещения Руси, позиционировавшееся как эпохальное государственное событие¹⁴. В Чувашской АССР подобные изменения государственно-православного взаимодействия, начавшиеся в 1988 г., сопровождалась ранее возникшим противостоянием священнослужителей и верующих с властью за возвращение и открытие бывших церквей, что выразилось не только в соответствующих ходатайствах в первичные инстанции, но и самовольных захватах церковного имущества.

Первые попытки «отвоевывания» церквей в Чувашской АССР относятся к 1970-м гг., когда по утверждению партийных властей «религиозные фанатики подстрекательством епископа Николая писали жалобы в центральные органы, требуя открытия церкви в селе Козловка»¹⁵. В итоге в 1978 г. церковь Богоявления в с. Козловка Порецкого района Чувашской АССР была передана Чебоксарско-Чувашской епархии и в ней возобновилось богослужение, прерванное с 1960 г.¹⁶

С начала 1980-х гг. число просьб представителей православной общественности к руководству Чувашской АССР по поводу образования церквей неуклонно возрастало. При этом многочисленные заявления и жалобы верующих оставались без удовлетворения властей, которые ссылались при отказе на всевозможные обстоятельства, порой и надуманные. Например, в августе 1981 г. Совет Министров Чувашской АССР отказал православным верующим с. Эшмикеево Яльчикского района в передаче в их пользование здания бывшей Михайло-Архангельской церкви «в связи с его ветхостью и аварийностью»¹⁷. Райисполком Яльчикского района Чувашской АССР, выясняя зачинщиков данного обращения, указывал, что «появление коллективного письма произошло не без вмешательства священника соседней деревни А. Федорова, с которым проведена профилактическая беседа»¹⁸. Однако в разгар перестройки 1 ноября 1989 г. вышеназванные конструктивные недостатки церкви не помешали исполнительному комитету Яльчикского райсовета народных депутатов ходатайствовать перед Советом Министров Чувашской АССР о регистрации «Михайло-Архангельского православного религиозного объединения села Эшмикеево»¹⁹.

Не в пользу верующих было и решение Канашского районного Совета народных депутатов Чувашской АССР, отказавшего 27 января 1984 г. в регистрации православного общества в с. Высоковка Канашского района. Основаниями послужили «поддельные подписи в заявлении граждан» и «передача здания бывшей церкви под музей народного творчества»²⁰. К тому же уполномоченный П. К. Громов после изучения заявления граждан об открытии церкви в с. Высоковка отмечал, что «инициаторы подачи заявления проживают в г. Чебоксары и г. Канаш, где имеются церкви». В связи с этим граждане, по мнению Громова, «имеют возможность лучше, чем другие верующие, удовлетворить свои религиозные потребности», поэтому нет «основания для регистрации религиозного объединения»²¹.

Таким образом, перед началом политических преобразований в 1985 — 1991 гг. в Чувашии наметились тенденции к возрождению РПЦ, выразившиеся в требованиях вернуть бывшие церкви с правом регистрации в них православных обществ.

После апрельского 1985 г. пленума ЦК КПСС начавшаяся незначительная демократизация политики к религиям (ускорение процедуры регистрации религиозных объединений, получение права строительства и приобретения культовых зданий, снятие запрета на церковный колокольный звон и др.) еще больше активизировала «просыпавшееся» православное чувашское общество. По поводу этого П. К. Громов в ноябрьском письме 1985 г. первому секретарю Чувашского обкома КПСС И. П. Прокопьеву выражал беспокойство «осложняющейся религиозной обстановкой в городе Чебоксары и Канашском районе». По словам Громова, «после решения Канашского райисполкома о переоборудовании помещения церкви в краеведческий музей в апреле 1983 г., объявления об этом заявителям и сообщения в газетах, поток заявлений и писем почти прекратился». «Однако, в последние три-четыре месяца», — отмечал уполномоченный, — «граждане, минуя местные органы власти, стали ездить в Москву на прием к Председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР»²².

Сложившуюся ситуацию П. К. Громов охарактеризовал как «ненормальную обстановку», информирование о которой заявителями председателя союзного Совета по делам религий К. М. Харчева, известного своим либеральным отношением к религиям, «явно не желательно перед открытием XXVII съезда КПСС». Причину возникшей проблемы с верующими уполномоченный видел в недостаточной работе атеистической пропаганды среди населения Чувашской АССР, в связи с чем «восстановление нормальной обстановки» требовало проведения более «активной воспитательной работы среди верующих Яндоушского, Среднекибечского и Ухманского сельсоветов» с особым обращением внимания «на инициаторов подачи заявлений об открытии церквей»²³. Несмотря на все принятые административно-командные методы, руководству Чувашской АССР не удалось предотвратить эскалации конфликта с верующими на общесоюзном уровне.

В служебной записке от 13 февраля 1986 г., адресованной чувашским властям, К. М. Харчев констатировал возникшую «в последние месяцы активизацию деятельности верующих православной конфессии Чувашской АССР, которые добиваются в течение последних лет регистрации религиозных обществ и открытия молитвенных зданий». Об этом, заметил Харчев, свидетельствуют их «обращения в различные партийные и советские органы, в адрес XXVII съезда КПСС, а также в Совет по делам религий при Совете Министров СССР». В данном документе П. К. Громову

предписывалось также «обратить самое серьезное внимание на обстановку, создавшуюся в Чувашской АССР, особенно в деревне Задние Яндоуши Канашского района, откуда поступает наибольшее обращение верующих граждан». При этом отмечалось, что вся работа с верующими «должна строиться в строгом соответствии с законодательством о религиозных культах»²⁴.

Впрочем, общесоюзные установки по вопросам церковной политики в Чувашской АССР не способствовали всеобщему возвращению местной епархии церковного имущества вплоть до 1988 г. Этому препятствовали не только устоявшийся антирелигиозный подход в работе партийно-номенклатурной чувашской элиты, но и отсутствие в первые годы перестройки со стороны Политбюро ЦК КПСС какого-либо кардинального реформирования конфессиональной политики. В 1985 — 1987 гг. в Чувашской АССР по-прежнему сохранялась государственная юрисдикция церковной жизни²⁵.

Между тем в религиозной обстановке республики продолжалась тенденция к дальнейшему оживлению у верующих настроения относительно создания новых православных обществ. По этому поводу новый уполномоченный Совета по делам религии по Чувашской АССР Б. А. Краснов в докладе от 27 августа 1987 г. сообщал в вышестоящие органы власти СССР, что «начиная с сентября 1986 г. группа верующих из г. Шумерли настаивают на регистрации нового православного общества»²⁶. Изучив данный вопрос, Совет по делам религий СССР рекомендовал чувашским властям удовлетворить просьбы верующих, в результате чего 1 декабря 1987 г. была произведена регистрация православного религиозного общества в г. Шумерле, ставшего единственным созданным за первые 3 года перестройки в Чувашской АССР²⁷.

Согласно вышесказанному, поворотным в православной политике как общесоюзных, так и чувашских властей, стал 1988 г., когда 28 июня на XIX Всесоюзной конференции КПСС, состоявшейся в рамках празднования тысячелетия крещения Руси, фактически официально был закреплен новый курс в государственно-православных отношениях. Подготовка к этим событиям сопровождалась в Чувашии повсеместной реставрацией ее церковной архитектуры в 1987 — 1988 гг. Наиболее значительными из них стали организованные местными властями в Чебоксарах в 1987 г. строительные работы на сумму более 100 тыс. руб. в Успенском соборе «по окраске фасадов, завершению купола с установкой главки» и в Воскресенской церкви «по благоустройству территории». В целом в 1987 г. затраты на церковные ремонтно-реставрационные работы составили 395 тыс. руб., а в 1988 г. — 385 тыс. руб.²⁸

В начале июня 1988 г. в целях организации юбилейных мероприятий архиепископ Чебоксарский и Чувашский Варнава обратился в Совет Министров Чувашской АССР с предложением о проведении 23 июня 1988 г. в зале Чувашской филармонии торжественного собрания и концерта духовной музыки с участием служителей культа, представителей власти и общественности²⁹. «Учитывая общественно-политическую значимость юбилейного праздника, полагаем возможным поддержать просьбу архиепископа», — говорилось в официальном ответе Совета Министров Чувашской АССР³⁰.

В итоге «Тысячелетие христианства» в Чувашии было отмечено «двумя выставками в краеведческом музее и республиканской библиотеке им. Горького, демонстрировавшими чувашскую иконопись, литературу, прикладное искусство XVII — XIX вв.», а также «торжественным собранием во Дворце культуры, завершившимся торжественным салютом»³¹.

Таким образом, события вокруг празднования тысячелетия введения христианства на Руси способствовали в Чувашской АССР первым попыткам историко-культурного осмысления роли православия в жизни советского общества, началу складывания конструктивного взаимодействия между властью и РПЦ, что после долгих лет религиозных гонений было особенно значимым.

Одновременно ситуация вокруг происходивших событий в Чувашии складывалась весьма неоднозначно: с одной стороны, делались «реверансы» в сторону РПЦ, с другой — продолжались атеистические мероприятия, не допускавшие упорядочения православной религиозной сети в соответствии с возросшими потребностями значительной части верующего чувашского общества. Чувашские власти, пытаясь удержать начавшийся «религиозный бум» по открытию церквей в Чебоксарах, Новочебоксарске и Шумерлях, с. Байгулово, Буртасы, Тарханы и др., по-прежнему ссылались на возможность «удовлетворения заявителями религиозных потребностей в близлежащих населенных пунктах, где имелись действующие молитвенные сооружения»³².

В знак протеста верующие прибегали к голодовке, организации митингов протеста, либо к самовольному захвату бывших церквей, как, например, в с. Байгулово Козловского района Чувашской АССР³³. В интервью газете «Советская Россия» от 5 апреля 1988 г. председатель Совета Министров по делам религии РСФСР Л. Ф. Колесников, комментируя сложившуюся ситуацию в Чувашии, заявил, что причина произошедшего кроется в «непродуманных решениях местных органов власти, незаконно отказывающих в регистрации религиозных обществ»³⁴. Вскоре 6 — 7 мая 1988 г. в Чувашскую АССР последовал рабочий визит Колесникова, который «на месте изучил жалобы, касающиеся отказа в регистрации религиозных обществ»³⁵. Реакцией на его интервью и визит стала регистрация в 1988 г. православных обществ с возвращением бывших церквей в с. Байгулово Козловского района, Сыреси Порецкого района и Задние Яндоуши Канашского района³⁶. Чувашские власти возобновили и деятельность церкви с. Никулино Порецкого района, незаконно прекращенную 25 лет назад без снятия с регистрационного учета³⁷. Данные мероприятия устранили ряд продолжительных конфликтов между верующими и отдельными должностными лицами органов власти Чувашии. В частности, была предотвращена массовая голодовка верующих в культовом здании с. Задние Яндоуши.

В принятом Советом по делам религий при Совете Министров РСФСР постановлении «О ходе перестройки в работе уполномоченного Совета по делам религий по Чувашской АССР» от 11 октября 1988 г. деятельность соответствующих чувашских органов власти подверглась дальнейшей критике. В постановлении религиозная обстановка в Чувашской АССР расценивалась как сложная из-за повышения активности православных верующих по открытию храмов «накануне и после широко отмечавшегося тысячелетия введения христианства на Руси»³⁸. В этот переломный исторический момент, подчеркивалось в документе, главные усилия должны направляться на «обеспечение действующих конституционных гарантий свободы совести путем отказа от прежней административно-командной практики в воспитательной работе с религиозным активом», что должно не допустить «возникновение конфликтных ситуаций на почве необоснованных отказов в удовлетворении законных требований верующих»³⁹.

Несмотря на столь важные направления в конфессиональной политике страны, в деятельности уполномоченного Б. А. Краснова, по мнению вышестоящих властей,

имелись существенные пробелы, отсутствовало «плановое начало». Во-первых, у значительной части членов комиссий не было согласованности в соблюдении законодательства о религиозных культах при исполнительных комитетах Совета народных депутатов, знаний о содержании государственной политики в отношении церкви в СССР, новых обязанностях должностных лиц советских органов в условиях перестройки. Во-вторых, аппарату Краснова вменялось отсутствие «необходимой глубины и оперативности в работе с письмами, жалобами и заявлениями граждан», многие из которых носили повторный характер, требуя разрешения поставленных верующими вопросов. Наконец, в-третьих, озабоченность вышестоящих властей вызывало неиспользование Красновым всех возможностей общественности, СМИ, научных и творческих организаций для более глубокого изучения и прогнозирования религиозной обстановки, информирования населения Чувашской АССР о происходящих изменениях в религиозной сфере⁴⁰.

Уполномоченному Совету по делам религий по Чувашской АССР до 1 октября 1989 г. предписывалось устранить имевшиеся недостатки в решении задач ЦК КПСС по реальному обеспечению конституционных гарантий свободы совести путем искоренения административно-бюрократического подхода в вопросах государственной религиозной политики. При этом «перестроечные» преобразования в Чувашской АССР, отмечалось в заключении постановления, должны были сопровождаться «проведением воспитательной работы со священнослужителями в целях их активности в патриотической и миротворческой деятельности, в решении задач перестройки по обновлению всех сфер жизни советского общества, укреплению дружбы между народами»⁴¹.

Политические установки постановления «О ходе перестройки в работе уполномоченного Совета...» ускорили «перерождение» чувашских государственно-православных отношений в сторону их демократизации и гласности. Уже осенью 1988 г. власти Чувашской АССР официально признали многолетнюю благотворительную деятельность РПЦ в регионе, что выразилось не только в избрании архиепископа Варнавы членом президиума Чувашского отделения фонда «Милосердие и здоровье», но и его награждении наряду со многими священнослужителями знаками отличия и грамотами Советского фонда мира⁴². В конце 1988 г. в Чувашии прекратилась практика наложения административных наказаний на священнослужителей и все большее распространение получили деловые встречи руководства Чувашской Республикой с управляющими епархии, на которых обсуждались вопросы предстоявшего сотрудничества⁴³.

В этом же году чувашские власти открыли от 6 до 8 церквей, чего в предыдущие годы советского периода не практиковалось. Приблизительность количественных данных о новых православных приходах в Чувашии объясняются расхождением статистики различных источников. Например, по сведениям Л. Ю. Браславского, в 1988 г. открылось 8 церквей, в 1989 г. — 10, в 1990 г. — 19, в 1991 г. — 30⁴⁴. Согласно же «Информационному отчету уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Чувашской ССР за 1990 г. от 5 февраля 1991 г.», в 1988 г. было зарегистрировано 6 православных религиозных объединений, в 1989 г. — 14, в 1990 г. — 18⁴⁵.

Учреждение православных обществ, как правило, сопровождалось предоставлением им зданий бывших церквей, большинство которых находились в аварийном

или разрушенном состоянии и требовали проведения ремонтно-восстановительных работ. Осуществление передачи бывших церковных объектов в ведение Чебоксарско-Чувашской епархии не всегда происходило быстро вследствие функционирования в них различных социальных учреждений. Подобное положение дел сложилось в ноябре 1989 г. в с. Бургасы Урмарского района, где в здании бывшей церкви находился противотуберкулезный диспансер⁴⁶. В с. Вурман-Сюктери Чебоксарского района в феврале 1990 г. было решено вернуть верующим бывшую церковь после перевода из нее учебных мастерских школы⁴⁷. В аналогичных условиях в сентябре 1990 г. в с. Чурачики Цивильского района в связи с тем, что на восстановление Успенской церкви требовалось много времени, «молитвенный дом временно был организован в списанном здании участковой амбулатории»⁴⁸. Компромиссное решение было принято властями и верующими в с. Большой Сундырь Моргаушского района по использованию части здания бывшей церкви, где располагался кинотеатр до постройки нового дома культуры⁴⁹.

В Чувашской АССР в разгар перестройки почти не производилось строительство новых объектов православной инфраструктуры вследствие отчасти сохранившейся церковной архитектуры дореволюционного периода, в возвращении и восстановлении которой, прежде всего, была заинтересована Чувашско-Чебоксарская епархия.

В 1988 — 1991 гг. финансирование ремонта, реконструкции и реставрации церкви осуществлялось руководством Чувашской АССР, а также Чебоксарско-Чувашской епархией, получившей с 1988 г. по новому уставу церковного управления право самостоятельно распоряжаться своими доходами⁵⁰. При поддержке властей республики, к примеру, были восстановлены храмы в с. Асакасы Аликовского района, Ходары Шумерлинского района, Балдаево Ядринского района и др.⁵¹

Однако в конце 1990 г. — 1991 г. вследствие придания общесоюзным законодательством РПЦ статуса юридического лица и тяжелого социально-экономического положения в Чувашии материальная поддержка Чувашско-Чебоксарской епархии существенно снизилась. Например, свой отказ в выделении 400 тыс. руб. на восстановление церкви в с. Ишанки Чебоксарского района Управление делами Совета Министров Чувашской АССР мотивировало «дефицитом финансовых средств в условиях нынешней экономической ситуации в республике». В других подобных случаях власти ссылались на отсутствие в законодательстве графы бюджета, предусматривавшей выделение религиозным организациям денежных средств⁵².

Наряду с этим в Чувашской АССР со стороны властей в 1990 — 1991 гг. продолжалась передача церковного недвижимого имущества, среди которого были и особо значимые объекты историко-культурного наследия. Так, в числе уникальных древних памятников находился бывший Свято-Троицкий мужской монастырь в Чебоксарах, с просьбой о возвращении которого управляющий Чебоксарско-Чувашской епархии Варнава обратился в письме от 2 мая 1990 г. к Председателю Президиума Верховного Совета Чувашской АССР А. М. Леонтьеву. Судя по данному документу, наряду с РПЦ на комплекс зданий бывшего Свято-Троицкого мужского монастыря претендовали евангельские христиане-баптисты, обратившиеся с соответствующим запросом в Министерство культуры Чувашской АССР. По поводу этого архиепископ Варнава выразил категоричное несогласие, обратив внимание в письме на то, что «монастырь построен православными верующими, на их средства и для удовлетворения их религиозных нужд, поэтому он должен находиться в ведении православ-

ных и в нем должна совершаться служба православная»⁵³. По утверждению Варнавы, «в случае передачи монастыря все расходы по его восстановлению Чебоксарско-Чувашское епархиальное управление будет осуществлять за счет своих средств»⁵⁴.

Уже 8 мая 1990 г. Совет Министров Чувашской АССР на основании письма Чебоксарско-Чувашского епархиального управления «принял решение поддержать их просьбу о передаче ему бывшего Свято-Троицкого мужского монастыря»⁵⁵. 10 июня 1991 г. распоряжением Совета Министров Чувашской АССР в ведение епархии передавалось освобожденное здание церкви Толгской Божией Матери из комплекса Свято-Троицкого мужского монастыря⁵⁶. В зданиях бывшего Свято-Троицкого мужского монастыря размещались республиканский кукольный театр, художественное училище и 6 других хозяйственных организаций, поэтому его постепенная передача епархии по мере высвобождения помещений заняла 5 лет⁵⁷.

Кроме этого, при поддержке патриарха Московского и всея Руси Алексия II в ноябре 1990 г. Совет Министров Чувашской ССР начал поэтапное возвращение таких значимых для Чебоксарско-Чувашской епархии святынь, как Тихвинский женский монастырь в г. Цивильске, Свято-Троицкая церковь в с. Кошлоуши Вурнарского района и церковный дом в с. Ишаки Чебоксарского района⁵⁸.

Помимо возвращения Чебоксарско-Чувашской епархии конфискованного ранее советскими властями имущества, в контексте трансформации чувашской политики в конце 1988 г. в отношении РПЦ принимались и другие меры по выполнению постановления «О ходе перестройки в работе уполномоченного Совета...». В числе основных направлений стало изменение авторитарных идеологических церковных подходов в сторону их демократизации и гласности. Преследуя эти цели, уполномоченный Совета по делам религий Б. А. Краснов, выступая на протяжении 1989 г. с лекцией о новых тенденциях в религиозной политике на семинарах заведующих идеологическими отделами, редакторов районных газет и священнослужителей епархии, заявлял, что «церковь в условиях перестройки — объективная реальность, которую невозможно отстранить от жизни общества»⁵⁹. В обоснование данного постулата Краснов ссылаясь на «диалектику перестройки», породившей поддержку верующими политики КПСС на обновление жизни общества, уважительные взаимоотношения государства и религии, которые имеют противоположные мировоззренческие взгляды⁶⁰.

При этом в выступлениях Б. А. Краснова произошедшие изменения в подходах к религии и церкви расценивались не как «прекращение борьбы между религиозным и материалистическим мировоззрением, а как преодоление тех крайностей и издержек, которые допускались в прошлом». Данная борьба, по заверениям Краснова, «должна вестись только идейными средствами, без претензий на максимальное обладание истиной ни одной из сторон и, конечно, без административных запретов»⁶¹. В целом первые 3 года перестройки, во время которых власти препятствовали открытию храмов в Чувашии, Краснов охарактеризовал как «войну со своими соотечественниками», причина которой — «стереотип советского мышления на церковь, сформированный десятилетиями атеистического прошлого»⁶².

Пропаганда новой политической концепции государственно-церковных отношений быстро увенчалась успехом. В отчетах о проделанной работе за 1989 г. председатели комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах при райисполкомах Чувашской АССР отмечали, что атеистическая работа среди

населения «заглохла» и практически потеряла свое значение из-за отсутствия «новых методик для ее проведения и неприемлемости старых подходов»⁶³.

Смена идеологических ориентиров сопровождалась дальнейшим налаживанием контактов партийных учреждений Чувашии с местным церковным духовенством. Так, в 1989 г. установились деловые отношения отдельных священнослужителей с администрацией исправительно-трудовых учреждений МВД ЧАССР. Чувашско-Чебоксарская епархия все активнее привлекалась чувашским руководством к решению хозяйственных задач республики. Например, в Марпосадском и Яльчикском районах в 1989 г. на строительство сельских дорог местные церкви передали совхозам 25 тыс. руб., на нужды районных больниц — 2 тыс. руб. Всего по Чувашии за 1989 г. благотворительная помощь церкви на социально-экономические нужды превысила 200 тыс. руб.⁶⁴

Показателем утверждения и расширения демократии в государственно-церковных отношениях в Чувашской АССР стало избрание в 1989 г. народными депутатами Мусирминского сельского Совета Урманского района и Никулинского сельского Совета Порецкого района местных священников А. Г. Ашмарина и Б. Н. Закирова⁶⁵. В целях предметного контролирования исполнения законодательства о свободе совести, предупреждения негативных ситуаций в религиозной обстановке оба депутата от РПЦ были включены в состав соответствующих районных комиссий содействия за соблюдением законодательства о религиозных культурах⁶⁶. Впоследствии, выступая 17 мая 1990 г. на епархиальном собрании, Б. А. Краснов выразил благодарность народным депутатам от Чебоксарско-Чувашской епархии за их участие в укреплении миротворческой деятельности, гражданственности и патриотизма в республике⁶⁷.

Демократизация церковной политики в Чувашской АССР сопровождалась ростом православного вероисповедания среди местного населения. О возросшей религиозности свидетельствовал социологический опрос 2 тыс. граждан из различных районов республики, проведенный Чувашским государственным университетом. Согласно данным, 94,0 % респондентов считали РПЦ моральным ориентиром для людей, опорой в трудных жизненных обстоятельствах; 19,7 % опрошенных подтвердили регулярное участие в православных обрядах (50 % участников опроса составили лица в возрасте от 16 до 25 лет). Не случайно в 1989 г. в церквях епархии было окрещено 33 627 чел. (в 1988 г. — 23 013 чел.) и обвенчано 2 012 чел. (в 1988 г. — 885 чел.)⁶⁸.

Религиозное возрождение православия в Чувашской АССР коснулось и национального самосознания ее коренных народов. Со стороны верующих, в частности, появились требования об увеличении числа служителей культа из чувашской нации. Эти факты «в условиях многонациональной республики, какой является Чувашия», заставили местные власти более внимательно «оценивать подобные сигналы», о чем сообщалось Б. А. Красновым в Совет по делам религий при Совете Министров СССР 19 октября 1989 г.⁶⁹ Согласно информационному отчету уполномоченного за 1990 г., от 5 февраля 1991 г. соотношение служителей православного культа по национальному признаку было следующим: чуваша составляли 75,4 %, русские — 19,0 %, другие национальности — 5,6 %, что свидетельствовало об отсутствии какого-либо притеснения священников-чувашей⁷⁰.

В 1990 — 1991 гг. в Чувашии происходило реформирование органов государственной власти по вопросам религии и церкви в русле общесоюзных преобразова-

ний. В связи с принятием нового Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» Совет Министров СССР распоряжением № 1798-р от 25 октября 1990 г. поручил реорганизовать республиканские органы по связям с религиозными организациями, передав им ряд функций Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Вместо упраздняемой должности уполномоченного Совета по делам религий с декабря 1990 г. по сентябрь 1991 г. предлагалось ввести в составе Управления делами Совета Министров ЧССР должность специалиста по связям с религиозными организациями, должностные полномочия которого должны были носить экспертный и консультативно-информационный характер⁷¹. На рассмотрение правительства республики был представлен проект положения о консультанте (специалисте) Управления делами Совета Министров ЧССР по связям с религиозными объединениями, который являлся бы должностным лицом в республике⁷². Однако создание нового государственного органа по делам религии затянулось, в связи с чем деятельность уполномоченного Совета по делам религий продолжилась до конца 1991 г.⁷³

В связи с принятием Верховным Советом СССР нового закона о свободе совести и религиозных организациях уполномоченный Б. А. Краснов организовал обучение представителей местных Советов народных депутатов, касавшееся современных основ политики государства в отношении религий и церкви⁷⁴. С ноября 1990 г. аппарат уполномоченного Совета по делам религий по Чувашской ССР совместно с Верховным Советом Чувашской ССР приступили к разработке проекта закона Чувашской ССР «О свободе вероисповеданий»⁷⁵. Постановлением Совета Министров Чувашской ССР № 391 от 6 ноября 1991 г. была создана государственная комиссия Совета Министров Чувашской ССР по вопросам свободы совести и вероисповеданий. В состав комиссии вошли: внештатный консультант по вопросам свободы совести и вероисповеданий Б. А. Краснов, другие представители органов власти, ученые, протоиерей Воскресенской церкви г. Чебоксары и др. Возглавил комиссию заместитель председателя Совета Министров Чувашской ССР В. Д. Данилов⁷⁶.

В декабре 1991 г. институт уполномоченного Совета по делам религий по Чувашской ССР был ликвидирован⁷⁷. Взамен данного органа в Чувашской ССР не образовали какой-либо другой правительственной структуры, работавшей на государственном финансировании. Между тем религиозная ситуация в республике заслуживала более пристального внимания. К примеру, возникали настроения, касавшиеся создания независимой от Московского патриархата Чувашской церкви, распространялись религиозные течения деструктивного характера⁷⁸.

Таким образом, в 1985 — 1991 гг. церковная политика Чувашии, с одной стороны, осуществлялась в рамках конфессиональной политики на союзном уровне, с другой — имела свои особенности. Активные процессы православного возрождения происходили в республике еще в начале 1980-х гг. В первые годы перестройки диалог между властями Чувашской АССР и Чебоксарско-Чувашской епархией складывался не просто: религиозная обстановка в республике внешне находилась в «застывшем» состоянии вследствие авторитарной практики решения вопросов по возвращению церковного имущества и регистрации православных обществ. Демократические изменения в политике чувашских властей в отношении местной епархии начали развиваться лишь на третьем году государственных реформ.

В рубежный 1988 г. под воздействием политики демократизации и гласности копившиеся годами проблемы и противоречия в религиозной сфере выплеснулись

наружу. Это выразилось в массовом обращении верующих в местные органы власти, республиканские и центральные инстанции по поводу образования новых православных объединений, передачи им бывших культовых зданий.

Причиной изменения церковной политики в Чувашской АССР стало празднование тысячелетия крещения Руси, а также критика Советом по делам религий при Совете Министров РСФСР работы чувашских властей, допустивших возникновение конфликтных ситуаций вследствие необоснованных отказов в удовлетворении законных требований православных верующих по возвращению культового имущества и регистрации религиозных организаций.

В целом в 1988 — 1991 гг. государственно-православное взаимодействие в Чувашии вышло на качественно новые ступени развития и характеризовалось деловым сотрудничеством во многих областях социальной жизни и внутренней политики. В частности, происходило не только возвращение церквей и монастырей Чебоксарско-Чувашской епархии, но и формирование социального партнерства между властями республики и церковью по вопросам совместного ремонта и реконструкции объектов православной инфраструктуры (больниц, дорог и др.). Происходившие изменения в том числе проявлялись в активной миссионерской и благотворительной деятельности служителей культа, избрании их в законодательные органы власти, росте посещаемости церквей, религиозной обрядности, доходов православных обществ. Одновременно упразднение в конце 1991 г. аппарата уполномоченного Совета по делам религии и создание взамен его малоэффективной, работавшей на общественных началах комиссии по вопросам свободы совести и вероисповеданий, было недальновидным политическим решением чувашских властей в условиях национализации православия и иных нерешенных религиозных проблем республики.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Браславский Л. Ю.** Православные храмы Чувашии. Чебоксары, 1995. 350 с. ; **Его же.** Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы). Чебоксары, 2000. 374 с.

² См.: **Козлов В. П.** Религиозные объединения республик Среднего Поволжья (первая половина 1990-х гг.) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Казань, 1999. 174 с.

³ См.: **Филиппов В. Р.** Чувашия девяностых : этнополит. очерк. М., 2001. 250 с.

⁴ См.: **Козлов Ф. Н.** Государственно-церковные отношения в 1917 — начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР : (На примере респ. Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. 335 с.

⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 170. Л. 2 ; Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4310. Л. 27.

⁶ См.: **Иванов В. П., Николаев В. В., Дмитриев В. Д.** Чуваши: этническая история и традиционная культура. М., 2000. С. 48 — 49.

⁷ См.: **Козлов Ф. Н.** Православие в Чувашском крае : Внутрицерков. ситуация в конце 1910-х — 1920-е г. Чебоксары, 2014. С. 20.

⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 170. Л. 2.

⁹ См.: **Козлов В. П.** Православие в Чувашском крае. С. 76.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 140. Л. 28.

¹¹ Там же. Д. 140. Л. 29.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 118. Л. 1, 45 ; Д. 122, Л. 37.

¹⁴ Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 34.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 171. Л. 2.

- ¹⁶ Там же. Л. 3.
¹⁷ Там же. Д. 108. Л. 2.
¹⁸ Там же. Л. 4.
¹⁹ Там же. Л. 5.
²⁰ Там же. Д. 177. Л. 1 — 3.
²¹ Там же. Л. 8.
²² Там же. Л. 23.
²³ Там же. Л. 24.
²⁴ Там же. Л. 36.
²⁵ Там же. Д. 134. Л. 10 — 14.
²⁶ Там же. Д. 177. Л. 63.
²⁷ Там же. Д. 140. Л. 26.
²⁸ Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4310. Л. 27.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же. Л. 39.
³¹ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 138. Л. 92.
³² Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4151. Л. 5.
³³ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 193. Л. 46.
³⁴ Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4151. Л. 26 — 27.
³⁵ Там же. Л. 38.
³⁶ Там же. Л. 39.
³⁷ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 138. Л. 91.
³⁸ Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4151. Л. 75.
³⁹ Там же. Л. 76.
⁴⁰ Там же. Л. 77.
⁴¹ Там же. Л. 78.
⁴² Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 138. Л. 95.
⁴³ Там же. Д. 140. Л. 95.
⁴⁴ См.: **Браславский Л. Ю.** Религиозные и оккультные течения... С. 105.
⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 138. Л. 16.
⁴⁶ Там же. Д. 161. Л. 17 — 19.
⁴⁷ Там же. Д. 168. Л. 1 — 2.
⁴⁸ Там же. Д. 189. Л. 1 — 3.
⁴⁹ Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4377. Л. 10.
⁵⁰ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 193. Л. 72.
⁵¹ Там же. Д. 159. Л. 1 — 5 ; Д. 167. Л. 1 — 2 ; Д. 176. Л. 5.
⁵² Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4311. Л. 29, 156.
⁵³ Там же. Л. 35.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же. Л. 45.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же. Л. 103.
⁵⁸ Там же. Л. 105.
⁵⁹ Там же. Д. 4242. Л. 111 — 112.
⁶⁰ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 193. Л. 47.
⁶¹ Там же. Л. 48.
⁶² Там же. Л. 62.
⁶³ Там же. Л. 148.
⁶⁴ Там же. Л. 61.
⁶⁵ Там же. Л. 64.
⁶⁶ Там же. Л. 159.
⁶⁷ Там же. Л. 93.
⁶⁸ Там же. Д. 153. Л. 13.
⁶⁹ Там же. Л. 15.

⁷⁰ Там же. Л. 43.

⁷¹ Там же. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4377. Л. 3.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Ф. Р-1857. Оп. 4. Д. 195. Л. 79.

⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁷⁵ Там же. Л. 65.

⁷⁶ Там же. Л. 78.

⁷⁷ Там же. Л. 79.

⁷⁸ Там же. Л. 80.

Поступила 27.03.2018 г.

УДК 94(470)

А. Б. Анохина, Р. А. Мухамедов

A. B. Anokhina, R. A. Mukhamedov

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И СПОРТА в 2010 — 2016 гг.
(На примере Ульяновской области)**

**IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY
ON REGIONAL PHYSICAL CULTURE AND SPORTS
DEVELOPMENT IN 2010 — 2016
(On the example of the Ulyanovsk Oblast)**

Ключевые слова: Ульяновская область, физическая культура, спорт, спортивная политика государства, Министерство физической культуры и спорта, спортивные кадры, физкультурно-спортивные мероприятия, студенческая лига.

В статье проводится реконструкция истории современного развития физической культуры и спорта в Ульяновской области; анализируются роль и значение спортивных мероприятий в развитии региона; рассматриваются особенности и специфика региональной спортивной политики, текущее состояние спортивной инфраструктуры; показывается важность кадровой политики в спорте.

Key words: the Ulyanovsk Oblast, physical culture, sport, sports policy of the state, the Ministry of Physical Culture and Sports, sports personnel, sporting events, student league.

The article reconstructs the history of the modern development of physical culture and sports in the Ulyanovsk Oblast; the role and significance of sporting events in the development of the region are analyzed, as well as the peculiarities and specifics of the regional sports policy, the current state of sports in-frastructure are considered and the importance of personnel policy in sports is demonstrated.

В Российской Федерации процесс формирования физической культуры и спорта в настоящее время занимает одно из центральных мест в реализуемой правительством программе, направленной на обеспечение необходимого уровня как физического, так и нравственного здоровья жителей страны. Непосредственно физическая

культура активно взаимодействует и оказывает влияние на ключевые сферы общества, составляющие фундамент государственности, а именно: науку, культуру и искусство¹. Индикатором здоровья граждан служит уровень состояния профессионального и дворового спорта. При этом спортивные достижения являются положительным примером для молодого поколения. Спорт как разновидность человеческой деятельности, сосредоточенной на физическом совершенствовании, снижает уровень заболеваний граждан и является общепризнанным профилактическим средством от наркомании, алкоголизма и табакокурения, способствует становлению социально ответственной личности, любящей и ценящей свое отечество.

Преобразования в сфере российского спорта, начавшиеся с момента распада СССР и продолжавшиеся длительный период², потребовали разработки современных тенденций к формированию процессов физической культуры и их контролю³. Отличительными чертами изменений стали увеличение самостоятельности регионов и усиление государственного управления, оказывавшего влияние на ключевые сферы жизни страны⁴. При этом региональные структуры заняли позицию, позволившую не только реализовывать государственные программы, но и регулярно выступать с различными инициативами в своем регионе⁵.

В настоящий момент проблема реализации государственной политики развития спорта в регионе исследована недостаточно. Как правило, эта тема рассматривается на примере областей и мегаполисов (Я. Ю. Ратушная, Е. В. Кревный, Ю. Н. Ямщиков, В. К. Доев)⁶. Отдельного внимания заслуживают статьи В. Н. Беленова и С. А. Серпера, В. В. Крутова, в которых уделяется внимание особенностям местной спортивной политики, а также текущему состоянию инфраструктуры города⁷. Следовательно, исследование истории становления спорта в региональном аспекте на сегодняшний момент представляет собой актуальную задачу как в научном, так и в теоретическом планах.

Министерство физической культуры и спорта Ульяновской области было сформировано 1 марта 2014 г., до этого времени департамент физической культуры и спорта входил в состав Министерства здравоохранения, социального развития и спорта Ульяновской области. В обновленной структуре министерства работают 10 единиц государственных служащих: министр, заместитель министра, 2 референта, 3 главных консультанта, 2 консультанта и начальник финансово-правового отдела⁸. Их основные усилия сконцентрированы, прежде всего, на процессе разработки и реализации спортивно-массовых мероприятий, служащих своеобразным «маяком» для привлечения граждан к занятию физической культурой.

Особое внимание министерство уделяет организации и проведению спортивно-массовых мероприятий, так как именно они являются средством привлечения населения к спорту. Успешному выполнению поставленных задач способствуют хорошо оснащенная спортивная материально-техническая база и инфраструктура городов области. Всего на территории Ульяновской области находятся 2 506 объектов с единовременной пропускной способностью 59 141 чел. Ежегодно численность объектов возрастает.

Эффективную работу спортивных структур обеспечивают их кадры (рисунок). Всего, по данным отчета за 2016 г., в спортивной сфере было задействовано 2 398 чел., из них с высшим образованием — 1 566, со средним — 458 чел. Среди специалистов с высшим образованием 21 чел. имели ученую степень⁹.

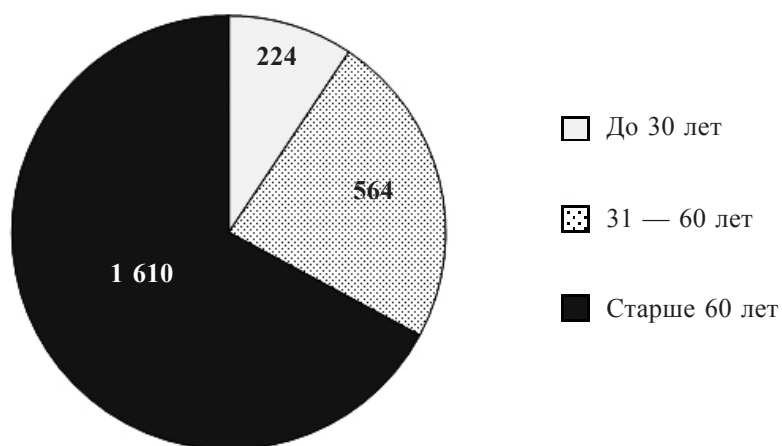

Рисунок. Возрастной ценз спортивных кадров Ульяновской области

Согласно рисунку, наибольшую часть специалистов спортивной сферы в Ульяновской области в 2016 г. составляли работники от 30 до 60 лет, или 67,2 %, на втором месте находились сотрудники моложе 30 лет — 23,5 %, на долю старших специалистов приходилось 9,3 %.

В Ульяновской области работает система подготовки и повышения квалификации преподавателей в спортивной сфере: организуются семинары для тренеров-преподавателей по различным видам спорта, периодически проводятся методические семинары для преподавателей учебных заведений и судей. В итоге это позволяет обеспечить кадрами как дошкольные, так и общеобразовательные учреждения. Практически во всех дошкольных образовательных учреждениях имеются игровые спортивные площадки круглогодичного использования и помещения для занятий физической культурой. Хорошо оснащенная материальная спортивная база дошкольных учреждений прививает детям любовь к занятиям физической культурой и способствует их оздоровлению.

Среди учащихся высших учебных заведений работа по физической культуре планируется и организуется с учетом специфики получаемых профессий и истории развития спорта в Российской Федерации. Основными задачами молодежного спорта являются подготовка студентов к участию в спортивных мероприятиях, организуемых студенческой спортивной лигой, и повышение общего уровня физической подготовки¹⁰.

В системе образования Ульяновской области действуют 8 учреждений высшего и 40 — среднего профессионального образования, на территории которых функционируют спортивные клубы и обучается 57 712 студентов¹¹. За последний период были построены стадионы в УлГТУ и УлГУ, УГСХА, плавательный бассейн «Буревестник» в УлГПУ и ряд других спортивных объектов¹².

В области активно развивается и массовый спорт. Так, в 2016 г. было проведено 328 областных соревнований, 27 — всероссийских, 6 чемпионатов и первенств Приволжского федерального округа, 6 чемпионатов и первенств России с общим

привлечением более 77,6 тыс. участников¹³. К всероссийским ежегодным соревнованиям относятся «Льжня России», «Российский азимут», «Кросс наций», «Оранжевый мяч», «Лед надежды нашей», «День ходьбы»¹⁴. В 2016 г. значимыми событиями стали XXXVI чемпионат мира по хоккею с мячом, фестиваль пляжных видов спорта «Соединяя берега», 1/4 Кубка мира по боксу и спортивные соревнования в рамках Всероссийского сельского Сабантуня — 2016¹⁵.

Министерство физической культуры и спорта Ульяновской области стремится к тому, чтобы информация о проведении в области спортивных мероприятий своевременно размещалась в Интернете и ведущих печатных изданиях («Ульяновская правда», «Чемпион», «Народная газета», «Комсомольская правда», «Мозаика» и др.). Новости регионального спорта ежедневно транслируются в выпусках ТВ ГТРК «Волга» и ТРК «Репортер»¹⁶.

В заключение следует отметить, что проводимая государством политика в регионе, осуществляемая Министерством физической культуры и спорта Ульяновской области, в течение 2010 — 2016 гг. в целом была успешной. Доказательством служат значительное увеличение числа спортивных объектов в области, кадровый прирост работников спортивной сферы, тенденция к улучшению условий организации и проведения спортивных мероприятий. Все это способствовало вовлечению в спорт большего количества граждан по сравнению с 2000-ми гг.

Библиографические ссылки

¹ См.: Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государственных участников СНГ 2007 // Бюл. Междунар. договоров. 2008. № 11. С. 31 ; **Сунник А. Б.** Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010. С. 15.

² См.: Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006 — 2015 годы : Федеральн. целевая программа // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3.

³ См.: **Вашляев Б. Ф.** Современное состояние физической культуры и спорта: проблемы и решения // Теория и практика физ. культуры. 2010. № 3. С. 5 — 7.

⁴ См.: **Азаматов Д. М.** Здоровье молодежи как общественная ценность в современном российском обществе // Проблемы российского самосознания: народ, интеллигенция, власть : материалы 8-й Всерос. конф. 31 мая — 2 июня 2011 г. Уфа, 2010. С. 5 — 6 ; **Кревный Е. В.** Проблемы и перспективы развития российского спорта: социальный аспект // Социокультур. исслед. 2007. Вып. 13. С. 252 — 256.

⁵ См.: **Матвеев Л. П.** Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. М., 2010. С. 20.

⁶ См.: **Ямщиков Ю. Н.** Спорт в условиях глобализации // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. 2009. № 3. С. 159 — 162 ; **Доев В. К.** Формирование региональной системы управления массовым спортом (спорт для всех) // Научн. проблемы гуманитар. исслед. 2011. № 4. С. 270 — 277 ; **Кревный Е. В.** Указ. соч. ; **Ратушная Я. Ю.** Государственная политика по развитию физической культуры и спорта в Кемеровской области (1991 — 2007 гг.) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 245 с.

⁷ См.: **Беленов В. Н., Серпер С. А.** Специфика развития региональной физической культуры и спорта : (На примере город. округа Сызрань в 2010 — 2016 гг.) // Поволж. пед. вестн. 2016. № 1 (10). С. 80 — 84 ; **Крутов В. В.** Становление и развитие отечественной системы государственного регулирования сферы физической культуры и спорта (1990 — 2000 гг.) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 72 — 80.

⁸ См.: **Беленов В. Н., Серпер С. А.** Указ. соч.

⁹ Описательный отчет по Ульяновской области за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://sport.ulgov.ru> (дата обращения: 10.11.2017).

¹⁰ О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральн. закон [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 10.11.2017).

¹¹ Описательный отчет по Ульяновской области за 2016 год.

¹² Физическая культура и спорт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulspu.ru> (дата обращения: 10.11.2017).

¹³ Описательный отчет по Ульяновской области за 2016 год.

¹⁴ Описательный отчет по Ульяновской области 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sport.ulgov.ru> (дата обращения: 10.11.2017).

¹⁵ Описательный отчет по Ульяновской области 2016.

¹⁶ Там же.

Поступила 25.12.2017 г.

УДК 94(47).084:930(091)

А. И. Лушин, В. В. Авданин

A. I. Lushin, V. V. Avdanin

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОЗДАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE USSR ENERGY SYSTEM DEVELOPMENT IN THE NATIONAL HISTORICAL SCIENCE

Ключевые слова: Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), Генеральный план электрификации СССР, Госплан, пятилетний план, индустриализация, новая экономическая политика, электрификация, электроэнергетика, теплоэнергетика.

В статье акцентируется внимание на создании концепции электрификации России, воплотившейся в плане ГОЭЛРО, освещается ее реализация в отечественной исторической науке; определяются наиболее важные направления в изучении проблемы, показываются объективные трудности, связанные с освещением истории электрификации (прежде всего, закрытость ряда архивных источников); отмечаются позитивные изменения, наступившие в постперестроечный период, позволяющие изучить создание энергетического комплекса Советского государства.

Key words: State Electrification Commission of Russia (GOELRO), General Plan for Electrification of the USSR, Gosplan, five-year plan, industrialization, New Economic Policy, electrification, electric power industry, heat power engineering.

The article focuses on the development of the concept of electrification of Russia, embodied in the plan of GOELRO, its implementation in the national historical science is observed; the most important directions in the study of the problem are identified, as well as the objective difficulties associated with the study of the history of electrification (first of all the unavailability of a number of archival sources) are described and positive changes occurred in the post-perestroika period that made it possible to study the formation of the energy complex of the Soviet state are noted.

Процессы демократизации в самых различных сферах общественной жизни России затронули историческую науку, что позволило значительно расширить науч-

ные представления о процессах, происходивших в различных сферах социально-экономической жизни страны в 1920 — 30-е гг., в том числе в области энергетики.

По некоторым данным, подготовка масштабного плана электрификации России началась еще до революции 1917 г. немецкими учеными, работавшими на Петербургскую электрическую компанию. Однако в связи с существенными военными расходами начать реализацию плана в годы Первой мировой войны оказалось невозможно.

Советские руководители придавали этому проекту огромное значение. Известное выражение В. И. Ленина стало классическим определением коммунизма: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны». Стремясь к широкой популяризации идей электрификации, он поручил известному политическому и государственному деятелю, историку и экономисту И. И. Скворцову-Степанову подготовить книгу, раскрывающую социально-экономическое и политическое значение плана электрификации России. Поставленная задача «увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10 — 20 лет»¹ была выполнена, работа написана и в 1923 г. издана массовым тиражом.

Историк и экономист, автор книги в популярной форме раскрыл сущность новой экономической политики и плана восстановления народного хозяйства, основанных на электрификации всей страны. И. И. Скворцов-Степанов отмечал, что «представления о плане электрификации пока еще очень туманны и, по большей части, ошибочны, ибо в них электрификация является жесткой, окончательной программой, по которой, ни с чем не считаясь, надо быстро и решительно ломать все наши экономические отношения... Ценность плана электрификации состоит в том, что он должен мыслиться не обособленно от плана восстановления нашего хозяйства, а в неразрывной связи с ним»².

Выражая официальную (прежде всего, В. И. Ленина) точку зрения и являясь государственным чиновником, И. И. Скворцов-Степанов подчеркивал роль электрической энергии в создании качественно новых видов производства, формировании новых общественных отношений и значительных изменениях во всех сферах жизни общества.

Следует отметить, что практически одновременно с реализацией Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО), разработанного под руководством В. И. Ленина, принятого VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. и утвержденного декретом СНК РСФСР в декабре 1921 г., начала формироваться источниковедческая база его реализации. Этот исторический период считается первым этапом историографической составляющей проблемы. Уже тогда отечественными исследователями была проделана немалая работа по изучению истории становления и развития энергетики СССР. Однако анализ этих публикаций свидетельствует о серьезных пробелах в изучении становления электроэнергетики, далеко не все ее аспекты были должным образом представлены в отечественной исторической науке. Как правило, исследователи основное внимание обращали на выяснение отдельных ее сторон, не рассматривая в комплексе с другими проблемами.

Представляется, что исследование истории электрификации страны 1920 — 30-х гг. условно разделяется на две ее составляющие. Это, во-первых, изучение истории создания первых планов электрификации СССР (ГОЭЛРО, Генерального плана электрификации страны и др.), являвшихся одновременно первыми планами

экономического развития СССР, и, во-вторых, изучение самого процесса их реализации. Составить объективную картину происходившего можно было при наличии учета особенностей социально-экономического развития страны и научно-технических достижений. Уже на первом этапе степень исследования различных сторон электрификации к концу 1920-х гг. оказалась далеко не одинаковой. В большей степени изученной оказалась история осуществления непосредственно электрификации, в меньшей — разработка планов и связанная с ней полемика в высших политических и научных кругах о темпах и методах ее реализации. Менее всего изучен комплекс социальных, экономических, научно-технических и технологических проблем, связанных с электрификацией.

Такая ситуация объясняется в значительной мере тем, что в результате стараний политической цензуры длительное время для исследователей были доступны лишь отдельные работы инженеров-энергетиков, экономистов и других участников подготовки и реализации плана ГОЭЛРО. Многие из них были так называемыми старыми специалистами, и публикация их работ, в определенной мере, могла «дискредитировать» новую власть. Другая причина заключается в том, что значительная часть документальных источников, раскрывающих методы строительства и масштабы репрессий в энергетической отрасли в 1930-е гг., до сегодняшнего времени является закрытой. Вместе с тем нельзя забывать, что этап электрификации был весьма кратковременным с исторической точки зрения, что, естественно, отражалось на свещении многих вопросов. Тем не менее уже в первых исследованиях, прежде всего, в работах председателя Государственной комиссии по электрификации России Г. М. Кржижановского, а также И. Г. Александрова, Д. Г. Жимерина и других участников разработки плана ГОЭЛРО, появившихся в 1920-е и начале 1930-х гг., были показаны основные этапы реализации плана. В этих исследованиях содержались статистические данные о состоянии экономики СССР в 1920-е гг., о путях ее радикальной перестройки, строительстве первых электрических станций на Днестре (ДнепрогЭС), в городах Кашире, Шатуре, Волхове, Нижнем Новгороде и др. Несмотря на значительный вклад в историографию проблемы, их авторы, в силу различных обстоятельств, не смогли раскрыть формы и методы государственного управления энергетикой, факты использования заключенных на объектах энергетики, условия труда и быта строителей, а также социально-экономические и другие негативные последствия электрификации.

По нашему мнению, спецификой первого этапа историографии явилось изучение индустриализации и новой экономической политики в определенном отрыве от проблем электрификации. Весьма показательным было и то, что в своем большинстве исследования первого периода не содержали упоминаний о планах комплексной электрификации страны. Вместе с тем известно, что она не ограничивалась только реализацией плана ГОЭЛРО, а являлась основой для технического, экономического и военного перевооружения. Если верить официальной советской статистике, этот амбициозный проект был не только выполнен, но и значительно перевыполнен: выработка электроэнергии в 1932 г., по сравнению с предреволюционным периодом, увеличилась в 4,5 раза — с 2,0 до 13,5 млрд киловатт-часов, т. е. почти в 7 раз³.

За этим планом советским правительством были приняты первый и второй пятилетние планы развития народного хозяйства, каждый из которых содержал ком-

плексную программу энергетического строительства, значительно превосходившую план ГОЭЛРО по масштабам решаемых задач в энергетике. Постановлением Госплана СССР от 25 февраля 1931 г. был образован Оргкомитет по составлению генерального плана электрификации СССР под руководством первого заместителя Госплана СССР Г. И. Ломова. Летом 1932 г. вышел в свет «Генеральный план электрификации СССР» в 9 томах, который определял пути развития советской энергетики по всем направлениям и отраслям промышленности.

План ГОЭЛРО был выполнен по большинству основных параметров, и в 1928 г. его «продолжил» первый пятилетний план, а затем Генеральный план электрификации СССР. Показательно, что в них формально сохранялась преемственность планов развития энергетики, тем не менее основные направления ее развития в конце 1920-х — начале 1930-х гг. были в значительной степени заимствованы из плана ГОЭЛРО. Этот период характеризовался переходом к централизованному управлению выработкой электроэнергии, созданием единой государственной системы управления и эксплуатационной службы, а также преимущественным использованием региональных энергетических ресурсов.

В отечественной историографии 1920 — 30-х гг. и в более поздний период не исследован вопрос о причинах активного сотрудничества известных российских инженеров-энергетиков с новой властью, хотя они формально не являлись сторонниками официального политического курса. По этому поводу существуют диаметрально противоположные подходы и оценки. Первый заключается в том, что негативно оценивая власть большевиков, создатели плана были убеждены, что советский режим — это явление временное. Второй подход исходит из того, что среди инженеров были подлинны технократы и профессионалы высокого уровня, которым в течение длительного времени была недоступна реализация своих идей и концепций. Возможность воплотить давно разработанные проекты в жизнь, очевидно, имела определяющее значение в их политическом выборе. Не последнюю роль в это голодное время могла сыграть материальная заинтересованность. Несколько позднее, после реализации плана ГОЭЛРО, большинство авторов проекта было репрессировано, главным образом, по обвинению в «троцкизме».

Выполнение плана ГОЭЛРО, завершение которого предусматривалось в 1931 — 1935 гг., дало возможность исследователям первого историографического периода критически проанализировать многие его положения, а также процесс реализации. В этот период усилия ученых концентрировались на чисто технологических проблемах становления энергетики СССР. Весьма показательной в этом смысле является монография Э. Ратнера «Ленинский план электрификации в действии. Итоги первой пятилетки» (1933 г.), в которой показана роль электроэнергетики в технико-экономических преобразованиях народного хозяйства в годы первой пятилетки. В исследовании приведен ряд показателей из заданий плана электрификации и осуществлена попытка сравнить их с заданиями первой пятилетки, подчеркивалась преемственность пятилетнего плана по отношению к проекту ГОЭЛРО.

Другой особенностью этого историографического периода явилась публикация значительного объема конкретного материала по истории разработки проекта электрификации страны и его реализации, опубликованного в статистических сборниках, монографиях, статьях и т. д. В них показаны основные стратегические направления развития электроэнергетики, подчеркнута существенная особенность

начального периода реализации плана, когда значительную часть оборудования для электростанций приходилось закупать за рубежом. Тем не менее, изучив зарубежный опыт, специалисты обеспечивали проектирование и строительство гидро- и теплостанций на высоком технологическом уровне⁴. Кроме этого, в ряде публикаций были подведены итоги функционирования первых региональных электростанций, рассматриваемых в качестве лабораторий для апробирования новаторских идей и концепций, подтверждена обоснованность планов электрификации, ее экономических принципов. В частности, авторы публикаций справедливо отмечали, что был учтен негативный опыт технологической зависимости от западных стран при разработке программы по замещению импортных комплектующих в ходе реализации Генерального плана электрификации СССР. Говорилось, что, несмотря на необходимость заказа энергетического оборудования за рубежом, советские инженеры-теплотехники, опираясь на предшествующий опыт, являлись создателями принципиально новых разработок. Так было положено начало выпуска оригинальных котельных агрегатов высокой мощности, не имевших аналогов за границей⁵.

В предвоенные десятилетия важное место в историографии развития энергетики стали занимать публикации партийных и хозяйственных руководителей страны. Среди них выделяются работы Г. М. Кржижановского, И. Г. Александрова, С. А. Кукель-Краевского, В. И. Межлаука, С. Г. Струмилина и др. Их исследования были посвящены, главным образом, проблемам текущего и перспективного планирования, анализу реализации плана ГОЭЛРО, в них обосновывались решения высших органов власти, развивались методы планирования и перспективного развития тепло- и электроэнергетики.

После XX съезда КПСС, принявшего по инициативе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева ряд документов, вызывающих до сих пор споры среди политической элиты и ученых, наступил качественно новый, второй этап в изучении истории создания электроэнергетики страны. Этот период ассоциируется с «политической оттепелью», важной особенностью которой явилось частичное освобождение от политической цензуры и возможность относительно непредвзятого изучения различных сторон отечественной истории.

В ряду глубоких по содержанию и научной методологии работ этого времени выделяются исследования И. А. Гладкова⁶, содержащие значительный объем материалов по истории разработки и реализации плана электрификации. В работах ученого проанализированы проблемы, возникшие в ходе технико-экономического планирования и разработки программы ГОЭЛРО, осуществлен анализ этапов его составления, подвергнуты обоснованной критике выступления противников плана. Автор всесторонне рассмотрел объективные и субъективные обстоятельства, оказавшие значительное воздействие на реализацию задач, предусмотренных планом. Так, в частности, описан процесс создания отечественного энергетического оборудования с целью замещения зарубежных аналогов, освещен ход строительства теплоэлектростанций, изучены проблемы управления электроэнергетикой и др.

Ценный материал по истории электрификации в этот период был представлен в работах известного советского энергетика Д. Г. Жимерина⁷, который определял электрификацию как основу развития экономики и технического прогресса, отмечал большую роль электроэнергетики в индустриализации СССР.

На рубеже 1970-х гг. вышли в свет работы В. Ю. Стеклова⁸, широко известного автора по истории электрификации, неоднократно обращавшегося к анализу ряда аспектов исследуемой проблемы. Автор отмечал решающее значение достижений в области энергетики для социально-экономического развития страны.

Всесторонний анализ научно-технических сдвигов, произошедших в результате реализации планов электрификации, представлен в монографии Л. М. Гатовского⁹. Автор исследования обратил внимание на необходимость разработки долгосрочных планов комплексного развития экономики Советского государства в непосредственной связи с развитием энергетической отрасли.

Значительный фактический материал по истории развития в эти годы технико-экономических принципов электроэнергетики представлен в исследовании М. А. Виленского¹⁰. В этой работе автор акцентировал внимание на организационных вопросах строительства электроэнергетики.

В период так называемого зстоя на проблемы истории электрификации страны обратил внимание министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожный. Так, в одной из своих публикаций, посвященной 50-летию плана ГОЭЛРО, он обобщил итоги его реализации, раскрыл некоторые теоретические проблемы развития технико-экономических показателей электроэнергетики в условиях научно-технического прогресса¹¹. Естественно, как глава крупнейшего ведомства, он попытался показать и роль политического руководства страны в принятии важнейших решений по развитию энергетики. Электроэнергетика, как сфера экономики, по представлению П. С. Непорожного, представляет собой одно из главных звеньев научно-технической революции, основные принципы развития которой останутся ведущими стратегическими направлениями технической политики Советского государства.

В 1970 — 80-е гг. значительное внимание исследователи стали уделять изучению принципов и темпов развития электроэнергетики, ее значению в структуре электромашиностроения. Однако, несмотря на серьезный прорыв в изучении ряда вопросов, в научной литературе периода пресловутой перестройки стала превалировать тенденция к замалчиванию определяющей роли энергетической отрасли в предвоенные десятилетия.

В условиях радикальных перемен постсоветского времени наступил третий этап историографии изучаемой проблемы. Для этого периода характерна тенденция к необъективному преуменьшению исторического значения планов электрификации страны в довоенный период. Кроме того, в ряде работ появилась критическая оценка экономических сдвигов в результате реализации планов электрификации СССР.

Вместе с тем в современной отечественной исторической науке достаточно подробно изучены вопросы подготовки профессиональных кадров в процессе реализации плана электрификации, кроме того, представлен анализ практики изучения и применения зарубежного опыта советскими энергетиками. Так, например, М. Г. Мерерович и Д. А. Хмельницкий в своей публикации¹² показали как значительные достижения, так и просчеты в организации подготовки специалистов высшей квалификации по проектированию объектов электроэнергетики. Авторы, в частности, отметили, что для получения опыта проектирования в 1927 — 1928 гг. значительное число советских инженеров было направлено в служебные командировки для обучения и переподготовки за границей. Одновременно, в соответствии с по-

становлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1928 г., в последующие 2 года планировалось привлечь для работы в СССР от одной до 3 тыс. иностранных специалистов.

В статье отмечалось, что для высокопрофессионального проектирования энергетических систем необходимо создание «образцовой» проектной организации с функцией «учебно-производственного предприятия» при участии иностранных специалистов. Эта инициатива была выдвинута политическим руководством страны. Такая совместная организация в лице Госпроектстроя была создана. Однако, столкнувшись с реальностью повседневной практической деятельности, иностранные специалисты не смогли адаптироваться к «авралам», «ускоренному» перевыполнению планов, откровенной бесхозяйственности, отсутствию исполнительской дисциплины, нерациональной организации проектно-изыскательских работ. Высокопрофессиональные европейские инженеры, имея другие профессиональные культуру и психологию, не могли понять причины беспрекословного подчинения советских специалистов указаниям парторга проектной организации, противоречащим предписаниям главного инженера или технического руководителя. Практиковавшаяся в Госпроектстрое экономия на заработной плате сотрудников и комплекс других обстоятельств привели к неизбежному увольнению значительной части иностранных специалистов в 1932 — 1934 гг.

При всей безусловной научной ценности статьи М. Г. Мееровича и Д. А. Хмельницкого, ее авторы, с нашей точки зрения, не вполне объективны, рассматривая планы индустриализации и электрификации России как программу по созданию военно-промышленного комплекса, не имевшую прямого отношения к жизненным потребностям населения страны.

В настоящее время в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, посвященные всестороннему изучению так называемого троцкистского заговора и вредительства в сфере энергетики на рубеже 1920 — 30-х гг. В историографии превалирует точка зрения, что все это был надуманный предлог для обвинений абсолютно невинных людей в ходе массовых «чисток» и репрессий для расправы и устрашения, прежде всего, внутренней оппозиции. Предлагаемая оценка является, очевидно, следствием решений и указаний руководства ЦК КПСС, принятой после XX съезда КПСС в отношении трагических результатов жестокой внутривнутрипартийной борьбы за власть. Объективный анализ этой проблемы в научной литературе практически не представлен, поскольку многие архивные источники до сих пор отсутствуют в открытом доступе для всестороннего изучения. Данное обстоятельство не позволяет исследователям ознакомиться со многими судебными делами и более предметно изучить эту сложную и неоднозначную проблему.

Кроме того, за гранью научного анализа, в том числе по причинам идеологического характера, до настоящего времени остается комплекс проблем, связанных с репрессивной политикой государства в отношении технических специалистов и директорского корпуса электроэнергетики в предвоенный период. В результате именно за рубежом начали оформляться основные методологические подходы и концепции в изучении политических репрессий в СССР. Некоторые причины этого явления не только очевидны, но и актуальны до сих пор: это и всеобъемлющий партийный и государственный контроль над исторической наукой, сдерживавший развитие ее теоретико-методологического инструментария, и ограничение проблематики исследований

с преобладанием статистических подсчетов над их качественным анализом, а также известная идеологическая предопределенность теоретических выводов и обобщений.

Весьма показательно, что в постперестроечный период отечественная историческая наука обогатилась рядом содержательных работ, посвященных, в частности, использованию труда заключенных на объектах энергетики страны. Большая работа в этом направлении проводится редакцией издательства РОССПЭН. В сборнике «Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий» (М., 2008) впервые были представлены новые материалы об использовании заключенных на возведении предприятий электроэнергетики в 1930-е — начале 1950-х гг. В издании широко представлены около 200 ранее секретных документов органов НКВД, МВД, Совета министров и Прокуратуры Союза ССР, характеризующих общие показатели и тенденции развития электроэнергетики и строительства ее отдельных объектов. Авторами отражена история восстановления и возведения силами заключенных под управлением НКВД и личным контролем Л. П. Берии более 160 объектов энергетики. Эти уникальные материалы дают представление о масштабах использования заключенных, как правило, обреченных на смерть на многочисленных «стройках коммунизма».

Нельзя не отметить, что как в постсоветской, так и в зарубежной историографии и сегодня доминирует концепция о том, что составление и выполнение плана ГОЭЛРО стали возможными лишь благодаря значительному промышленно-экономическому и научно-техническому потенциалу дореволюционной России. При этом отмечается высокий уровень ее научной школы, сосредоточение в одних руках всей экономической, политической и духовной власти. В этом контексте весьма показательной является монография Н. С. Симонова¹³. Основная идея работы сводится к тому, что до 1917 г. Россия имела высокий уровень электрификации, а план ГОЭЛРО, хотя и ставил задачу восстановления разрушенных Гражданской войной энергетики и промышленности страны, тем не менее являлся в большей степени пиар-проектом, представлявшим дореволюционную действительность в черном свете по сравнению с передовыми достижениями советской экономики.

В противовес этому утверждению следует привести точку зрения, которая на современном историографическом фоне позволяет рассмотреть данный постулат под иным углом зрения. В предисловии к работе, посвященной 35-летию принятия программы ГОЭЛРО, один из ее создателей, Г. М. Кржижановский писал о том, что за многочисленными работниками проекта придут совсем иные люди, которые уже в другое, более спокойное, время проведут глубокий научный анализ проделанной работы, исправят ошибки и смогут создать совершенно новую модель развития энергетической отрасли страны¹⁴.

Таким образом, перед отечественными исследователями сегодня стоит задача по изучению и новому осмыслению развития энергетики в предвоенные десятилетия и ее роли в истории России.

Библиографические ссылки

¹³ Цит. по: Некрасова И. М. Основные аспекты электрификации СССР в советской историографии // Историогр. ежегод. М., 1973. 408 с.

¹⁴ Скворцов-Степанов И. И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М.; Л., 1922. С. 136.

³ См.: **Меерович М. Г., Хмельницкий Д. А.** Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестн. Евразии. 2006. № 1. С. 92 — 123.

⁴ См.: **Зелёв М. В.** Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии // Изв. ПГПУ. 2012. № 27. С. 640.

⁵ См.: **Кржижановский Г. М.** К 35-летию плана ГОЭЛРО // План электрификации РСФСР : докл. VIII съезду Советов Гос. комис. по электрификации России. М., 1955. С. 8.

⁶ См.: **Гладков И. А.** От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956. С. 351.

⁷ См.: **Жимерин Д. Г.** История электрификации СССР. М., 1962. С. 80.

⁸ См.: **Стеклов В. Ю.** К 50-летию плана ГОЭЛРО. М., 1970. С. 14.

⁹ См.: **Гаговский Л. М.** Экономические проблемы научно-технического прогресса. М., 1971. 384 с.

¹⁰ См.: **Виленский М. А.** Экономические проблемы электрификации СССР. М., 1975. 200 с.

¹¹ См.: **Непорожний П. С.** Принципы плана ГОЭЛРО и развитие энергетики // Вопр. истории. 1970. № 12. С. 9.

¹² См.: **Меерович М. Г., Хмельницкий Д. А.** Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестн. Евразии. 2005. № 2(28). С. 92 — 123.

¹³ См.: **Симонов Н. С.** Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016. 320 с.

¹⁴ См.: **Кржижановский Г. М.** Указ. соч.

Поступила 09.02.2018 г.

УДК 303.446.4

Р. Н. Зинуров

R. N. Zinurov

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ)

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-ARMENIAN RELATIONS (TENDENCIES AND FEATURES)

Ключевые слова: российско-армянские отношения, Западная Армения, Закавказье, армянская церковь, Киевская Русь, вероисповедание, арменоведение, христианство.

В статье рассматриваются основные этапы развития российско-армянских отношений; особое внимание уделяется взаимодействию Русской православной церкви с Армянской апостольской церковью, а также общественно-религиозным и торговым контактам, переросшим в политический и экономический интерес России к Армении.

Key words: Russian-Armenian relations, Western Armenia, Transcaucasia, the Armenian Church, Kievan Rus, religion, Armenology, Christianity.

The main stages of development of Russian-Armenian relations are considered in the article; special attention is paid to the interaction of the Russian Orthodox Church with the Armenian Apostolic Church, as well as social, religious and trade contacts that have grown into political and economic interest of Russia to Armenia.

На сегодняшний день возраст российско-армянских отношений исчисляется сотнями лет. Как любое общественно-политическое явление, это взаимодействие

имеет свою предысторию, уходящую вглубь раннего Средневековья. Армения, территориально удаленная от России и Европы, со своеобразным климатом, особым менталитетом мусульманского мира, объективно обуславливала внимание высших государственных чиновников России, чьими усилиями территория Российского государства неуклонно расширялась на юг и юго-восток. «Армянский интерес» вызывало непосредственное соседство России с ее извечными государствами-соперниками — Османской империей и Персией, а также древнейшая история армянского народа, нашедшая отражение в Священном писании. По мнению исследователя А. Ж. Оганесяна, «...в пору отсутствия официальных отношений между двумя народами, сбор сведений об Армении и армянском народе в России, в первую очередь диктовался интересами внешней политики империи... Закавказье оказалось в первоочередных внешнеполитических планах России. Большую важность приобрела проблема создания и укрепления общественного мнения к истории армянского народа»¹.

Первые дошедшие до нас сведения о контактах представителей армянского народа с древнерусским обществом относятся к периоду принятия Киевской Русью христианства. Как свидетельствовал в своих записях знаменитый путешественник X в., посол багдадского халифа в Булгарское ханство на Средней Волге Ахмет ибн-Фадлан (оставивший первое документальное свидетельство о древних башкирах), юрта хана Муктадира, вмещавшая 1 тыс. душ, была устлана армянскими коврами². Это говорило о том, что армянские купцы активно торговали с жителями бассейна Средней Волги уже в начале X в. Об участии армян в торговле по волжскому пути писал исследователь С. Г. Арешян. Этот путь из Персии по Каспийскому морю через г. Нерехту до Белого моря назывался великим армянским торговым путем, или «армянской дорогой». Армянская колония в Болгарах, столице Болгарского государства, была одним из оживленных поселений с высокой материальной культурой — здесь продавали шелк, драгоценные украшения и т. д. Результатом проводившихся здесь в 1950-х гг. раскопок стало обнаружение культового христианского памятника, близкого по типуажу к храму XIV в. в Армении, — Нораванк³. Ученый А. Б. Малышев появление армянских переселенцев в Волжской Булгарии датирует началом XII в.⁴

В исторической науке существует предположение об общности христианской религии армянского и славянского народов. Следует отметить, что на тот момент в приоритете находилась не этническая, а вероисповедальная общность⁵. Между тем к началу X в. христианство прочно утвердилось в качестве официальной религии в Армении, Сирии, Восточной Римской империи, в государствах Западной Европы. Однако язычество по-прежнему разобщало Киевскую Русь и, по мнению К. В. Айвазян, противоречило идее единого государства⁶. Возможно, именно в силу названной причины русский историк В. О. Ключевский считал, что с принятием христианства в Древней Руси «местом лучших чувств и мыслей» стала церковь⁷.

Контакты армян с Киевской Русью прослеживались уже во время принятия князем Владимиром христианства. В связи с этим представляют интерес сведения светских и религиозных властей Древней Руси о знаменитых армянских мастерах-строителях, работавших на Руси. Армянские переселенцы завоевали в Киеве

всеобщее признание в области медицины, живописи, различных ремеслах⁸. Так, узоры и рельефы Софийского собора в Киеве, Успенского собора Киево-Печерской лавры содержат удивительное сходство с рельефами и узорами храма армянского монастыря Гандзасара⁹. Кроме этого, по данным исследователя О. Х. Халпахчяна, «...на северной стороне крышки саркофага Ярослава Мудрого сохранились следы надписи на армянском языке, в частности, буквы А, М, Т, К и Б, а также слово „аминь“ на армянском языке»¹⁰.

Зародившиеся на церковной основе связи Армении и Древней Руси последовательно развивались во многих областях, в том числе военной. Армянский ученый В. К. Айвазян привел сведения о том, что сын Ярослава Мудрого Изяслав, готовясь к отражению нападения половецких кочевников, призвал на помощь 20-тысячную армянскую конницу из страны касогов (черкесов. — Р. З.), куда армяне прибыли после повторного нашествия на Армению турок-сельджуков в 1068 г.¹¹ Очевидно, что уже к этому времени в Киеве проживали армяне. В частности, по сведениям монаха Киево-Печерской лавры Нестора, игумен этого монастыря преподобный Феодосий «имел обычай весьма часто ходить на улицу, заселенную армянами, препираясь с теми о вере во Христе»¹². Следует отметить, что такой ревнитель православной веры, как Феодосий, враждебно относился к Армянской апостольской церкви с 700-летней историей, считая ее иноземной угрозой (об этом он, кстати, предостерегал киевского князя Изяслава).

При этом неприятие и враждебность Русской православной церкви к Армянской апостольской церкви ни в начальный, ни в последующие периоды развития русской церкви не доходили до преследования, насильственного обращения армян в православие. Это обуславливалось не столько терпимостью русского духовенства, сколько покровительством светских властей, заинтересованных в заселении русской земли единоверцами, каковыми они считали армян¹³.

Уже к началу XII в. общая принадлежность русских и армян к христианской церкви способствовала взаимопроникновению культур. Наиболее ярким примером этого служит почитание в Русской православной церкви армянского святого Григория Лусаворича (Просветителя), а в Армянской апостольской — мучеников Бориса и Глеба, убитых в борьбе за престол их родным братом Святополком¹⁴. Первые изображения армянского святого появились в новгородских церквях еще в конце XII в. Наиболее ранние из них находились в знаменитом храме Спаса на Нередице, построенном в 1198 г.¹⁵

Упоминания об Армении и армянах в эпоху средневековой Руси содержатся в одном из наиболее древних и знаменитых творений этого периода — «Повести временных лет». Составленная в XII в. монахом Киево-Печерской лавры Нестором, повесть включает немногочисленные, но ценные сведения об Армении. Будучи служителем Бога и хорошо зная содержание священной Библии, страну Армению Нестор трактовал на библейской основе. Используя данные византийского хрониста IX в. Георгия монаха Амартола, родословную армян он возводил к библейскому Ною, у которого, как известно из Священного Писания, было трое сыновей: Сим, Хам и Иафет: «По потопе трое сыновей Ноя разделили землю... Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия...»¹⁶ При этом в «колени Афетово» Нестор включал как славянские и

балтийские, так и финно-угорские племена¹⁷ (примечательно, что у Георгия Амартола в перечне «племен Иафетовых» славяне не упоминались)¹⁸.

Через 400 лет после «Повести...» Нестора русский монах Досифей Волоколамский составил хронику, которую в исторической науке принято называть «Русский хронограф». Начав с истории Ветхого Завета, Досифей последовательно описал все потомство Ноя и при упоминании уделов его сына Иафета отметил следующее: «...георгияне, иже, близи Армень живтъ»¹⁹. Согласно сведениям из библейской «Симфонии», библейские мосхи (мушки), тракуются как протоармяне: «Предположительно Мушки, или протоармяне... Первоначально Мосох обитал в верховьях Тигра и Евфрата, между Мидией и Скифией на Юге современного Кавказа»²⁰.

В XIV в. армяне жили в г. Вольни, Луцке, Владимире-Волынском. Со временем их численность в юго-западной части Руси увеличилась до несколько тысяч. О положительном влиянии армян на заселяемые ими территории в XIX в. писал историк И. А. Линиченко: «Без всякого преувеличения можно утверждать, что наиболее прославленные торговые центры Южной России, каковыми являются Львов, Луцк, Каменец-Подольск, своим богатством, пышностью и значимостью в большей степени обязаны особенно армянам. Именно благодаря этому проворному, шустрому, способному ко всяким начинаниям народу, они стали посредниками между торговцами Востока и Запада»²¹.

Первое упоминание об армянах Москвы относится к 1390 г., когда в московской летописи было отмечено, что «...загорелся посад за городом от Абрама некоего армянина»²². По мнению исследователя М. Н. Тихомирова, «...можно считать несомненным существование в Москве более или менее постоянной колонии армян, которые жили на посаде в начале XV века»²³. На фрагменте плана Москвы 1661 г., на площади близ Ильинских ворот, там, где сегодня находится Политехнический музей, изображен Армянский двор, имевший форму вытянутого прямоугольника²⁴.

Приблизительно в XVI — XVII вв. русским торговым людям, по мнению исследователя Э. А. Акопяна, был известен путь по Средиземному морю до Киликии, именуемой как «Морская Армения», или Армения Маритима. В связи с этим многие события, происходившие в далекой Армении, становились известными на Руси со слов очевидцев, участников так называемых хождений²⁵. В частности, инок Игнатий из Смоленска в 1389 г. вместе с Московским патриархом Пименом совершил путешествие в Константинополь (Царьград). Впечатления от поездки были изложены им в «Хожениях Игнатия Смольнянина в Царьград», где упоминалось о посещении апостольской церкви в Константинополе и попытке государственного переворота здесь с участием сына «бывшего императора Андроника, Калояна Андрониковича». Мятаж был подавлен с «помощью Мануила (Манвела. — *Р. З.*), сына старого царя Калояна». «Утром пошли во Влахернскую церковь... Оттуда пошли к Апостольской церкви...»; «в лето 6898 года (1390) сын императора Андроника Калоян начал добиваться с турецкой помощью царства в Царьграде... В четверг пришел сын старого царя Калояна от Лимноса на кораблях для помощи Царьграду»²⁶. Несмотря на то, что Игнатий не называл апостольскую церковь армянской, безусловно, это предполагалось. В то время апостольский путь образования армянской церкви был общеизвестным фактом, и Игнатий как истинный служитель христианской веры это

хорошо знал, называя православную церковь «апостольской». Поскольку в средние века армянская церковь считалась еретической, представители Русской православной церкви, находясь в Константинополе — столпе православия, проявляли к единоверческой церкви исключительно любопытство.

Упоминал армян в своих путевых записях и дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосим, совершивший путешествие в Константинополь и Палестину в 1419 — 1422 гг.: «в церкви Воскресения семь служб... Первая — греческая, вторая служба иверская (грузинская), третья служба армянская, на высоте, где Христа распяли»; «...по пути от Сионской горы пятая церковь Якова, брата Божьего. Эту церковь армяне взяли себе»²⁷.

Казанский купец Василий Гагара в 1634 — 1637 гг. совершил паломничество в Палестину и Египет через Грузию и Армению. Его заметки о путешествии содержат интересные сведения о «местных святынях» в Ереване, в частности, об Эчмиадзинском храме-монастыре, и знаменитых церквях святых дев Гаяне и Рипсиме, а также Шогакат, находящихся ныне в Эчмиадзине²⁸. В своих заметках Василий Гагара отметил и такой характерный для Армении того времени вид деятельности, как шелководство: «...да близко тех гор Арацких... в той же стране Кизылбашской земли есть черви, а в них шелк родится. ...потом же шел на город Родян (Ереван. — Р. З.), близ того Родяни поприщ на ровном месте стоит монастырь армянский, в нем три церкви»²⁹.

В 1637 г. в составе посольства русского царя Михаила Федоровича во главе с князем Ф. Ф. Волконским побывал в Грузии иеродьякон Чудова монастыря Арсений Суханов. Позже, в 1649 г. как доверенное лицо царя он удостоился чести провожать домой до Иерусалима патриарха Паисия. Эта поездка растянулась на 5 лет. Обратный путь проходил через Армению, на подступах к которой их задержала турецкая застава: «Тут нас турчин расспрашивал, записывал имена... И бил турчин многих армян чеканом, на Арсения замахнулся, да не ударил»; «...приехали на место Эгина... тут живут все армяне. От того стана армянския власти с товарищи поехали налево в горы высокая»³⁰. Далее иеромонах Арсений проехал мимо монастыря Эчмиадзин, разоренного персидским войском, и выехал к Араратской долине: «... а за тою горою место — дол, зовется Арарат, и за тем долом другая гора Араратская и та с снегом; на ней, сказывают тутошние жильцы, Ноев ковчег»³¹.

Автор записок «О путешествии из Москвы в персидское царство, из Персии в турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях», московский купец Федот Афанасьевич Котов, оставил об армянском народе аналогичные записи. Так, о персидском городе Исфакхани он писал следующее: «...торгуют всякие люди — тезики (персы. — Р. З.), индийцы, турки арабы, армяне...»; «25 июня 1624 года шах вернулся после взятия турецкого города Багдада, его встречали в садах, в армянских и других слободах Исфакхана... Встреча была устроена за пять верст... дорога шла между садами армянских, еврейских слобод. Встречали кызылбаши и персы, армяне своим полком с женами и детьми»³².

Представляют интерес сведения об армянской церкви в Западной Европе, оставленные графом П. А. Толстым. Русский посланник в Константинополе с 1701 г., исполнявший дипломатические поручения Петра I в Дании, Англии и Пруссии в 1715 — 1719 гг., он писал следующее: «Был я в Венеции, в армянской церкви, где

армяне свою службу справляют. Та их церковь сделана каменная власно так, как делаются римские церкви. ...И стояли армяне в церкви во время обедни в скуфьях, а иные стояли на коленях»³³.

Герой Отечественной войны 1812 г. барон Ф. К. Корф оставил в своих воспоминаниях подробное описание местностей Закавказья — Эчмиадзина, Еревана, Нахичевани и Тебриза. Значительное внимание он уделил описанию армянских церквей (особенностям службы в них), характера, одежды и привычек армянского народа³⁴.

Другой русский автор начала XIX в. П. П. Свиньин — писатель, издатель, журналист и дипломат также оставил существенные, хотя и частично ошибочные, сведения об армянах, проживавших в Бессарабской области Российской империи. В частности, он назвал их потомками древних парфян, что не является верным ни с исторической, ни с этнографической точек зрения. Автор привел сведения о смелости и предприимчивости армян: «народ сей был некогда настолько храбр, что победил знаменитого римского полководца Красса. Ныне славится своей оборотливостью в торговле»³⁵. Следует отметить, что легионы знаменитого римского консула Марка Лициния Красса, прославившегося в Риме победой над восставшими гладиаторами Спартака, в 54 г. до н. э. действительно были разгромлены войском армянского царя Артавазда II. Однако произошло это в союзе с парфянским царем Ородом II. Именно здесь, в знаменитой битве при Каррах, во главе своих легионов погибли сын Красса Публий, руководивший битвой, и сам Марк Красс, считавшийся непобедимым.

Разностороннее описание Закавказья и местного населения представлены в работе «Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях» русского военного историка П. П. Зубова. «Сей народ, — писал он, — во многих отношениях заслуживающий уважения и внимания, владеет исключительно всею торговлею Кавказского края, а потому, кажется, не будет излишним в отношении к оному гораздо подробное обозрение»³⁶.

Многочисленные сведения об армянском народе, природе Армении, ее истории и городах собраны в работе современного арменоведа Д. Ю. Бекназаряна³⁷. Основу этого издания составляют впечатления таких русских офицеров, путешественников и писателей, как А. С. Пушкин, Е. И. Чириков, Ф. Паррот, Э. Э. Ухтомский, Е. Л. Марков и др.

Несмотря на высказывание русского историка С. Ф. Платонова, согласно которому «...первые летописи были перечнями фактов, важных и неважных, исторических и не исторических, вперемежку с литературными сказаниями. ... Древнейшие летописи не представляют собой исторического труда; не говоря о содержании — и самые приемы летописца не соответствуют теперешним требованиям»³⁸, ценность первых сведений об Армении и армянском народе для возникновения в середине XIX в. науки арменоведения безусловна.

В период правления Петра I история русско-армянских отношений приобрела не только внутривосточное, но и внешнеэкономическое значение³⁹. Государь принимал непосредственное участие в судьбах армянских купцов⁴⁰. Так, согласно указу Петра I от 22 марта 1711 г., царским чиновникам следовало «...армян, как

возможно, приласкать и облегчить им участь, в чем пристойно, дабы подать охоту для большого их приезда»⁴¹. На наш взгляд, Петр I сделал попытку упорядочить существовавшее положение, согласно которому еще в допетровские времена армянские купцы уже прочно обосновались на юго-востоке России, в частности, столице Астраханского ханства Хаджи-Тархане. Согласно данным арменоведа А. Е. Тер-Саркисяна, в начале XVII в. в Астрахани насчитывалось около 40 армянских семей, а в конце этого столетия их численность уже превосходила количество проживавших в городе русских, причем уже действовала армянская церковь⁴² — будущий Кафедральный успенский армянский собор⁴³.

Согласно другим источникам, армяне вели активную деятельность не только в Поволжье, но и значительно восточнее, в степях современного Южного Урала Казахстана. Так, в грамоте, дарованной в 1734 г. русским царем будущему городу Оренбургу, в числе упомянутых азиатских и европейских народов были названы и армяне⁴⁴. Таким образом, «армяне, проживающие в Оренбургском крае, способствовали обеспечению безопасного продвижения купеческих караванов в страны Средней Азии и Казахстан»⁴⁵. В конце XVIII — начале XIX в. среди армян Оренбургской губернии в основном встречались военнотруженики и ссыльные, но чаще торговцы.

Русский артиллерийский офицер Л. Г. Гербер, посетивший Астрахань в начале XVIII в., значительное внимание в своих записях уделил армянам. Он подробно описал места расселения армянских купцов, характер их жилищ, род занятий, нравы, стремление развивать торговые отношения с Россией⁴⁶.

Аналогичные сведения об армянском населении оставил врач русской армии Иоанн Якоб Лерхе. С интересом описывал внешний вид, привычки и характер армян, служивших с ним в русской армии, он обратил внимание на их природную предприимчивость в Астрахани: «Армяне имеют великий каравансарай, в котором живут и продают свои товары⁴⁷». Привозимый из Гиляни шелк по цене от 20 до 30 руб. армяне продавали в Астрахани по 50 — 60 руб. Следует отметить, что природная жадность армян, о которой писал Лерхе, на наш взгляд, обуславливалась обычным стремлением выжить в чужой среде.

По мнению французского путешественника Беля, побывавшего с русским посольством в Астрахани по пути в Персию, «вся торговля в Астрахани была в руках армян, которые ведут здесь всю персидскую торговлю, так как персы весьма редко выезжают из Персии»⁴⁸. Другой иностранец, Жозеф де ла Порт, служивший в русской армии, оставил более подробные сведения об Армении, ее климате и географии⁴⁹.

С образованием Российской академии наук стали снаряжаться экспедиции в различные области Российской империи. Так, в 1768 г. состоялась экспедиция под руководством С. Г. Гмелина в Астрахань. По данным ученого, в Астрахань армяне переселились из Персии и Казани. Гмелин описал одежду, быт и торговлю местных армян, отметил использование ими национальной юстиции («Судебник» Мхитара Гоша. — *Р. 3.*).

Используя сведения предшествовавших авторов, член Российской академии наук Иоганн Готтлиб Георги в труде «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» изложил историю расселения армян в России, уделив значительное внимание этнографической составляющей вопроса.

Значительный исследовательский интерес представляют сведения самих армян, оставивших биографические, путевые и другие записи. Так, существуют сведения об армянских купцах, проживавших на Руси в конце XIV в., в частности, знаменитом роде Лазаревых, переселившихся в Россию из Ирана. Представляя одну из богатейших семей, люди высоких нравов, известные благотворители, они являлись центром общественно-культурной и политической жизни Российской империи⁵⁰.

Предвестником арменоведения в России является книга Артемия Араратского, изданная на русском языке в 1813 г. в Петербурге. Эта работа явилась «...книгой любопытной и достойной внимания по описываемым в ней предметам..., зарисовки автора для своего времени были свежими и новыми»⁵¹. По мнению ученого Р. Р. Орбели, книга, в первую очередь, «является историко-этнографическим источником»⁵².

В 1827 г. был предпринят первый опыт изложения истории Армении на русском языке⁵³. Авторы книги «Опыт начинания истории царства армянского» Яков и Давид Арзановы впервые предприняли попытку систематизировать сведения о многовековой истории Армении. Почти одновременно вышла книга «Моя исповедь» декабриста Лачинова, в которой автор попытался дать политико-экономическое состояние Армянской области, описал быт и социальное положение населения.

Значительные этнографические сведения об армянском народе и Армении содержатся в материалах русских историков XVIII в. Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. Н. Татищева, Г. В. Вернадского, В. О. Ключевского и др. Так, по свидетельству Н. М. Карамзина, «...во времена Мономаховы славились в Киеве армянские врачи: один из них (как пишут), взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти»⁵⁴. С. М. Соловьев существенное место уделил торговым отношениям Москвы с персидскими армянами: «Относительно Персии у Москвы оставался один торговый интерес... В 1660 году приехал в Москву купчина армянин Захар Сарадов и привез царю в подарок богатый престол, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугом, восточной бирюзой и турецкою финифтью, оцененный в 22589 рублей... В Посольском приказе армянина расспрашивали: можно ли ему в своей земле промыслить для великого государя камня дорогого запон и других узорочных товаров. Армянин отвечал, что отец его и он готовы все промыслить для великого государя... Они с отцом великому христианскому государю во всем работать и служить ради, а не для своей прибыли»; «...теперь подобное предложение явилось от компании тамошних персидских армян. В 1666 году армянин Григорий Лусиков подал царю челобитную: пожалована наша компания от шаха правом вывозить из Персии за море шелк. Возим через Турецкое государство, которое обогащается от нас таможенными сборами. Поговоря с товарищами, я выехал к тебе бить челом, чтоб ты пожаловал возить нам через свое Московское государство, за море в немецкие земли...»; «в мае 1667 года представитель царя князь Ордин-Нащокин написал договор с компаниею на условиях, означенных в просьбе; агентом компании в Москве по просьбе армян утвержден был англичанин Брейн». Далее Соловьев с сожалением отметил, что «...разбой Разина, разногласие в компании и смерть шаха Аббаса II помешали исполнению договора»⁵⁵.

Удивляют деловые качества и предприимчивость армянских купцов из далекой Персии. Так, упомянутый армянский купец Григорий Лусиков, в 1672 г. вновь приехав в Москву, во время долгих переговоров с Матвеевым, занявшим место Ордина-Нащокина, «...вытребовал, чтобы во время провозу товаров при них был постоянный караул из русских людей, и если за этим караулом товары пропадут, то хозяевам искать судом на караульщиках...» Григорий Лусиков дал обязательство «...через Турцию не ездить, весь шелк идет в Россию».

В связи с возникшей у персидских армян в Москве проблемой, которую сегодня назвали этноконфессиональной, заметим следующее. Увидев, как персы увезли с собой молодую монахиню, которая «обасурманилась», и при этом хвалились этим перед армянскими купцами, последние обратились к государю: «Тезики нас, армян, укоряют, что вот христиане в их веру обращаются. Указал бы великий государь всех тезиков отовсюду выслать в Персию, а мы, армяне, русских людей увозить не будем, потому что мы христиане»⁵⁶.

В. Н. Татищев упоминал Армению в комментариях к «Сказанию Плиния Секунда Старейшаго»: «Агриппа написал, яко Каспийское море, народы около себя и с оными Армению разделяющее, от востока акианом серикским (китайским), от запада Кавказскими горами, от полудня Тавром, от севера акианом Скифским окружено»⁵⁷.

Упоминания об Армянском крае содержатся в лекциях В. О. Ключевского. Говоря о политике Российской империи на Кавказе, автор, подразумевая Грузию и Армению, отмечал следующее: «...за Кавказом, среди магометанского населения, прозябало несколько христианских княжеств, которые, почуяв близость русских, начали обращаться к ним за покровительством»; «...эти присоединения привели Россию в столкновение с Персией, от которой пришлось отвоевывать зависимые от нее ханства — Эриван, Нахичеванское и другие»⁵⁸.

Русский историк Г. В. Вернадский, в отличие от В. Н. Татищева, уделил Армении и ее народу достаточное внимание: «И грузины, и армяне обратились в христианство в IV веке, но во время разногласий V и VI веков Армения встала на сторону моносифитов. В XV веке значительное количество армян, живших за пределами собственно Армении, приняло унию с Римом. И армяно-григорианская, и грузинская Церкви были автокефальными, во главе с собственным католикосом»; «в Армении, в некоторых восточных районах (отошедших к Персии) остатки национальной аристократии еще сохранялись. В западной же части, контролируемой турками и курдами, армянское население находилось под прямым правлением, то есть в полной власти завоевателей. Кроме различных налогов в пользу Персии и Турции, армян принуждали поставлять определенное количество мальчиков и девочек в качестве специальной дани шаху и султану. Собранных детей обращали в ислам. В Турции мальчиков помещали в отряды янычар; в Персии — в охрану шаха. Девочек отправляли в гаремы султана, шаха. В общем, положение армян при персидском режиме было менее тяжелым, чем при турецком. Для грузин — наоборот»⁵⁹.

Таким образом, складывание российско-армянских отношений имеет многовековую историю. Первые впечатления об Армении, стране с особой ментальностью и культурой, формировались на основе религиозных, торговых и дипломатических поездок российских и иностранных чиновников, купцов, военных и др. В дальней-

шем «армянский интерес» со стороны Российского государства усилило геополитическое расположение Армении, граничившей с Турцией и Персией.

С течением времени многочисленные разрозненные сведения о далекой Армении и армянском народе становились более предметными, явившись предпосылкой к зарождению науки арменоведение.

Библиографические ссылки

- ¹ **Оганесян А. Ж.** Россия и Армяне. Ереван, 2015. С. 6 — 7.
- ² См.: Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939. С. 73.
- ³ См.: **Арешян С. Г.** Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957. С. 10 — 11.
- ⁴ См.: **Малышев А. Б.** Армянские общины и церковь на территории Поволжья в Золотоордынский период // Армяне Поволжья и Юга России: история и современность. Саратов, 2016. С. 39.
- ⁵ См.: **Айвазян К. В.** История отношений русской и армянских церквей в средние века. Ереван, 1989. С. 8.
- ⁶ Там же. С. 10 — 11.
- ⁷ См.: **Ключевский В. О.** Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 256.
- ⁸ См.: **Арешян С. Г.** Армянская печать и царская цензура. С. 9.
- ⁹ См.: **Меликсет-Бек Л. М.** Из истории армяно-украинских отношений // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван, 1961. Вып. 1. С. 48.
- ¹⁰ См.: **Халпахчян О. Х.** Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957. С. 1.
- ¹¹ См.: **Айвазян К. В.** Указ. соч. С. 26.
- ¹² Там же. С. 32, 34.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Там же. С. 63.
- ¹⁵ Там же. С. 65 — 66.
- ¹⁶ Повесть временных лет : Откуда пошла есть Рус. земля, и кто в ней первым стал княжить, и как возникла Русская земля. М., 2014. Ч. 1. С. 12.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: **Матвеев В., Щеголева Л.** Временник Георгия Монаха : (Хроника Георгия Амартола). М., 2000. С. 8 — 9.
- ¹⁹ **Протоиерей Александр Иванников.** Об Иафетовых родословиях в Повести временных лет и в Русском хронографе. М., 2007. С. 12 — 14.
- ²⁰ Симфония, или словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета. М., 2000. Т. 3. С. 338.
- ²¹ **Линиченко И. А.** Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV — XV вв. М., 1894. С. 219.
- ²² Цит. по: **Тихомиров М. Н.** Древняя Москва. М., 1947. С. 142.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: **Асрибекова Т. В.** Армянская диаспора в Москве : История формирования и этнокультур. развитие в конце XX — начале XXI в. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. 2012. С. 16 ; **Амирханян А. Т.** Тайны дома Лазаревых. М., 1992. С. 3.
- ²⁵ См.: **Акопян Э. А.** Арменоведение в России : вопр. филологии. Ереван, 1988. С. 11 — 19.
- ²⁶ Книга хождений : Зап. рус. путешественников XI — XIV вв. М., 1984. С. 8.
- ²⁷ **Прокофьев Н. И.** Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопр. рус. лит. М., 1971. Т. 435. С. 12 — 14.
- ²⁸ См.: Кавказ. науч. зап. 2011. № 4 (9).
- ²⁹ Цит. по: **Бекназарян Д. Ю.** Армения и армяне глазами путешественников XIV — XX веков. М., 2013. С. 78.

- ³⁰ Кавказ. науч. зап. С. 28.
- ³¹ Цит. по: **Бекназарян Д. Ю.** Указ. соч. С. 93.
- ³² Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 6 — 7.
- ³³ Цит. по: **Бекназарян Д. Ю.** Указ. соч. С. 122 — 123.
- ³⁴ Там же. С. 127 — 145.
- ³⁵ Там же. С. 155 — 156.
- ³⁶ Там же. С. 157.
- ³⁷ Там же. С. 163 — 169, 170, 184, 229, 233.
- ³⁸ **Платонов С. Ф.** Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова. 1917. С. 10.
- ³⁹ См.: **Аресян С. А.** Армянская печать и царская цензура. С. 4.
- ⁴⁰ См.: **Микоян К.** Заметки армянина, связавшего свою судьбу с Россией. Рязань, 2003. С. 5.
- ⁴¹ Собрание актов, относящихся к истории армянского народа. М., 1833. Ч. 1. С. 10.
- ⁴² См.: **Тер-Саркисян А. Е.** Из истории армянской колонии в Астрахани // Армяне Поволжья и Юга России. С. 6 — 7.
- ⁴³ См.: **Чолахян В. А.** Армяне Поволжья: интеграция в российское общество и сохранение национальной идентичности // Там же. С. 31.
- ⁴⁴ См.: **Джунджужов С. В.** Посредническая деятельность армянских торговцев в налаживании экономических и добрососедских отношений в Южноуральском пограничье // Там же. С. 92 — 93.
- ⁴⁵ **Амелин В. В., Денисов Д. Н.** Армяне в Оренбургском крае. Оренбург, 2014. С. 9.
- ⁴⁶ См.: **Гербер И. Г.** Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году : соч. и переводы к пользе и уселению служащие. 1760. Кн. 3. С. 1 — 18.
- ⁴⁷ Цит. по: **Аресян С. Г.** Армянская печать и царская цензура. С. 8.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Цит. по: **Аресян С. Г.** Из предыстории арменоведения в России. Ереван, 1955. № 1. С. 5.
- ⁵⁰ См.: **Роева Е. Б.** Вклад рода Лазаревых в консолидацию армянской диаспоры России // Армяне Юга России и Поволжья. С. 206 — 207.
- ⁵¹ **Григорьян К. Н.** Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX в.) // Жизнь Артемия Араратского. Л., 1980. С. 137.
- ⁵² **Орбели Р. Р.** Мемуары А. Араратского // Там же. С. 192.
- ⁵³ Цит. по: **Саядов С.** Арменоведение в России : историогр. очерк // Арменоведение и вызовы современности : докл. пленар. заседаний II Междунар. конф. Ереван, 2013. С. 49.
- ⁵⁴ **Карамзин Н. М.** История государства Российского : в 12 т. СПб., 1818.
- ⁵⁵ **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. 61, т. 12. С. 543 — 551.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ **Татищев В. Н.** История Российская. М., 1994. Т. 1, ч. 1. С. 166.
- ⁵⁸ **Ключевский В. О.** Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. Ростов на/Д, 1998. Кн. 3. С. 439.
- ⁵⁹ **Вернадский Г. В.** История России : Моск. царство 1547 — 1682. М., 1997. Ч. 2. С. 178 — 180.

Поступила 01.02.2018 г.

УДК 93/94

О. В. Соловьев

O. V. Solovyev

НАУЧНАЯ РАБОТА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

SCIENTIFIC WORK IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CHUVASHIA REPUBLIC IN THE LATE XX — THE EARLY XXI CENTURY

Ключевые слова: Чувашия, высшие учебные заведения, научно-исследовательская работа, аспирантура, научные школы.

В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность крупных вузов Чувашской Республики в конце XX — начале XXI в.; определяется работа научно-исследовательских лабораторий, научных школ, диссертационных советов, аспирантуры и докторантуры учебных заведений, публикационная активность профессорско-преподавательского состава; на основе неопубликованных источников и исследовательской литературы прослеживаются основные достижения университетов Чувашии в области науки и инноваций в 1990 — начале 2000-х гг.

Key words: Chuvashia, higher educational institutions, research work, postgraduate study, scientific schools.

The research activities of the major institutions of higher education of the Chuvashia Republic in the late XX — the early XXI century are considered in the article. The work of research laboratories, scientific schools, dissertational councils, postgraduate and doctoral studies of educational institutions, the publication activity of the teaching staff are determined. The main achievements of universities in Chuvashia in the field of science and innovation in the 1990-ies — the early 2000-ies are observed on the basis of unpublished sources and research literature.

Двадцатое столетие явилось периодом расцвета инновационного потенциала Российского государства, что выразилось в проведении научно-технической революции, инвестировании в создание исследовательских институтов и центров, укреплении Академии наук СССР. Политика Советского государства в области науки привела к ускорению социально-экономических процессов, формированию крупнейшего индустриального кластера, созданию научно-педагогических кадров, появлению новых отраслей научного знания. Безусловно, после распада Советского Союза имевшийся в этой области потенциал перешел в ведение Российской Федерации.

Существовавшая научно-техническая база, которая обладала общими тенденциями и спецификой отдельных регионов, сосредотачивалась не только в центре, но и в субъектах страны. Чувашия, являясь многонациональной индустриально-аграрной республикой, расположенной в средней полосе России, позволила сконцентрировать на своей территории крупные промышленные предприятия, сельскохозяйственный сектор экономики, нуждавшиеся в технических и научных специалистах, инновационных разработках.

Наряду с научно-исследовательскими институтами, такими как Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чувашский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, самостоятельная Национальная академия наук и ис-

кусств Чувашии, научная работа в регионе в 1990 — начале 2000-х гг. во многом была сосредоточена в высших учебных заведениях республики. Университеты реально стали кузницей кадров не только высшего, но и послевузовского образования.

Научно-исследовательская и инновационная деятельность в высших учебных заведениях Чувашии в изучаемый период была направлена на получение новых знаний, которые в дальнейшем использовались для подготовки высококвалифицированных специалистов и научно-педагогических кадров, сохранение и развитие научно-педагогических коллективов, привлечение и закрепление молодежи в сфере образования и науки, создание конкурентоспособной научно-технической продукции и наукоемких технологий. Для координации научных исследований в вузах создавались отдельные структурные подразделения, среди которых — научно-исследовательские институты, НИЧ, отделы, отраслевые и проблемные лаборатории.

Особое значение при подготовке кадров, воспитании последователей — будущих ученых, несомненно, имеют научные школы. В Чувашии сложились самостоятельные научные и научно-педагогические школы в области педагогики, экономики, медицины, химии, истории, филологии, электроэнергетики, сельского хозяйства и др., разработки и труды которых известны как в России, так и за рубежом. В Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова (ЧГУ), например, уже к 2007 г. насчитывалось 25 научно-педагогических школ. Значительных результатов достигла научная школа «Экономическая теория и управление народным хозяйством» (руководитель — академик РАО Л. П. Кураков), которая только за 2006 г. выполнила научные исследования на сумму более 2 млн руб., выпустила 4 монографии, 33 учебных пособия, в ее рамках прошли защиты 28 диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, было проведено 8 конференций различного уровня¹.

В вузах республики в 1990 — начале 2000-х гг. складывались научные школы, которые получили большую известность и охватывали различные проблемы современной фундаментальной и прикладной науки. Ученые Чувашии принимали активное участие в выполнении государственных научно-технических программ. Высокие показатели по публикационной активности и защищенным диссертациям имели научно-педагогические школы «Электростанции и электроэнергетические системы», «Электромеханика и электрические аппараты», «Элементы и устройства вычислительной техники и систем управления», «Гистология, цитология и эмбриология», «Чувашская школа педиатрии», «Отечественная история», «Философия науки и техники», «Литература и языки народов Поволжья и Урала», «Экология и гигиена человека. Экологическая физиология», «История развития образования и педагогической мысли в России и Чувашии», «Этнология в современной системе образования», «Этнопедагогическое образование учителей национальной школы» и др.²

Важная роль в вузах Чувашии отводится становлению ученых-исследователей. Основой для воспроизводства и наращивания научного потенциала, создания научно-педагогической элиты вузов является формирование кадров высшей квалификации через институты аспирантуры и докторантуры³. Динамика уровня острепенности преподавателей учебных заведений Чувашии прослеживается в табл. 1. Согласно таблице, с 1995 по 2002 г. количество докторов наук увеличилось на 57 %, кандидатов наук — на 84 %.

Таблица 1

**Профессорско-преподавательский персонал высших учебных заведений
Чувашской Республики, чел.**

Учебный год	Основной (штатный) персонал, всего	Доктора наук		Кандидаты наук		Профессора		Доценты	
		Всего	% к итогу	Всего	% к итогу	Всего	% к итогу	Всего	% к итогу
1995/96	1 639	105	6,4	751	45,8	110	6,7	566	34,5
1999/2000	1 894	142	7,5	766	40,4	151	8,0	585	30,9
2002/03	2 340	183	7,8	889	38,0	171	7,3	696	29,7

Составлена по: Образование в Чувашской Республике : стат. сб. Чебоксары, 2003. С. 79.

В ЧГУ проводилась целенаправленная работа по подготовке научных кадров по специальным комплексным общероссийским программам «Кадры 1997 — 2002 гг.», «Кадры 2005 — 2009 гг.»⁴ В настоящее время в университете идет подготовка в рамках системы послевузовского образования по 50 специальностям аспирантуры и 16 специальностям докторантуры. Помимо этого, в университете функционируют ординатура и интернатура, действуют 4 специализированных диссертационных совета по защите докторских и кандидатских диссертаций: филологические науки (председатель — В. Г. Родионов), исторические науки (председатель — Е. К. Минеева), 2 совета по техническим наукам (председатели — Г. А. Белов, А. А. Афанасьев)⁵. Благодаря осуществлению комплекса социально-экономических мероприятий по стимулированию творческой деятельности научный потенциал коллектива вуза имеет устойчивый рост. Только за 2009 — 2013 гг. в ЧГУ более 30 преподавателей защитили докторские и около 200 — кандидатские диссертации⁶.

С середины 1990-х гг. и в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева (ЧГПУ) произошел перелом в процессе формирования преподавательских кадров, наметились положительные изменения в этом отношении, состоялось увеличение профессорско-преподавательского состава (ППС) как опытными, так и молодыми специалистами. Так, к 1996 г. численность докторов наук составила 31 чел., кандидатов — 188⁷. Научно-исследовательская работа ППС проводилась по 55 направлениям, из них 26 тем были посвящены проблемам педагогики высшей школы, 15 — теории и методике обучения и воспитания учащейся молодежи⁸. Для совершенствования профессионального мастерства преподавателей использовались курсы повышения квалификации и стажировки в ведущих институтах страны. В 1990-е гг. в ЧГПУ состоялось открытие новых специальностей в аспирантуре: Методика преподавания русского языка в национальной школе и методика преподавания родного языка, Неорганическая химия и физиология человека и животных, Теория и история педагогики, Математическая кибернетика. Таким образом, в середине 1990-х гг. в аспирантуре вышеназванного вуза обучалось не менее 35 чел.⁹ Немаловажное значение для развития профессиональных кадров имело открытие в 1995 г. двух диссертационных советов по следующим специальностям: Механика деформируемого твердого тела (председатель — Д. Д. Ивлев) и Общая педагогика (председатель — О. Г. Максимова)¹⁰.

Аспирантура действует и в Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (ЧГСХА). С 1992 г. она выпускает научно-педагогические кадры высшей категории по 11 специальностям. Так, за период с 1992 по 2001 г. в аспирантуре этого учебного заведения прошли обучение 114 чел. К 2001 г. руководство аспирантами осуществляли 30 научных руководителей, из которых 16 — доктора наук, профессора с научным званием¹¹. Для подготовки кадров высшей квалификации непосредственно в академии в 1995 и 1999 гг. были открыты 2 диссертационных совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям: Частная зоотехния, технология производства продуктов животноводства, Гигиена животных, продуктов животноводства и ветеринарно-санитарная экспертиза, Технология и средства механизации сельского хозяйства¹². Это позволило не только увеличить число востребованных в регионе специалистов-аграриев, но и продвинуться в создании и апробации новых технологий в области животноводства и сельского хозяйства.

Наряду с государственными вузами к началу 2000-х гг. аспирантура действовала также в Чебоксарском кооперативном институте (ЧКИ) (филиал Российского университета кооперации). Она проводилась по 6 специальностям, научное руководство аспирантами и соискателями осуществляли 21 чел., из которых докторов наук — 17¹³. Основная часть тем диссертационных исследований аспирантов вуза была направлена на решение проблем потребительской кооперации как в регионе, так и стране в целом. В институте успешно функционируют 7 научных школ: «Проблемы развития российской государственности и права» (руководитель — профессор Н. И. Петренко); «Проблема развития российского федерализма» (руководитель — доктор юридических наук, профессор Н. К. Филиппов); «Стратегическое управление экономикой предприятия» (руководитель — профессор Л. П. Федорова); «Повышение эффективности и финансовой устойчивости организаций потребительской кооперации в системе АПК» (руководитель — профессор В. И. Елагин); «Проблемы развития коммерции и менеджмента в контексте обеспечения социально-экономического развития» (руководитель — профессор Г. В. Калинина); «Актуальные проблемы противодействия наркотизму на современном этапе» (руководитель — профессор М. А. Кириллов). Результативную работу проводит научная школа «Проблемы учетно-аналитического обеспечения основных параметров управления деятельностью кооперативных организаций», созданная профессором Е. А. Еленевской, традиции этой школы продолжает ее воспитанница, доктор экономических наук Т. Ю. Серебрякова¹⁴.

Открытие институтов аспирантуры и докторантуры, специализированных диссертационных советов в высших учебных заведениях Чувашии способствовало увеличению числа лиц, имевших ученую степень (табл. 2), что во многом положительно сказывалось на укреплении структурных подразделений университетов, вливании молодых ученых в коллективы высшей школы республики. Тем не менее необходимо отметить, что сложилась и другая закономерность, связанная с отчислением обучавшихся из аспирантуры по причинам неуспеваемости и недостатка времени на реализацию научных трудов, а также низким процентом защит диссертаций. Ряд исследователей проходили обучение в аспирантуре, но в результате так и не смогли подготовить диссертационную работу, либо защитить ее в установленный срок. Статистические данные показывают, что наибольшее число аспирантов

защитили диссертации по педагогическим наукам: в 2000 г. — 8 чел., 2005 г. — 12, 2009 г. — 11 чел.¹⁵

Таблица 2

**Основные показатели деятельности аспирантуры
в Чувашской Республике, чел.**

Год	Численность аспирантов	Прием в аспирантуру	Выпуск из аспирантуры	В том числе с защитой диссертации
2000	410	155	68	30
2005	531	151	131	42
2009	812	277	135	57

Составлена по: Образование в Чувашской Республике (2000 — 2009 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 2010. С. 123.

Политика вузов в области научно-инновационной деятельности в 1990-е — начале 2000-х гг. реализовывалась в направлении развития научного потенциала посредством проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, а также их коммерциализации. Преподаватели и сотрудники высшей школы активно участвовали в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах в рамках существовавших и складывавшихся научных школ и научно-педагогических коллективов. Повышению исследовательской активности НПР способствовали интеграция научного и образовательного процессов, совершенствование инновационной инфраструктуры вузов, улучшение качества подготовки научных и научно-педагогических кадров в системе вузовского образования¹⁶. Как отмечает руководство Чувашского госуниверситета, возросло количество заявок работников университета на получение грантовой поддержки из различных источников. Так, ЧГУ, например, за заслуги в области науки был удостоен диплома Роспатента в номинации «100 лучших изобретений России — 2013» за исследование «Способ получения металлосодержащего углеродного наноматериала». С 2010 г. при вузе работают 4 малых инновационных предприятия, в последние годы были открыты учебно-научные структуры: центр молодежного инновационного творчества, центр «Гидравлика» (совместно с германской фирмой «Бош-Рексрот»), центр прототипирования¹⁷. В 2016 г. вуз совместно с Чебоксарским производственным объединением им. В. И. Чапаева стал победителем конкурса по отбору организаций на право получения субсидий на реализацию комплексных проектов по созданию высокотехнологичного производства на сумму 99 млн руб. в течение 2017 — 2019 гг.¹⁸

Фундаментальные и прикладные научные исследования в вузах Чувашии являются заметными и востребованными. Подтверждением служит финансирование научных тем из различных источников, среди которых: тематический план по заданию Минобрнауки РФ, научно-технические программы, гранты Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского научного фонда, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и других российских и зарубежных фондов, хозяйственные договора¹⁹.

Ведущим вузом республики является ЧГУ, поэтому многие научные разработки по заданиям министерств и ведомств Чувашии проходят именно здесь: освоение

наукоёмкой продукции, изучение истории, языка и культуры Чувашии, социально-экономические проблемы, вопросы здравоохранения, образования и духовно-нравственного воспитания молодежи. Ученые ЧГУ принимали активное участие в исследовании социально-экономического развития г. Чебоксары до 2010 г., Концепции разработки науки и технологий в Чувашской Республике в 2005 — 2010 гг. При участии сотрудников университета были подготовлены «Энергетическая стратегия Чувашской Республики на период до 2020 г.», «Стратегия социально-экономического развития Чувашской Республики на период до 2020 г.», «Стратегия развития образования в Чувашской Республике до 2040 г.»²⁰

Кроме того, в ЧГУ ведется работа по внедрению завершенных фундаментальных исследований в народное хозяйство. Следует отметить, что результаты научных исследований по теме «Приоритетные методы и средства распознавания аварийных ситуаций в энергетических системах» (научный руководитель Ю. Я. Лямец) постоянно внедряются на крупном научно-производственном предприятии «Бреслер» при создании приборов релейной защиты и автоматики следующего информационного поколения в линиях электропередачи сверхвысоковольтного напряжения. Инновационные бизнес-проекты «Организация производства модифицированной пластмассы „Уракрил“ и „Коракрил“ (научный руководитель Ю. Н. Уруков), «Организация производства энергосберегающих и экологически чистых элементов на базе новых композиционных материалов» (научный руководитель Е. П. Шалунов) признаны наиболее перспективными и поддержаны за счет средств республиканского бюджета²¹.

Широкий ряд инновационных разработок проводится и в педагогическом университете республики. Наиболее значимыми исследованиями ЧГПУ, поддержанными крупными российскими фондами (РФФИ и РГНФ) в 2000-е гг., стали: «Определение предельного сопротивления изделий из композитных и керамических материалов в условиях сложного и напряженного состояния» (руководитель — профессор Б. Г. Миронов), «Исследование влияния собственных напряжений на надежность сложных систем» (руководитель — профессор М. Д. Коваленко), «Диалектологический атлас чувашского языка. Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области» (руководитель — профессор Л. П. Сергеев), «Островные говоры» чувашского языка (руководитель — доцент А. Д. Ахвандерова) и др.²² По заказу Министерства образования, науки и высшей школы Чувашской Республики участие в работе ВНИК, созданных для разработки отдельных программ и концепций, принимали представители научного сообщества университета: доктор педагогических наук В. Г. Максимов, кандидат педагогических наук Е. В. Гунина — программа «Одаренные дети»; кандидаты педагогических наук И. В. Павлов, М. К. Енисеев, Л. А. Борисова, Т. В. Осокина, доктор педагогических наук О. Г. Максимова — концепция «Система воспитания школьной молодежи в ЧР»²³. Накопленный опыт научно-методических разработок вуза позволил ему стать соисполнителем комплексного Проекта по модернизации педагогического образования в России.

Существенное внимание уделялось поддержке изобретений на основе разработок, выполненных совместно с преподавателями, сотрудниками и аспирантами ЧКИ. Так, за 1994 — 1999 гг. в филиале было получено 6 патентов. Например, результаты научно-исследовательской работы «Экономический потенциал потребительской кооперации и эффективность его использования» профессора Л. П. Федоровой внедрены на предприятиях системы Чувашпотребсоюза, а материалы диссертацион-

ного исследования «Макроэкономическое регулирование экономических процессов в регионе» профессора Т. В. Погодиной были использованы Министерством экономики Чувашской Республики при разработке Стратегии социально-экономического развития на 2001 — 2005 г.²⁴ Перспективными направлениями научно-исследовательской работы кооперативного института являлись развитие потребительской кооперации в условиях современного рынка; правовое регулирование в сфере деятельности предприятий и организаций потребительской кооперации; социальные аспекты реформирования предприятий и организаций потребительской кооперации; научно-технический прогресс как фактор устойчивого развития потребительской кооперации; совершенствование учебного процесса на основе укрепления теории с практикой²⁵. Подтверждением качественной многопрофильной работы института стала благодарность Президента Российской Федерации В. В. Путина в 2012 г. коллективу за заслуги в научно-педагогической деятельности и большой вклад в подготовку квалифицированных специалистов.

Анализ архивной документации позволил определить и наиболее значимые научно-исследовательские темы отраслевого вуза Чувашии — ЧГСХА: это разработка новых энергосберегающих технологий и средств механизации почвозащитного земледелия; внедрение новых технологий возделывания картофеля с гребневой посадкой; интенсификация электромагнитным полем технологических процессов в животноводстве; разработка ветеринарно-гигиенических мероприятий к оптимизации технологий выращивания молодняка сельскохозяйственных животных разного типа; обоснование параметров и режимов работы мобильных машинных агрегатов сельскохозяйственного назначения; совершенствование экономических, земельных отношений и системы управления аграрным производством в условиях рыночных отношений и др.²⁶ ЧГСХА проводила также ряд НИОКР, финансируемых Министерством сельского хозяйства РФ, а именно: ветеринарно-гигиеническое обоснование адаптивной технологии получения и выращивания телят на малых и средних фермах (руководитель — профессор Н. К. Кириллов); оценка эколого-токсикологической ситуации урбанизированных сопредельных территорий Волго-Вятского региона (руководитель — профессор Г. А. Алексеев)²⁷.

Полученные в ходе научных исследований материалы и разработки ППС вузов становятся достоянием общественности, что отражается в апробации их на научно-практических конференциях, в публикациях ученых в высокорейтинговых журналах, создании опытных образцов. Во многом это способствует применению накопленного опыта на практике. По результатам научной деятельности преподавателей и сотрудников в вузах издаются учебные пособия и монографии, которые применяются при чтении лекций и проведении практических занятий, при изучении студентами соответствующих дисциплин. В ЧГУ только за 2002 — 2006 гг. было издано 261 монография, 221 сборник научных трудов, 746 учебников и учебных пособий²⁸. В ЧГПУ в середине 1990-х — начале 2000-х гг. опубликовано 65 монографий, 65 сборников научных трудов, 398 учебников и учебных пособий, получено 39 патентов и авторских свидетельств на изобретения, защищено 18 докторских и 65 кандидатских диссертаций, проведено 148 конференций различного уровня²⁹. Изменения происходили и в объемах финансирования научных исследований в вузе, например, в 2010 г. оно составило 20 958,9 тыс. руб., а в 2014 г. увеличилось до 24 179,5 тыс. руб.³⁰

Активная издательская деятельность осуществляется в ЧКИ. Так, в 1994 г. вышел первый сборник трудов ППС вуза. За последующие 10 лет в институте было издано свыше 50 сборников по материалам научно-практических конференций преподавателей и студентов, а за период с 1994 по 2003 г. преподавателями филиала было опубликовано 52 монографии³¹.

Наряду с монографическими исследованиями и сборниками статей в высшей школе Чувашии издавались серийные научные журналы, такие как «Вестник Чувашского университета», «Труды Академии электротехнических наук Чувашской Республики», «Вестник психиатрии и психологии Чувашии», «Вестник Чувашской государственной сельскохозяйственной академии», «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева» и др. Журналы «Вестник Чувашского университета» и «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева» включены в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий и журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты кандидатских и докторских диссертаций³². Следует отметить, что в 2000-е гг. значительно возросли статус и научный уровень журналов: редколлегия и авторский коллектив изданий пополнились именами выдающихся российских и зарубежных исследователей³³.

Научная работа с вузах Чувашии сопряжена также с рядом трудностей, в числе которых низкая заработная плата работников образования и науки; параллельная с учебной работа аспирантов, часто не по специальности, что снижает их исследовательскую активность и приводит к незавершенности научного труда; совмещение педагогической и научной работы, негативно сказывающееся на научных результатах ППС вузов, и др. Однако, несмотря на сложности, именно в высших учебных заведениях Чувашии формируются новые поколения исследователей, дающие импульс развитию научной жизни не только региона, но и страны в целом.

Таким образом, в 1990 — начале 2000-х гг. в высших учебных заведениях Чувашии широкое распространение получила научная деятельность. Основными факторами ее развития стали открытие новых специальностей, аспирантуры и докторантуры, работа диссертационных советов, формирование научно-педагогических школ, грантовая поддержка преподавателей, система наставничества, увеличение количества научно-практических конференций, публикационная активность исследователей. В вузах Чувашии складывается поэтапная подготовка молодого научного поколения. Со студенческой скамьи, обучаясь по разработкам своих наставников — ученых республики, учащиеся приобретают навыки исследователя, что во многом побуждает их продолжать путь познания и творчества в науке.

Библиографические ссылки

¹ См.: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова: 40 лет. Чебоксары, 2007. С. 276.

² Там же.

³ Там же. С. 277.

⁴ Там же.

⁵ См.: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2013. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-1335. Оп. 2. Д. 2960. Л. 31.

⁸ См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2005. С. 33.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ См.: Чувашская государственная сельскохозяйственная академия: 70 лет. Чебоксары, 2001. С. 33.

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-1512. Оп. 3. Д. 3341. Л. 1 ; Д. 2930. Л. 1 ; Чувашская государственная сельскохозяйственная академия.

¹³ ГИА ЧР. Ф. Р-2641. Оп. 1. Д. 1305. Л. 3.

¹⁴ См.: **Порфирьев Н.** Ставим амбициозные задачи на будущее // Совет. Чувашия. 2012. 27 дек. № 230.

¹⁵ См.: Образование в Чувашской Республике (2000 — 2009 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 2010. С. 128.

¹⁶ См.: **Александров А. Ю., Афанасьев В. В.** На основе традиций — к инновациям // Высш. образование в России. 2014. № 11. С. 70 — 71.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ См.: Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова — победитель всероссийского конкурса на право получения субсидий для создания высокотехнологичного производства // Ульяновец. 2016. 23 дек. № 45.

¹⁹ См.: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова: 40 лет. С. 278.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 279.

²² См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева: 85 лет. Чебоксары, 2015. С. 70 — 71.

²³ См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. С. 33.

²⁴ См.: Чебоксарский кооперативный институт. 50 лет. Чебоксары, 2012. С. 119.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-2641. Оп. 1. Д. 1305. Л. 2.

²⁶ Там же. Ф. Р-1512. Оп. 3. Д. 3137. Л. 2 — 3.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ См.: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова: 40 лет. С. 276.

²⁹ См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. С. 34.

³⁰ См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева: 85 лет. С. 69.

³¹ См.: Чебоксарский кооперативный институт. С. 118.

³² См.: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. С. 7.

³³ См.: Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева: 85 лет. С. 74.

Поступила 29.03.2018 г.

УДК 930.253

А. А. Соловьев, А. А. Иванов
A. A. Solovyev, A. A. Ivanov

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
(По материалам Вятской губернии)***

**PEASANT TOOLS IN THE LATE XIX — THE EARLY XX CENTURY:
TRADITIONS AND INNOVATIONS
(According to the materials of the Vyatka Governorate)**

Ключевые слова: Вятская губерния, аграрная реформа, крестьянское орудие труда, деревня, соха, земская перепись, статистика.

В статье на основе опубликованных земских статистических материалов проводится анализ состояния и эволюции крестьянских орудий труда и сельскохозяйственного инвентаря в Вятской губернии в конце XIX — начале XX в.; существенное внимание уделяется выявлению условий для сохранения и функционирования традиционных орудий в земледельческом хозяйстве различных этносоциальных групп крестьянского населения и причин появления и распространения новых усовершенствованных орудий.

Key words: the Vyatka Governorate, agrarian reform, peasant tool, village, plow, zemstvo census, statistics.

The analysis of the state and evolution of peasant tools and agricultural implements in the Vyatka Governorate in the late XIX — the early XX century is made in the article on the basis of a wide range of published Zemstvo statistical materials. Considerable attention is paid to the identification of conditions for the preservation and functioning of traditional tools in agriculture of various ethnic and social groups of the peasant population and the causes of the emergence and spread of new advanced tools.

Отмена крепостного права и аграрные преобразования 60 — 80-х гг. XIX в. привели к заметным изменениям в технологиях и традициях сельскохозяйственного производства в Европейской России. Изменения коснулись и многомиллионного крестьянского населения. Вследствие мирового аграрного кризиса, пореформенного демографического «взрыва», кризиса трехполья и усиления фискальной политики российского правительства в традиционном российском крестьянстве формировались новые условия и способы обработки земли и переработки продуктов сельскохозяйственного производства. Трехпольная система в крестьянском хозяйстве при содействии земских органов самоуправления постепенно стала заменяться травопольем и многопольным севооборотом. Подобные изменения в российской деревне, безусловно, вызывали новые требования и к обработке почвы, и формированию в крестьянском хозяйстве новых усовершенствованных орудий труда и машин.

Изучение изменений в обеспеченности орудиями труда пореформенного крестьянского хозяйства в региональном плане является предметом пристального вни-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, № 18-49-1200001 «Деревня Марийского края во второй половине XIX — начале XX в.».

мания исследователей: экономистов, этнографов и историков. Первой обобщающей работой по классификации и описанию крестьянских орудий труда и изменений, происшедших в крестьянском хозяйстве в конце XIX — XX в., стала работа Д. К. Зеленина¹. Важным вкладом в изучение особенностей обработки почвы и переработки продуктов сельскохозяйственного производства в этническом, социальном и региональном аспектах стали работы Н. А. Халикова, Л. А. Волковой, А. А. Соловьева² и др. В статье по материалам Вятской губернии проанализированы изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств орудиями труда в конце XIX — начале XX в.

Структура крестьянского землевладения и землепользования, суровые природно-климатические условия и этнокультурные различия в традициях обработки земли формировали многообразие представленных систем земледелия и сельскохозяйственных орудий в крестьянском хозяйстве Вятской губернии. В губернии были представлены все основные категории крестьянского населения страны: бывшие государственные, помещичьи и удельные. Пестрый этнический компонент губернии, где проживали русские, удмурты, марийцы, татары, коми-пермяки, бесермяне и другие, формировали различные традиции совместной обработки земли.

В пореформенный период, признавая преобладание трехпольной системы земледелия, в губернии, в некоторых лесных и многоземельных районах сохранялись возможности подсечной и переложной систем земледелия. Так, по данным поземельного обследования 1887 г. в губернии из 4 607 592 дес. пахотных земель в составе крестьянского надела 87 876 дес., или 1,9 %, были залежными и 30 617 дес., или 0,66 %, были заняты подсеками³. По данным второй (выборочной) подворной переписи 1900 — 1902 гг. в составе крестьянского надельного общинного землевладения Вятской губернии новочистная пашня составляла к трехпольной пашне 2,2 %, пустошная пашня — 3,8 %. В составе подворной земли новочистная пашня составляла 3,8 %, пустошь — 48,3 % от площади трехпольной пашни⁴. Таким образом, надельная подворная пашня почти наполовину оставалась в перелогах. Значительная доля пустошей располагалась в центральных и северных уездах. Так, в Слободском уезде они составляли 8,2 % к площади общинной трехпольной пашни, в Глазовском уезде — 11,1 %, в Нолинском — 5,1 %, в Котельническом — 4,4 %. Новочистная пашня в значительных площадях имела в Глазовском — 2,3 %, Яранском — 2,6 % и Малмыжском уездах — 3,7 % от общинной трехпольной пашни.

Площадь переложной пашни в изучаемый период в Вятской губернии в целом имела тенденцию к постепенному сокращению. В Глазовском уезде площадь таких земель увеличилась с 5,3 % в 1889 г. до 13,4 % в 1902 г. и составила по данным третьей подворной переписи (1909 — 1911 гг.) 11,6 % от площади трехпольной пашни в составе крестьянского надела. В Слободском уезде в 1892 г. переложная пашня составляла от трехпольной 19,4 %, по второму обследованию — 9,3 %, по третьему — (1910 — 1912 гг.) — 10,7 %. К началу XX в. переложная система далеко не вся исчерпала себя, особенно в многоземельных районах губернии. Если в Яранском и Малмыжском уездах переложная земля по данным обследования 1910 — 1912 гг. не превышала 1,0 % от трехпольной пашни, то в Слободском она составляла 10,7 %, Глазовском — 11,6 %, Котельническом — 4,2 % и Вятском — 3,67 %⁵. Необходимо отметить, что пустошная пашня, т. е. остававшаяся без посева и неудобряемая земля была большей частью сосредоточена на дальних подворных участках. Так, по данным второй подворной переписи из 801,4 дес. подворной пашни в обследованных селениях Слободского уезда 317,7 дес., или 39,6 %, являлись пустошными⁶.

В северной части Вятской губернии В. Я. Заволжский отмечал существование различных систем земледелия. Расчистка и рубка леса под пашню производилась осенью или зимой. Срубленный лес оставался на участке целый год, после чего сжигался. Если предполагалось сеять озимь, то лес сжигался весной, если яровые — то осенью⁷.

В изучаемый период для обработки почвы на территории Вятской губернии использовались различные виды почвообрабатывающих орудий. В отечественной историографии сложилась традиционная классификация крестьянских орудий исходя из способа приведения их в действие и функционального назначения: упряжные и ручные. Ручные орудия приводились в действие мускульной силой человека, упряжные — лошадьми или волами. Еще в середине XIX в. подробное описание ряда земледельческих орудий, распространенных на территории Вятской губернии, было дано Г. Фирстовым⁸.

В начале XX в. подробная классификация и описание пахотных орудий сделаны Д. К. Зелениным⁹. Он выделял около 30 видов различных сох и плугов. Причем иногда одно и то же орудие носило различное наименование даже в соседних волостях или под одним наименованием подразумевались различные орудия. По функциональному назначению автор выделил три группы:

— бороздящие или черкающие (однозубые и двузубые сохи без полицы и отвала);
— пашущие (сохи с полицей, отвалом, присохом, шабалой, двузубая соха с перекладной полицей и др.);

— орудия или переворачивающие верхний слой почвы¹⁰. Кроме того, Д. К. Зеленин впервые описал сохи, условно названные им «вотская», «вотско-русская» и «черемисская». Н. А. Халиков в типологической таблице упряжных земледельческих орудий выделил пахотные орудия и орудия боронования¹¹. В зависимости от механического воздействия на почву Л. А. Волкова пахотные орудия разделила на бороздящие, пашущие и оборачивающие¹². Такое многообразие подходов в классификации почвообрабатывающих орудий во многом обуславливается различиями в понимании типологического признака орудия.

На территории Вятской губернии в изучаемый период были известны различные виды и варианты одноральных сох, приближавшихся по функциональному назначению к плугам: лемехи, курашимки, зуевки, чегандинки, паслеговские сохи, мосинский и туташевский сабаны и др. Подробное описание их имеется в литературе. Главным отличием лемеха было то, что в нем отсутствовал нож или отрез, разсоха лемеха оканчивалась внизу небольшой ножкой или пятой (зародышевый полоз), на которую и насаживается ральник. Курашимки появились в 1880-х г. в Слободском уезде из соседней Пермской губернии (с. Ляды). Позднее были усовершенствованы кузнецом с. Курашим этого же уезда Н. Н. Паюсовым, который обострил режущую овальную часть ральника лядовской сохи до равнобедренного треугольника, а также поставил железную шабалу гораздо положе, что больше подходило к глинистым почвам курашимских полей.

Родиной чегандинки, или чегандинского сабана, являлось с. Чеганда Сарапульского уезда Вятской губернии. В целом она не сильно отличалась от курашимки. Железный подвой курашимки был заменен в чегандинке деревянным, вязовым крючком. Отвал у чегандинки был подвижный и меньше чем у курашимки. Туташевский сабан (происхождение дер. Туташева Больше-Кибьинской волости Елабужского уезда) и зуевка (пос. Зуевка Пьяноборской волости Елабужского уезда), по мнению исследователей, принципиальных отличий от чегандинки не имели. Паслеговская

соха, распространенная в Нечкинской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, в Пермской губернии была известна как кыласовка¹³.

Двуральные сохи были односторонние и двухсторонние с перекладной и неперекладной полицей, вятская, великорусская, соха с брылой, соха с резцом, вотская, вотско-русская и черемисская. Косули занимали промежуточное положение между сохой и плугом. Как отмечал Д. К. Зеленин, в Вятской губернии сошлись два различных земледельческих типа орудий. Первый пришел с запада сначала в Яранский, затем в Уржумский, Нолинский и другие уезды. К нему относились лемех и косуля. Лемех дошел до самых восточных уездов губернии, косуля была задержана движением с востока другого типа усовершенствованных орудий — курашимками¹⁴.

Широкое распространение орудий сошного типа в губернии обуславливалось местными условиями земледелия и их универсальными качествами. Сохи были незаменимы при обработке новочистных участков пашни, изобиловавших корнями деревьев и другой растительности, а также на каменных почвах. Для подъема новочистой землю предварительно нарезали чертежом, т. е. ножом, поставленным на месте ральников обыкновенной разсохи, потом отрезанный пласт поднимали сохой. Соха не углублялась глубоко в почву, препятствовала заболачиванию ее в лесной зоне, не выворачивала глину, пласты получались удобными для боронования деревянной бороной. Вместе с тем борозда под сохой получалась неравномерной, случались и пропуски. В работе соха не была столь устойчивой как плуг. Тем не менее дешевизна, универсальность, доступность и легкость сохи были весьма полезными качествами для каждого крестьянского хозяйства, где имелась рабочая лошадь.

В конце XIX в. земские служащие отмечали постепенный переход крестьян к усовершенствованным орудиям: «...в Усатской и Мериновской волостях в отдаленные времена пахали вотской сохой, лет 40 тому назад — вотско-русской, лет 20 назад начали пахать русской сохой, в последнее время некоторые стали пахать лемехом, причем многие зажиточные крестьяне из „леме-пашцев“ помышляют уже о косуле. В этом прогрессивном ходе смен земледельческих орудий бросается в глаза последовательность, постепенность и полное отсутствие скачков»¹⁵. Традиционализм в использовании некоторых орудий для современников выглядел косностью и непониманием крестьянами преимуществ плужных орудий.

По материалам, полученным от хозяев, о применении и распространении в России сельскохозяйственных машин и орудий, косули были распространены по всей губернии, а сабаны, кунгурки, курашимки и чегандинки — большей частью в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах. Косули использовались больше на тяжелых и твердых почвах, а сабаны — на средних и легких, для взмета пара с навозом и вспашки яровых полей. Достоинствами косули были дешевизна (2,5 — 5 руб.), простота, удобство ремонта и работы. Она требовала лишь одну лошадь, пласт получался глубиной «до 3 и шириной до 5 — 6 и более вершков; непрорезанных корней сорных трав, как бывает после вспашки сохой, не оставляет и противу других орудий в работе успевает больше». Косуля была удобна и для подъема новой и задерневелых полей. Для лучшей запашки навоза обычно с косули снимали резец. «К числу недостатков косули, как и у плугов, относится то, что она пласт стелет настолько плотный, что разобрать его деревянной бороной почти невозможно, а заводить с железными зубьями многим не по силам; косулей также затруднительно, в случае надобности, производить мелкую вспашку»¹⁶.

Плуги являлись устойчивыми и удобными в обращении, выдерживали равномерную глубину вспахивания, однако из-за большей длины упряжи лошадь в конце поля заходила далеко за полосу, вытаптывая соседний участок. Стоимость плугов составляла 6 — 7 руб., что было доступно лишь для зажиточных крестьян. По производительности труда выделялась косуля: за день ею можно было вспахать при 1 рабочем и 1 лошади от 3/4 до 1 дес.; сохой и плугом — около 0,5 дес. в день.

На территории губернии были известны передковые и беспередковые одно и многолемешные варианты плугов, но большей частью однокорпусные Воткинского завода. Среди них одноконные крестьянские плуги ВЗРС и ВЗРА с деревянным грядилем и рукоятками. Первый предназначался для легких и средних почв, второй — для тяжелых. Плуги под марками ВЗВ1 и ВЗВ2 чаще назывались «вотяк». Передковые плуги выходили под маркой ВЗРС2 и ВЗРС3. Кроме того, были отмечены единичные случаи применения двухкорпусного плуга по Эккерту Воткинского завода и трехкорпусной плуг Эккерта. Для окучивания картофеля Воткинский завод изготавливал окучники марки ВЗО¹⁷. Из 100 респондентов, давших сведения о распространности усовершенствованных орудий для обработки почвы в крестьянских хозяйствах Вятской губернии, 6 ответили, что они в их местности распространены мало, 94 — встречаются редко или отсутствуют; во владельческих хозяйствах соответственно 23 и 77. Сравним, в соседней Казанской губернии эти показатели в крестьянских хозяйствах были 16 и 84, во владельческих — 23 (широко распространены), 21 (мало распространены) и 56 (редко или отсутствуют)¹⁸.

Если до начала 80-х гг. XIX в. большая часть орудий заводского изготовления завозилась из-за границы или заводов центральных губерний России, то с середины вышеуказанных годов производство сельскохозяйственных машин было налажено на Воткинском и Ижевском заводах. На Воткинском заводе первые лемехи и плуги были изготовлены в 1884 г. В начале XX в. годовая производительность плугов составляла 14 тыс. штук, других машин и орудий — 4 тыс. штук¹⁹. Основной продукцией были плуги, бороны, лушильники, окучники и корчевальные машины. В 1896 г., например, были изготовлены веялки и одна конная молотилка²⁰. Производство сельскохозяйственных орудий росло до конца XIX в., в начале XX в. несколько снизилось. В 1900 — 1907 гг. на заводе изготавливались плуги 46 марок и бороны 15 марок. Однако заводские плуги имели малую конкурентоспособность сравнительно с кустарными и частными фирмами, широко распространенными в Вятской губернии и быстрее реагирующими на потребности рынка, переделывая свои изделия по желанию покупателей²¹.

Для измельчения комков почвы, выравнивания пашни после вспашки и укрывания посеянных семян использовались бороны. В лесных районах сохранялись еще бороны-суковатки. Благодаря пружинящим сучьям-зубьям они могли использоваться на лесных подсеках без риска поломки. Рамные бороны имели более широкое распространение. Среди них преобладали деревянные бороны, которые изготавливали сами крестьяне. Бороны с железными зубьями чаще всего крестьяне покупали за 1,5 — 2 руб., что для многих было обременительно. Как правило, железные бороны приобретали крестьяне, имевшие улучшенные пахотные орудия — косули или плуги. Для глубокого разрыхления бороны загружали сверху дополнительным грузом, при заборанивании некоторых семян их часто переворачивали и боронили тыльной стороной. Боронили в основном женщины и дети, лошадей при этом использовали молодых и горячих.

Посев семян производился обычно вручную. Лишь в конце XIX в. в отдельных хозяйствах стали появляться сеялки, жатки, молотилки и веялки. Чаще всего использовались ручные смычковые сеялки Гузьера, которые, по отзывам крестьян, распределяли зерно более равномерно, чем это можно сделать при посевах от руки. По обследованию начала XX в. конные сеялки упомянуты лишь в единственных случаях в Сарапульском и Уржумском уездах. Это были конные сеялки Эккерта, Бермана, Вильсона и рама марки СР1. Производительность при ручном посеве достигала до 2,5 дес. в день, ручной сеялки при 1 рабочем и 1 лошади — 3 — 4 дес., конной сеялки — 6 — 11 дес.²²

Картофель высаживался под соху или косулю, ими же запахивали посевы гороха. Для заделывания семян использовали легкие бороны или катки, при заделывании льна бороны переворачивали на тыльную сторону. Наиболее распространенным инвентарем для уборки зерновых культур в исследуемый период был серп. В неурожайные годы в некоторых местах посевы хлебов вырывали руками или убирали косой. Серпы изготовляли обычно местные кузнецы. Стоимость их была ниже заводских, поэтому серпы кустарного производства успешно конкурировали с заводскими. Количество серпов в хозяйстве зависело от числа работников в семье, косы служили большей частью для сенокосения. В лесных и заболоченных местностях сохранялись косы-горбуши: короткая рукоятка, возможность косить по обе стороны и между пней, кочек и кустарников делали их незаменимыми в крестьянском хозяйстве.

Из хлебоуборочных машин в конце XIX в. начали появляться жатки. Высокая цена делала их недоступными для большинства крестьян. По данным второй подворной (выборочной) переписи — на территории губернии было отмечено 3 жатки. По мнению крестьян, жатка нарушала почвенное покрытие. У крестьян-удмуртов бытовало поверье, что «...Шайтан растаскает весь хлеб», если валки хлеба долгое время будут оставаться необрушенными²³. Значительно чаще в крестьянских хозяйствах встречались молотилки — ручные и конные стоимостью от 50 до 65 руб. Преобладающая часть вятского крестьянства веяли зерно вручную, вскидывая зерно лопатой при ветреной погоде или с помощью больших решет-сит. К концу XIX в. широкое распространение на территории губернии получили кустарные веялки. Для трепания и веяния льна и конопли также применялись различные орудия и приспособления: сита, льномялки и толокушки. С распространением травосеяния с 90-х гг. XIX в. для выравнивания лугов применялись кочкорезы.

По данным переписи 1900 — 1902 гг. самыми распространенными пахотными орудиями в Вятской губернии были одноральная соха — 43,3, затем косуля — 36,0, двуральная соха — 20,3 и плуг — 0,4. Из 100 пахотных орудий двуральные сохи сохранялись в большей мере среди коми-пермяков — 62,1 и бесермян — 37,5; одноральные сохи — среди башкир — 97,0 и удмуртов — 74,8. Косули чаще встречались среди марийцев — 47,5 и русских — 43,6, плуги — среди марийцев, коми-пермяков и русских — 0,54, 0,4 и 0,4 соответственно²⁴.

Кроме того, на 100 обследованных наличных дворов Вятской губернии приходилось 3,5 дворов без какого-либо сельскохозяйственного орудия и инвентаря, 22,6 с двуральной сохой и 48,3 с одноральной, 40,2 с косулей, 0,4 с плугом, 10,8 с черкушей, 0,23 с отрезом, 74,2 с деревянными боронами и 36,8 с боронами с железными зубьями.

Двуральные сохи широко были распространены среди коми-пермяков (73,9) и бесермян (68,0), одноральные — бесермян (113,3) и удмуртов (112,9), косули и плу-

ги — марийцев (соответственно 50,0 и 0,6) и русских (соответственно 47,5 и 0,45). Черкуши больше были распространены среди марийцев — 26,6, русских — 10,7 и удмуртов — 10,0, отрезы — у удмуртов 1,1 штук на 100 дворов. Из молотилок преобладали ручные — 1,2 штук, с конским приводом — 1,0 и конские кустарные — 0,5 на 100 наличных дворов. Веялки в большей степени были распространены среди удмуртов, бесермян — 20,0 и 20,6. Сортировки не получили широкого применения среди крестьян: более менее значительное распространение они получили у марийских и русских крестьян, у которых на 100 дворов имелось 0,18 и 0,17 сортировок соответственно. Косы-горбуши были широко распространены среди бесермян — 520,0, удмуртов — 194,8 и русских — 162,8 штук на 100 дворов, косы — среди марийцев — 267,0, удмуртов — 209,4 и русских — 159,4²⁵.

Данные первой земской подворной переписи свидетельствуют о том, что численность улучшенных сельскохозяйственных орудий была выше в волостях с низким процентом многолошадных и многоземельных дворов. Видимо, тяговая сила многолошадного двора вполне могла ограничиваться традиционными орудиями обработки земли, а улучшенные орудия труда больше распространялись в среднелошадных и отчасти малолошадных дворах. Рассмотрим распределение сельскохозяйственных орудий и устройств по посевным группам в этническом разрезе по данным земской (выборочной) подворной переписи 1900 — 1902 гг. Следует отметить, что выделяются следующие посевные группы: не сеющие; сеющие до 1 дес.; от 1 до 2,5 дес.; от 2,5 до 5 дес.; от 5 до 7,5 дес.; от 7,5 до 10 дес.; от 10 до 15 дес.; от 15 до 20 дес. и сеющие более 20 дес.

Если у русских и удмуртов, как и в целом по губернии, лучшая обеспеченность пахотными орудиями (одно и двуральная сохи, косули и плуги) отмечалась в высших посевных группах, то у марийцев такая зависимость наблюдалась по одно и двуральным сохам и косулям, а у татар по одноральным сохам и косулям. Плуги для марийцев были более характерны в хозяйствах со средней площадью посевов от 1 до 5 дес. У татарских крестьян двуральные сохи чаще применялись в хозяйствах с посевом от 2,5 до 20 дес., а плуги в незначительной доле имелись в средних посевных группах. У удмуртов численность двуральных сох в высших по посевам группах дворов превосходила аналогичные показатели татар, марийцев и русских от 10 до 2 раз. Численность одноральных сох у татар и удмуртов в двух высших посевных группах дворов превосходила численность таковых у марийцев и русских почти в 2 раза.

В высших посевных группах марийцев плуги были полностью вытеснены косулями, каковых на каждый двор у них приходилось более одного. Причем косули сохранялись у марийцев в значительной мере и в группе хозяйств несеющих и сеющих до 1 дес. Так, в Уржумском уезде в группе несеющих хозяйств на 100 дворов приходилось косуль у марийцев — 3,6, русских — 0,9, что свидетельствует о распространенности среди первых практики сдачи внаем орудий вспашки крестьянам других групп. Если у русских крестьян Уржумского уезда на 100 дворов имелось 100,5 пахотных орудий, то у удмуртов — 125,8, мари — 106,3 и татар — 99,7. Наибольшая доля дворов без пахотных орудий была у татар — 38,6, затем русских — 15,2, марийцев — 12,3 и удмуртов — 1,6, причем таких дворов больше числилось в низших посевных группах.

В средних по площади посевов группах хозяйств (2,5 — 15 дес.) у русских преобладали — косули, затем — одноральные сохи; у марийцев — наоборот. У татар и удмуртов преобладали сохи — одно и двухральные. Если в западной полосе уезда

из пахотных орудий преобладали косули (60,8 на 100 дворов), то в восточной — одноральные сохи (50,4). Косули доминировали в таких волостях, как Рождественская — 96,7, Лебяжская — 93,0, Сердежская — 80,3, Петровская — 67,6 в восточной полосе и Кичминская — 94,4, Кукнурская — 98,6, Кокшинская — 88,8, Байсинская — 76,8, Кужнурская — 102,2, Конганурская — 85,0 в западной полосе. Плуги чаще встречались в Рождественской, Больше-Шурминской, Кузнецовской и Токтай-Беляжской волостях. Одноральные сохи были распространены больше в лесных волостях. Так, в Пилинской волости насчитывалось 89,8 одноральных сох на 100 дворов, в Билямурской — 85,5, Буйской — 64,1, Косолаповской — 102,5, Ирмучашской — 86,8.

В удмуртских и русских хозяйствах Уржумского уезда преобладали бороны с железными зубьями, в марийских и татарских — с деревянными. Такое преобладание наиболее было заметно в высших по посеву дворах.

Черкуши чаще всего применялись на новинных, переложных и задерневелых почвах и редко встречались в старопахотных безлесных районах. Они имелись почти в каждом третьем удмуртском дворе Уржумского уезда, причем больше в высших по посеву дворах, и почти отсутствовали в марийских деревнях. Молотилки к началу XX в. в Уржумском уезде были довольно редки и чаще встречались в Сердежской, Больше-Шурминской, Пилинской, Буйской, Петровской, Косолаповской, Байсинской волостях среди удмуртов и русских в высших по посеву хозяйствах. Косы-горбуши встречались чаще в Рождественской и Лебяжской волостях в основном среди русских и марийцев в средних по посеву дворах. Численность кос-литовок и серпов по всем народностям росла пропорционально росту посевной площади²⁶.

В целом следует отметить, что принципиальных различий в крестьянских орудиях в хозяйствах разных этнических и социальных групп в губернии не было: «Удмурты, русские, татары, марийцы, бесермяне, коми-пермяки использовали идентичную сельскохозяйственную технику, что обуславливалось сходными естественно-географическими и социально-экономическими факторами»²⁷.

Пахотные орудия и сельскохозяйственный инвентарь были неизменным атрибутом местных ярмарок и торжков. Заметный вклад в дело распространения улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин в конце XIX в. стало вносить Вятское земство. Уездными земствами проводились выставки-продажи на ярмарках, земских складах при сельскохозяйственных школах и фермах, а также устраивались опытные демонстрации новых машин и орудий. С организацией земского кустарного склада, изделия кустарной промышленности стали принимать на склад для последующей продажи населению.

Если в 1893 г. годовой оборот кустарного склада составил 2 500 руб., то в 1898 г. оборот кустарного склада с 7 отделениями в уездных городах по покупке изделий достиг 96 603 руб., по продаже — 105 856 руб.²⁸ Служащие склада и его отделений в уездах получали вознаграждение в размере 10 % с прибыли за продажу орудий стоимостью до 5 руб. и 5 % за более дорогие. Например, в 1899 г. в Вятской губернии было продано молотилок — 561, веялок и веялок-сортировок — 551, плугов — 335, косуль — 5 499, борон — 308, кос — 5 048 и т. д.²⁹ В 1901 г. с 11 складов уездных земских управ, 48 их отделений и волостных правлений было продано 537 молотилок, 898 веялок-сортировок, 4 544 косуль (в том числе сабаны и лемехи), 2 жнейки и 3 жатки³⁰.

Таким образом, распространение пахотных орудий и земледельческого инвентаря, внедрение новых усовершенствованных орудий в конце XIX — начале XX в. зависело

от множества факторов: природных и почвенных условий, этнокультурных традиций, последствий аграрного кризиса и начавшегося кризиса трехполья 80-х гг. XIX в. На территории Вятской губернии широкое распространение получили не только орудия заводского, но и кустарного производства. Орудия сошного типа в большей степени тяготели к лесным местностям с запасом новинных и переложных земель. Сабаны, косули и плуги чаще встречались в районах с старопахотными почвами с большой долей пашни в наделе. Бороны с железными зубьями были распространены в районах с преобладанием усовершенствованных пахотных орудий. Возрастающее влияние на распространённость орудий труда оказывали экономическая состоятельность и традиции хозяйствования народов края, распространённость земледельческих занятий среди населения.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Зеленин Д. К.** Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908.

² См.: **Халиков Н. А.** Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX вв.: историко-этнографическое исследование. М., 1981 ; **Его же.** Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начала XX в.). Казань, 1995 ; **Волкова Л. А.** Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX — начало XX века). Ижевск, 2003 ; **Соловьев А. А.** Вятская деревня на рубеже XIX — XX веков : монография. Йошкар-Ола, 2013.

³ См.: Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. X. Вятская губерния. СПб., 1898. С. 14 — 15.

⁴ См.: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Т. XII. Вып. 1. Вятка, 1908. С. 2, 4.

⁵ См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Вятской губернии. Население, скот, посевы. Вятка, 1916. С. 174, 180.

⁶ См.: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. С. 4.

⁷ См.: Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии. Вятка, 1871. С. 27, 28.

⁸ См.: **Фирстов Г. В.** Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.

⁹ См.: **Зеленин Д. К.** Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908.

¹⁰ **Зеленин Д. К.** Русская соха, ее история и виды : очерк из ист. рус. культуры / Памятная книжка Вятской губернии на 1908 г. Вятка, 1908. Отдел IV. С. 10 — 11.

¹¹ См.: **Халиков Н. А.** Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начала XX в.). Казань, 1995. С. 46.

¹² См.: **Волкова Л. А.** Земледельческая культура удмуртов... С. 226.

¹³ См.: **Зеленин Д. К.** Русская соха, ее история и виды... С. 99 — 107.

¹⁴ Памятная книжка Вятской губернии на 1909 г. Вятка, 1909. Отдел IV. С. 146.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. XI. Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий. СПб., 1903. Часть II. С. 315.

¹⁷ Там же. С. 316.

¹⁸ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам... Часть I. С. 136.

¹⁹ См.: **Александров А. А.** Сельскохозяйственное машиностроение на Воткинском казенном заводе // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX вв. : сб. ст. Ижевск, 1981. С. 96.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ Там же. С. 100.

²² См.: **Волкова Л. А.** Крестьянские орудия труда в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX веков // Очерки истории Удмуртии XIX века : сб. ст. Ижевск, 1996. Вып. 3. С. 168.

²³ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам... Часть 2. С. 316.

²⁴ См.: Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. С. 26 — 27, 52 — 53.

²⁵ См.: Соловьев А. А. Вятская деревня на рубеже XIX — XX веков... С. 242 — 243.

²⁶ См.: Соловьев А. А. Вятская деревня на рубеже XIX — XX веков... С. 244 ; Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Т. VII. Вып. 2. Основные таблицы. Вятка, 1906. С. 78, 88.

²⁷ Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов... С. 270.

²⁸ Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1898 г. Вятка, 1899. С. 29.

²⁹ Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1899 г. Вятка, 1900. С. 18 — 19.

³⁰ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 г. Вятка, 1902. Отдел II. С. 167.

Поступила 29.03.2018 г.

УДК 39:930(091)

В. П. Иванов

V. P. Ivanov

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП ЧУВАШСКОГО НАРОДА

STUDIES ON THE HISTORY AND CULTURE OF THE CHUVASH PEOPLE DIASPORA GROUPS

Ключевые слова: диаспора, расселение, численность, этнотерриториальная группа, экспедиция, сообщение, очерк, исследование, монография.

В статье дается историографический обзор исследований и публикаций по вопросам истории и расселения, культуры и быта диаспорных групп чувашей в регионах России. Особое внимание уделяется их изучению экспедиционными методами.

Key words: diaspora, settlement, population, ethnic and territorial group, expedition, message, essay, research, monograph.

The article is devoted to the historiographical review of studies and publications on the history, settlement, culture and lifestyle of diaspora groups of the Chuvash people in the regions of Russia. Special attention is paid to their study by means of expedition methods.

Современные чувашаи — один из крупных российских народов. Согласно переписи 2010 г., в Российской Федерации насчитывается 1 435,8 тыс. чувашей. Более половины чувашей (56,7 %) проживают в Чувашской Республике, где составляют 67 % ее населения. В то же время исторически значительная часть народа (43,3 %) территориально рассредоточена вне Чувашской Республики, в других регионах России, прежде всего в Поволжье (23,0 %), Приуралье (10,0 %) и Западной Сибири (3,7 %). Наиболее многочисленные группы чувашей проживают в республиках Татарстан (116,3 тыс.) и Башкортостан (107,5 тыс.); в Ульяновской (95,0 тыс.), Самар-

ской (84,1 тыс.) и Оренбургской (12,5 тыс.) областях. Кроме того, чувашская диаспора представлена и в ближнем зарубежье: в Украине, Узбекистане и Казахстане¹.

Вопросами расселения и динамики численности чувашей, особенностями их размещения в различных регионах страны, а также вопросами культуры, быта и языка различных территориальных групп народа задавались многие исследователи, путешественники и краеведы, но в большинстве случаев попутно, при рассмотрении других проблем. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный материал, характеризующий отдельные аспекты истории расселения чувашей на территории Волго-Уралья, различные стороны их традиционной культуры, хозяйственной деятельности, общественного и семейного быта, особенности говоров-диалектов, народных знаний, художественного творчества и современных этнических процессов.

Пожалуй, одним из первых, кто не только обозначил, но и назвал историко-этническую территорию чувашей, был австрийский дипломат С. Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг.: «...беличьи шкуры доставляются тоже из разных мест, наиболее широкие из Сибири, а те, что благороднее всех прочих, — из Чувашии, недалеко от Казани <...> Черемисы же живут за Волгой на север; для различения от них живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными...»².

О территории расселения чувашей говорится и в книге Адама Олеария (1636): «Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги <...> Те из них, что живут направо от Волги, именуются „нагорными“»³.

А. Л. Шлецер — немецкий историк, живший в 1761 — 1767 гг. в России, — писал: «Чуваши, как они сами себя называют, живут, главным образом, по правому берегу Волги в Казанской губернии. Но многие переселились в Оренбургскую губернию, где русские называют их „горные татары“»⁴. Кстати, данный факт подтверждает, что русские и другие народы воспринимали чувашей как «татарское племя», как выходцев с правого («нагорного») берега Волги.

Сведения о различных территориальных группах чувашей начинают появляться в основном с середины XVIII в. в результате осуществления Российской академией наук целого ряда экспедиций. В печатных трудах их участников — академиков И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, П. С. Далласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова и И. Г. Георги, посвященных описанию быта обследованных ими народов, в том числе и чувашей, сведений об особенностях географии расселения последних совсем немного⁵. Г. Ф. Миллер в 1743 г. отмечал: «Черемисы, чуваша и вотяки, суть особые три языческие народа в Казанской губернии, которые жилищами своими простираются до 200 верст и выше и ниже города Казани, по обе стороны реки Волги <...> Чуваши живут почти везде большими деревнями так, что в оных по 20, по 80, и по 100 дворов бывает...»⁶.

Значительным источником для изучения различных территориальных групп культуры чувашей Волго-Уральского региона конца XVIII в. является очерк «О чувашах» К. С. Мильковича⁷. В нем говорится о поселениях и жилищах чувашей современных Ульяновской, северной части Саратовской областей и междуречья Волги и Свияги, т. е. в целом бывшей Симбирской губернии. Основное внимание К. С. Милькович уделил костюму чувашей, дал ряд новых сведений о холщевой рубашке с

вышивкой и нашивками из кумача, описал свадебное женское платье, называемое «сытӑклӑ кӑне». В очерке подмечены особенности остроконечной тухьи и хушпу этнографической группы анатри.

В книге Н. А. Фирсова впервые были рассмотрены особенности переселения чувашей, татар и мордвы в Закамье⁸. Следует отметить, что историки Среднего Поволжья часто ссылаются на статистические сведения, приведенные в данной работе, однако следует иметь в виду, что не все они точны, тем более что автором отдельные народности и вовсе не выделены.

Об особенностях территориального размещения народов Средневолжского региона, в том числе и чувашей, ряд важных сведений имеется в работах П. И. Кеппена, позволяющих сделать интересные выводы о сравнительной динамике численности чувашей и поволжских татар⁹. Приходится признать правомерность критики В. М. Кабузана, что «наша историческая наука даже не освоила большое наследие 40 — 70-х гг. XIX в. (материалы П. И. Кеппена, обзоры и описания офицеров Генерального штаба, центрального статистического комитета МИД и пр.). Во всяком случае результаты этих ценнейших дореволюционных обследований не только не используются в должной мере, но нередко исследователи утверждают, что не существует вообще никаких материалов о XIX в., кроме данных переписи 1897 г. Особенно это касается „историй“ и „очерков“ союзных и автономных республик. Складывается представление, что историки на местах вообще не интересуются, сколько насчитывали те или иные народности в прошлом, каковы были группы формирования их этнической общности»¹⁰.

Немалую ценность для изучения переселенческого движения чувашского крестьянства в Поволжье и Приуралье имеют работы П. И. Рычкова, В. М. Черемшанского и Г. И. Перетятковича¹¹. Об участии чувашских переселенцев в освоении Самарского края общее представление можно получить из работ Б. Ляскового, который историю колонизации самарских земель ведет со второй половины XVII в. и отмечает, что в этом процессе последовательно участвовали татары, чувашаи, мордва и только в последнюю очередь — русские¹². Несмотря на определенную тенденциозность, эти работы представляют огромный интерес для изучения переселенческого движения, так как содержат анализ большого фактического материала — государственных актов и архивных документов, характеризующих официально-исторический ход колонизации.

В отдельных разделах работ П. И. Рычкова освещается ход правительственного заселения территорий нынешней Оренбургской области и Башкирии в середине XVIII в., содержатся краткие описания осевших здесь чувашей, татар, марийцев и др.¹³ Интересные сведения о жилище, одежде и пище приуральских чувашей имеются в статье И. И. Меньшова¹⁴.

Содержательные материалы о приволжских чувашах даны Н. М. Охотниковым, который обратил внимание на особо предпочитаемые предметы костюма и украшения, на праздничные блюда и способы угощения у чувашей¹⁵.

В литературе, как известно, вопрос о разделении чувашей на этнографические группы был поднят Н. И. Ашмариним, но впервые подробно географически локализовал все три группы Г. И. Комиссаров: «1) Чувашаи-вирьялы занимают западную часть Казанского Заволжья и в то же время главной Чувашландии, а именно: уезды Ядринский, Козьмодемьянский, западную окраину Чебоксарского уезда Казанской

губернии и уезд Курмышский Симбирской губернии <...>; 2) Чуваши-анат енчи живут, главным образом, в Чебоксарском уезде <...> в небольшом количестве живут в Цивильском и Ядринском уездах <...>; 3) Третья группа называется анатри, населяет юго-восточную половину Казанского Заволжья и занимает уезды: Тетюшский, Свяжский, Буинский, большую часть Цивильского, небольшую — Чебоксарского и очень малую часть Ядринского уездов»¹⁶.

В советскую эпоху, после образования в 1921 г. в Чебоксарах «Общества изучения местного края», работа по исследованию этнокультуры чувашского народа определенно оживилась, но касалась она лишь той его части, что была в пределах автономии. В 1920-е гг. выходят в свет работы методического характера, в частности книга Н. В. Никольского «Краткий курс этнографии чуваш» (1928), в которой впервые были опубликованы сведения о расселении чувашей в различных губерниях Российской империи в начале XX в. Некоторые вопросы исторической демографии чувашей получили отражение в другой ранее опубликованной работе Н. В. Никольского — «Кратком конспекте по этнографии чуваш» (1911), в котором особое внимание он обратил на негативные последствия ассимиляционных процессов, имевших место среди чувашей в эпоху доминирования мусульман в Поволжье, а затем и в период «христианизации» инородцев региона¹⁷.

Заслуживают внимания сравнительные данные, основанные на итогах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., о численности и географии расселения ряда нерусских народов, в том числе и чувашей, содержащиеся в подготовленном Н. В. Никольским специальным сборнике, изданном в 1912 г.¹⁸

Попытка краткого обобщения сведений и материалов, характеризующих особенности расселения чувашей, была сделана в коллективном труде «Чуваши», где один из авторов Н. Р. Романов, основываясь на материалы Г. И. Комиссарова, уделил большое внимание описанию территориального размещения этнографических групп и подгрупп чувашей¹⁹.

Ряд важных причин и факторов миграции чувашского населения за пределы Чувашского края в XVII — начале XX в. анализируется в работах И. Д. Кузнецова²⁰. Хотя автор и не задавался целью специально рассмотреть данные вопросы, тем не менее в его книгах приводятся весьма интересные статистические сведения, характеризующие миграционную подвижность чувашей на территории наиболее компактного их расселения в западной части Казанской и северо-западных уездах Симбирской губерний.

Среди работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются проблемы расселения чувашей в дореволюционный период как в Чувашском крае, так и за его пределами, особое место занимают исследования В. Д. Дмитриева. Интересна его работа, специально посвященная детальному рассмотрению истории заселения юго-восточной и южной частей Чувашского края, представляющих собой до его присоединения к Русскому государству «дикое поле»²¹. Согласно его выводам, в юго-восточные и южные районы в XVI — XVII вв. чувашские крестьяне переселялись главным образом из северо-восточных, центральных и частично северных районов.

Ряд принципиальных вопросов исторической обусловленности этнодемографического развития чувашского народа проанализирован В. Д. Дмитриевым в статье «О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии

в конце XVIII — начале XX веков», в которой было подтверждено, что в указанный период немалая часть чувашей подверглась татарской ассимиляции, которая привела к полной утрате ими своей этнической идентичности²².

Весомый вклад в изучение вопросов расселения и демографии чувашского народа внес П. А. Сидоров. Проанализированный им большой круг статистических данных представлен в статьях «Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в.» и «Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период», опубликованных в 1962 г. и 1963 г. в сборниках Чувашского НИИ, а также в брошюре «Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии» (1960)²³. По мнению В. М. Кабузана, «несмотря на то, что П. А. Сидоров использовал далеко не полный круг источников, его труд является своего рода примером», но одновременно он высказывает сожаление, что П. А. Сидоров «оставил без внимания территории, не вошедшие в состав Чувашской АССР. Как показывают данные V — X ревизий, в I половине XIX в. весьма большие группы чувашей компактно проживали за пределами той территории, которая ныне вошла в состав этой республики»²⁴. Относительно данного замечания В. М. Кабузана удивляться не приходится, так как «узкореспубликанский» подход П. А. Сидорова к вопросам расселения чувашей, как, впрочем, и у исследователей других аспектов чувашеведения, как раз и отражает имевшее место в советскую эпоху невнимание и науки, и направляющих ее деятельность партийно-государственных органов к проблематике диаспорных групп чувашского народа.

Новые и интересные материалы о динамике численности и территориальном размещении чувашей в дореволюционную эпоху приводятся в двух монографических работах В. М. Кабузана, посвященных рассмотрению движения народов России XVIII — первой половине XIX в.²⁵ Хотя анализируемые им данные о чувашах имеют общий характер и представлены в относительных показателях, однако в целом они публикуются впервые и представляют для чувашеведов исключительный интерес. Особенно важны выводы В. М. Кабузана по вопросу «отатаривания» чувашей в XVIII — начале XIX в. На этот счет исследователь доказательно утверждает, что данный процесс начался в 50-х гг. XVIII в. и затронул именно некрещеных чувашей, причем «получил распространение в тех уездах Казанской и Оренбургской губерний, где чуваша проживали среди численно преобладавшего татарского населения... В то же время в уездах, где татар было мало или совсем не было, удельный вес чувашей почти не менялся»²⁶.

Следует отметить, что в изданиях, вышедших в свет в Москве и Санкт-Петербурге как в досоветское время, так и в XX в., данные о численности и территориальном размещении чувашей в России опубликованы только в общем виде. Можно сказать, что единственным исключением являются труды В. М. Кабузана. В советское время во всех центральных этнодемографических публикациях речь шла только о «крупнейших» титульных народах союзных республик. Если и случались исключения из этого «правила», то они касались практически лишь татар.

Весомый вклад в изучение вопросов происхождения и формирования народов Волго-Уралья внесла монография Р. Г. Кузеева²⁷. Особое внимание автором уделено вопросам колонизации региона, особенностям расселения и роли миграции этнических групп, в том числе и чувашей, в хозяйственно-культурном освоении и межэтническом взаимодействии в Волго-Уралье.

Дефицит письменных источников по многим аспектам истории Чувашского края и чувашского народа, особенно касающимся его диаспорных групп, заставляет исследователей обратить внимание и на произведения устного народного творчества. Данного рода интересные, а нередко полностью научно согласуемые материалы, поддержанные архивными источниками, легли в основу книги В. Д. Димитриева, в специальных разделах которой приводятся и анализируются легенды и предания о заселении и хозяйственном освоении чувашскими переселенцами южной части Уральского края и новых земель в Среднем Поволжье и Приуралье²⁸.

Начиная со второй половины 1980-х гг. по вопросам расселения чувашей от древности до современности появились работы В. П. Иванова, в которых особое внимание обращено на проблематику формирования диаспорных групп этноса. Кроме того, исследователем были сделаны попытки изучения особенностей происходящих в диаспоре этнических и демографических процессов²⁹.

Особую группу работ по проблематике расселения чувашей составляют публикации, специально посвященные чувашскому населению отдельных регионов страны. Следует признать, что таких исследований немного, интерес к теме актуализировался лишь в 1990-е гг. Одной из первых работ такого плана стала брошюра «Чуваши Западной Сибири» Д. Г. Коровушкина³⁰. В ней содержится ряд интересных материалов, в том числе и статистических, о расселении чувашских первопоселенцев на территории современных Омской, Томской, Тюменской и других областей. Немало внимания уделено правительственной переселенческой политике начала XX в. и современному этническому состоянию сибирских чувашей. Проблематика диаспорных групп чувашей Западной Сибири нашла отражение в докторской диссертации Д. Г. Коровушкина «Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в.» (2010). В исследовании рассмотрено чувашское население наряду с латышами, немцами и эстонцами, расселенными на территории современного Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей в рамках массивов, сформировавшихся до первой трети XX в. В работе большой интерес представляют материалы, характеризующие особенности этнокультурной адаптации чувашских переселенцев в Сибири.

Попытка реконструкции основных этапов истории формирования группы приуральских чувашей в период до начала XX в. прослеживается в работе И. Г. Петрова. Конечно, предлагаемая им периодизация носит весьма условный характер, однако она представляется в основном верной. Автор выделяет три этапа: *первый* (середина XVII — 30 — 40-е гг. XVIII в.) связан с широкомасштабным строительством оборонительных линий русским правительством; *второй* (30 — 40-е гг. XVIII — начало XIX в.) обусловлен переходом от военной колонизации к вольной (крестьянской) и началом развития в крае горнозаводской промышленности; *третий* (XIX — XX вв.) когда власти предпринимают меры по регулированию миграции путем предоставления ряда льгот и пособий³¹.

Из работ, имеющих отношение к зоне основного расселения чувашей — Среднему Поволжью, следует выделить основательное научное исследование Е. А. Ягафовой, в котором на основе различных источников рассмотрены история и факторы расселения чувашей в Самарском Заволжье XVII — XVIII вв., некоторые особенности этнокультурного облика данной этнотерриториальной группы³². В част-

ности, автором дано обоснование причин переселения их из северной территории края в южные, а также из Саратовской и Пензенской губерний. По ее мнению, крестьянская колонизация края проходила в рамках общегосударственной политики освоения завожских и приуральских земель, а также в русле русификации и христианизации нерусских народов Поволжья, что именно в этом смысле следует рассматривать причины переселения большого количества чувашей в Самарское Поволжье. Политика же царского правительства определила, в итоге, социально-конфессиональные характеристики переселенцев — участие преимущественно служилых и некрещеных чувашей.

Следующее исследование Е. А. Ягафовой стало первой работой по изучению этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье с точки зрения культурной диалектологии³³. Здесь представлена история их формирования в XVII — XIX вв., языковые и этнокультурные особенности на примере говоров, традиционного женского костюма, брачной и календарной обрядности. Работа вносит существенный вклад в изучение структуры чувашского этноса. Согласно выводам автора, формирование этнотерриториальных групп (ЭТГ) происходило в XVII — XIX вв. в четырех природно-географических зонах Волго-Уралья: Приволжье, Закамье, Заволжье и Приуралье. Е. А. Ягафова насчитывает всего шесть ЭТГ: приволжская (на правом берегу Волги), закамская, завожская (левобережье Волги, сокско-кинельское междуречье), бузулукская, прибельская (бассейн р. Белой) и приикская (бассейн р. Ик).

В 1998 г. в Ульяновске вышла в свет книга группы авторов «Чуваши Симбирского Поволжья», в которой приводятся некоторые общие статистические данные по этнографии чувашского населения региона. Впрочем, для такого рода изданий были бы более полезными конкретные, «дробные» материалы о сельских населенных пунктах, о численности чувашского населения в них, об истории возникновения селений и связанных с этим преданиях и легендах.

Отдельную группу работ по этнографической тематике составляют небольшие по объему и, как правило, конкретные по содержанию публикации об истории возникновения в том или ином регионе и в разные периоды чувашских населенных пунктов. В книге «Хрестоматия по чувашской диалектологии» (1970) А. С. Канюковой приведен ряд данных о возникновении чувашских селений в Аургазинском и Бижбулякском районах Башкортостана. Немало сведений о чувашских селениях в Ульяновской и Самарской областях содержится в собранных С. Е. Мельниковым «Актах исторических, юридических и древних царских грамотах Казанской и других соседственных губерний»³⁴. История появления многих чувашских селений в междуречье Волги и Свияги (территория Татарстана), в частности по реке Карле, основательно затронуты В. Д. Дмитриевым³⁵.

О возникновении чувашских селений в Бугурусланском уезде, а также в Исаклинском и Сергиевском районах Самарской губернии говорится в записках А. Глинского. Ряд данных о чувашских селениях в Самарском крае и Башкортостане приведен в трудах Т. А. Земляницкого, Ф. Н. Никифорова, М. Гребнева³⁶.

Следует подчеркнуть, что множество сведений об истории возникновения чувашских населенных пунктов на территории областей и республик Волго-Уралья находится в рукописном фонде К. В. Элле в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, и они ждут своего исследователя.

Отметим, что много этнографических сведений о бытовой культуре, обрядах, традициях, праздниках, мировоззрении и психологии чувашских крестьян содержится в небольших публикациях дореволюционных авторов, преимущественно священнослужителей. Они, во-первых, представляли наиболее грамотную часть населения; во-вторых, по служебной необходимости интересовались повседневной религиозно-обрядовой жизнью местного населения, языческо-православная синкретическая специфика которой особенно рельефно проступала в похоронно-поминальной обрядности. В ходе ее освещения авторы публикаций попутно касались самых разных сторон этнокультуры чувашей. На этот счет весьма подробные описания имеются по чувашам Симбирской губернии конца XVIII и XIX в., в частности у К. П. Прокопьева и К. С. Мильковича. Поминальные обряды чувашей Буинского уезда Симбирской губернии получили освещение в работе Н. И. Ильминского, а похоронные обряды чувашей этого же края описал в своих этнографических очерках К. П. Макарец. Комплекс похоронно-поминальных обрядов буинских чувашей нашел отражение в 1894 г. в публикации Ф. Добромыслова. В отличие от других авторов, последний сделал попытку сравнения языческих обрядов с христианскими. А. Вышеславцев в 1884 г. опубликовал работу о чувашских языческих похоронах и поминальных обычаях, бытовавших в Симбирской губернии во второй половине XVIII в. Традиции чистопольских чувашей-язычников описал С. Н. Тимрясов (1876)³⁷.

Похороны и поминки поволжских чувашей конца XIX в. рассмотрены в публикациях Н. Т. Каменского (Никонор) (1870), В. И. Михайлова (1881), саратовских чувашей — М. Н. Минха (1890), самарских — В. Н. Никифорова (1904). И. Дерюжев, описывая поминальные обряды чувашей Бугурусланского уезда Самарской губернии, обращает внимание и на чувашей, проживающих в западной части Башкирии (1874). Похоронно-поминальные обряды стерлитамакских чувашей Уфимской губернии нашли отражение в публикации П. Сухарева (1881)³⁸. Много ценных сведений по данному вопросу поступило в свое время из Башкирии Н. В. Никольскому³⁹.

В первые десятилетия (1920 — 1950-е гг.) советской автономии чувашские этнографы были сосредоточены на изучении только той части народа, что проживала на территории Чувашской Республики, что не способствовало глубокому исследованию всех сторон жизни этноса. Кстати, еще в 1928 г. на это обратил внимание Н. В. Никольский: «В ряде новейших работ наблюдается полумеханическое слияние этнографии с элементами социально-экономических наук... В результате получаются краеведческие работы вроде „Чувашского края“⁴⁰. Пусть и не открыто, но он не был удовлетворен тем, что «исследователи замыкаются только границами республики», чего сам не мог допустить. Действительно, только начиная с 1960-х гг. появляется интерес к истории, культуре и языку диаспорных групп народа. Состоялись несколько экспедиций Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне — ЧГИГН) в регионы Поволжья и Приуралья. В 1961 — 1987 гг. были обследованы чувашские селения Татарской АССР, Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской областей и Башкирской АССР.

Первая комплексная научная экспедиция по изучению диаспорных групп чувашей состоялась в 1929 г. Снаряженная чувашской секцией при Обществе по изучению Башкирии экспедиция в составе членов секции, а также антропологов АН СССР и

студентов Уфимского чувашского педтехникума, в течение полутора месяцев обследовала селения Слакбаш, Кош-Елга, Кистенли-Богданово, Базлык, Бижбулак, Елбулак и Зириклы Белебеевского кантона.

Комплексная экспедиция ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук в Татарскую АССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области была снаряжена в 1961 г. 11 сотрудников института в течение 30 дней вели сбор материала в 20 чувашских селениях указанных регионов. Экспедиция в 1962 г. посетила четыре района Башкирской АССР и один район Оренбургской области. Экспедиции 1961 и 1962 гг. подтвердили, что те научные знания, которые имелись относительно диаспоры, являются крайне неинформативными и скудными.

Учитывая недостаточную изученность различных этнотерриториальных групп чувашей, летом 1984 г. институт снарядил новую комплексную экспедицию в Татарскую АССР, Куйбышевскую и Ульяновскую области в составе 15 сотрудников. Обследованием удалось охватить 22 чувашских селения 11 районов указанных территорий⁴¹. Собранный материал включает в себя многие сотни текстов песен, исторических преданий и мифов, поговорок и пословиц, описаний языка местных чувашей, их поселений, жилищ, построек, костюмов, магнитофонных записей народных мелодий, рисунков языческих памятников и фотографий. Весь материал хранится в архиве института и находится в научном обороте.

Очередная комплексная экспедиция к приуральским чувашам состоялась в 1987 г. (т. е. по прошествии 25 лет после первой). Члены экспедиции в 7 районах Башкирии в общей сложности посетили 26 чувашских селений, а в Оренбургской области — 4 селения в Абдулинском районе⁴².

Собранные в ходе двух указанных крупных комплексных экспедиций 1984 и 1987 гг. материалы оказались весьма содержательными и многообразными. Выяснилось, что язык и традиционная культура чувашей обследованных регионов Поволжья и Приуралья в целом аналогичны языку и культуре низовых чувашей, проживающих в южных и юго-восточных районах Чувашии. Полученные накануне периода либерализации («перестройки») советского общества «живые» наблюдения и конкретные данные оказались весьма кстати тем, что они заставили научную интеллигенцию, представителей органов власти Чувашии и регионов не просто говорить об истинном положении дел и о негативных явлениях, но и предлагать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в национально-культурной жизнедеятельности различных этнотерриториальных групп чувашского народа.

Следует отметить, что всегда большой проблемой было и остается изучение этнических процессов в чувашской диаспоре статистическими, этносоциологическими методами. Если в начале 1980-х гг. на территории Чувашской АССР подобное масштабное исследование удалось осуществить под руководством ученых Института этнографии АН СССР во главе с В. В. Пименовым, более того, опубликовать его результаты отдельной монографией в Москве⁴³, то касательно диаспоры такого рода попытки не увенчались успехом.

Многообещающий характер в плане получения конкретных данных, позволяющих осуществить сравнительный анализ происходящих в диаспоре процессов и составить определенное представление об их особенностях и направленности, имело начатое в 1994 г. совместное исследование Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики и кафедры этнологии МГУ им. М. В. Ломо-

носова. Однако в связи с недостатком средств были получены неполные и предварительные данные, в частности был собран материал лишь по чувашам Пензенской области.

Комплексная экспедиция ученых ЧГИГН, состоявшаяся в 2000 г., изучила этнокультуру нескольких смежных районов Ульяновской и Саратовской областей. Собранный полевой материал в последующем лег в основу книги «Симбирско-саратовские чуваша»⁴⁴. Очередная экспедиция была организована в 2002 г. в рамках грантового проекта «Чуваши Приволжского федерального округа» в 15 крупных селений Буинского, Тетюшского и Дрожжановского районов Татарстана и Цильнинского района Ульяновской области. В последующем на материалах данной экспедиции и дополнительно привлеченного широкого круга сведений коллективом авторов (В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, А. П. Долгова, М. Г. Кондратьев, Е. А. Ягафова и др.) была подготовлена и издана в 2014 г. монография «Чуваши Присвияжья»⁴⁵.

В целом, в конце XX в. отмечалось усиление внимания чебоксарских ученых к диаспоре. Примечательно, что данная проблематика заинтересовала и московских этнологов. Так, в ежегоднике Института этнологии и антропологии РАН «Расы и народы...» в 2003 г. были опубликованы статьи по вопросам диаспорных групп этноса сразу четырех чувашских авторов — В. П. Иванова, Е. А. Ягафовой, М. Г. Кондратьева и Г. Б. Матвеева⁴⁶.

С начала 1990-х гг. национально-культурная жизнь в чувашской диаспоре приобрела достаточно организованный характер, активно заработали различные общества, центры и объединения. Вместе с тем становится все очевиднее, что в настоящее время не хватает сведений о состоянии и характере этнических и социально-демографических процессов, переживаемых на протяжении последних десятилетий отдельными региональными группами чувашей.

К сожалению, статистические материалы о чувашской диаспоре вплоть до середины 1990-х гг. оставались известными лишь довольно узкому кругу исследователей, хотя некоторые фрагментные сведения и появлялись в печати. Исходя из острой необходимости восполнения дефицита такой информации, В. П. Ивановым в 1999 г. был издан справочник «Чувашская диаспора»⁴⁷. В него вошли статистические материалы, характеризующие в общем плане динамику численности и географию расселения чувашей во всех регионах России, где они были учтены переписями населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. При этом сведения о динамике чувашского населения даны в разрезе городских и сельских поселений, а также административных районов. Следует отметить, что после выхода в свет указанного справочника в стране состоялись уже две переписи населения — в 2002 и 2010 гг. В связи с этим существует острая необходимость более широкого вовлечения их материалов в научный оборот.

Обстоятельное освещение получили статистические материалы по проблеме диаспорных групп чувашей в монографии В. П. Иванова, в которой рассматриваются вопросы исторической динамики численности и расселения чувашского народа, вопросы формирования этнической территории, образовании диаспорных групп этноса в различных регионах России, региональные особенности этнических процессов⁴⁸. Большим шагом в научном освещении значимых и важных сторон этнографии чувашского народа, в том числе и его этнотерриториальных групп, явился выход в свет в 2017 г. крупной академической монографии «Чуваши» (отв. ред. В. П. Ива-

нов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова), написанной коллективом ученых ЧГИГН, Института этнологии и антропологии РАН и вузов Чебоксар и Самары⁴⁹. В данный труд вошли результаты новейших исследований по вопросам происхождения чувашей, их этнической и социально-политической истории, традиционной культуры, современных этнических и демографических процессов. Значительное внимание уделено чувашам, живущим за пределами Чувашской Республики. В издание вошли сюжеты, которые ранее не включались в обобщающие монографии по этнографии чувашей, расселенных в других регионах России, а ряд тем изложены по-новому. В целом, монография отражает достигнутые на данном этапе уровень научно-исторического знания обо всех территориальных группах чувашского народа.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Чуваши (Сер. «Народы и культура»). М., 2017. С. 109 — 126.
- ² Герберштейн С. Записки о Московии 1517 — 1526 гг. М., 1988. С. 128, 134.
- ³ Олеарий А. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 364.
- ⁴ Цит. по: История родного края. Хрестоматия. Чебоксары, 1993. С. 176.
- ⁵ См.: Археология и этнография Чувашской АССР : библиогр. указатель. Чебоксары, 1986.
- ⁶ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. С. 1, 7, 10.
- ⁷ См.: Милькович К. С. О чувашах // Северный. 1927. № 9. Ч. 27. С. 47 — 67 ; № 10. С. 120 — 139 ; № 11. С. 210 — 232.
- ⁸ См.: Фирсов Н. А. Иностранное население прежнего Казанского ханства новой России до 1762 года и колонизации закамских земель. Казань, 1870. 448 с.
- ⁹ См.: Кеппен П. И. Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей. СПб., 1853.
- ¹⁰ Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992. С. 48.
- ¹¹ См.: Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859 ; Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI вв. (Очерки истории края и его колонизации). М., 1877 ; Его же. Поволжье конца XVII и начала XVIII вв. Одесса, 1882 ; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1895 ; Его же. История Оренбурга (1730 — 1750). Оренбург, 1896.
- ¹² См.: Ляковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Мин-ва внутр. дел. 1860. Ч. 43, отд. 3.
- ¹³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии ; Его же. История Оренбурга...
- ¹⁴ См.: Меньшов И. И. Этнографический очерк быта и обычаев чувашей Уфимской губернии Златоустского уезда // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. 1875. Вып. 3.
- ¹⁵ См.: Охотников Н. М. Приволжские Чуваши : этногр. очерк // Симбир. губерн. ведомости. 1893. № 21, 31, 52.
- ¹⁶ Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // ИОА ИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 334.
- ¹⁷ См.: Никольский Н. В. Собрание сочинений : в 4 т. Чебоксары, 2004. Т. 1.
- ¹⁸ См.: Никольский Н. В. Собрание сочинений : в 4 т. Чебоксары, 2008. Т. 3. С. 316 — 544.
- ¹⁹ См.: Чуваши : Этногр. исслед. : Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956.
- ²⁰ См.: Кузнецов И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары. 1957 ; Его же. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963.
- ²¹ См.: Димитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. 456 с.

²² См.: **Димитриев В. Д.** О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. // Учен. зап. Чуваш. НИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 47.

²³ См.: **Сидоров П. А.** Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Учен. Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21 ; Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период // Там же. Чебоксары, 1963. Вып. 23 ; Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. Чебоксары, 1960.

²⁴ См.: **Кабузан В. М.** Народы России в первой половине XIX века... С. 39.

²⁵ См.: **Кабузан В. М.** Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990 ; **Его же.** Народы России в первой половине XIX века...

²⁶ **Кабузан В. М.** Народы России в XVIII веке... С. 245.

²⁷ См.: **Кузеев Р. Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 347 с.

²⁸ См.: **Димитриев В. Д.** Чувашские исторические предания. Чебоксары, 2017.

²⁹ См.: **Иванов В. П.** Проблемы этнографии чувашского народа : избр. тр. Чебоксары, 2012. 668 с.

³⁰ См.: **Коровушкин Д. Г.** Чувашаи Западной Сибири. Новосибирск, 1997. 96 с.

³¹ См.: **Петров И. Г.** Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей // Чуваши Приуралья. 1989.

³² См.: **Ягафова Е. А.** Самарские чувашаи: Историко-этнографические очерки, конец XVII — начало XX вв. Самара, 1998. 368 с.

³³ См.: **Ягафова Е. А.** Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX вв.). Чебоксары, 2007. 530 с.

³⁴ См.: **Мельников С. Е.** Акты исторические, юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Казань, 1859. 258 с.

³⁵ См.: **Димитриев В. Д.** Чувашаи в эпоху феодализма. С. 294 — 325.

³⁶ См.: Археология и этнография Чувашской АССР...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ НА ЧГИГН. Фонд Н. В. Никольского. Т. 187, 207, 358.

⁴⁰ См.: **Никольский Н. В.** Указ. соч. С. 17.

⁴¹ См.: Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1984.

⁴² См.: Чувашаи Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989.

⁴³ См.: Чувашаи: современные этнокультурные процессы. М., 1988.

⁴⁴ См.: Симбирско-саратовские чувашаи. Чебоксары, 2004.

⁴⁵ См.: Чувашаи Присвияжья. Чебоксары, 2014.

⁴⁶ См.: Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М., 2003. Вып. 29.

⁴⁷ См.: **Иванов В. П.** Чувашская диаспора : Этногеогр. справ. Чебоксары, 1999.

⁴⁸ См.: **Иванов В. П.** Этническая география чувашского народа : Ист. динамика численности и регионал. особенности расселения. Чебоксары, 2005.

⁴⁹ См.: Чувашаи (Сер. «Народы и культура»).

Поступила 19.03.2018 г.

УДК 393.05

A. B. Sosnovskiy

A. V. Sosnovsky

ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ МОРДВЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (По материалам этнографических экспедиций)

FEATURES OF THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE MORDVINS IN THE KALININGRAD AND RYAZAN OBLASTS (Based on materials of ethnographic expeditions)

Ключевые слова: экспедиция, мордва, диаспора, традиционная культура, похоронно-поминальная обрядность, кладбище, поминки.

В статье рассматриваются этапы похоронно-поминальной обрядности мордвы в Калининградской (Северо-Западный федеральный округ) и Рязанской (Центральный федеральный округ) областях, их особенности и сохранность, влияние на них традиций других народов, проживающих на изучаемых территориях; раскрывается значение погребальных обрядов в мировоззрении мордовского народа.

Key words: expedition, the Mordvins, diaspora, traditional culture, funeral and memorial rites, cemetery, funeral dinner.

The article deals with the stages of funeral and memorial rites of the Mordvins in the Kaliningrad (the North-West Federal District) and the Ryazan (the Central Federal District) Oblasts, their features and preservation, influence of traditions of other peoples living in the study areas on them. The significance of funeral rites in the worldview of the Mordovian people is also revealed.

Мордовский народ принадлежит к числу дисперсно расселенных этносов. Существенная доля этноса проживает за пределами этнической территории Республики Мордовия. Подобное положение складывалось исторически. Столыпинская аграрная реформа, Октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление экономики страны, освоение целинных и залежных земель, развитие новых промышленных центров, современных видов транспорта сопровождалось массовыми миграциями населения, привели к оттоку мордовского населения из родного края по всей России — от Запада до Востока. Высокая дисперсность расселения этноса послужила причиной активных работ этнографов Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) по изучению мордовской диаспоры в различных регионах. По результатам исследований изданы книги серии «Мордва России»¹, в которых впервые представлен историко-этнографический материал, раскрывающий традиционную культуру мордвы на основе полевого материала, собранного авторами во время этнографических экспедиций, проведенных в 2000 — 2014 гг. в разных регионах России — от Сахалина, Камчатки, Сибири, Дальнего Востока, Урала и Зауралья, Поволжья, Арктики и до Калининградской области. Большое внимание в этих работах уделено духовной культуре мордовско-

го народа, степени ее сохранности в условиях иноэтнического окружения, глобализации и унификации современного общества.

Интерес к изучению духовной культуры вызван стремлением понять механизм формирования культуры в целом, ее фундаментальные основы, проявляющиеся в традициях и обрядах. Обряды и обычаи помогают сохранять нравственные установки, передающиеся из поколения в поколение, накапливать духовные ресурсы жизнедеятельности. К фундаментальным основам человеческой культуры принадлежит погребально-поминальный обряд. Погребальный обряд — совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении захоронения умершего члена общества в соответствии с религиозно-идеологическими нормами, бытующими в нем. Он отличается особой консервативностью, является своего рода этническим и хронологическим индикатором, отражающим религиозные верования и систему мировоззрения народа. Включает в себя не только религиозные действия, но и некоторые бытовые обычаи, налагающие на родственников ряд обязанностей, связанных с предстоящим погребением и подготовкой к нему.

Традиционный похоронно-погребальный обряд — одна из хорошо изученных тем в российской науке². Данная тема в той или иной степени разрабатывалась и исследователями мордовской культуры³.

В статье впервые рассматриваются аспекты похоронно-поминальной обрядности мордвы в Калининградской (Северо-Западный федеральный округ) и Рязанской (Центральный федеральный округ) областях⁴. Выбор регионов был не случайным. В Рязанскую область, граничащую на востоке с Республикой Мордовия, мордва переселялась постепенно. Географическая близость территорий позволяла поддерживать тесные связи с родиной. В Калининградскую область — самую западную часть Российской Федерации — основная часть мордовских переселенцев, как и переселенцы из других регионов страны, была направлена массово и в одно время — в 1946 г., сразу после образования области. Отметим, что в Калининградской области, в отличие от Рязанской, мордовские переселенцы селились компактно, образуя целые селения. Различия в условиях жизни переселенцев этих регионов обусловили научный интерес именно к похоронно-поминальному обряду мордвы как наиболее устойчивому компоненту духовной культуры, его особенностям и степени сохранности. Этот вопрос представляется важным и актуальным в силу того, что многие традиционные элементы к настоящему времени утрачены или пребывают в скрутом состоянии.

В 2013 — 2014 гг. НИИГН при Правительстве Республики Мордовия для изучения материальной и духовной культуры мордвы были совершены экспедиции в Рязанскую и Калининградскую области (руководитель проекта и экспедиции — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнографии и этнологии Л. И. Никонова, члены — научные сотрудники и аспиранты данного отдела). В Рязанской области были обследованы г. Рыбное и Рыбновский (с. Марково, Ходынино, Перекаль, Ходяйново, Пальные, Глебово-Городище, Алешня, Ногино, Константиново, пос. Пионерский и д. Свистово) район; в Калининградской области исследованы г. Калининград, Балтийск и Правдинск; Гурьевский (пос. Добрино, Разино, Пруды, Егорьевское и Мордовское), Багратионовский (пос. Медовое), Полесский (пос. Ильичево, Саранское, Марково, Шолохово, Ломоносовка) районы. Собранный полевой материал авторов экспедиции послужил основой написания данной статьи⁵.

Похоронные и поминальные обряды мордвы определялись типичными для всех народов представлениями о потустороннем мире. Они состояли из множества действий, направленных на облегчение перехода в потусторонний мир, устранение возможных препятствий на этом пути, создание благополучных условий «жизни» на том свете⁶. С принятием мордвой христианства погребение и поминание умерших стало осуществляться по обряду, предписанному православной церковью. Однако вместе с тем еще долгое время продолжали соблюдаться и некоторые дохристианские обычаи, отголоски которых встречаются и в настоящее время.

Мордва, как и другие народы, считала душу носительницей жизни, полагала, что с прекращением дыхания она покидает тело человека. Есть предположения, что душа может покидать тело человека временно (в этом случае человек засыпает) или уходит навсегда (умирает)⁷. В связи с этим для облегчения ухода, по словам информатора М. Ф. Резайкиной (пос. Придорожное Славского района Калининградской области), рядом с умершим ставили стакан с водой, клали ложку и полотенце⁸.

Важным моментом в похоронном обряде было обмывание покойного, которое совершали почти сразу после смерти. По сведениям Т. Н. Козловой (пос. Разино Гурьевского района Калининградской области) и У. В. Лобановой (пос. Егорьевское Гурьевского района Калининградской области), по древнему церковному установлению, женщины должны обмывать женщину, а мужчины — мужчину, но были и исключения из правил. В наше время это стало делом преимущественно пожилых женщин. Воду, оставшуюся после обмывания, выливали подальше от дома, мыло выкидывали за сарай. При этом информаторы отмечали, что покойного нельзя было обмывать родственникам⁹.

Со слов Н. Н. Тимошкиной и Т. Д. Тимошкиной (с. Глебово-Городище Рыбновского района Рязанской области), воду после обмывания умершего человека выливали под угол дома, где стоит икона; мыло отдавали родственникам, веря, что оно поможет от всех болезней. Л. А. Акшонова (с. Пальные Рыбновского района Рязанской области) рассказала, что воду после обмывания выливают под дерево, где не ходят люди; мыло оставляют дома, считая, что осужденный, помывшийся этим мылом, получит срок меньше положенного¹⁰. З. В. Щукина уточнила, что плотно, на котором обмывали покойного, раньше стирали, сейчас сжигают. Одевают умершего в новую или праздничную одежду. Меняют ему нательный крест. Тот крест, который человек носил при жизни, отдают родственникам, предполагая, что он может помочь в трудную минуту. В Рязанской области тело покойного клали на скамью с тканым полотном в центре комнаты головой в сторону красного угла¹¹.

По словам Т. Н. Козловой (пос. Разино Гурьевского района Калининградской области) и Т. А. Асташкиной (с. Пальные Рыбновского района Рязанской области), раньше гробы делали на местной пилораме, из опилок собирали подушку для покойного, в гроб клали стружку¹². В настоящее время стараются покупать все готовое¹³. В пос. Мордовское Калининградской области умершему человеку завязывали руки и ноги белыми отрезами ткани, которые потом оставляли в гробу. Раньше в гроб всегда клали деньги для нужд на том свете, сейчас этого нет¹⁴.

Информаторы и Рязанской, и Калининградской областей вспоминали, что раньше умерших не отправляли в морг, а оставляли дома и хоронили на 3-й день. Р. Г. Андрейчук (пос. Ломоносовка Полесского района Калининградской области) отмечала, что покойного нельзя было оставлять одного, с ним обязательно должен

был кто-нибудь находиться. В связи с этим в доме усопшего собирались родственники и знакомые. Каждый, кто приходил проститься, оставлял у гроба деньги, которые потом отдавали «читалкам»¹⁵. По словам Т. Н. Козловой (пос. Разино Гурьевского района Калининградской области), пришедшие приносили с собой продукты. Эти продукты потом ставили на поминальный стол¹⁶. В Рязанской области на похороны приносили свечи, блины, хлеб и деньги¹⁷.

В местах компактного проживания мордва старалась хоронить покойников на отдельных кладбищах. Так, информаторы вспоминали, что, переехав в Калининградскую область, мордовские переселенцы устраивали свое кладбище. Р. Г. Андрейчук (пос. Ломоносовка Полесского района) и А. Г. Михалкина (г. Полесск) отмечали, что для кладбища выбирали самое высокое место в поселке. Сельские кладбища были ухоженные, выделялись обилием цветов¹⁸. В Рязанской области мордовские переселенцы хоронили родных на местном кладбище. Н. А. Лукьянова (с. Ходяйново Рыбновского района) отметила, что могилы умерших мордовских переселенцев в Рязанской области ничем не отличались от могил местного населения. Усопших родственников мордовские переселенцы старались хоронить рядом¹⁹.

Р. Г. Андрейчук (пос. Ломоносовка Полесского района Калининградской области) вспоминала, что ямы для могил копали глубокие — до 2 метров, кресты делали в основном дубовые. По сведениям У. В. Лобановой и А. И. Лобанова (пос. Егорьевское Гурьевского района Калининградской области), родственникам нельзя было копать могилу, копали обычно знакомые и соседи²⁰.

Гроб с телом покойника до кладбища несли мужчины. Информаторы двух областей отмечали, что первому, кто попался на пути похоронной процессии, давали мешочек с едой, чтобы на том свете душу покойного встретили хорошо. Стулья, на которых стоял гроб на кладбище, переворачивали. Гроб опускали в могилу на двух полотнах, которые затем разрезали и раздавали тем, кто опускал гроб в могилу. По сведениям А. Г. Михалкиной (г. Полесск), над гробом делали «потолок» — настил (чаще из дуба), только потом засыпали²¹. В Рыбновском районе Рязанской области также сохранился обычай закрывать могилу лопатами «крестом»²². На кладбище обязательно поминали — каждый съедал по ложечке кутьи²³.

У мордвы было принято всех, кто помогал с похоронами, одаривать рубашками, полотенцами и носовыми платками. В Рыбновском районе Рязанской области во время похорон до сих пор сохранился обычай раздавать носовые платки мужчинам, которые несли гроб и копали могилу²⁴. В Калининградской области этот обычай не сохранился.

В погребальном обряде мордвы наличествует уходящий корнями в глубокую древность суеверный страх перед умершим как перед чем-то опасным и нечистым²⁵. Этот страх, вероятно, был связан с опасением соприкоснуться со смертью. В связи с этим в похоронном цикле много магических действий, которые, по представлениям мордвы, должны были предохранить от смерти, очистить после контакта с покойным²⁶. Так, среди мордвы Калининградской области было распространено верование в очистительную и защитную силу острых предметов (нож, топор и т. д.), огня, воды и др. По сведениям информаторов, придя с кладбища, надо было открыть заслонку в русской печи и посмотреть на огонь. Кроме того, в Калининградской области существовало поверье, прощаясь с покойным в доме, необходимо было подержать его за ногу²⁷. Считалось, что тогда страх перед покойником исчезнет. «Преградить

смерти дорогу в дом» старались и другими способами. Например, по рассказам Р. Г. Андрейчук (пос. Ломоносовка Полесского района), чтобы больше не было смертей, после выноса гроба с покойным в порог втыкали или клали топор. Этот обычай сохранился и до настоящего времени. По воспоминаниям Т. Н. Козловой (пос. Разино Гурьевского района), после выноса гроба с покойным на скамью, где он стоял, сажали людей²⁸. Кроме того, обязательно мыли полы в направлении от окна к двери, а воду выливали за забор. По словам информаторов В. В. Головановой, А. И. Гришиной и З. В. Щукиной (Рыбновский район Рязанской области), в день похорон после выноса гроба из дома переворачивали табуретки или скамью, на которых он стоял, мыли полы и только потом накрывали поминальный стол²⁹.

Поминальный стол включал в себя щи, затем рисовую или пшенную кашу, густой кисель. У. В. Лобанова (пос. Егорьевское Гурьевского района Калининградской области) вспоминала, что раньше кисель делали из овса — он был густой, и ели его ложками, потом стали делать жидким, его наливали в чашки³⁰. В Рязанской области мордва поминальный стол устраивает уже ближе к русскому столу. Г. Н. Сандина (Рыбновский район Рязанская область) отмечает, что в день похорон на стол подавались и нетрадиционные для мордвы блюда. По словам Т. А. Асташкиной, на поминки подавали сначала кутью, блины с медом, потом щи, кашу и крахмальный кисель. В дни поста переселенцы готовили постные блюда, но при этом ставили и непостные закуски. Кроме того, на поминки не подавался квас³¹. З. В. Щукина отмечает, что на поминках нельзя есть вилками³².

Отражением стремления живых удовлетворить нужды умерших, предотвратить их гнев и снискать расположение являлись поминания усопших³³. Мордовское население Калининградской области делает поминки на 3-й, 9-й и 40-й дни, через полгода и каждую годовщину смерти, а переселенцы Рыбновского района Рязанской области, по словам А. И. Гришиной, Т. А. Асташкиной, Г. Н. Сандиной, Т. Д. Тимошкиной, Е. Д. Кидяевой — на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, полгода, год. В. П. Ягупова отмечала, что ранее было принято делать поминки на 2-й день: в основном в церкви заказывали обедню³⁴. Отметим, что поминки на 40-й день являются самими значимыми. Мордва продолжает верить, что душа покойного до этого дня находится дома, только потом переходит в иной мир. В связи с этим, со слов Е. Д. Кидяевой, на 40-й день на входной двери вешают белое полотенце, якобы для провода духа в иной мир. При этом каждый при выходе должен протереть руки и лицо этим полотенцем. Кроме того, в Рязанской области сохранился обычай провода души на улицу с причитанием и плачем³⁵. На 40-й день после поминок раздают посуду (ложки, чашки, тарелки, бокалы).

По словам информаторов, мордва чтит родительские дни. Р. Г. Андрейчук (пос. Ломоносовка Полесского района Калининградской области) отмечает, что в эти дни считается обязательным посетить могилы умерших родственников³⁶. Мордва и Калининградской, и Рязанской областей накрывают на кладбище стол. Считается, «если мы едим, то и покойники сыты»³⁷. В. А. Репин (пос. Азовское Гурьевского района Калининградской области) вспоминал, что «бывало, на кладбище мордва собирала стол не как русские на каждой могиле, а в одном месте, там и поминали»³⁸.

Таким образом, похоронно-поминальные обряды мордовских переселенцев Калининградской и Рязанской областей сохранили много традиционных элементов.

Отметим, что они совершаются по православным канонам, но с некоторыми элементами языческих обрядов. В Калининградской области, где мордва селилась компактно и в более раннее время, больше сохранились архаичные традиции; в Рязанской области традиционные черты в погребально-поминальном обряде носят несколько упрощенный характер, в них заметно влияние местных традиций.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2007. 312 с.; **Никонова Л. И.** Мордва Саратовской области : в 2 ч. Ч. 1. Петровский район / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2009. 200 с.; **Никонова Л. И.** Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2009. 112 с.; **Никонова Л. И.** Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2010. 312 с.; **Никонова Л. И.** Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2010. 268 с.; Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2012. 464 с.; **Никонова Л. И.** Мордва Саратовской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2013. 252 с.; **Никонова Л. И.** Мордва Владимирской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2013. 184 с.; Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед.: монография / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2017. 184 с.

² См.: Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993; **Седакова О. А.** Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004; **Кремлева И. А.** Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 517 — 532.

³ См.: **Маркелов М.** Культ умерших в похоронном обряде Волго-Камских финнов // Религиозные верования народов СССР: сб. этногр. материалов. М. — Л., 1931. Т. II. С. 281; **Федянович Т. П.** Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1989. С. 96 — 125. (Тр. / НИИЯЛИЭ; Вып. 100.); **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы : ист.-этногр. очерки. Саранск, 1998. 248 с.; **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н.** Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект. Саранск; Пенза, 2010. 528 с.; **Корнишина Г. А.** Традиционные обряды и обычаи мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. 150 с.; **Ее же.** Традиционно-обрядовая культура мордвы : учеб. пособие. Саранск, 2007. 116 с.; **Ее же.** Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 440; **Волкова М. С.** Культ предков в религиозных верованиях мордвы : дис. на соиск. учен. степ. кан-та ист. наук. Саранск, 2001. 167 с.; Народы Мордовии : ист.-этногр. исслед. Саранск, 2012. 608 с.; **Щанкина Л. Н.** Похоронно-поминальные обряды мордвы Сибири и Дальнего Востока // Грамота, 2012. № 5 (19) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 219 — 223.

⁴ Европейская часть России // [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/rw-wiki/22475> (дата обращения: 22.03.2015).

⁵ См.: **Никонова Л. И., Митина В. В., Охотина Т. Н., Фадеева М. М.** Рыбновский район Рязанской области: странички этнографической экспедиции // Центр и периферия. [Саранск]. 2013. № 4. С. 74 — 81; **Никонова Л. И., Фадеева М. М.** Неизвестные страницы Рязанской земли: Рыбновский район глазами современного этнографа // Этнокультурное образование народов Поволжья: история и современность : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. интернет-конф. (17 — 26 окт. 2013 г., г. Саранск) [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.infored.ru/Inet/GetEzineByID/299374> (дата обращения: 25.02.2018); **Никонова Л. И., Захватова Е. Ю., Охотина Т. Н., Фадеева М. М.** В ходе экспедиции выяснилось... История, архив и полевые материалы о мордве Калининградской области // Центр и периферия. [Саранск]. 2014. № 4. С. 86 — 91; **Никонова Л. И., Захватова Е. Ю.** Этнографическая экспедиция в Калининградскую область // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. № 4. 2014. С. 232 — 233; Мордва Калининградской области... ; Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

⁶ Мордва юга Сибири. С. 257.

⁷ Мокшин Н.Ф. Указ. соч. С. 47.

⁸ Мордва Калининградской области... С. 151.

⁹ Там же.

¹⁰ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

¹¹ Там же.

¹² Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.) ; Мордва Калининградской области... С. 151.

¹³ Мордва Калининградской области... С. 151.

¹⁴ Там же. С. 152.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

¹⁸ Мордва Калининградской области... С. 151.

¹⁹ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

²⁰ Мордва Калининградской области... С. 151.

²¹ Там же.

²² Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

²³ Мордва Калининградской области... С. 152.

²⁴ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

²⁵ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Мордва юга Сибири. С. 258.

²⁷ Мордва Калининградской области... С. 152.

²⁸ Там же.

²⁹ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

³⁰ Мордва Калининградской области... С. 152.

³¹ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

³² Там же.

³³ Мордва юга Сибири. С. 263.

³⁴ Мордва Калининградской области... С. 153.

³⁵ Личный архив: Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, М. М. Торопова (по результатам этноэкспедиции в Рязанскую область, записи 2013 г.).

³⁶ Мордва Калининградской области... С. 153.

³⁷ Там же. С. 152.

³⁸ Там же.

Поступила 05.03.2018 г.

УДК 39(=511.152)+639

Л. Н. Щанкина
L. N. Shchankina

**ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

**CRAFT ACTIVITIES OF MORDOVIAN MIGRANTS
TO WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX — THE FIRST HALF
OF THE XX CENTURY**

Ключевые слова: Мордовия, Западная Сибирь, мордва, переселенцы, промысел, ремесло.

В статье на основе полевого материала и опубликованных источников рассматривается промысловая деятельность мордовских переселенцев Западной Сибири в конце XIX — первой половине XX в., оказавшихся в иной природно-климатической, социально-экономической и культурной среде.

Key words: the Mordovia, Western Siberia, the Mordvins, migrants, crafts.

The craft activities of Mordovian migrants to Western Siberia in the late XIX — the first half of the XX century who found themselves in other natural, climatic, social, economic and cultural environment are considered in the article on the basis of field material and published sources.

В земской статистике к промыслам относили все занятия крестьян вне надела. Домашние промыслы и ремесла в крестьянских хозяйствах для многих переселенцев Западной Сибири являлись большим подспорьем, а иногда составляли его основу. Это было связано с необходимостью обеспечения личного хозяйства различными изделиями.

У переселенцев в основном не было необходимых денежных средств, инвентаря, рабочего скота или имелся небольшой размер посева: в данной ситуации у них был единственный выход — поиск заработка в хозяйствах местных старожилов. Например, из переселенцев Спасского уезда Тамбовской губернии, за исключением одного, все являлись бедными людьми. Н. М. Ядринцев отмечал, что «многие переселенцы в Сибири начинали свою жизнь... батрачеством»¹. Начальную стадию водворения переселенцев подробно описал А. М. Беркенгейм: «Переселившись на новое место многим выпадает работа по устройству своего гнезда... им приходится бросать свои личные дела и искать заработка на стороне. Чтобы добыть своей семье кусок хлеба переселенцы вынуждены были работать только у старожилов, где ждала их большая эксплуатация. Пользуясь их безвыходным положением, старожил законтрактовывал его на страдную пору. Местные жители за работу новоселов сбывали им всякие ненужные вещи — старые сельскохозяйственные орудия труда, развалившиеся хозяйственные постройки и т. д. За каждый отданный переселенцу предмет, он устанавливал цену на 25 — 100 % выше. К примеру, если на местном базаре пуд ржи стоил 30 — 35 копеек, то старожил назначал 45 — 50 копеек; за пуд соли, стоившей 27 копеек, он соответственно назначал 60 — 80 копеек, за фунт керосина 5 и 8 копеек, корову — 12 и 17 рублей и т. д. И наоборот, те предметы, которые старожил по-

лучал от переселенца, оценивались на 75 — 100 % дешевле. К примеру, копна сена, чем обычно рассчитывался переселенец, на базаре стоила 8 копеек, а старожилом она оценивалась в 4 копейки².

По свидетельству Е. И. Кривякова, почти $\frac{3}{4}$ семей на новых местах вынуждены были заниматься промыслами. В промысловой деятельности в основном (60 %) было занято мужское население рабочего возраста, участие женщин было незначительным, так как в отсутствие мужчин на их плечи ложилась вся работа по хозяйству³.

Жители селений, которые располагались недалеко от трактовых дорог, часто занимались извозом. Например, по опубликованным сведениям до строительства Сибирской железной дороги между Томском и Иркутском на перевозке было занято 16 000 ямщиков, на доставке чая к пристаням Западной Сибири и на Ирбит трудилось до 14 000 возчиков⁴.

Рассмотрим виды промысловых занятий переселенцев в конце XIX — первой половине XX в. Так, по имеющимся архивным данным, 52 семьи из Карсунского уезда Симбирской губернии обосновались в с. Воскресенск Тобольской губернии. Здесь они работали поденно, многие нанялись в батраки к старожилам. 16 дворов, или 20,5 %, занимались неземледельческими промыслами.

В 1894 г. в Томской губернии переселенцы из мордовского края распределились по группам занятий следующим образом: в д. Ново-Кусково 7 семей были заняты на поденщине, а другим источником их заработка являлась заготовка дров, строевого леса, сена и метелок для продажи в г. Томске; в с. Валериановский 5 хозяйств в летнее время сдельно и поденно нанимались к старожилам, а в остальное время трудились на строительстве железной дороги; 2 семьи этого же села в зимнее время занимались валяльным промыслом; в с. Наумовский 10 хозяйств прибегали к сдельной и поденной работе; 100 семей, водворившиеся в 1863 г. в д. Николаевка, первые два года работали на винокурном заводе, 3 семьи из 22, поселившиеся позднее, в момент обследования батрачили, 14 — нанимались поденно и 5 семей сами нанимали работников; в пос. Никулинском 20 дворов отпускали работников на поденную и сдельную работы, кроме того, 15 семьям, дополнительный заработок давало портняжничество; в пос. Куликовский 15 хозяйств работали поденно и сдельно; в пос. Островский из 24 дворов 17 нанимались, а 7 нанимали сельскохозяйственных рабочих. 15 семей — пилили дрова, плотничали и занимались портняжничеством. Из вышеуказанного следует, что в Томской губернии, чтобы прокормить свои семьи, переселенцы вынуждены были прибегать как к земледельческим, так и неземледельческим заработкам. Значительная часть наемных работников в сибирской деревне формировалась за счет переселенцев. Из жителей 418 семей, выходцев из Саранского уезда, 149, или 35,7 %, были сельскохозяйственными рабочими (сроковыми работниками и пастухами); 115, или 27,5 %, сами нанимали работников и пастухов; 154 хозяйства, или 36,8 %, занимались неземледельческими промыслами (плотничеством, пилкой досок и т. д.) Следует отметить, что небольшая часть переселенцев были довольно зажиточными. Например, в 10 хозяйствах имелись маслобойни, на которых гнали конопляное масло по цене 15 копеек с закладки семян в полтора пуда. Владельцы маслобоек скупали конопляное семя не только у своих односельчан, но и у жителей иных населенных

пунктов. Масло сдавали скупщикам, которые приезжали из Томска, Барнаула и Бийска⁵.

В последующие годы численность населения, занимающаяся различными промыслами, возрастает. Так, в 1903 — 1904 гг. в пос. Архиповский, Потанинский, Розановский, Чулковский, Ядринцевский, Калачевский и Романовской Тюкалинского уезда Тобольской губернии среди новоселов из Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний промыслами было занято 743 двора. Из них 65 хозяйств, или 8,7 %, имели свои торгово-промышленные предприятия (лавки, питейные заведения, маслобойки, мельницы и т. д.). Кроме того, в Тюкалинском уезде были развиты сельскохозяйственный найм, лесные промыслы, молочное хозяйство и маслоделие⁶. В 1909 г. в Томской губернии, по данным исследований, в пос. Ян-Бобровский, Красный Яр, Нечаевский из 116 дворов 12, или 10,3 %, были сельскохозяйственными рабочими (батраки и пастухи); 49, или 42,2 %, работали на строительстве дорог, пилке и валке леса, заводах и фабриках и т. д.; 44, или 38 %, были кустарями (плотники, сапожники, портные и др.) и 11, или 9,5 %, держали работников. В 1911 г. в пос. Островский Томской губернии неземледельческими промыслами занимались из 185 семей 113, или 61,1 %⁷.

На исследуемой территории сибирского региона наибольшее распространение получили следующие промыслы и ремесла: обработка дерева, металлов, а также растительных, животных и минеральных веществ, изготовление одежды, обуви и т. д.

По словам местного населения, «из-за дороговизны многих изделий, которая затрудняла покупку товаров, приходилось обходиться внутренними ресурсами своего хозяйства»⁸. Производство собственных изделий не удовлетворяло потребности крестьян. В связи с этим возрастал спрос на различные товары фабрично-заводского производства. Н. М. Ядринцев по данному поводу писал: «Несмотря на обманы, на запрашиваемые при торге, ситцы крестьяне просто расхватывают. Сибирский крестьянин ходит щеголевато и любит ситцы, сапоги, сукно»⁹. Следует отметить, что покупательная способность многих переселенцев в зависимости от их материального положения была различна.

Повсеместно крестьяне Сибири в домашних условиях делали сохи, бороны, сани, грабли, вилы, а также вили веревки из конопли, гнали смолу, выделывали кожу, дубили их тальниковой корой и т. д.¹⁰. Предметы хозяйственного и домашнего обихода переселенцы приобретали путем заказа или прямой покупки у местных ремесленников и кустарей. Одни мастера постоянно жили в деревне, другие были приходящими. Так, для временных работ приглашались кожевники, пильщики, плотники и др.

Самой развитой отраслью у мордовских переселенцев была деревообработка. Различались столярный, токарно-резной, бондарно-щепной, экипажный, плетеночный промыслы, выработка лубяных, лыковых и берестяных изделий.

В натуральном хозяйстве, где большинство нужных крестьянину предметов он изготовлял сам, обработка дерева имела первостепенное значение. Из дерева, легко обрабатываемого, даже примитивными инструментами делались почти все предметы, начиная от обеденной чашки и ложки и заканчивая жилищем и орудиями труда. Основными инструментами для рубки леса были специальный «лесорубный» топор и двуручная пила.

Издавна у мордвы было широко развито плотническое дело. Как свидетельствуют полевые материалы и опубликованные сведения, почти в каждой мордовской деревне были свои плотники, которые одновременно занимались и хозяйственной деятельностью, и данным ремеслом. В Сибири среди мордовских переселенцев, как выяснилось в ходе этнографической экспедиции, было много хороших плотников, например: в г. Стрежевом Томской области — Василий Лапаскин, Егор Сорокин и Иван Марисов [ПМА: Н. М. Марисова]; в с. Мишутино Зырянского района Томской области — Василий Евдокимович Володин [ПМА: П. Е. Володин]; в с. Высокое Зырянского района Томской области — Емельян Иванович Макаров [ПМА: М. М. Антипкин]; в с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области — Сергей Степанович Тюркин [ПМА: М. С. Тюркин]; в с. Новороссийка Нововаршавского района Омской области — Илья Маркелов [ПМА: Н. Ф. Ефимова]; в с. Победа Нововаршавского района Омской области — Иван Кузьмич Осипов, Петр Степанович Сульдин, Анатолий Егорович Буракшаев [ПМА: А. Е. Буракшаев]. Большинство плотников в мордовских поселениях работали и столярами, и токарями. Они изготавливали рамы с наличниками, двери, несложную мебель (столы, табуреты, кровати, стулья и др.).

Важное место в жизни крестьян занимали средства передвижения. На их изготовлении специализировались целые селения. В ходе экспедиции были записаны фамилии переселенцев, занимающихся указанным промыслом. В с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области телеги, которые называли ходоками, делал Сергей Степанович Тюркин; уздечки и хомуты были привозные [ПМА: М. С. Тюркин]. В с. Победа Нововаршавского района Омской области подковы для лошадей делал Петр Степанович Сульдин. Он же был кузнецом [ПМА: А. Е. Буракшаев].

Согласно данным и собранным сведениям, среди мордовского населения Западной Сибири были мастера по изготовлению долбленой и резной утвари: бочек, корыт, ковшей, ведер, маслобоек, ступ, чаш и др. Многие из этих изделий в настоящее время хранятся в районных музеях.

Орудия и инструменты, употребляемые при изготовлении клепки — это топор, двуручная пила, длинные клинья, скобеля и фуганки. Следует отметить, что процесс изготовления бондарных изделий иногда был разделен. Обычно мастера покупали материал, распиливали в нужную длину, раскалывали и тесали доски, собирали бочки, кадушки и т. п. В течение дня четыре человека могли расколоть и выдолбить до 100 досок размером 10 × 90 см. При сборке бочек клепки устанавливали в пропилы деревянного круга и стягивали металлическими обручами. Даже при тщательной подгонке клепок возможно просачивание жидкости. Во избежание этого между дощечками закладывали камышовые листья: разошедшаяся бочка пропускает жидкость, но заложенный между ними камыш быстро набухает и закупоривает щели, через некоторое время клепка увлажняется. В результате, стенки бочки уплотняются и становятся непроницаемыми. Днища бочек мастера делали из двух половинок, при этом требовалась очень высокая точность работы. Обычно между двумя полукругами вставляли еще одну доску, которая расклинивала полукружья. У больших бочек днища были из досок той же ширины, что и клепки. Полностью собранную бочку уплотняли, передвигая ободья к середине. Стенки кадок становились прямыми и стягивались двумя обручами. Бочки были разной вместимости — от маленьких (емкостью до 5 л) до больших (40 л). Респонденты отмечали: если

качество бондарных изделий было очень высокое, то бондарри славились на всю округу. В с. Мишутино Зырянского района Томской области хорошим бондарем считали Василия Сергеевича Володина [ПМА: П. Е. Володин]. Он также делал маслобойки и рамы для окон. В с. Новороссийке Нововаршавского района Омской области, по словам Н. Ф. Ефимовой (Осиповой), бондарное дело не было развито, так как не было материала для строительства. Кадушки обычно привозили с прежней территории проживания, либо приобретали у местного населения. Однако маслобойки изготавливали самостоятельно. Среди мордвы этим занимался Иван Кузьмич Осипов. Основным его занятием являлось плотничество в строительном цехе. В связи с этим ему иногда заказывали столы, скамейки и другие изделия. Произведенные им товары пользовались большой популярностью у местного населения [ПМА: Н. Ф. Ефимова].

Цельнодолбленные деревянные изделия, прежде всего ступы разных размеров, из-за громоздкости и тяжести новоселы с собой не привозили, их делать приходилось уже на новой территории проживания. Углубления ступ изготавливали путем выжигания, а доводку и расчистку производили долотами. Кроме того, бондари делали разных размеров деревянные корыта, совки, хлебные лопаты — для веяния зерна и для посадки выпекаемого хлеба в печь.

Плетеные изделия у мордвы были распространены не менее широко, чем деревянные, и нередко заменяли их. Материал для плетеных изделий более дешев и доступен, чем дерево, а техника их изготовления более простая. Лапти были самым распространенным видом обуви мордовского сельского населения. Их мордва плела из лыка. Как отмечали переселенцы, на лыко рубили деревца диаметром не более 10 — 12 см — молодые поросли пяти — шести лет, у которых кора еще не одеревенела и была гибкой. Липы рубили весной и ранним летом, в период сокодвижения, когда кора легко отделялась от древесины. Топором делали надрез и кочедыком сдирали кору. Ее распрямляли, связывали в пучки и держали в затемненном месте под навесом в течение недели или десяти дней, пока не покраснеет. После этого наружную кору снимали ножом и сушили. Плетением занимались в основном в зимнее время. Для лаптеплетения требовались простые инструменты: кочедык, нож и разных размеров колодки, вытесанные из липовых брусков. Ножом разрезали лыко нужной ширины и соскабливали корку. Рабочая часть кочедыка была металлической. Колодки выделывали в основном топором, позже начали применять ножовку. Как свидетельствуют полевые материалы, мордовские переселенцы при изготовлении лаптей использовали ту же технику, что и на родине.

Корзины, ведерки, туески плели в основном из луба и лыка. Заготовка начиналась осенью или ранней зимой. Очищением и сортировкой прутьев занимались как правило женщины и подростки. Основным инструментом был отточенный нож, а из приспособлений — две доски [ПМА: М. С. Тюркин]. Данный вид деятельности был доступен многим жителям поселений.

Мордовское население производило и мочало. Рубили деревья диаметром не меньше 20 — 25 см. На нем топором делали надрезы-кольца, кору разрезали вдоль ствола и кочедыками или заостренной палкой сдирали. Заготовленный луб мочили в пруду или озере, выдерживая в теплой летней воде 1,5 — 2 месяца. Затем луб распрямляли, давали стечь воде, сдирали мочало и развешивали на заборах. Высушенное мочало связывали в пучки [ПМА: М. С. Тюркин].

Промыслы по обработке растительного волокна (прядельно-ткацкий, кружевно-вышивальный) в сибирском регионе занимал второе место после обработки дерева. Широко были распространены прядение и ткачество, которыми занимались женщины. Обработка волокна, льна и конопли переселенцев не отличалась от той, которая была на исконной территории проживания, и включала несколько последовательно чередующихся стадий: молотьбу, мятье, трепание, чесание, прядение, мотание, тканье, беление. Повсеместно крестьяне пряли пряжу из конопляного и льняного волокна, а затем ткали холсты. По словам А. Н. Мошкиной из с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, «после переезда мордовскую одежду в основном носили в течение двух лет, потом она изнашивалась, а другую, чтобы не отличаться от местных, уже не шили». Тем не менее до настоящего времени мордовская одежда у ней сохранилась [ПМА: А. Н. Мошкина].

Промыслы по обработке веществ животного происхождения подразделялись на две группы: обработка шерсти и обработка овчин и кож. В каждом крестьянском доме ткали из шерсти овец самодельное сукно, вязали чулки, варежки и т. д. Первичная обработка шерсти заключалась прежде всего в ручной разборке и сортировке. Для получения тонкой пряжи шерсть после разборки чесали и били. Пряли ее обычно с помощью веретена и прялки. Прялки были лопатообразные с донцем. К началу XX в. во многих селах были распространены самопрялки типа «стояк». Прялки в основном изготавливали сами, редко покупали. Простые прялки, состоящие из стояка, на который привязывали пучок шерсти, и широкого донца, на котором сидели, мужчины изготавливали в любой семье. Веретена вытачивали из березы и других деревьев. Кроме того, мордовки ткали шерсть на краснах (вид ткацкого станка) и руками катали на деревянных решетках.

Обработку кожи, мехов и овчин проводили также отдельные мастера. Среди мордвы значительное развитие получила выделка овчин. В XIX — начале XX в. обработка овчин производилась в жилых помещениях. Основными орудиями служили обыкновенная коса и железный крюк. Из овчины изготавливались верхняя (мужская и женская) одежда, шапки, рукавицы и т. д. В с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области кожу, овчину выдывал Лузянин. Данный вид деятельности у него являлся основным и единственным источником дохода. Он также занимался изготовлением сапог, чирок из телячьей шкуры, которые по форме напоминали галоши и затягивались шнурком. По словам М. С. Тюркина, он выдывал овчину на продажу и занимался сельскохозяйственным трудом [ПМА: М. С. Тюркин].

Промыслы по обработке минеральных веществ занимали предпоследнее место. Горшечный промысел заключался в изготовлении различной глиняной посуды (горчаг, кувшинов, горшков, кубышек). Гончарное ремесло — физически тяжелое и к тому же технологически сложное, поэтому было развито не везде. Так, в с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, по словам М. С. Тюркина, «до войны в селе жил один горшечник. Его помощницей была местная жительница по имени Акулина. Они оба держали в секрете место добывания глины для изготовления глиняной утвари» [ПМА: М. С. Тюркин].

Не менее важное занятие мордвы, как и других народов, кладка печи. Кладкой печи занимались либо сами хозяева, либо приглашенные специалисты. Например, в с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области печи в том числе и глинобитные, для населения складывал русский Василий Евдокимович Корнеев

[ПМА: М. С. Тюркин]. В с. Победа Нововаршавского района Омской области печником был Анатолий Егорович Буракшаев. По его словам, в течении дня он мог сложить только одну печь. От мастерства печников зависело правильное функционирование печи [ПМА: А. Е. Буракшаев].

Сибирский регион известен своими богатыми лесами, рыбными реками и озерами. В связи с этим широко распространенными среди мордовского населения занятиями являлись так называемые присваивающие, или добывающие, отрасли хозяйства: пчеловодство, охота и рыболовство.

Мордовские поселения Сибири характеризуются приречным топографическим расположением. С переселением на территорию Западной Сибири рыболовство не утратило свою значимость и в жизнедеятельности мордвы. Среди мордовского народа имелаась поговорка: «Не охотник, не рыбак, какой же ты сибиряк»¹¹. Переселенцы, проживающие на крупных и мелких реках и озерах, ловили рыбу как для личных нужд, так и на продажу. Мордва, проживающая в Западной Сибири, добывала ерша, чебака, карася, щуку, язя, окуня, налима, нельму. По сведениям местных жителей, ерша называли царь-рыбой, потому что он водится во всех сибирских реках. Для ловли рыбы использовались разнообразные снасти: запоры, закидные и ставные неводы, бредни, а зимой — подледные самоловы. Использовали также и мелкие ловушки: сети, вентеры, морды и крючковую снасть. По словам информанта И. Ф. Марисова, проживающего в г. Стрежевом Томской области, «для ловли рыбы речку перегораживали специальным запором (из вертикально воткнутых палок) и оставляли в нем одно отверстие. У этого отверстия устанавливали мордушку [ПМА: И. Ф. Марисов].

В Сибири на огромных пространствах водилось множество различных пушных зверей и птиц. Переселенцы в основном охотились для добычи мяса и пушнины. По словам В. П. Тумайкина, любовь к мясу дичи объясняется древними традициями мордвы¹². Обычно отправлялись на охоту два раза в год — весной и осенью. По сведениям информаторов, в Зырянском районе Томской области охотились на медведей, лосей, лис, зайцев, норок, шкуры которых продавали [ПМА: П. Е. Володин]. В с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области охотником был Сергей Степанович Тюркин, который ходил на зайцев, тетеревов, куропаток и глухарей [ПМА: М. С. Тюркин]. Многие жители занимались добычей кедровых орехов.

В мордовском крае широко было развито пчеловодство, поэтому, приехав на новое место, переселенцы сохранили традицию разведения пчел. В с. Мишутино Зырянского района Томской области пчеловодством занимались Василий Сергеевич Володин и Николай Александрович Якин. В этом же селе была колхозная пасека, где пчеловодом был Николай Цариков [ПМА: П. Е. Володин]. Отметим справедливости ради, что пчеловодство в Западной Сибири было развито не везде. Например, в с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области пчеловодством не занимались, так как в селе были колхозные пасеки [ПМА: М. С. Тюркин].

Таким образом, мордва сыграла важную роль в хозяйственном освоении сибирского края. Промысловые занятия и купля-продажа рабочей силы являлись неотъемлемым элементом переселенческого движения Сибири в пореформенное время. В промыслах участвовали все социальные группы крестьянства. Среди промыслов переселенческой бедноты преобладали сельскохозяйственный наем, плотничество, заготовка дров и т. д. У населения промыслы были средством заработка на жизнь и формой продажи рабочей силы. Переехав в Сибирь, мордва привнесла индивиду-

альные особенности развитых ремесел, ведущими из которых были обработка дерева, ткачество и др. Вместе с тем она использовала достижения окружающих ее народов в домостроительстве и ремеслах, а также в добывающих промыслах (сбор кедровых орехов). Под влиянием природно-климатических условий, культур местных народов в промысловой деятельности мордвы происходили определенные изменения. Специфика промысловой деятельности мордвы обуславливалась природными факторами: суровый климат, различия растительного и животного мира по сравнению с родиной.

Библиографические ссылки

- ¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 154.
- ² Беркенгейм А. М. Переселенческое дело в Сибири (По личным наблюдениям и официальным данным). М., 1902. С. 56 — 57.
- ³ НА НИИГН. И-930. Кривяков Е. И. Переселение крестьян из Мордовии в период капитализма (1861 — 1917 гг.). Саранск, 1977. Л. 147, 149.
- ⁴ См.: История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 32.
- ⁵ НА НИИГН. И-930. Л. 150 — 151.
- ⁶ Там же. Л. 153.
- ⁷ Там же. Л. 150 — 151.
- ⁸ История Сибири... С. 32.
- ⁹ Ядринцев Н. М. Указ. соч. С. 254.
- ¹⁰ См.: История Сибири... С. 32.
- ¹¹ См.: Щанкина Л. Н. Мордва Сибири и Дальнего Востока: историко-этнографический аспект. М., 2013. С. 130.
- ¹² НА НИИГН. И-905. Тумайкин В. П. Отчет об этнографических экспедициях сектора археологии и этнографии МНИИЯЛИЭ, проводимых в 1975 г. научным сотрудником сектора В. П. Тумайкиным. Л. 20.

Полевой материал автора

- Антипкин Михаил Михайлович, 1934 г. р., с. Высокое Зырянского района Томской области, записи 2009 г.
- Буракшаев Анатолий Егорович, 1936 г. р., с. Победа Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
- Володин Петр Евдокимович, 1942 г. р., с. Мишутино Зырянского района Томской области, записи 2009 г.
- Ефимова (Осипова) Нина Филипповна, 1939 г. р., с. Новороссийка Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
- Марисов Иван Федотович, 1937 г. р., г. Стрежевой Томской области, записи 2009 г.
- Марисова (Бабкина) Нина Матвеевна, 1947 г. р., г. Стрежевой Томской области, записи 2009 г.
- Мошкина Анна Николаевна, 1928 г. р., с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, записи 2009 г.
- Тюркин Михаил Сергеевич, 1928 г. р., с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, записи 2009 г.
- Тюркина Мария Сергеевна, 1920 г. р., с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, записи 2009 г.

Поступила 10.04.2018 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.1

Д. В. Сбитнева, И. Н. Гераськина
D. V. Sbitneva, I. N. Geraskina

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНДИКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

FOREIGN EXPERIENCE OF INDICATIVE PLANNING FOR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Ключевые слова: индикативное планирование, стратегическое планирование, государственная программа, социально-экономическое развитие.

В статье представлены результаты исследования моделей индикативного планирования в контексте наиболее распространенной формы экономического регулирования в развитых странах; рассмотрены основные формы и особенности разработки индикативных планов социально-экономического развития Франции, Японии, США и КНР; выявлены достоинства и недостатки каждой из моделей с императивом определения возможности и способов адаптации существующей практики в России для совершенствования процесса планирования.

Key words: indicative planning, strategic planning, government program, social and economic development.

The results of the study of models of indicative planning as the most wide-spread form of economic regulation in developed countries are represented in the article; The main forms and features of the development of indicative plans for the social and economic development of France, Japan, the United States and China are considered. The advantages and disadvantages of each model are revealed in order to determine the possibilities and ways of adapting the practices existing in Russia to improve the planning process.

Индикативное планирование — механизм государственного регулирования экономической динамики с учетом определенных целей социально-экономического развития территории при создании инфраструктурных условий и стимулов их достижения для экономических субъектов¹. Индикативный план содержит формулировки среднесрочных целей развития экономики, прогнозные показатели и тенденции, концептуальные алгоритмы модификации структурных пропорций. Основные разделы затрагивают проблемы инноваций, экономического роста, инвестиций, финансовых потоков, устойчивости экономики, конкуренции и др.

Центральное понятие индикативного планирования — показатель, объективируемый как определенные параметры границ, в пределах которых хозяйственная система, имеющая организационные механизмы и рабочие связи, может устойчиво развиваться в направлении достижения общенациональной цели. Например, применительно к России это увеличение темпов экономического роста и укрепление

национальной безопасности. Индикаторы в рамках индикативного плана носят векторный характер и, как правило, имеют предельные пороговые значения. Последние определяются в процессе экономико-математического моделирования и призваны сигнализировать о приближении критического состояния объекта управления и необходимости регулирования².

В современных условиях именно индикативное планирование находит все большее применение в государственном регулировании многих стран. В зарубежной практике стратегического планирования социально-экономического развития программам и проектам отводится особая роль в обеспечении согласованности и координации действий участников мероприятий по достижению поставленных целей.

За всю историю применения индикативное планирование зарекомендовало себя как эффективный инструмент управления региональной и национальной экономикой во многих странах. Элементы и методы данного вида планирования реализуются в рамках государственного управления, где в большей или меньшей степени приобретают характерные черты, обусловленные исторически сложившимися социально-экономическими условиями и тенденциями развития конкретных территорий и народов.

Выделим два основных направления индикативного планирования социально-экономического развития, применяющиеся зарубежными партнерами России:

— «сверху-вниз» (используется в западноевропейских странах — Германии и Франции);

— «снизу-вверх» (в азиатских странах — Японии).

С точки зрения сопоставления и выявления лучших характеристик моделей индикативного планирования проанализируем и выявим их особенности в некоторых странах переходной и развивающейся экономики.

Опыт применения индикативных планов в странах Европы насчитывает более 50 лет. За это время сформировались следующие характерные черты европейской модели индикативного планирования:

— реализация масштабной аналитической деятельности по согласованию различных групп интересов, прогнозированию и моделированию развития социально-экономических процессов;

— влияние государственных структур на систему принятия решений по постановке целей, ранжированию и выбору способов их реализации;

— полагание на принципы равноправия, консультирования, согласования и активного участия заинтересованных сторон. Сегодня наметилась тенденция к преобладанию принципа большинства и снижению степени значимости нахождения компромисса и согласия при решении дискуссионных вопросов, что вызвано большинством членов администрации и экспертов в совете, а не представителей профессионального сообщества³;

— зависимость процесса принятия решений по разработке плана развития территории от текущей политической ситуации в регионе и мире, а также уровня активности различных социальных групп;

— соответствие критериям: демократичность, децентрализация, конкретность, реалистичность и выполнимость, ориентация на решение социально-экономических проблем региона;

— идентификация приоритетов развития территории.

Отметим приоритеты социально-экономического развития ЕС, в соответствии с которыми корректируется европейская модель разработки индикативного плана (рис. 1):

— разумное развитие, предполагающее цифровую экономику, основанную на знаниях и инновациях;

— устойчивое развитие, означающее самоподдерживаемую экономику, основанную на принципах ресурсосбережения, разумного потребления и саморегулирования⁴;

— абсолютное развитие, детерминирующее повышение уровня качества жизни населения, достижение социального и территориального согласия.

Представленная модель основывается на опыте индикативного планирования во Франции. Ее особенность состоит в структуре субъектов, принимающих в этом участие. Их можно условно разделить исходя из критериев (характер и состав). Выделяются три группы субъектов:

— обеспечивающие — это органы государственной статистики, центры социально-экономического исследования и моделирования;

— консультативные — это рабочие группы по различным вопросам, представители заинтересованных сторон данного процесса, профессиональные объединения и сообщества, органы исполнительной государственной власти и т. д.;

— специализированные — это структуры, обеспечивающие взаимодействие всех участников процесса.

Для достижения поставленных целей социально-экономического развития территории государством применяется комплекс мер организационного и экономического

Рис. 1. Европейская модель индикативного планирования

характера, включающий предоставление налоговых, кредитных и прочих льгот, а также заключение соглашений между государством и коммерческими предприятиями о выполнении последними плановых рекомендаций посредством производства и реализации определенного перечня товаров и услуг.

Рассмотрим особенности индикативного планирования в Японии. Данный процесс успешно применяется с 50-х гг. XX в., в то время как его начало положено еще в 30-х гг. того же столетия. Основной его функцией выступает реализация государственной экономической политики частными коммерческими предприятиями и организациями. В соответствии с этим планы социально-экономического развития страны представляют собой не жесткие нормативно-правовые акты, а комплекс взаимосвязанных мероприятий, ориентирующих и стимулирующих отдельные субъекты экономической структуры на выполнение государственных планов развития. Другими словами, в качестве основных функций индикативного планирования можно назвать информационно-ориентирующую и мотивационную, призванные мобилизовать все имеющиеся ресурсы на достижение социально-экономических целей².

Цель разработки общегосударственных планов развития территории состоит в поиске и практической реализации решений важных социально-экономических проблем, главными из которых являются:

- достижение сбалансированности тренда развития;
- повышение качества жизни и благосостояния населения;
- ориентация частных инвестиционных потоков на стратегически важные экономические и инновационные направления;
- выделение сфер повышенного внимания со стороны государства;
- определение характера государственного вмешательства (активное, реактивное, прямое или опосредованное).

Отметим, что система общегосударственных планов социально-экономического развития Японии представляет собой конкретизацию долгосрочных государственных программ. В качестве отличительной особенности планирования социально-экономического развития выступает высокая степень адаптивности разработанных планов к постоянно изменяющимся внутренним и внешним условиям. Это указывает на преемственность и гибкость плановых ориентиров с последующей их реализацией в государственных программах.

Опыт индикативного планирования в Японии свидетельствует о том, что подавляющее число японских компаний (преимущественно крупных), способствует реализации общегосударственного плана и формирует деятельность, исходя из его показателей и ориентиров, при том, что государственное планирование базируется на принципах смешанной экономики. Это важно для достижения баланса интересов коммерческих организаций и государства. Процедура разработки общегосударственных планов реализуется на основе принципа планирования «снизу-вверх» (рис. 2).

Практическая реализация данной модели планирования стала возможной в результате наличия и работы неформальных связей между государством и коммерческими предприятиями в форме постоянного диалога между заинтересованными группами и поиска компромиссов для достижения целей социально-экономического развития.

Рис. 2. Японская модель индикативного планирования

По мнению Е. В. Поповой, японский опыт реализации индикативных планов является настолько специфичным, что его использование другими странами вряд ли возможен. Вместе с тем для любой страны, и особенно для России, может быть полезен японский опыт в сфере анализа и оценки возможных социальных последствий принимаемых экономических решений⁶, а также в области организации взаимодействия всех заинтересованных сторон в целях социально-экономического развития.

Индикативное планирование применяется в системе моделирования социально-экономического развития США. Оно предусматривает подготовку государственных программ органами исполнительной власти каждого штата и большинства крупных городов, имеющих специальные комиссии или агентства по развитию. В рамках конкретных программ решаются задачи повышения качества жизни населения, усиление конкурентных позиций каждого поселения. Модель индикативного планирования социально-экономического развития США можно представить в следующем виде (рис. 3).

Процесс планирования в США осуществляется исходя из принципа «снизу-вверх» и в большей степени ориентируется на региональное программирование, т. е. решение социально-экономических проблем конкретных территорий. Данный вид планирования подразумевает разработку системы централизованных и децентрализованных перспективных программ развития. В рамках данных программ предусматривается активное государственное вмешательство в функционирование экономической системы с целью создания территориальной структуры экономики, отвечающей требованиям как рынка, так и общества.

Рис. 3. Американская модель индикативного планирования

Однако стоит заметить, что системе федерального планирования в США в большей степени соответствует децентрализованный подход, предполагающий делегирование полномочий в области социально-экономического развития органам власти на мезо- и микроуровне и закреплением за федеральными органами власти только поддерживающей функции, которая реализуется в виде грантов, государственных заказов, кредитов, субсидий и технического оснащения. В США экономическое развитие на уровне штата, региона или города определяется местными интересами, что в большинстве случаев повышает вероятность реализации разработанных планов и стратегий⁷.

Система государственного планирования в США представляет собой совокупность взаимосвязанных планов нескольких уровней:

- межотраслевые, имеющие приоритетное национальное значение, связанные с безопасностью и обороноспособностью страны;
- программы отраслевого и целевого назначения, направленные на стимулирование и поддержку отраслей, а также важных национальных проектов;
- целевые программы регионального развития;
- планы и программы штатов, городов и местных органов управления.

Одной из отличительных характеристик системы индикативного планирования в США выступает инструмент оценки эффективности государственных программ. Он объектируется системой рейтинговой оценки программ (program rating assessment tool (PART)), которая представляет собой анкету из 25 — 30 вопросов, призванных оценить целенаправленность, качество планирования и управления, результативность

и отчетность программы для определения общей ее эффективности⁸. Вопросы делятся на четыре категории:

— определение степени ясности и объективности целей программы, адекватности их структуры и состава: Решает ли программа существующую проблему? Проблема затрагивает интересы общества? Существует ли необходимость в ее решении? Программные цели значимы, реалистичны, достижимы, измеримы?

— анализ качества стратегического планирования программы: Сроки реализации программы являются достижимыми? Дублируются ли иные федеральные, региональные, местные или частные программы? Определены конкретные мероприятия, позволяющие сконцентрироваться на результатах и отразить суть программы? Существует необходимость пролонгирования действия программы?

— оценка уровня и качества управления программой: Достигаются цели и результаты? Проводится независимая экспертиза программы по оценке ее эффективности и выявления направлений совершенствования на постоянной основе или по мере необходимости? Оправданы бюджетные заявки для достижения ежегодных и долгосрочных целей программы? Какова потребность в ресурсах для реализации программы? Использование современных эффективных методов финансового и проектного менеджмента?

— ориентированность на достижение определенных целей и результатов: Наличие положительной динамики в достижении стратегических целей? Соответствие программы максимизации эффективности в достижении обозначенных целей? Рейтинговая оценка производится по 100-бальной системе, где 100 баллов означают наилучший результат, а 0 — наихудший, по каждой из категорий опросника.

Для исключения субъективности количественной оценки результатов опроса используется качественная их оценка по следующей шкале⁹:

— от 0 до 49 баллов — программа неэффективна, финансовые ресурсы используются нецелесообразно, отсутствует ясность и прозрачность целей или задач, применяется неэффективный менеджмент, цели программы при ее неизменности недостижимы, результаты отрицательны;

— от 50 до 69 баллов — программа адекватна, но требует существенных корректировок для достижения лучших результатов в направлениях управления, отчетности и постановки целей;

— от 70 до 84 баллов — программа достаточно эффективна, выполняет свои функции, но требуется разработка подпрограмм или совершенствование системы управления для достижения максимальных результатов;

— от 85 до 100 баллов — программа максимально эффективна.

Рассмотрим модель социально-экономического планирования в КНР, где индикативное планирование представляет собой вид макроэкономического планирования с соблюдением интересов государства и коммерческих структур при сохранении последними самостоятельности в принятии решений. В данном случае планирование представляет собой целостную иерархическую систему из программ различных уровней, масштабов и продолжительности¹⁰.

В настоящее время порядок разработки планов социально-экономического развития КНР интегрирует два существующих направления «сверху-вниз» и «снизу-вверх». Этот процесс реализуется посредством разработки рекомендуемых плановых показателей развития социально-экономической системы страны, которые

корректируются в соответствии с проектами объектных и региональных планов. Вследствие этого конкретизируются цели и показатели, на основе которых разрабатывается вся система планирования страны (рис. 4).

Моделирование социально-экономического развития КНР базируется на программном, объектном и региональном планировании. Программное планирование (горизонт 10 — 20 лет) носит стратегический характер и выполняет направляющую функцию для среднесрочных (горизонт 5 — 10 лет), краткосрочных (горизонт 2 — 5 лет) и годовых планов. Долгосрочное программное планирование осуществляется высшим исполнительным органом страны через структуру, отвечающую за составление и организацию социально-экономического развития страны. В рамках данного вида идентифицируются ориентиры социального, технического, экономического и научного развития территории, которые конкретизируются при разработке среднесрочных планов. Последние фокусируются на определении государственной политики в приоритетных областях научно-технического прогресса и социально-экономического развития. Стратегические концепции долгосрочного и среднесрочного планирования реализуются через годовые планы, которые перетекают в практические с четкими задачами, показателями и конкретными мероприятиями. В результате этого возможен пересмотр среднесрочных планов в соответствии с изменениями условий внешней среды и структурных изменений во внутренней для достижения объективности и адекватности системы планов действительности.

Объектное планирование предполагает разработку комплекса мероприятий для конкретных видов экономической деятельности или объектов стратегического на-

Рис. 4. Процесс индикативного планирования в КНР

значения, осуществление которых только на основе рыночных возможностей и существующих структур является неэффективным и требует государственного вмешательства на этапах планирования, организации и контроля. Указанный вид показал свою эффективность при разработке планов капитального строительства (строительство железной дороги в Тибете, возведение ГЭС на реке Янцзы). В рамках данного вида планирования определяется уровень влияния рыночной среды на объект управления, учитываются особенности технических, экономических, социальных и иных процессов непосредственно и опосредованно влияющих на функционирование объекта, в соответствии с уровнем самостоятельности от государственной политики и степени значимости проблем социально-экономического развития. Их решение зависит от эффективности функционирования объекта, делегирования полномочий, ответственности менеджмента и распределения ресурсов между государственными и частными структурами¹¹.

Региональное планирование заключается в разработке планов социально-экономического развития региональных единиц или отдельных городов. Система следует жесткому принципу иерархии, в рамках которого вначале разрабатываются планы развития народного хозяйства на уровне провинции. Они соответствуют государственным программам и согласуются со смежными или зависимыми регионами. Затем разрабатываются планы развития для каждой отдельной территории, которые учитывают общую ситуацию в стране и региональные условия.

Исследование мировой практики индикативного планирования показало, что итоговый документ утверждается высшими государственными органами, социально ориентирован и не превращается после утверждения правительством в директивный, что является отличительной чертой российской системы стратегического планирования.

Проанализировав вышеприведенные модели индикативного планирования можно заключить, что применение их положительного опыта в российской практике позволит существенно повысить результативность предпринимаемых государством мер социально-экономического развития. Истэблшменту необходимо, с точки зрения авторов, сфокусироваться на следующих концептуальных положениях:

— формирование индикативных планов должно проходить «снизу-вверх». Начальный этап — внутрифирменное планирование на уровне хозяйствующих субъектов. Затем вопросы должны заключаться в замкнутом контуре: бизнес — местная власть — профсоюзные организации;

— для идентификации проблем и целей социально-экономического развития необходимо создавать рабочие группы по решению вопросов анализа социально-экономической ситуации. Проблемы и цели развития должны быть рассмотрены и утверждены по отдельным категориям вопросов группами заинтересованных сторон. Целесообразно сформировать совещательный орган при Министерстве экономического развития Российской Федерации, который будет курировать общегосударственные планы социально-экономического развития страны. Предлагаемый совет должен носить демократичный характер и состоять примерно из 30 назначаемых на три года опытных представителей крупного бизнеса, академических кругов, исследовательских и потребительских организаций, общественных корпораций и профсоюзов;

— стратегические планы и государственные программы не должны представлять собой одновариативные нормативно-правовые акты, обязательные к исполнению для

всех субъектов социально-экономической системы. В рамках индикативного планирования должны быть предусмотрены диапазоны допустимых значений индикаторов, обеспечивающих их достижимость, исходя из реальных условий реализации мероприятий;

— государство должно выступать в роли направляющего и координационного органа в системе, обозначая ориентиры социально-экономического развития, оказывая содействие в организации совместной деятельности хозяйствующих субъектов;

— разработка индикативного плана должна предполагать централизованное формирование макроэкономических, межотраслевых и межрегиональных пропорций при децентрализованных методах формирования внутриотраслевых, внутрирегиональных и внутрипроизводственных мероприятий по решению задач социально-экономического развития;

— оценка выполнения принятых программ, их реалистичности, ресурсного обеспечения и приоритетности, а также адекватности структуры государственной программы, качества стратегического планирования и управления реализацией, ориентированности на решение поставленных проблем социально-экономического развития при исследовании эффективности государственных программ.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Петров А. А., Гераськина И. Н.** Synergistic Approach to the Management of Transport Infrastructure Projects // *Transportation Research Procedia*. 2017. №20 P. 499 — 504.

² См.: **Гераськина И. Н.** К теоретико-методологическим аспектам стратегического управления организацией: история и современная практика // *Экономика и предпринимательство*. 2014. № 10 (51). С. 521 — 528.

³ См.: **Попова Е. В.** Индикативное планирование как основной метод формирования долгосрочной социально-экономической стратегии России // *Инновац. Россия. Стратегия 2020*. 2008. № 9. С. 15 — 27.

⁴ См.: **Гераськина И. Н.** Управление инновационным развитием социально-экономических систем. Саранск, 2017. 170 с.

⁵ См.: **Андрюшкевич О. А.** Индикативное планирование в экономиках разного типа. М., 2012. 310 с.

⁶ См.: **Попова Е. В.** Указ. соч.

⁷ См.: **Андрюшкевич О. А.** Указ. соч.

⁸ **Герасимова О. Е.** Система экономического планирования в США: на примере Вашингтона, Мемфиса и Майами [Электронный ресурс]. URL: [http://www.irex.org/sites/default/files/u112/Gerasimova-Rus\(int\).pdf](http://www.irex.org/sites/default/files/u112/Gerasimova-Rus(int).pdf) (дата обращения: 17.06.2017).

⁹ Сайт федеральных программ США. ExpectMort.gov [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 25.03.18).

¹⁰ См. **Теплицкая А. А.** Обзор и анализ зарубежного опыта планирования // *Молодой ученый*. 2013. №1. С. 188 — 192.

¹¹ См.: **Турекулова Д. М.** Индикативное планирование как основной инструмент реализации социально-экономической политики государства [Электронный ресурс]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/1192> (дата обращения: 25.03.18).

Поступила 02.03.2018 г.

УДК 364.4

Л. И. Савинов, Д. А. Бистяйкина, Т. В. Соловьева
L. I. Savinov, D. A. Bistyaikina, T. V. Solovyeva

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

POPULATION AGING AND NEW TASKS OF SOCIAL SERVICES

Ключевые слова: население, постарение населения, продолжительность жизни, пожилые, социальная политика, социальное обслуживание.

В статье на основе анализа данных официальной статистики обосновывается необходимость корректировки социальной политики и развития системы подготовки кадров в сфере социального обслуживания.

Key words: population, aging of population, life expectancy, oldsters, social policy, social services.

The need to adjust social policy and to develop the system of training personnel in social services is substantiated in the article on the basis of the official statistics analysis.

Главная задача социального государства — обеспечение достойных условий жизни и гармоничного развития его граждан. Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ в 2018 г. сказал: «Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности... а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека. Поэтому в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан»¹.

В конечном счете результативность этих усилий отражается на таком показателе, как ожидаемая продолжительность жизни, который часто используется как обобщающий показатель условий и уровня жизни населения и благополучия всей страны. Именно этот индикатор (наряду с уровнем доходов и показателями образования) используется для оценки человеческого развития.

Статистика разрабатывает показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении, который представляет собой число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из некоторого гипотетического поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель².

Рост продолжительности жизни — тенденция общемировая (табл. 1). Это огромное достижение в гуманитарном развитии ставит перед государственными службами новые задачи в организации пенсионного обеспечения, охраны здоровья, социального обслуживания, приспособлении транспорта и среды обитания к требованиям со стороны маломобильных групп старших возрастных категорий населения и др.

В России за 2004 — 2016 гг. показатель ожидаемой продолжительности жизни увеличился на 6,6 года (с 65,3 года до 71,9 года)³, а в 2017 г. впервые в истории пре-

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения в отдельных странах мира, %

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет		Удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения, %	
	2004 г.	2014 г.	2003 г.	2014 г.
Россия	65,3	70,9	13,4*	13,1
Австрия	79,2	81,3	15,5	18,3
Бельгия	79,1	80,6	17,1	17,8
Великобритания	78,5	79,3	16,0	17,5
Венгрия	73,0	75,9	15,4	17,5
Германия	78,9	80,8	17,7	20,8
Италия	80,2	82,7	19,1	21,4
Латвия	71,8	74,2	15,7	19,1
Норвегия	79,6	81,8	14,8	15,9
Финляндия	78,7	78,3	15,5	19,4
Франция	79,6	79,3	16,3	18,2
Чехия	75,7	78,3	13,9	17,4
США	77,5	78,9	12,4	13,7
Япония	82,2	83,6	19,1	25,5

* 2004 г.

Составлена по: Россия и страны мира : стат. сб. М., 2006. С. 38 — 39, 53 — 54 ; 2016. С. 38 — 39, 53 — 54.

высил 72 года⁴. Такая динамика дает все основания полагать, что «к концу следующего десятилетия Россия должна уверенно войти в клуб стран „80 плюс“, где продолжительность жизни превышает 80 лет. Это в том числе такие страны, как Япония, Франция, Германия»⁵.

В последние годы положительная динамика роста продолжительности жизни россиян в первую очередь обусловлена снижением смертности населения. Высокая смертность населения в трудоспособном возрасте, получившая название сверхсмертность, характерная для России в 1990-е гг., за 2004 — 2016 гг. сократилась в 1,6 раза (с 827,8 до 525,3 чел. на 100 тыс. чел. соответствующего возраста)⁶.

Люди стали жить дольше. Это хорошо, но нередко люди старших возрастов ощущают потребность в сторонней помощи, ненужность близким, неспособность поддерживать привычный образ жизни, зависимость от других, сужение круга социальных контактов. Достижение человеком пожилого возраста изменяет его положение в обществе, сопровождается, как правило, снижением доходов, что также влияет на образ, уровень и качество жизни людей.

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более среди населения превышает 7 %. Число таких людей растет во всем мире (см. табл. 1). Тенденция постарения населения характерна и для России. Средняя продолжительность жизни в России после резкого падения в 1990-е гг. постепенно повышается. 70-летний рубеж преодолен в 2012 г. В 2016 г. россияне в среднем жили 71,9 года (мужчины — 66,5 года, женщины — 77,06 года). Женщины живут дольше мужчин, горожане — дольше сельских жителей (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РФ, число лет

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
1958 — 1959	67,91	62,99	71,45	67,92	63,03	71,48	67,84	62,86	71,30
1961 — 1962	68,75	63,78	72,38	68,69	63,86	72,48	68,62	63,40	72,33
1970 — 1971	68,93	63,21	73,55	68,51	63,76	73,47	68,13	61,78	73,39
1980 — 1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1990	69,19	63,73	74,30	69,55	64,31	74,34	67,97	62,03	73,95
1995	64,52	58,12	71,59	64,70	58,30	71,64	63,99	57,64	71,40
2000	65,34	59,03	72,26	65,69	59,35	72,46	64,34	58,14	71,66
2001	65,23	58,92	72,17	65,57	59,23	72,37	64,25	58,07	71,57
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,86	58,56	71,86	65,37	59,02	72,21	63,42	57,29	70,86
2004	65,31	58,91	72,36	65,87	59,42	72,73	63,77	57,56	71,27
2005	65,37	58,92	72,47	66,10	59,58	72,99	63,45	57,22	71,06
2006	66,69	60,43	73,34	67,43	61,12	73,88	64,74	58,69	71,86
2007	67,61	61,46	74,02	68,37	62,20	74,54	65,59	59,57	72,56
2008	67,99	61,92	74,28	68,77	62,67	74,83	65,93	60,00	72,77
2009	68,78	62,87	74,79	69,57	63,65	75,34	66,67	60,86	73,27
2010	68,94	63,09	74,88	69,69	63,82	75,39	66,92	61,19	73,42
2011	69,83	64,04	75,61	70,51	64,67	76,10	67,99	62,40	74,21
2012	70,24	64,56	75,86	70,83	65,10	76,27	68,61	63,12	74,66
2013	70,76	65,13	76,30	71,33	65,64	76,70	69,18	63,75	75,13
2014	70,93	65,29	76,47	71,44	65,75	76,83	69,49	64,07	75,43
2015	71,39	65,92	76,71	71,91	66,38	77,09	69,90	64,67	75,59
2016	71,87	66,50	77,06	72,35	66,91	77,38	70,50	65,36	76,07

Составлена по: Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2017. С. 96.

Доля лиц старших возрастов с годами увеличивается. За 2001 — 2015 гг. численность населения старше трудоспособного возраста возросла на 20,5 %, в городах прирост был более значительным — на 26,6 %, в сельской местности — на 6,1 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения РФ по возрастным группам на 1 января, тыс. чел.

Показатель	2001 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население	146 304	142 865	143 056	143 347	143 667	146 267	146 545
Из общей численности — население в возрасте: моложе трудоспособного	28 387	23 209	23 568	24 110	24 717	25 689	26 360

1	2	3	4	5	6	7	8
трудоспособном	88 040	87 847	87 055	86 137	85 162	85 415	84 199
старше трудоспособного	29 877	31 809	32 433	33 100	33 788	35 163	35 986
Городское население	107 072	105 421	105 742	106 118	106 549	108 282	108 658
Из общей численности — население в возрасте:							
моложе трудоспособного	19 591	16 182	16 472	16 916	17 425	18 138	18 758
трудоспособном	66 523	65 725	65 275	64 713	64 131	64 223	63 373
старше трудоспособного	20 958	23 514	2 3995	24 489	24 993	25 921	26 527
Сельское население	39 232	37 444	37 314	37 229	37 118	37 985	37 887
Из общей численности — население в возрасте:							
моложе трудоспособного	8 796	7 027	7 096	7 194	7 292	7 551	7 602
трудоспособном	21 517	22 122	21 780	21 424	21 031	21 192	20 826
старше трудоспособного	8 919	8 295	8 438	8 611	8 795	9 242	9 459

Составлена по: Российский статистический ежегодник. С. 74.

В 2016 г. 13,9 % россиян находились в возрасте 65 лет и более. Процесс демографического старения населения в гораздо большей степени характерен для женщин. В структуре населения этой возрастной группы на женщин приходится более 67 %, а в возрасте 85 лет и старше женщин в 3,5 раза больше, чем мужчин. Согласно данным статистики, удельный вес мужского населения России старше трудоспособного возраста увеличился с 13,6 % в 2010 г. до 15,5 % в 2016 г. Среди женщин доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась за этот период с 29,6 % до 32,4 % соответственно (рис. 1)⁷.

В настоящее время средний возраст россиян — 39,7 лет, мужчины по указанным выше причинам моложе женщин, показатель составляет соответственно 36,9 лет и 42,1 года. Средний возраст населения свыше 41 года отмечается в 27 субъектах РФ, самый высокий он в регионах европейской части страны: в Тульской, Тамбовской и Рязанской областях (43,0 — 42,5 года). Каждый четвертый житель страны (36,7 млн. чел. на 1 января 2016 г.) в пенсионном возрасте.

Такая демографическая динамика ведет к росту спроса на социальные услуги. Демографический прогноз Росстата во всех вариантах (низкий, средний и высокий) предвещает продолжение тенденции постарения российского населения: по низкому варианту этого прогноза удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличится с 25,0 % в 2017 г. до 33,4 % к 2050 г.; по среднему варианту этот показатель в 2050 г. составит 31,9 %; по высокому прогнозу — 32,2 % (табл. 4).

В этих условиях существенно возрастают роль и значение такого инструмента преодоления, а чаще смягчения проблем людей, достигших пожилого возраста, как социальное обслуживание. Спрос на социальные услуги со стороны пожилых людей зависит от их численности и состояния здоровья, наличия детей, близких родственников, отношений в семье и других обстоятельств.

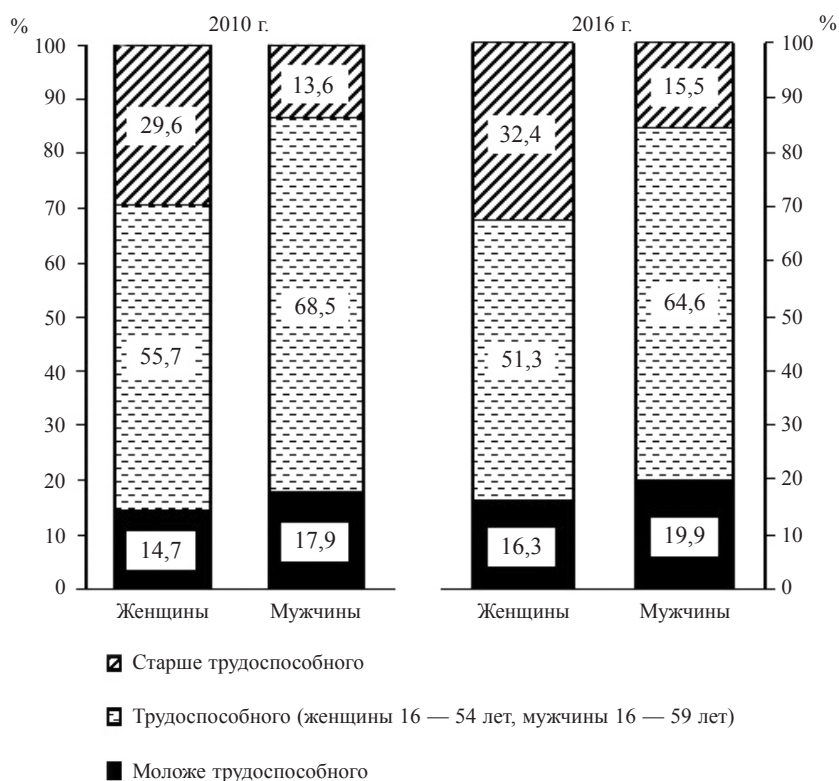

Рис. Распределение женщин и мужчин по основным возрастным группам в РФ

Таблица 4

Прогноз численности населения России по отдельным возрастным группам, на начало года

Годы	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	тыс. чел.	% от общей численности населения	тыс. чел.	% от общей численности населения	тыс. чел.	% от общей численности населения
1	2	3	4	5	6	7
Низкий вариант прогноза						
2017	26 848	18,3	83193	56,7	36729	25,0
2020	27 884	19,0	80582	54,8	38451	26,2
2025	27 826	19,1	78115	53,6	39738	27,3
2030	25 582	17,9	77501	54,1	40133	28,0
2035	22 920	16,3	76548	54,6	40853	29,1
2040	21 918	15,9	73579	53,5	41999	30,6
2045	22 146	16,4	68942	51,2	43698	32,4

1	2	3	4	5	6	7
2050	22 506	17,0	65443	49,6	44053	33,4
Средний вариант прогноза						
2017	26 899	18,3	83 235	56,7	36 731	25,0
2020	28 188	19,1	80 853	54,8	38 468	26,1
2025	28 840	19,5	79 009	53,5	39 866	27,0
2030	27 542	18,7	79 203	53,8	40 522	27,5
2035	25 769	17,6	79 399	54,1	41 603	28,3
2040	25 468	17,3	78 027	53,2	43 309	29,5
2045	26 554	18,0	75 239	51,0	45 854	31,0
2050	28 091	18,8	73 515	49,3	47 530	31,9
Высокий вариант прогноза						
2017	26 956	18,3	83 307	56,7	36 771	25,0
2020	28 523	19,2	81 264	54,7	38 761	26,1
2025	29 790	19,8	80 110	53,2	40 648	27,0
2030	29 116	19,2	81 080	53,3	41 862	27,5
2035	27 921	18,1	82 278	53,5	43 687	28,4
2040	28 082	17,9	82 193	52,5	46 383	29,6
2045	29 854	18,6	80 532	50,1	50 222	31,3
2050	32 241	19,5	79 962	48,3	53 210	32,2

Составлена по: Российский статистический ежегодник. С. 76.

Забота о пожилых людях — важная функция государства и общества в целом. Эта часть социальной сферы — одно из наиболее сложных направлений социальной политики государства. Вследствие воздействия неблагоприятных факторов и возрастных физиологических изменений, ведущих к ухудшению здоровья и влияющих на их физическое, психическое, социальное и экономическое благополучие, пожилые люди часто испытывают потребность в помощи со стороны, многие нуждаются в социальном обслуживании на дому.

Социальные службы должны быть готовы к последствиям объективных процессов демографического старения и связанному с этим возрастанию потребности в социальном обслуживании со стороны лиц старших возрастов. При этом необходимо учитывать и специфические особенности и возможности решения этих проблем, обусловленные уровнем социально-экономического развития регионов⁸.

Для демографической ситуации как в России, так и в Республике Мордовия, характерны следующие многолетние тенденции:

- сокращение населения;
- превышение смертности над рождаемостью;
- отрицательная миграция;
- уменьшающиеся доли детей, молодежи и трудоспособного населения в общей возрастной структуре населения;
- увеличивающиеся доли инвалидов и пенсионеров⁹.

Статистика это подтверждает: в 1990 г. средний возраст жителей региона составлял 35,82 года, в 2017 г. — 41,48 года, в городах — 40,0 лет, в сельской местности — 44,3 года (табл. 5).

Таблица 5

Средний возраст населения Республики Мордовия, лет; на начало года

Показатель	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Все население								
Оба пола	35,82	36,84	38,17	39,34	40,29	41,30	41,48	41,61
мужчины	32,11	33,46	35,14	36,43	37,45	38,44	38,61	38,71
женщины	38,95	39,73	40,76	41,82	42,71	43,76	43,98	44,16
Городское население								
Оба пола	32,89	34,40	36,10	37,78	39,12	39,92	40,00	40,00
мужчины	30,44	32,00	33,81	35,34	36,51	37,07	37,09	37,03
женщины	34,97	36,44	38,02	39,78	41,26	42,28	42,43	42,54
Сельское население								
Оба пола	39,67	40,22	41,19	41,55	42,05	43,48	43,89	44,29
мужчины	34,32	35,45	37,02	37,90	38,81	40,49	40,95	41,39
женщины	44,14	44,33	44,88	44,81	44,97	46,21	46,59	46,97

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2017. С. 57.

Такие демографические изменения требуют своевременного внесения корректив в организацию социальной службы, поскольку в данных условиях спрос на социальные услуги, как правило, возрастает. Численность населения старших возрастов в республике, как и в стране в целом, с годами растет. Доля населения старше трудоспособного возраста в структуре населения в 2016 г. составляла 26,6 %, а годом позже — уже 27,1 % (табл. 6).

Таблица 6

Доля возрастных групп в населении Республики Мордовия по муниципальным образованиям, на 1 января 2017 г.

Район	Доля возрастных групп в населении, %		
	моложе трудоспособного (мужчины и женщины 0 — 15 лет)	трудоспособном (мужчины 16 — 59 лет, женщины 16 — 54 лет)	старше трудоспособного (мужчины 60 и более лет, женщины 55 и более лет)
1	2	3	4
Республика Мордовия	15,2	57,7	27,1
Городской округ Саранск	15,5	60,0	24,6
Ардатовский	14,5	53,5	32,1
Атюрьевский	15,4	56,0	28,5
Атяшевский	15,3	52,9	31,8
Большеберезниковский	14,6	49,8	35,6
Большеигнатовский	14,4	52,6	33,0

1	2	3	4
Дубенский	13,8	50,3	35,9
Ельниковский	13,4	55,1	31,5
Зубово-Полянский	13,0	65,7	21,3
Инсарский	16,8	52,4	30,8
Ичалковский	14,5	54,7	30,8
Кадошкинский	17,4	52,7	29,9
Ковылкинский	14,8	55,9	29,3
Кочкуровский	14,0	54,1	31,8
Краснослободский	13,9	54,1	31,9
Лямбирский	14,7	55,7	29,6
Ромодановский	17,9	56,1	26,0
Рузаевский	16,6	56,2	27,2
Старошайговский	14,3	56,6	29,1
Темниковский	13,7	49,8	36,4
Теньгушевский	13,9	57,4	28,7
Торбеевский	17,0	58,2	24,9
Чамзинский	16,3	54,7	29,0

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. 2016. С. 64 ; 2017. С. 66.

Самый высокий показатель удельного веса населения старше трудоспособного возраста в Темниковском, Дубенском и Большеберезниковском районах республики — более 34 %, что на 7 п. п. (или 26 %) больше среднего показателя по региону.

Показатель продолжительности жизни населения Республики Мордовия выше, чем в среднем в России, и из года в год увеличивается, в 2016 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 66,8 года, женщин — 77,7 года. Городские жители в Мордовии, как и в России в целом, живут дольше сельчан: мужчины — на 1,9 года, женщины — на 2,2 года (табл. 7).

Таблица 7

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения
Республики Мордовия, число лет**

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1	2	3	4	5	6	7
1990	64,6	75,4	64,5	74,7	64,5	75,8
1991	64,4	75,5	64,7	75,5	63,7	75,3
1992	63,1	75,2	62,6	74,5	63,5	75,8
1993	61,3	73,9	60,9	73,4	61,5	74,1
1994	60,1	73,2	59,6	72,8	60,5	73,1
1995	60,9	74,2	60,8	74,0	60,9	74,0
1996	62,0	74,0	62,6	74,1	60,9	73,6

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6	7
1997	61,8	73,9	62,2	74,1	61,3	73,2
1998	62,6	74,6	63,2	74,6	61,7	74,3
1999	61,1	73,7	61,5	73,8	60,5	73,3
2000	60,4	73,9	60,5	73,7	60,2	74,0
2001	60,5	74,0	60,5	74,1	60,5	73,6
2002	59,8	73,6	60,0	73,6	59,4	73,4
2003	59,8	73,0	59,6	72,9	59,8	72,8
2004	60,0	74,1	60,3	74,6	59,3	73,1
2005	60,1	74,0	61,6	74,6	58,1	73,0
2006	61,7	74,3	62,5	74,6	60,7	73,8
2007	62,1	75,4	63,0	75,6	61,0	75,0
2008	62,7	75,4	63,4	76,2	61,8	74,2
2009	63,0	75,7	64,2	76,5	61,3	74,5
2010	63,4	75,3	64,1	75,9	62,4	74,3
2011	64,1	76,2	65,1	76,8	62,7	75,2
2012	64,6	76,9	65,4	77,3	63,5	76,1
2013	64,8	76,4	65,2	76,7	64,1	75,9
2014	65,2	77,7	66,2	78,0	63,8	76,3
2015	66,5	77,5	67,0	78,2	65,6	75,4
2016	66,8	77,7	67,4	78,4	65,5	76,2

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. 2016. С. 81.

Постарение населения в Мордовии усугубляется значительным оттоком молодежи из региона. Молодые люди в поисках возможности выгодного трудоустройства уезжают в другие регионы, большей частью в столичные и крупные промышленные центры, где, как правило, обосновываются и не возвращаются на прежнее место жительства, тем самым ослабляются и межпоколенные связи¹⁰. Так, по данным статистики, республика (за редким исключением) истыпывает миграционный отток¹¹.

Рост спроса на социальные услуги со стороны пожилых людей подтверждается и участвующими объявлениями в прессе и электронных СМИ о предложении работы сиделок, перевозке лежачих больных и т. п.

Таким образом, с годами потребность в социальных услугах со стороны пожилых людей в России возрастает. Для Республики Мордовия, где население старше и продолжительность жизни больше, вопросы предоставления таких услуг особенно актуальны, что требует пересмотра подходов, политики и практики в сфере социального обслуживания пожилых людей, направленных на улучшение состояния здоровья и повышение благосостояния в пожилом возрасте, а также обеспечение благоприятных и позитивных условий жизни. В современных условиях, отмечают специалисты, в развитии социальной защиты существенно возрастает и роль функции преемственности, выражающаяся в первую очередь в совершенствовании материальной помощи. Однако наряду с этим все более интенсивными становятся черты индивидуализации: акцентирование адресной помощи, введение ежемесячной де-

нежной выплаты взамен льгот¹². Кроме того, необходимо организовать опережающую подготовку кадров для этой сферы, что требует пересмотра планов подготовки специалистов ведущим вузам региона и соответствующей корректировки учебных планов по тем направлениям подготовки, выпускники которых участвуют в решении социальных проблем пожилых людей.

Библиографические ссылки

¹ URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 05.12.2017).

² URL:<http://mrd.gks.ru/> (дата обращения: 05.12.2017).

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2017. С. 73.

⁴ URL:<http://www.tvc.ru/news/show/id/121888/> (дата обращения: 05.12.2017).

⁵ URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 05.12.2017).

⁶ См.: Регионы России. С. 63.

⁷ См.: Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. 2017. С. 76.

⁸ Об этом подробнее см.: **Бистяйкина Д. А.** Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуал. проблемы гуманитар. науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 83 — 95 ; **Бистяйкина Д. А., Богачева Н. Ю., Полибина А. А.** Система социальной помощи лицам пожилого возраста: социально-исторический аспект // Десятые Ковалевские чтения : материалы науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 1913 — 1916 ; **Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А.** Социальное партнерство как технология социальной работы с лицами пожилого возраста в регионе // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (V Сухарев. чтения). Саранск, 2015. С. 468 — 472 ; **Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А.** Бюро медико-социальной экспертизы как субъект социальной защиты инвалидов // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке : материалы науч. конф. к 100-летию Рус. социол. об-ва им. М. М. Ковалевского. СПб., 2016. С. 443 — 446.

⁹ Об этом подробнее см.: **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А.** Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3. С. 7 — 13 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Развитие народонаселения России в 1990-е — 2000-й гг. // Там же. 2013. № 2. С. 7 — 18 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Лещев Д. М.** Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Там же. 2014. № 1. С. 106 — 119 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Сивиркина Н. Н.** Основные тенденции демографического развития Республики Мордовия в постсоветский период // Идеологическое противодействие этнорелигиозному терроризму в современной России : сб. ст. по вопросам возникающих угроз в этнокультур. и религиоз. среде и методикам противодействия радикализации этнорелигиоз. фактора и профилактики конфликтов на этнорелигиоз. почве. Саранск, 2014. С. 159 — 170 ; **Липатова Л. Н., Игнатьева М. В.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионоведение. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; **Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н.** Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2. С. 114 — 128 ; **Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю.** Особенности и проблемы демографического развития Республики Мордовия в постсоветский период // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2014. С. 246 — 259 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации : Никонов. чтения-2015 : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 370 — 373 ; **Савинов Л. И.** Социальные закономерности демографической ситуации в Республике Мордовия // Региональная дифференциация и консолидация социального

пространства России: реалии и новые вызовы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (V Сухарев. чтения). Саранск, 2015. С. 216 — 221.

¹⁰ URL:<http://regionsar.ru/ru/node/148> ; URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-migratsionnogo-nastroeniya-molodezhi-v-regione-na-primere-respubliki-mordoviya> (дата обращения: 05.12.2017).

¹¹ Мордовия : стат. ежегодник. 2016. С. 56.

¹² **Абузярова Д. А.** Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. Саранск, 2010. С. 10.

Поступила 28.11.2017 г.

УДК 331.5

Е. И. Наумкина, Л. М. Лохтина

E. I. Naumkina, L. M. Lokhtina

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (2014 — 2016 гг.)

THE LABOUR MARKET OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS (2014 — 2016)

Ключевые слова: труд, трудовые ресурсы, рынок труда, занятость, безработица, экономически активное население.

В статье актуализируется проблема трансформации российского рынка труда в современных реалиях, обусловленная сложной геополитической ситуацией в мире и преодолением кризиса в экономике, оказавших влияние на новые тенденции в социально-трудовых отношениях и условия занятости населения; выявляются функции и принципы реализации политики занятости государственными органами управления на основе системного подхода; определяются факторы успешности преодоления кризисных явлений на российском рынке труда.

Key words: labour, labour resources, labor market, employment, unemployment, economically active population.

The problem of transformation of the Russian labour market in modern realities, caused with the complicated geopolitical situation in the world and overcoming the crisis in the economy which influenced new trends in social and labour relations and conditions of the population employment is actualized in the article. The functions and principles of employment policy that public authorities implement on a systematic approach are identified, as well as the success factors in overcoming the crisis phenomena in the Russian labour market are determined.

Негативные факторы развития российской экономики, проявившиеся в демографическом спаде, отсутствии целостной государственной концепции управления трудовыми ресурсами, относительно низком уровне управления и несоответствии системы подготовки кадров запросам экономики и социальной сферы, непосредственно отразились на рынке труда, который является важным индикатором социально-экономического развития экономики¹. Сложившаяся ситуация подвергает сомнению проверенные последним десятилетием модели хозяйствования, заставляя

задуматься о том, что ждет выпускников в недалеком будущем и способна ли экономика к трансформации.

Исследование трансформации российского и региональных рынков труда является динамично развивающимся направлением экономики труда. За последнее двадцатилетие сложность и значимость рынка труда и социально-трудовых отношений сделала их важным предметом исследования.

На современном этапе ситуация на рынке труда имеет следующие черты:

— продолжается многолетняя скрытая безработица, которой благоприятствует ею же обусловленный дефицит рабочей силы. Сокращение темпов экономического развития, с одной стороны, и низкая эффективность организации производства и использования труда, с другой, ведут к увеличению масштабов недоиспользования работников;

— отмечается появление значительных сбоев в воспроизводстве профессионально-квалификационной структуры работников. Недостаточно восполняется естественное выбытие рабочих старших возрастов по многим профессионально-квалификационным группам. Тем самым ставится под угрозу развитие ведущих секторов экономики, особенно машиностроения.

В целом объемы и уровень профессиональной подготовки рабочих массовых профессий не соответствуют перспективным требованиям. Перераспределение занятых по отраслям (прежде всего за счет увеличения удельного веса непродуцированной сферы), необходимое и прогрессивное, нередко осуществляется нерационально. Примером этого может служить значительное увеличение численности занятых в охранных структурах при недостатке учителей и медицинских работников.

Основные черты занятости (ее структура, динамика и т. д.) в большей степени подтверждают сохранение прежней неблагоприятной ситуации с использованием человеческих ресурсов, чем ее рыночные преобразования.

Особый интерес представляет анализ положения молодежи (лиц в возрасте до 35 лет) на российском рынке труда. Необходимость подобного анализа определяется двумя важными обстоятельствами: во-первых, молодые люди составляют около 47 % населения в трудоспособном возрасте², во-вторых, они являются будущим страны. Молодежь уже сегодня во многом определяет политические, экономические и социальные процессы в обществе. Вместе с тем, как подтверждает опыт не только России, но и других стран, она является одной из наиболее уязвимых групп населения.

Трансформация регионального рынка труда определяется целым рядом факторов. К числу основных из них следует отнести численность населения, его половозрастную и профессионально-квалификационную структуру, которые во многом определяют характер предложения труда.

Кроме того, необходимо учитывать объем и структуру общественного производства, тенденции его развития как факторов, формирующих спрос на рабочую силу. Анализ состояния и динамика показателей социально-экономической жизни общества позволяют представить картину, на фоне которой осуществляется формирование рынка труда, чтобы выявить возможные тенденции его развития.

Очевидно, что состояние современного российского рынка труда крайне подвержено влиянию политических событий и экономических явлений, имеющих место как внутри страны, так и за ее пределами. Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что в 2014 — 2016 гг. численность экономически активного насе-

ления России (занятых на производстве и безработных, находящихся в состоянии поиска работы и готовых приступить к ней в течение месяца) изменилась практически незначительно: увеличилась с 75,4 млн чел. (2014 г.) до 76,6 млн чел. (2016 г.).

Таблица 1

Динамика численности экономически активного населения, тыс. чел.

Регион	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменения, %	
				2015 г. к 2014 г.	2016 г. к 2015 г.
Российская Федерация	75 428,4	76 587,5	76 636,1	101,5	101,1
Приволжский федеральный округ	15 515,7	15 502,2	15 457,3	99,9	99,7
Республика Мордовия	452,1	446,1	443,5	98,7	99,4

Составлена по: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.09.2017).

В 2016 г. в общей численности занятого в экономике населения 33,3 млн чел. — это штатные работники организаций и предприятий (без учета совместителей), не относящихся к субъектам малого предпринимательства (46,0 %). На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекались еще 1,4 млн чел. (в эквиваленте полной занятости).

В 2014 — 2016 гг. по видам экономической деятельности российский рынок труда характеризовался ростом занятости в таких отраслях, как строительство, оптовая и розничная торговля, операции с недвижимостью, гостиничное и ресторанное дело, предоставление коммунальных и социальных услуг.

В распределении численности занятых в российской экономике по возрастным группам имелись большие различия: в возрасте 25 — 29 лет наблюдалось наибольшее количество занятых (14,5 % от общего числа занятых в экономике); на возрастную группу 15 — 19 лет приходилось только 0,6 %, 20 — 24 лет — 6,4 %; 30 — 34 года — 14,3 %; 35 — 39 лет — 13,2 %; 40 — 44 года — 12,5 %; 45 — 49 лет — 11,2 %; 50 — 54 года — 12,7 %; 55 — 59 лет — 9,4 %, на остальные возрастные группы приходится 5,2 % от общего числа занятых в экономике (2016 г.)³.

По формам собственности, занятые в российской экономике в 2016 г. были распределены следующим образом: на предприятиях государственной и муниципальной собственности работало 17 730 тыс. чел., или 40 % всех занятых; на предприятиях частной формы собственности — 21 502 тыс. чел., или 48 %; на предприятиях иностранной, совместной российской и иностранной форм собственности — 2 769 тыс. чел., или 6 % среднегодовой численности работников⁴.

На фоне положительной динамики численности экономически активного населения по Российской Федерации в целом отмечается его сокращение в ПФО и Республике Мордовия. Численность экономически активного населения в РМ в 2016 г. составила 443,5 тыс. чел., из них 424,7 тыс. чел. классифицировались как занятые экономической деятельностью и 18,8 тыс. чел. — как безработные с применением критериев МОТ. Уровень общей безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) составил 4,2 % (табл. 2).

В структуре трудовых ресурсов РМ снижается доля лиц трудоспособного возраста, при этом возрастает доля работающих пенсионеров и подростков. Кроме того, необходимо отметить увеличение численности иностранных трудовых мигрантов.

Таблица 2

Уровень безработицы в Российской Федерации, 2016 г.

Регион	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень общей безработицы, %
Российская Федерация	76 636,1	4 243,5	5,5
Приволжский федеральный округ	15 457,3	746,9	4,8
Республика Мордовия	443,5	18,8	4,2

Составлена по: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.03.2017).

Как видно из табл. 2, в Республике Мордовия отмечается более низкий уровень безработицы по сравнению со средними показателями по РФ и ПФО, соответственно на 1,3 и 0,6 процентных пункта. Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения на начало 2017 г., составила 3 760 тыс. чел., а уровень официально зарегистрированной безработицы — 0,8 %.

Уровень безработицы в России в ноябре 2016 г. по сравнению с соответствующим периодом 2015 г. снизился и составил 5,3 % (рис. 1)⁵. Наибольший уровень безработицы по фактическим данным был зарегистрирован в марте 2016 г., наименьший — в сентябре 2015 г.

Однако ситуацию на рынке труда пока нельзя назвать устойчивой. При необходимости оптимизации расходов предприниматели часто вынуждены прибегать к сокращению персонала и затрат на оплату труда, поскольку это одна из наиболее

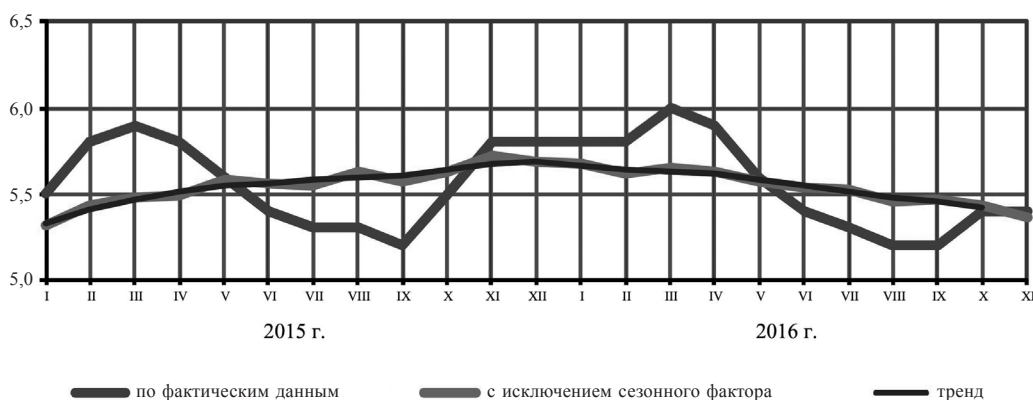

Рис. 1. Уровень безработицы в 2015 — 2016 гг. (по методологии МОТ), % от экономически активного населения

крупных статей расходов любого бизнеса, позволяющих сократить и замедлить снижение рентабельности. Оптимизация расходов позволяет изыскать дополнительные средства для развития бизнеса. За счет более гибких подходов к управлению персоналом организации и предприятия приспосабливаются к меняющимся условиям хозяйствования. Представители рекрутинговых компаний говорят, что параллельно со снижением числа заявок на типовые позиции в российские компании резко возрос интерес к найму временного персонала.

При изучении изменения структуры рынка вакансий в 2014 — 2016 гг. специалисты компании Course Burg в России проанализировали 29 профессиональных областей, в том числе промышленный сектор. В среднем насчитывалось 22,6 тыс. вакансий, после кризиса их стало на 86 % меньше. Минимальное сокращение у работников сертификации (— 68 %), наибольшее в судостроении (в среднем 1 435 профессий уменьшились до 55), аналогично в металлургии, автомобильной промышленности и контроле качества. За 2014 — 2016 гг. в состоянии стагнации находится легкая промышленность (нулевой прирост за три года)⁶. Положительным признаком является то, что отрицательные значения прошлого года были нивелированы ростом в текущем году.

Потребность в работниках (данные Федерального банка вакансий) на 2016 г. и коэффициент напряженности на рынке труда Республики Мордовия указаны в табл. 3.

Таблица 3

**Потребность в работниках и коэффициент напряженности
на рынке труда на конец 2016 г. (по данным Федеральной службы по труду и занятости)**

Регион	Потребность в работниках, чел.	Коэффициент напряженности на рынке труда (соотношение безработных к количеству рабочих мест в банке вакансий)
Российская Федерация	637 612	0,9
Приволжский федеральный округ	11 050	0,8
Республика Мордовия	1 714	0,7

Составлена по: Государственный комитет по труду и занятости Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://trudrm.ru> (дата обращения: 06.09.2017).

По состоянию на конец 2016 г. заявленная потребность в работниках составила 1 714 тыс. единиц, что на 13 % меньше, чем на соответствующую дату 2015 г. При этом 78 % общего числа вакантных должностей предназначалось для замещения рабочих профессий. Как видно из данных табл. 3, в Мордовии отмечается более низкий коэффициент напряженности на рынке труда, чем в РФ и ПФО, который свидетельствует о том, что на 10 свободных мест претендует 7 чел.

Любые существенные изменения как в экономике страны, так и в политической ситуации, для системы трудовых отношений являются испытанием на прочность.

Выделяются несколько моделей построения трудовых отношений:

— европейская, основанная на адекватной оценке профессионализма и высоком уровне социальной защиты работников;

— социалистическая, основанная на резком контрасте между руководящим составом и работниками, находящимися под их руководством;

— «рабского отношения», применяемая как руководителями, так и самими работниками.

Эталоном построения трудовых отношений могут стать компании, которые являются лидерами ИТ-отрасли, поскольку они вынуждены создавать такие условия для персонала, чтобы длительное время использовать их трудовой потенциал и знания. Речь идет о сочетании комфортных условий труда, системы мотивации и социальной защиты. По оценкам специалистов, 60 — 70 % организаций этого бизнеса ориентированы на европейскую модель.

Вместе с тем повышаются требования, предъявляемые к профессионализму, к стандартам материального и социального обеспечения работников. Кризисные явления могут положительно повлиять на увеличение численности высококвалифицированных работников, так как угроза потери рабочего места будет стимулировать работников к повышению своей квалификации или переобучению исходя из требований рынка труда.

Следует отметить, положительное отношение к смене профессии экономически активного населения в возрасте от 30 до 40 лет. Прежде всего, это относится к экономистам и гуманитариям. Так, экономисты, банковские работники, покинувшие «классические» условия труда, приобретают специальности IT-программистов, инженеров и т. д. Такие трансформации создают условия для «насыщения» рынка труда качественно новыми специалистами, которые смогут быстрее адаптироваться к новым реалиям и найдут применение своим знаниям.

Рассмотрим предложения для рынка труда, реализация которых поможет решить основные проблемы в трудовых отношениях. В первую очередь правительство и государственные органы должны осуществлять системный подход к анализу рынка труда и его потребностей, поскольку любые изменения законодательства отражаются на трудовых отношениях. Государство должно обеспечить соответствующие условия для самозанятого населения через формирование пакета льгот лицам, которые будут создавать продукт и рабочие места на первый год функционирования бизнеса с поэтапным внедрением механизма реальной минимальной заработной платы по видам экономической деятельности.

Введение на законодательном уровне обязательного повышения квалификации для определенных категорий специалистов за счет предприятия позволит сформировать корпус высококвалифицированных и высокооплачиваемых специалистов, что будет являться залогом роста ВВП.

В связи с этим создание системы стимулирования бизнеса и поддержки его переноса в другие регионы, т. е. переселение экономически активного населения на другие территории должно ориентироваться не на прямые административные методы регулирования указанных процессов, а на экономические. Применение комплексного системного подхода к занятости населения на региональном и муниципальном уровнях государственного управления (рис. 2) окажет положительное воздействие на структуру занятости населения и приведет к ощутимым сдвигам, которые обеспечат выход страны из структурного кризиса и переход к новому качеству экономического роста⁷.

Реализация постиндустриального сценария развития российского рынка труда возможна лишь при условии создания институциональной среды, благоприятной для формирования мотивационных механизмов улучшения качественных характеристик трудовых ресурсов, улучшения отраслевой структуры рынка труда и обеспечения

Рис. 2. Основные функции и принципы реализации политики занятости государственными органами управления на основе системного подхода

перераспределения трудовых ресурсов в пользу стратегически важных производственно-технологических комплексов. Преодоление указанных проблем невозможно без соответствующих институциональных реформ, которые могут повысить восприимчивость отечественной экономики к инновационному типу развития.

Таким образом, статистические данные по состоянию рынка труда в России в 2014 — 2016 гг. отражают удовлетворительную ситуацию, которую по большому счету портят только случаи несвоевременной выплаты заработной платы. При трудоустройстве наблюдается серьезная конкуренция. В конъюнктуре рынка труда отмечается увеличение спроса на квалифицированных специалистов. К факторам успешного преодоления кризисных явлений на российском и региональных рынках труда в современных экономических и политических условиях можно отнести стабилизацию экономической ситуации, сложившейся в результате перехода от сырьевой модели развития к инновационной, процессы модернизации в промышленности и сельском хозяйстве, увеличение темпов экономического роста.

Библиографические ссылки

¹ См.: Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н. Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 7 — 20; Липатова Л. Н., Еремкина Т. В.

Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионология. 2011. № 4. С. 234 — 241 ; **Их же.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 7 — 21 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Трансформация рынка труда региона в постсоветский период // Единое экономическое пространство: новые возможности социально-экономического развития : материалы Евразийс. науч. форума : в 2 ч. СПб., 2012. Ч. 1. 206 — 224.

² См.: Российский статистический ежегодник. М., 2017. С. 89.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.03.2017).

⁶ URL: <https://courseburg.ru/about> (дата обращения: 06.09.2017).

⁷ **Жертовская Е. В., Якименко М. В., Маслова А. А.** Анализ состояния российского рынка труда и занятости населения на федеральном и региональном уровнях в условиях новой реальности // Совр. науч. исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61598> (дата обращения: 06.09.2017).

Поступила 22.02.2018 г.

УДК 314.17:331.5

*В. В. Градусов, В. Н. Градусова
V. V. Gradusov, V. N. Gradusova*

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЕДНОСТИ В РОССИИ

THE MAIN FACTORS AND CONDITIONS OF POVERTY DISTRIBUTION IN RUSSIA

Ключевые слова: бедность, прожиточный минимум, занятость, безработица, уровень жизни.

В статье на основе анализа данных официальной статистики опровергается распространенное мнение, что в составе бедных граждан преобладают пенсионеры и социально незащищенные слои населения; выявляются основные факторы бедности в России.

Key words: poverty, living wage, employment, unemployment, living standards.

Based on the analysis of official statistics the author of the article refutes the widespread view that pensioners and socially unprotected layers of the population prevail among poor citizens. As well the main factors of poverty in Russia are revealed.

Одна из самых сложных социально-экономических проблем современной России, по признанию специалистов, — нарастающая бедность¹. Бедных людей в России много. После кризиса 2008 — 2010 гг. удельный вес населения с доходами ниже величины прожиточного минимума снижался до 10,7 % (2012 г.). Однако с 2013 г. этот показатель постоянно увеличивается, и в 2016 г. 13,4 % россиян имели доход ниже прожиточного минимума. За этими показателями стоят почти 20 млн чел.²

Данные социальных опросов свидетельствуют, что масштабы бедности шире. Исследование НИУ ВШЭ показало: 29 % респондентов могут позволить себе только продукты питания, покупка одежды уже вызывает сложности; 8 % сообщили, что денег не хватает даже на еду. Среди пенсионеров доля тех, кто жалуется на финансовые затруднения, увеличилась за 2017 г. в 1,2 раза — с 31 % до 38 %. Россияне продолжают жаловаться на ухудшение своего материального положения, недостаток денег на товары первой необходимости. По данным Росстата, за январь — ноябрь 2017 г. реальные располагаемые доходы населения сократились еще на 1,3 %, продолжив самый длительный период снижения уровня жизни с начала 1990-х гг. В итоге за три года доходы граждан сократились на 11 %³.

Падение уровня жизни подтверждает и динамика структуры потребительских расходов россиян. Так, за 2000 — 2016 гг. удельный вес продуктов для домашнего питания в структуре потребления россиян снизился на 15,2 п. п. Отмечаемое сокращение касается всех основных продуктов питания российского населения. Можно было бы предположить, что россияне предпочитают питаться вне дома, но этот показатель увеличился только на 1,4 п. п., что не покрывает потерь домашнего питания. Такое могло произойти в случае снижения цен на продовольствие, но отечественная статистика свидетельствует об обратном⁴.

Удельный вес непродовольственных товаров в структуре потребления россиян за 16 лет почти не изменился. Отмечается значительный рост структурной доли только некоторых категорий этой группы товаров: транспортные средства (с 2,8 % до 5,3 %), топливо (с 1,5 % до 4,5 %), предметы личной гигиены, фармацевтические и медицинские товары (с 3,9 % до 5,2 %). Расходы на оплату услуг выросли в несколько раз, но это касается главным образом «обязательных услуг» — жилищно-коммунальных, удельный вес которых в структуре потребительских расходов россиян увеличился с 4,6 % (2000 г.) до 10,1 % (2016 г.). На бытовые услуги в 2016 г. россияне тратили 3,2 % (сравнить, 2000 г. — 1,8 %). Однако прирост в основном обеспечен услугами по ремонту транспортных средств, удельный вес которых увеличился в 3 раза. В социальной сфере прирост структурной доли отмечается по услугам учреждений культуры (с 2,1 % в 2005 г. до 3,6 % в 2016 г.), медицины (с 1,0 % до 1,3 % соответственно), а вот доля образовательных услуг, напротив, снизилась (с 2,2 % в 2005 г. до 1,4 % в 2016 г.)⁵.

Отмечаемые изменения в структуре потребительских расходов свидетельствуют о снижении жизненного уровня россиян. Так, кто они — бедные россияне. Распространено мнение, что к категории бедного населения относятся пенсионеры и социально незащищенные слои населения. Обратимся к данным официальной статистики. Большая часть малоимущих граждан РФ (имеющих доход ниже величины прожиточного минимума) проживают в городах — 74 % (табл.).

В таком случае, можно утверждать, что распространение бедности в России не зависит от места проживания, поскольку доля городского населения в нашей стране с 2010 г. держится на уровне 74 %⁶. Однако это противоречит данным, полученным в ходе упомянутых выше опросов населения, согласно которым особенно сложная ситуация сложилась в сельской местности, где 44 % участников опроса отметили недостаток денег на базовые товары и продовольствие. Каждый четвертый респондент заявил, что из-за финансовых трудностей в последние три месяца не может оплатить услуги ЖКХ, 17 % не смогли купить лекарства.

Таблица

**Распределение малоимущего населения России по основным группам,
по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств
(% от общей численности малоимущего населения)**

Показатель	2000 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Все обследованные домашние хозяйства, 2016
1	2	3	4	5	6	7
<i>По месту проживания</i>						
Проживающие в городах, всего	68,1	59,8	61,1	62,4	61,8	74,2
В том числе с численностью населения, чел.:						
свыше 1 млн	15,9	7,4	9,4	9,9	9,7	20,6
от 250 тыс. до 1 млн	21,8	10,6	7,8	9,0	9,5	15,3
от 100 до 250 тыс.	9,1	8,3	8,1	7,9	7,3	8,5
от 50 до 100 тыс.	7,2	8,2	8,4	7,8	7,9	7,5
менее 50 тыс.	14,1	25,2	27,4	27,7	27,4	22,3
Проживающие в сельских поселениях, всего	31,9	40,2	38,9	37,6	38,2	25,8
В том числе с численностью населения, чел.:						
свыше 5 тыс.	9,3	9,7	10,0	9,6	10,5	7,8
от 1 до 5 тыс.	13,4	18,0	17,7	17,4	16,6	11,0
от 200 чел. до 1 тыс.	8,2	12,0	10,7	10,3	10,6	6,7
менее 200 чел.	1,0	0,5	0,5	0,4	0,5	0,2
<i>По половозрастным группам</i>						
Дети в возрасте до 16 лет:	24,4	25,5	28,7	28,8	29,9	19,7
до 1 года	0,5	1,2	1,2	1,2	1,2	0,8
1 — 6 лет	5,7	10,1	10,5	10,2	11,2	7,2
7 — 15 лет	18,3	14,2	17,0	17,4	17,5	11,7
Молодежь в возрасте от 16 до 30 лет	22,9	24,9	21,2	20,6	19,1	16,6
Мужчины в возрасте от 31 до 59 лет	18,2	19,2	19,0	19,2	18,9	21,3
Женщины в возрасте от 31 до 54 лет	21,4	20,3	20,3	20,2	20,1	21,5
Мужчины в возрасте 60 лет и более	3,8	2,5	3,1	3,2	3,5	5,2
Женщины в возрасте 55 лет и более	9,3	7,5	7,6	8,0	8,5	15,6
<i>По отношению к экономической активности*</i>						
Экономически активное население	—	64,9	64,4	66,6	64,2	70,4
В том числе:	—					
занятые в экономике	—	61,0	62,8	63,8	61,2	69,3
Из них работающие пенсионеры	—	3,7	4,7	4,6	4,3	12,3
безработные	—	3,9	1,6	2,8	3,0	1,1

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Экономически неактивное население	—	35,1	35,6	33,4	35,8	29,6
Из него неработающие пенсионеры	—	11,9	12,0	15,2	17,2	18,6
<i>По уровню образования*</i>						
Не имеют основного общего	—	—	—	2,8	2,7	1,8
Имеют образование:						
основное общее (неполное среднее)	—	—	—	10,6	10,5	6,5
среднее (полное) общее	—	—	—	22,9	23,1	15,3
среднее профессиональное (среднее специальное)	—	—	—	41,7	41,3	38,7
высшее профессиональное (высшее)	—	—	—	21,9	22,4	37,7

Составлена по: Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2017. С. 154 — 155.

* Для лиц в возрасте 15 лет и более.

По данным выборочного обследования Росстата, среди сельских жителей бедных больше, чем среди городских, и с годами это становится все более заметно: за 2000 — 2016 гг. удельный вес малоимущего населения, проживающего в сельской местности, увеличился с 32 % до 38 % (за это время доля сельского населения сократилась с 27 % до 26 %). Представляется, что эта оценка более объективна, поскольку известно, что в селах пенсионеров больше, а работы меньше. Продолжим рассматривать результаты именно этого обследования еще и по той причине, что они позволяют проследить динамику.

Каждый четвертый бедный россиянин проживает в городах с числом жителей менее 50 тыс. чел., и ситуация в таких населенных пунктах с годами только усугубляется: за 2000 — 2016 гг. удельный вес данной категории бедного населения увеличился почти вдвое — с 14 % до 27 %. Это больше, чем доля населения этих городов в структуре российского населения, которая в конце 2016 г. составляла 15,6 %. Такое соотношение долей означает, что бедные в вышеуказанных городах встречаются чаще, чем в более крупных. Удельный вес малоимущего населения, проживающего в городах с численностью жителей более 1 млн чел., в 2016 г. составлял 10 % (доля таких городов в населении 22,5 %), а в городах с численностью от 100 тыс. до 1 млн — 17 % (доля таких городов в населении 29 %).

В сельской местности бедность сконцентрирована в населенных пунктах с числом жителей от 200 до 1 тыс. чел., в которых проживают 5 % россиян и 11 % общего числа малоимущих. В крупных селах с численностью населения свыше 5 тыс. чел. проживает 10,5 % бедных россиян, в структуре населения страны на эту категорию приходится тоже 5 %.

В сельских населенных пунктах с числом жителей от 1 тыс. до 5 тыс. чел. проживают 9 % населения РФ и 17 % бедных граждан. Наименьшее распространение бедность имеет в сельских населенных пунктах с численностью населения

менее 200 чел., в которых проживают около 3 % россиян и 0,5 % малоимущего населения^{*7}.

Наибольшая часть малоимущих в России, вопреки распространенному мнению, не пенсионеры, а люди в трудоспособном возрасте — более 58 %. Пенсионеров среди бедных только 12 %, в то время как в структуре населения их около 25 %⁸. Структурная доля малоимущих пенсионеров за 2000 — 2016 гг. уменьшилась по обоим полам.

Среди бедных трудоспособного возраста женщин больше, чем мужчин, хотя у мужчин возрастные границы трудоспособности шире. Причинами этого в первую очередь являются периоды незанятости, связанные с рождением и воспитанием детей, а также различия в оплате мужского и женского труда. Так, по данным статистики, отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в РФ в 2015 г. составляло 72,6 %⁹.

Женщин больше и среди бедных пенсионеров. Поскольку женщины раньше выходят на пенсию и живут дольше, то их в составе населения старше трудоспособного возраста в 2,4 раза больше, чем мужчин¹⁰. В связи с этим можно сказать, что бедность среди мужчин и женщин в пенсионном возрасте распространена примерно одинаково.

Следует отметить, что 30 % бедного населения — дети (в составе населения их 18 %), и с годами показатель возрастает. Обращаем внимание на то, что среди малоимущих детей в возрасте до 1 года немного — 1,2 %, а 17,5 % приходится на детей 7 — 15 лет.

Более 60 % малоимущих в России имеют оплачиваемую работу. Безработных среди бедного населения всего 3 %. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые пенсионеры, продолжая работать и имея таким образом не менее 2 источников дохода, выбраться из нищеты не могут. Таких людей среди бедных в России 4,3 %. Больше половины бедного экономически неактивного населения — неработающие пенсионеры.

Отметим, что многие бедные люди в России хорошо образованы, уровень их образования гораздо выше, чем населения в целом. Каждый пятый малоимущий имеет высшее и более 40 % среднее специальное образование. В структуре российского населения по уровню образования, согласно микропереписи населения 2015 г., эти группы составляют 13 % и 18 % соответственно. Людей с общим средним образованием среди бедных 23 %, в составе населения — 8 %. Соотношение структурных долей лиц с неполным средним образованием и без него в составе российского населения и бедной его части 11 к 13 %¹¹.

Итак, на основе проведенного анализа выделим основные факторы бедности в России:

- проживание в сельской местности или небольшом городке;
- женский пол;
- наличие оплачиваемой работы;
- наличие высшего и среднего профессионального образования.

* Данные по распределению численности сельского населения за 2010 г.

Если два первых обстоятельства еще каким-то образом можно объяснить, то третий и четвертый факторы свидетельствуют о крайне низком уровне заработной платы и деформации самой системы оплаты труда в России, а также несоответствии системы образования запросам рынка труда.

Отметим, что такая парадоксальная ситуация сложилась по причине грубых нарушений важных воспроизводственных пропорций. Такой инструмент регулирования уровня оплаты труда в экономике, как минимальный размер оплаты труда, чтобы был способен выполнять свою воспроизводственную функцию, должен быть равен (или превышать) 2 прожиточных минимума (для простого (или расширенного) воспроизводства рабочей силы). В связи с этим необходимо разработать поэтапный план повышения уровня этого важного регулятора уровня жизни населения до 2-кратного прожиточного минимума, а затем и выше. Считаем также необходимым установить социальные выплаты на первого ребенка до 1,5 лет не только родившимся в 2017 г., но и появившимся на свет немного раньше. Во-первых, это будет справедливо. Другой способ установить справедливость — уменьшить размер пособия. Пусть это будет не 10 тыс. руб., а, например, 7 тыс. руб., но всем нуждающимся детям в этом возрасте. Во-вторых, как показывает статистика, предлагаемая мера не будет очень затратной, поскольку, как подчеркивалось ранее, удельный вес таких детей среди бедных невелик.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Еремкина Т. В.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 7 — 20 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Региональные аспекты экономического развития (человеческий потенциал) // Studium. 2014. № 1 — 2 (30 — 31). С. 3 ; **Игнатьева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; **Липатова Л. Н., Имяреков С. М., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Характеристика жизненного уровня населения в контексте вопросов экономической безопасности // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2015. № 5 (2). С. 26 — 37 ; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // XV Макаркин. науч. чтения «Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты». Саранск. 2015 [Электронный ресурс]. URL:<http://elibrary.ru/item.asp?id=23722549> (дата обращения: 19.12.2017) ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управлен. консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Липатова Л. Н.** Развитие человеческого потенциала в российских мегаполисах // Экономическая культура мегаполиса : сб. тез. V Междунар. науч. конф. Центра исслед. экон. культуры фак. свобод. искусств и наук СПбГУ. СПб, 2016. С. 71 — 73 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104 ; **Липатова Л. Н.** Основные тенденции и проблемы гуманитарного развития в регионах Приволжского федерального округа // Социальный и духовный потенциалы региона и их реализация : материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 2017. С. 257 — 264 ; **Липатова Л. Н.** Сравнительная характеристика условий формирования человеческого потенциала в регионах Приволжского федерального округа // Трансформация

человеческого потенциала в контексте столетия : в 2 т. : материалы Междунар. научно-практ. конф. Н. Новгород, 2017. Т 1. С. 158 — 162.

² См.: Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2017. С. 140.

³ URL:<http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/rossiyane-bedneyut-i-schitayut-eto-normoy-1012801279> (дата обращения: 19.12.2017).

⁴ См.: Россия в цифрах : краткий стат. сб. М., 2017. С. 36, 133 — 135.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ См.: Российский статистический ежегодник. С. 95.

⁸ Россия в цифрах. С. 80.

⁹ Женщины и мужчины России. 2016 : стат. сб. М., 2016. С. 119.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. С. 84.

¹¹ Там же. С. 185.

Поступила 22.01.2018 г.

УДК 338.439

*М. А. Ананьев, А. М. Гурьянов, А. А. Артемьев
М. А. Ananyev, A. M. Guryanov, A. A. Artemyev*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭЛИТНЫМ СЕМЕНОВОДСТВОМ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ*

THE FORMATION OF THE ELITE SEED PRODUCTION CONTROL SYSTEM AT THE STAGE OF THE SUSTAINABLE NATIONAL FOOD SUPPLY SYSTEM DEVELOPMENT

Ключевые слова: управление элитным семеноводством, система первичного семеноводства, репродукция семян, система субсидирования, сортовые надбавки, страховые фонды семян.

В статье рассматриваются направления совершенствования системы управления семеноводством на примере Республики Мордовия; предлагается разработать концепцию национальной системы становления, развития и функционирования семеноводства, усовершенствовать структуру посевных площадей на всех этапах размножения семян с учетом агроэкологических ресурсов региона и рыночной конъюнктуры сельскохозяйственной продукции; обосновывается создание единой информационной базы по производству и реализации оригинальных семян сельскохозяйственных культур с обязательным включением НИУ в реестр сельхозпроизводителей с целью распространения системы субсидирования на приобретение семян, горюче смазочных материалов (ГСМ), техники, удобрений и пестицидов, что позволит повысить рентабельность и конкурентоспособность отечественного семеноводства.

* Данное исследование выполнено в рамках основной части государственного заказа. Проект №1.9544.2017 / БЧ Министерства образования и науки Российской Федерации.

Key word: elite seed production control, system of primary seed production, seed reproduction, subsidy system, varietal premiums, insurance seed funds.

The ways to improve the seed production control system are considered in the article on the example of the Republic of Mordovia. It is proposed to develop the concept of a national system for the formation, development and functioning of seed production, as well as to improve the structure of crop areas at all stages of seed reproduction, taking into account the agrarian and ecological resources of the region and the market conditions of agricultural products. The creation of a unified information base for the production and sale of original seeds of agricultural crops with the obligatory inclusion of R&D institutions in the register of agricultural producers is substantiated in order to expand the subsidy system for the purchase of seeds, fuels, machines, fertilizers and pesticides that will allow to increase the profitability and competitiveness of national seed production.

Стратегически важным направлением развития национальной системы продовольственного обеспечения является повышение устойчивости отечественного зернового производства. Проблема заключается в том, что его развитие невозможно без системы оригинального и элитного семеноводства¹. В настоящее время организационно эта функция выполняется в системе научных центров и учреждений ФАНО РФ и Российской академии наук, потому что в соответствии с требованиями, предъявляемыми к элитным семенам, их производство возможно только в специализированных организациях, располагающих высококвалифицированными работниками. Недостатком существующей системы управления элитным и оригинальным семеноводством, функциональным назначением которого в национальной системе продовольственного обеспечения является плановое сортообновление, представляется то, что в условиях рынка эта функция не работает по следующим причинам:

- несовершенства систем внутрихозяйственного планирования;
- несовершенства механизма федерального и регионального управления развитием и функционированием элитного семеноводства, что можно отслеживать на примере одного из типичных предприятий этого сектора национальной системы продовольственного обеспечения².

Мордовский НИИСХ является единственным научным учреждением республики, которое занимается первичным семеноводством 3 сортов озимой пшеницы, 2 сортов озимой ржи, 2 сортов яровой пшеницы, 1 сорта ячменя, 2 сортов овса, 1 сорта гороха, 1 сорта вики, 1 сорта сои, 1 сорта гречихи и 5 сортов многолетних трав.

Первичное семеноводство осуществляется по классической схеме³, начиная с применения методик отбора первичного материала из отдельных растений (семейств), которые высеиваются как питомники испытания 1-го поколения, затем — на следующий год как питомники 2-го поколения. На следующих этапах из полученных семян в течение 2 лет выращиваются питомники размножения 1-го и 2-го года. Из оригинальных семян 2-го года пользования после выращивания получают семена «суперэлита», а из них уже — «элита». Таким образом, на весь период получения элитных семян отделом первичного семеноводства института и элитопроизводящими хозяйствами затрачивается 7 — 8 лет. Данная организационно-производственная схема реализуется в следующих научных структурных подразделениях (рис. 1, 2).

Сложность процесса получения элитных семян заключается в том, что нивелирование недостатков и низкокачественных свойств семян достигается следующим образом: в институте, на уровне питомников испытания (П-1, П-2) и размножения

Рис. 1. Схема семеноводства зерновых культур в Республике Мордовия

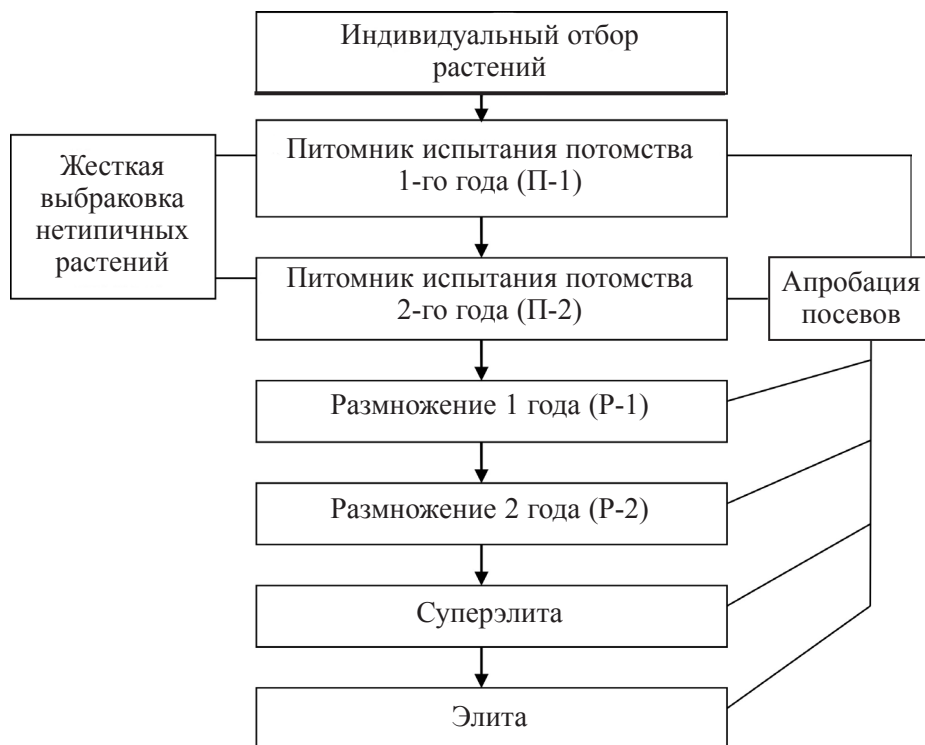

Рис. 2. Схема работы отдела первичного семеноводства и производственных подразделений Мордовского НИИСХ

(Р-1, Р-2), ежегодно из урожая текущего года создаются 2-кратные страховые и переходящие запасы. Однако из года в год питомники размножения 2-го года из-за несовершенства системы семеноводства (недостаточный уровень государственной поддержки, высокий уровень затрат на проведение агротехнических мероприятий, несовершенство регионального управления) (рис. 2) научные подразделения вынуждены обезличивать и продавать их в товарные хозяйства как элитные семена, т. е. терять ежегодно колоссальный генетический потенциал зерновых и других культур.

В зарубежной практике отдельных стран принято получать семена элита и путем закупки, и сева семян репродукции «суперэлита»⁴. Однако в условиях отечественного сельскохозяйственного производства считаем данный подход стратегически и экономически неоправданным в связи с тем, что в стране имеется достаточный научно-производственный потенциал для решения целевых задач обеспечения качественным семенным материалом. К тому же увеличение затрат на оплату авторских прав на сорт семян и транспортные услуги приводит к росту себестоимости зерновой продукции в товарных хозяйствах, что особо заметно в неблагоприятные по погодным условиям годы.

Необходимость совершенствования системы управления продиктована тем, что на современном этапе внедрение передовых технологий возделывания зерновых культур в отечественном сельском хозяйстве⁵ и повышение уровня качества репродуктивных семян сельскохозяйственных культур позволили увеличить объем производства зерна в более чем 2 раза, а их урожайность с 1,4 до 3,4 т/га (табл. 1).

Таблица 1

Площади, валовое производство, урожайность зерновых культур в Республике Мордовия

Показатель	Единица измерения	2000 г.	2009 г.	2017 г.
Валовый сбор	тыс. т	682,5	1 422,6	1 450,0
Площадь	тыс. га	501,8	439,5	451,0
Урожайность	т/га	1,36	3,20	3,44

Составлена по данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия.

За анализируемые годы производство оригинальных семян в Мордовском НИИСХ было доведено практически до 1000 т (2009 г.), однако несовершенство системы управления в части реализационной политики привело к снижению объемов их производства. Объяснением этому является необходимость поддержания соответствующего уровня эффективности производства в научных подразделениях и в целях оптимизации производственных затрат (табл. 2). Негативным при этом можно считать и то, что часть произведенного материала продается в виде фуражного зерна.

В рамках реализации стратегии эффективного производства научные учреждения, решая одну из значимых государственных задач, вынуждены принимать меры по выживанию в современных условиях. Так, в настоящее время для устойчивого производства элитных семян в условиях ФГУП «1 Мая» и ООО «Нива» необходимо ежегодно засеивать питомниками размножения 8 000 га пашни под распространен-

Производство семян в Мордовском НИИСХ, т

Культура	2001 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2016 г.	2017 г.
Озимая пшеница	170,88	286,12	240,36	490,08	296,84	340,04
Озимая рожь	18,9	11,64	7,76	7,0	20,84	5,05
Озимые — всего	189,8	297,8	248,1	497,1	317,7	345,1
Яровая пшеница	179,88	73,56	139,20	96,64	44,72	87,92
Ячмень	316,52	152,64	304,04	343,84	134,32	176,44
Овес	13,40	11,97	13,96	22,79	18,72	35,07
Горох	8,56	3,60	9,80	9,56	2,84	—
Вика	—	2,52	—	5,48	1,76	—
Просо	—	1,56	—	1,04	—	—
Гречиха	—	—	0,78	1,89	1,2	0,5
Яровые — всего	518,4	245,9	467,8	481,2	203,6	299,9
Зерновые — всего	610,7	543,6	712,4	978,3	520,52	645,01

Составлена по многолетним данным Мордовского НИИСХ.

ными в республике сельскохозяйственными культурами (табл. 3). Однако для содержания скота и заготовки кормов в этих хозяйствах требуется дополнительно до 2 500 га сельскохозяйственных угодий и пашни под посевы. Исходя из расчетов, дефицит в земельных площадях составляет около 2 000 га.

В связи с этим в целях создания стабильной и устойчивой системы элитного семеноводства, необходимо расширение производственной базы путем сети элитопроизводящих хозяйств. В этом случае Мордовский НИИСХ мог бы обезличенные оригинальные семена репродукции питомника размножения 2-го года (Р-2) поставлять в эти хозяйства и тем самым способствовать созданию системы устойчивого производства семян «суперэлита» и «элита».

Институту, являющемуся производителем сельскохозяйственной продукции, в соответствии с законодательством должны предоставляться субсидии на погашение части затрат на ГСМ, средства химизации, покупку оригинальных и реализацию элитных семян. Однако, будучи бюджетным научным учреждением, в соответствии со ст. 161 п. 4 Бюджетного кодекса РФ институт этих прав не имеет.

Отметим, что невозможность получения субсидий и дотаций способствует ухудшению семеноводства в регионе. Кроме того, элитопроизводящие хозяйства и холдинги отказываются выкупать питомники размножения по полной стоимости. Их заявки на оригинальные семена не составляют даже 30 % от общей потребности в семенах. Вместе с тем семена «суперэлита» зерновых культур, ежегодно производимые в условиях института и ФГУП для крупных холдингов, остаются на наших складах. Этому послужило и отсутствие «Положения о функционировании элитопроизводящих хозяйств» и «Условий субсидирования покупки оригинальных и реализации элитных семян».

Практика реализации семян текущего года показала, что субсидии необходимо выплачивать покупателю, чтобы не создавать неравные условия между ФГУП и

Таблица 3

Плановые посевные площади элиты и суперэлиты зерновых культур для получения 1,5 млн т зерна в Республике Мордовия, га

Элитхоз	Культура												Пашни под зерновые культуры, га			
	Озимая пшеница		Озимая рожь		Ячмень		Яровая пшеница		Овес		Горох		Вика		необходимо	имеется
	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты	с/эл.	элиты		
ФГУП «1 Мая»	212	1 714	24	240	142	1 304	75	600	12	100	—	—	28	125	4 577	5 190
ООО «Нива»	141	1 143	16	160	95	870	50	400	8	67	76	389	—	—	3 415	3 465
Итого	353	2 857	40	400	237	2 174	125	1 000	20	167	76	389	28	125	7 992	8 655

Рассчитано по данным Мордовского НИИСХ.

институтом, ибо это в последующем может привести к снижению объемов реализации семян высших репродукций, произведенных в условиях Мордовии. Тем более в Постановлении Правительства РМ по выплате субсидий за оригинальные и элитные семена имеются противоречия: при продаже семян института субсидии начисляются покупателю, а от элитопроизводящих хозяйств — научным учреждениям — производителям семян.

Кроме того, следует принимать во внимание следующее: значительные трудовые и интеллектуальные затраты на производство семян различных репродукций дифференцированы по стадиям получения продукта. Чем выше репродукция, тем больше затрат вкладывается в создание семян, тем большую стоимость они могут создать в процессе сельскохозяйственного пользования и тем выше их реализационная цена. Наибольшим генетическим потенциалом, интеллектуальными, материально-техническими и производственными затратами характеризуются семена питомников размножения. Например, в Германии цены на посевной материал увеличиваются по сравнению с ценами на продовольственное зерно: озимой ржи в 3,76 — 8,6 раза, озимой пшеницы — 3,61 раза, ячменя — 3,48 раза, овса — 3,87 раза, гороха — 4,86 раза. Применение подобной схемы в отечественном семеноводстве означает: при установлении коэффициентов сортовых надбавок (дотаций) должны учитываться фактические затраты на производство зерна в первичном семеноводстве, элитном хозяйстве и товарных хозяйствах. Так, фактические затраты на производство зерна в элитных хозяйствах за последние годы оказались в 2,52 раза выше по сравнению с товарными, а закупочные цены — только в 2,12 раза. С учетом фактиче-

ских затрат на производство семян разных культур и репродукций, рекомендаций Академии наук для расчета стоимости семян предлагаем следующие коэффициенты (табл. 4).

Таблица 4

**Коэффициент сортовых надбавок сельскохозяйственных культур
к рыночной цене товарного зерна**

Культура	Питомник размножения	Суперэлита	Элита	Репродукция	
				I	II
Пшеница мягкая	5,6	4,0	2,5	1,8	1,2
Рожь	5,2	3,7	2,4	1,7	1,2
Ячмень	5,9	4,2	2,6	1,8	1,2
Овес	5,2	4,0	2,3	1,7	1,2
Гречиха	4,2	3,0	2,2	1,7	1,2
Просо	5,6	4,0	2,5	1,8	1,2
Горох	6,6	4,7	3,0	1,8	1,2
Вика	8,0	5,0	3,6	1,9	1,2
Картофель	4,2	3,8	2,3	1,8	1,2

Предлагаемые Мордовским НИИСХ коэффициенты сортовых надбавок.

С целью организации адаптивного семеноводства и рационального использования имеющейся материально-технической базы, семяочистительной техники, складских помещений, снижения затрат по перевозке целесообразным является создание трех зон семеноводства. Например, в Республике Мордовия необходимо создать около 35 хозяйств, где на участках размножения будут высевать элиту. На семенных участках высевают I и в отдельных случаях II репродукции, а на общих хозяйственных посевах — II и частично III репродукции.

Такое разделение позволит создать мощные семяочистительные центры по подготовке, хранению и реализации семян; внедрить адаптивное семеноводство с учетом агроэкологических ресурсов территорий; организовать базу для обслуживания семеноводческих хозяйств материально-техническими ресурсами, а самое главное исключить природно-климатический риск по производству семян. В каждой зоне необходимо будет создать специализированные хозяйства по производству семян I — II репродукций.

Семеноводческие хозяйства в обязательном порядке должны иметь свой севооборот со специфическим чередованием культур с особой агротехникой. При установлении севооборотов серьезное внимание следует обращать на недопущение биологического засорения одних культур или сортов другими, чередование культур, подверженных заражению одними и теми же болезнями и вредителями. При посеве перекрестно опыляющихся культур или различных сортов и репродукций строго соблюдать пространственную изоляцию.

Для устойчивого обеспечения хозяйств семенами сельскохозяйственных культур, независимо от природных и стихийных явлений, следует создать «страховой фонд». Семена этого фонда должны распределяться по распоряжению Министер-

ства сельского хозяйства и продовольствия регионов. В настоящее время система страховых фондов предусматривает 100 % сохранение питомников размножения, 50 % — суперэлиты, не более 10 — 15 % — репродукционного семеноводства. По нашему мнению, стоимость фондовых семян в размере 25 % должны оплачивать хозяйства; 35 % — дотироваться из бюджета регионов, 40 % — возвращаться хозяйствами из будущего урожая.

В России с учетом агроклиматических и почвенных особенностей выведено достаточно много сортов, чтобы удовлетворить спрос товаропроизводителя. Однако за последние годы, нарушая все каноны растениеводства, на наш взгляд, неоправданно, без соответствующего испытания, в регионы России завозятся зарубежные сорта сельскохозяйственных культур. Этим самым нарушается экологическое равновесие почвенного покрова, а самое главное — возникают новые фитосанитарные проблемы, на разрешение которых в перспективе будут затрачиваться огромные средства. Простым примером может служить спорынья в посевах ярового ячменя, которая до завоза иностранных сортов в республике практически не наблюдалась.

В связи с этим Мордовский НИИСХ вот уже на протяжении последних восьми лет параллельно с сортоиспытательной станцией ведет изучение новых сортов сельскохозяйственных растений. В определенные годы отдельные из них достигают удивительных урожаев, но особенности наших условий и воздействие специфических болезней и вредителей, сводят на нет качество получаемой продукции. Это мероприятие является важным звеном в семеноводстве, но до сих пор оно в институте осуществляется за счет скудных средств, зарабатываемых отделом семеноводства. Кроме того, результаты испытаний служат для удовлетворения собственных интересов, так как официальными органами власти они нигде не учитываются.

Строительство и техническое оснащение материально-технической базы первичного и элитного семеноводства в основном было осуществлено в 1970 — 80 гг. К настоящему времени износ зерноочистительных линий в большинстве хозяйств составляет более 45 %, сушильного комплекса до 45 — 50 %, складских помещений до 70 — 75 %. С целью поддержания технического состояния оборудования и техники ежегодно приходится проводить их ремонт. В условиях ФГУП модернизация осуществляется только в части зерноочистительных комплексов. На сегодняшний день из-за неудовлетворительного технического состояния необходимо строительство складских помещений и совершенствование сушильного комплекса.

В связи с этим следующей важной проблемой отечественного семеноводства является своевременное обновление материально-технической базы с целью поддержания научного и производственного потенциала на уровне передовых технологий. Так, технологии первичного семеноводства института нуждаются в обновлении, особенно селекционной техники. В первую очередь необходимо приобрести селекционные сеялки точного высева; селекционный комбайн для уборки урожая, начиная с делянок первичных питомников и заканчивая репродукциями, а также кормоуборочный комбайн для уборки трав и промежуточных культур и кукурузы на зеленую массу; стационарную молотилку для обмолота урожая исходных делянок, снопов и отдельных растений; делитель образцов для распределения семенного материала по кассетам; семяочистительную машину для небольших партий семян в

пределах нескольких килограмм и др. Кроме того, необходимо завершить строительство комплекса складов.

Использование технологий, не отвечающих современным требованиям, не способствует повышению конкурентности отечественного семеноводства. В связи с этим в современных условиях необходимо принятие мер законодательного характера по решению проблем совершенствования материально-технической базы организаций этой важной отрасли отечественной системы продовольственного обеспечения.

В заключение следует отметить, что широкомасштабное применение в отечественной практике и в Республике Мордовия зарубежных технологий, сортов и гибридов растений, требует проведения их сравнительной оценки в научных учреждениях, изучения степени их адаптации к нашим условиям и выдачу сертификатов.

Для дальнейшего совершенствования системы семеноводства необходимо принять концепцию становления, развития и функционирования национальной системы семеноводства, сформировать методические основы по использованию структуры посевных площадей при организации первичного семеноводства с учетом агроэкологических ресурсов регионов и рыночной конъюнктуры сельскохозяйственной продукции. Кроме того, необходимо организовать в условиях НИУ испытание и комплексную оценку сортов сельскохозяйственных культур евроселекции, разработать регламент по обороту сортов иностранной селекции в условиях федеральных округов (регионов России), создать единую информационную базу по производству и реализации оригинальных семян сельскохозяйственных культур НИУ регионов.

В обязательном порядке включить НИУ в реестр сельхозпроизводителей, на которых распространяются субсидии на приобретения семян, ГСМ, техники, удобрений и пестицидов. На случай стихийных бедствий и других катаклизмов разработать и принять «Положение» о государственных страховых и переходящих фондах семян сельскохозяйственных культур всех репродукций. Учитывая особую значимость, сформировать законодательную базу по централизованной поставке в научные учреждения селекционной семенной техники и выделение целевых финансовых средств на модернизацию семеноводческих комплексов по хранению и переработке семян. Министерством сельскохозяйственных регионов совместно с НИУ разработать перспективные планы производства оригинальных семян с учетом развития зерновой отрасли, имеющегося ресурсного потенциала и востребованности сырья для народного хозяйства.

Библиографические ссылки

¹ См.: Гурьянов А. М., Артемьев А. А., Ляличкин О. А. Современное состояние первичного и элитного семеноводства в Мордовском НИИСХ // Научные основы семеноводства и агротехнологий сельскохозяйственных культур в условиях Евро-Северо-Востока РФ : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2007. С. 34 — 42 ; Их же. Приоритетные направления развития семеноводства Республики Мордовия // Роль повышения квалификации кадров в инновационном развитии агропромышленного комплекса Мордовии : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2011. С. 85 — 88 ; Гурьянов А. М., Артемьев А. А. К вопросу семеноводства сельскохозяйственных культур в Республике Мордовия // Научные основы современных агротех-

нологий в сельскохозяйственном производстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2015. С. 22 — 29.

² См.: **Ананьев М. А.** Управление устойчивостью системы продовольственного обеспечения : монография. Саранск, 2013. 200 с.

³ **Печаткин В. Г., Гурьянов А. М., Артемьев А. А.** Адаптивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур в условиях Республики Мордовия. Саранск, 2003. 428 с. ; Федеральный закон от 17 декабря 1997 года № 149-ФЗ «О семеноводстве» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 04.04.2018) ; Руководство по апробации сортовых посевов : метод. рук. О. С. Арсентьева [и др.]. Казань, 2002. 228 с.

⁴ **Termohlen G. P.** Organizing and Managing a Seed Production Program // Seed production technology: International Center for Agricultural Research in the Dry Areas (ICARDA) / Ed. by J. P. Srivastava, L. T. SimiarskiP. Aleppo (Syria), 1986. P. 22 — 26 [Электронный ресурс]. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNAAW797.pdf (дата обращения: 04.04.2018) ; **Campbell K.G.** Modern Trends in Wheat Production in the United States // Increasing wheat production in Central Asia through science and cooperation: Proceedings of the First Central Asian Wheat Conference [Edit. A. McNab, K. G. Campbell et.] Almaty: CIMMYT. 2005. P. 31 — 39 [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.cimmyt.org/xmlui/bitstream/handle/10883/1257/81430.pdf> (дата обращения: 04.04.2018) ; **William H. M.** Biotechnology Applications for Wheat Improvement at CIMMYT / H. M. William, R. P. Singh, R. Trethowan, M. van Ginkel, A. Pellegrineschi, J. Huerta-Espino, and D. Hoisington // Ibid. P. 100 — 103.

⁵ **Ананьев М. А.** Указ. соч.

Поступила 22.02.2018 г.

УДК:336.146 (470+571)

*Н. В. Чубриков, Н. Н. Катайкина, А. А. Маркова
N. V. Chubrikov, N. N. Kataykina, A. A. Markova*

РАСХОДЫ БЮДЖЕТА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

BUDGET EXPENDITURES OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA AND THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SPHERE OF THE REGION

Ключевые слова: регион, бюджет, доход, расход, дефицит, структура расходов, социальная сфера, образование, здравоохранение, культура, социальная политика, человеческий потенциал.

В статье анализируются актуальные проблемы социально-экономического развития Республики Мордовия, структура расходов бюджета, развитие социальной сферы и ее финансирование; рассматривается необходимость усиления государственного начала в проводимой социальной политике.

Key words: region, budget, income, expenditure, deficit, expenditure structure, social sphere, education, health service, culture, social policy, human potential.

The current problems of social and economic development of the Republic of Mordovia, the structure of budget expenditures, the development of social sphere and its funding are analyzed in the article. The necessity to strengthen the state principle in the current social policy is also considered.

Важная задача государства — обеспечение качества жизни и благосостояния людей, в решении которой в России, по признанию президента, еще не достигнут необходимый уровень¹. Изучение вопросов развития социальной сферы и ее финансирования на федеральном и региональном уровнях находится в центре внимания многих исследователей².

Экономические условия, характерные для современной России, привели к необходимости ориентации бюджетной политики на решение задач, обеспечивающих не только стабильный экономический рост, но и социальную ориентацию экономики. С помощью бюджета руководство страны (региона) осуществляет регулирование территориальных пропорций общественного воспроизводства и в части установления равновесия между величиной созданного продукта и объемом конечного потребления территории, обеспечивая при этом необходимый уровень доступности благ³. Тезис «где бы на территории России не проживали люди, они должны жить примерно в одинаковых условиях» становится руководящим принципом проведения региональной социальной политики на современном этапе⁴.

К полномочиям субъектов РФ относятся многие вопросы социальной политики, эффективное решение которых способствует экономическому развитию региона, поэтому, закладывая в расходную часть финансы на решение социальных проблем, органы власти субъекта одновременно осуществляют государственное регулирование своей экономики. Например, развивая систему образования в регионе, субъект РФ способствует созданию наукоемких производств и инновационному развитию территории, поскольку для этого необходим высокий образовательный уровень населения. Осуществление четвертой промышленной революции невозможно без вложений в человеческий капитал: «Революционная интеллектуализация производства — следующий этап его автоматизации и роста производительности труда, когда машины замещают не только физические, но и управленческие функции человека, оставляя за ним лишь научно-исследовательскую, сугубо творческую составляющую»⁵. Задача статьи — исследовать состояние социальной сферы в одном из небогатых регионов России — Республике Мордовия, бюджет которой, как и у большинства других субъектов федерации балансируется с помощью финансовых трансферов из центра.

Современная социально-экономическая ситуация в Республике Мордовия характеризуется увеличением объемов продукции в ряде отраслей промышленности, сельскохозяйственном производстве, строительстве, стабильной ситуацией на рынке труда. Увеличились среднедушевые доходы населения, средняя заработная плата и пенсии, валовой региональный продукт, объемы производства в ключевых отраслях экономики и др. (табл. 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Республики Мордовия

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	13 081,3	14 432,8	16 133,6	17 854,9	17 773,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	15 186,6	18 100,7	20 342,1	22 028,5	23 228,7

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Средний размер назначенных месячных пенсий, руб.	8 190,2	8 960,5	9 720,8	10 801,0	16 154,0
Валовой региональный продукт млн руб.	134 315,6	148 705,7	173 872,7	187 397,3	н / д
на душу населения, руб.	163 399,0	182 380,2	214 519,4	231 878,3	н / д
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млн. руб.:					
добыча полезных ископаемых	166,2	185,2	223,6	426,7	132,4
обрабатывающие производства	101 320,1	106 093,4	118 328,4	129 685,7	138 024,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	10 211,7	10 653,6	11 592,7	11 669,5	12 183,8
Продукция сельского хозяйства, млн. руб.	39 225,1	40 289,3	46 279,7	53 554,7	58 678,5
В том числе:					
продукция растениеводства	17 039,6	16 951,0	18 823,4	21 989,1	25 207,3
продукция животноводства	22 185,5	23 338,3	27 456,3	31 565,7	33 471,2

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2017. С. 23.

Динамика исполнения бюджета Республики Мордовия по расходам представлена на рисунке.

В 2013 г. расходы составили 35 465 878,0 тыс. руб., а к 2016 г. они увеличились на 4 772 498,3 тыс. руб., или на 13,5 %, и составили 40 238 376,3 тыс. руб. Почти полови-

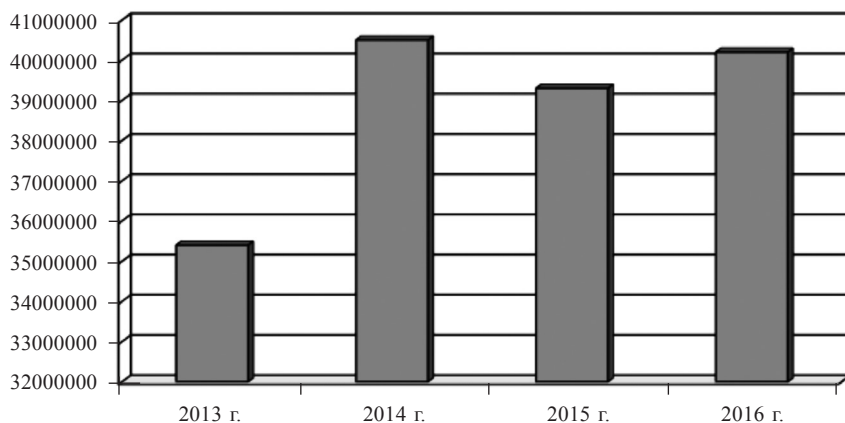

Рисунок. Динамика исполнения бюджета Республики Мордовия по расходам в 2013 — 2016 гг.

на бюджетных расходов приходится на такие разделы, как «Образование», «Здравоохранение» и «Социальная политика».

В 2013 г. удельный вес раздела «Образование» составил 17,9 %, «Здравоохранение» — 14,3 %, «Социальная политика» — 15,3 %. В 2016 г. доля бюджетных расходов на образование увеличилась до 20,3 %, на здравоохранение уменьшилась до 13,3 %, на социальную политику сократилась до 15,0 %. На мероприятия по охране окружающей среды в 2013 г. было потрачено 0,05 % республиканского бюджета, а в 2016 г. — всего 0,02 %⁶.

Финансирование образования в Республике Мордовия осуществляется по уровням бюджетной системы, видам образования и экономической характеристике расходов на уровне образовательного учреждения и зависит от трех факторов — изменения числа учреждений, численности учащихся и размера инвестиционного бюджета региона. Основным источником финансирования расходов на образование служат федеральный, региональный и муниципальные бюджеты. Внебюджетные средства в финансировании образования в регионе играют незначительную роль, хотя учреждения заинтересованы в расширении внебюджетного финансирования, так как значительная часть данных средств направляется на повышение мотивации труда персонала учреждений и улучшение условий труда.

За 2013 — 2016 гг. наблюдается увеличение финансирования образования из консолидированного бюджета РМ. Если в 2013 г. расходы по данной статье составили 6 344 030,4 тыс. руб., то в 2016 г. они исполнены в сумме 8 157 402,3 тыс. руб. Исполнение бюджета по расходам выполняется своевременно и в полном объеме и объясняется это тем, что выделение денежных средств производится в соответствии с целевым характером⁷.

Расходы на здравоохранение в 2013 г. были исполнены в сумме 5 056 584,1 тыс. руб., а к 2016 г. возросли на 275 676,7 тыс. руб., или на 5,5 %, и составили 5 332 260,8 тыс. руб. В финансировании расходов по разделу «Социальная политика» также наблюдается увеличение расходных средств за анализируемый период — на сумму 618 251,5 тыс. руб., или на 11,4 %: в 2013 г. — 5 428 404,6 тыс. руб., в 2016 г. — 6 046 656,1 тыс. руб.⁸

Наименьшая часть расходов регионального бюджета приходится на раздел «Охрана окружающей среды». В 2013 г. на эти цели было израсходовано 18 906,2 тыс. руб., в 2016 г. — 6 751,6 тыс. руб. В динамике расходы за период 2013 — 2016 гг. сократились на сумму 12 154,6 тыс. руб., или на 64,3 %.

Концепция государственной финансовой политики, ориентированная на переход от управления затратами к управлению результатами, определяет новый подход к оценке эффективности использования бюджетных средств. При этом следует исходить из того, что «государственное регулирование и финансирование социальной сферы в настоящее время становится объективной необходимостью»⁹.

Показателями эффективности использования бюджетных средств являются:

- подушевое финансирование населения региона;
- количество учебных заведений (дошкольных учреждений, школ, вузов и др.);
- обеспеченность врачами, медицинскими работниками и др.;
- количество театров, музеев, библиотек и др.

В таблице 2 приведены расчеты среднедушевого финансирования основных целевых программ, реализуемых в Республике Мордовия. Данные таблицы свиде-

Таблица 2

Динамика подшевого финансирования населения Республики Мордовия в 2013 — 2016 гг.

Направление финансирования	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.		Изменение подшевого финансирования + (-)	
	Общий объем, тыс. руб.	Подшевое финансирование, руб.	Общий объем, тыс. руб.	Подшевое финансирование, руб.	Общий объем, тыс. руб.	Подшевое финансирование, руб.	Общий объем, тыс. руб.	Подшевое финансирование, руб.	2016 г. к 2013 г.	2016 г. к 2015 г.
Общесударственные вопросы	1 131 193,8	1 381,92	1 337 557,6	1 646,92	1 724 181,5	2 131,55	1 149 182,7	1 423,22	41,30	-708,33
Национальная оборона	19 831,9	24,23	20 935,5	25,78	22 100,5	27,32	22 052,1	27,31	3,08	-0,01
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	211 078,7	257,86	225 241,7	277,34	241 583,3	298,66	216 606,0	268,26	10,39	-30,40
Национальная экономика	169 317,0	206,85	176 102,5	216,83	9 698 990,7	11 990,52	317 328,0	393,00	186,15	-11 597,52
Жилищно-коммунальное хозяйство	1 234 628,2	1 508,28	1 206 897,7	1 486,04	1 154 647,7	1 427,45	1 258 151,5	1 558,17	49,89	130,72
Охрана окружающей среды	18 906,2	23,10	18 906,2	23,28	23 269,4	28,77	6 751,6	8,36	-14,74	-20,41
Образование	6 344 030,4	7 750,18	8 278 453,6	10 193,18	8 088 503,0	9 999,53	8 157 402,3	10 102,63	2 352,46	103,10
Культура, кинематография	727 515,1	888,77	1 260 383,2	1 551,90	1 580 751,6	1 954,23	680 248,6	842,46	-46,31	-1 111,77
Здравоохранение	5 056 584,1	6 177,37	4 630 662,9	5 701,69	5 388 810,1	6 662,00	5 332 260,8	6 603,80	426,43	-58,19
Социальная политика	5 428 404,6	6 631,60	5 988 288,8	7 373,32	5 826 460,0	7 203,05	6 046 656,1	7 488,55	856,95	285,51
Физкультура и спорт	584 179,1	713,66	385 093,5	474,16	1 527 063,6	1 887,86	867 191,0	1 073,98	360,32	-813,87
Прочие	14 540 208,9	17 763,03	16 816 085,9	20 705,49	2 398 214,0	2 964,83	16 184 545,6	20 043,95	2 280,92	17 079,12
Всего расходов	35 465 878,0	43 326,84	40 337 283,8	49 666,92	39 183 138,3	48 440,75	40 238 376,3	49 833,71	16 506,87	1 392,96

Составлена по: URL: <http://www.minfinm.ru> (официальный сайт Министерства финансов Республики Мордовия) (дата обращения: 01.02.2018).

тельствуют, что за 2013 — 2016 гг. подушевое финансирование возросло с 43 326,84 до 49 833,71 руб., или на 6 506,87 руб. (15,0 %). По большинству статей отмечается рост подушевых расходов, наибольший прирост в расходах на национальную экономику. Уменьшение показателя произошло только в части финансирования охраны окружающей среды, культуры и кинематографии.

Рассмотрим какие изменения произошли в сфере образования в результате увеличения ее финансирования (табл. 3). За 2011 — 2016 гг. число дошкольных образовательных организаций сократилось с 234 до 205 ед., или на 12,4 %, при этом число воспитанников выросло на 2,3 тыс. чел., или на 8,1 %.

Число государственных дневных общеобразовательных организаций сократилось с 438 в 2011 г. до 364 ед. в 2016 г., или на 16,9 %, число обучающихся тоже уменьшилось на 0,8 тыс. чел., или 1,2 %. Произошло уменьшение числа дневных общеобразовательных организаций в сельской местности, что во многом обусловило исчезновение восьми сельских населенных пунктов с 1 248 на 1 января 2011 г. до 1 240 пунктов на начало 2017 г.

Число государственных вечерних общеобразовательных организаций уменьшилось за рассматриваемый период с 6 до 4 ед., или на 33,3 %, а число обучающихся сократилось на 0,4 тыс. чел., или на 30,8 %.

Развитие реального сектора экономики во многом предопределяется уровнем и качеством профессиональной подготовки кадров, поэтому приоритетными проектами Министерства образования и науки РФ являются проекты «Рабочие кадры для передовых технологий» и «Вузы как центры пространства создания инноваций». Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих (служащих) в Республике Мордовия, сократилось с 23 в 2011 г. до 19 ед. к концу анализируемого периода, или на 17,4 %, при этом число обучающихся уменьшилось на 1,1 тыс. чел., или на 23,4 %.

Число государственных профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, за рассматриваемый период уменьшилось с 31 до 29 ед., или на 6,5 %, а число обучающихся студентов сократилось на 0,9 тыс. чел., или на 6,8 %.

Количество государственных и негосударственных образовательных организаций высшего образования за анализируемый период осталось без изменения. Однако число студентов государственных образовательных организаций высшего образования уменьшилось на 10,8 тыс. чел., или на 30,4 %, а число студентов негосударственных образовательных организаций высшего образования напротив увеличилось на 1,2 тыс. чел., или на 46,2 %.

Рассмотрим какие изменения произошли в сфере здравоохранения Республики Мордовия (табл. 4). За анализируемый период (2011 — 2016 гг.) третья часть больничных организаций перестала существовать (34,0 %), в республике на 17 учреждений здравоохранения стало меньше. Сокращение большей частью коснулось сельской местности, что наряду с отмечаемым ранее закрытием образовательных организаций (дошкольных образовательных организаций, школ и т. д.) ведет к исчезновению сельских населенных пунктов. При этом общепризнанным является тот факт, что наряду с предприятиями реального сектора экономики, учреждения образования, здравоохранения и культуры являются селообразующими институтами.

Таблица 3

Основные показатели образования в Республике Мордовия в 2011 — 2016 гг.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г.	
							+ (-)	%
Дошкольные образовательные организации	234	235	237	224	229	205	-29	-12,40
В них воспитанников, тыс. чел.	28,6	29,9	30,2	29,1	30,2	30,9	2,3	8,05
Число государственных дневных общеобразовательных организаций	438	419	404	378	371	364	-74	-16,89
В них обучающихся, тыс. чел.	69,0	67,9	67,4	67,9	68,8	69,8	0,8	1,16
Число государственных вечерних (сменных) общеобразовательных организаций	6	6	6	6	4	4	-2	-33,33
В них обучающихся, тыс. чел.	1,3	1,4	1,4	1,4	1,0	0,9	-0,4	-30,77
Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих (служащих)	23	22	20	18	19	н/д	-4	-17,39
В них обучающихся, тыс. чел.	4,7	4,2	3,7	3,7	3,6	н/д	-1,1	-23,40
Число государственных профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена	31	29	30	30	29	н/д	-2	-6,45
В них студентов, тыс. чел.	13,2	13,4	12,8	12,4	12,3	н/д	-0,9	-6,82
Число государственных образовательных организаций высшего образования	2	2	2	2	2	2	0	0,00
В них студентов, тыс. чел.	35,5	33,2	27,2	25,5	24,8	24,7	-10,8	-30,42
Число государственных образовательных организаций высшего образования	1	1	1	1	1	1	0	0,00
В них студентов, тыс. чел.	2,6	3,0	7,1	6,4	5,4	3,8	1,2	46,16

Составлена по: Мордовия. 2017. С. 165.

Таблица 4

Основные показатели здравоохранения в Республике Мордовия за 2011 — 2016 гг.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г.	
							+ (-)	%
Число больничных организаций	50	47	43	39	34	33	-17	-34,00
Число больничных коек, всего	8 794	8 519	8 233	7 525	6 580	6 511	-2 283	-25,96
на 10 000 чел. населения	106	104	101	93	82	81	-25	-23,58
Число врачебных организаций, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению	75	73	70	66	90	84	9	12,00
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену, всего	18 013	18 862	18 705	19 763	19 735	20 038	2025	11,25
на 10 000 чел. населения	218,2	230,4	230,3	244,3	244,4	247,8	29,6	13,57
Число фельдшерско-акушерских пунктов	504	503	494	492	489	488	-16	-3,17
Число коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин и рожениц	380	393	390	380	318	308	-72	-18,94
Численность врачей всех специальностей, всего, чел.	4 278	4 303	4 348	4 364	4 340	4 330	52	1,22
на 10 000 чел. населения	52	53	54	54	54	53,6	1,6	3,08
Численность среднего медицинского персонала, всего, чел.	9 755	9 822	9 733	9 498	9 317	9 115	-640	-6,56
на 10 000 чел. населения	118,2	120,0	119,8	117,4	115,4	112,7	-5,5	-4,65

Составлена по: Мордовия. 2017. С. 178.

Отмечаемые изменения привели к значительному снижению доступности медицинских услуг для населения республики, что не может не отразиться на здоровье людей. Жители Мордовии испытывают трудности при записи на прием к узким специалистам и проведении обследований.

Число больничных коек сократилось с 8 794 до 6 511 ед., или на 26 %, показатель числа больничных коек на 10 000 чел. населения уменьшился с 106 до 81 ед., или на 23,6 %.

Число врачебных организаций, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению, выросло с 75 до 84 ед., или 9 %. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (количество посещений в смену) выросла с 18 013 до 20 038 ед., или на 11,3 %, этот же показатель в расчете на 10 000 чел. населения увеличился с 218,2 до 247,8 ед., или на 13,6 %.

Число фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) сократилось с 504 до 488 ед., или на 3,2 %. Число коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин и рожениц уменьшилось с 380 до 308 ед., или на 18,9 %.

Численность врачей всех специальностей немного увеличилась — с 4 278 до 4 330 чел., или 1,2 %. Численность врачей всех специальностей на 10 000 чел. населения стала больше на 3,1 %, увеличившись с 52,0 до 53,6 чел. Особую озабоченность вызывает уменьшение численности среднего медицинского персонала с 9 755 до 9 115 чел., или на 6,6 %. Численность среднего медицинского персонала в расчете на 10 000 чел. населения уменьшилась с 118,2 до 112,7 чел., или на 4,7 %. Наряду с врачами, средний медицинский персонал играет важную роль в процессе профилактики и лечения заболеваний, и уменьшение его численности может негативно сказаться на здоровье всех категорий населения. В связи с этим нельзя допускать уменьшение подушевого финансирования здравоохранения.

Рассмотрим изменения, произошедшие в сфере культуры Республики Мордовия (табл. 5).

За рассматриваемый период число библиотек сократилось с 545 до 531 ед., или на 2,6 %: количество библиотек в городской местности республики уменьшилось на 5 ед. (6,8 %), в сельской — на 9 ед. (1,9 %). Библиотечный фонд сократился с 6 968 тыс. до 6 689 тыс. экз., или на 4,0 %: городских библиотек — на 2,6 %, сельских — на 5,01 %. В расчете на 1 000 чел. населения количество экземпляров в среднем снизилось с 8 442 до 8 284 экз., или на 1,9 %.

Число организаций культурно-досугового типа сократилось с 544 до 526 ед., или на 3,3 %: в городской местности — на 12,2 %, сельской — на 2,6 %. Количество музеев (включая филиалы) осталось без изменения. Число посещений музеев выросло с 209,2 до 222,6 ед., или на 6,4 %. В расчете на 1 000 чел. населения последний показатель увеличился с 252,2 до 275,4 ед., или на 9,2 %. Число профессиональных театров осталось прежним. Число посещений театров возросло с 178,0 до 206,4 ед., или 16 %.

Подводя итог, отметим, что в Республике Мордовия произошло существенное увеличение объема финансирования социальной сферы, что прямо или косвенно способствует социально-экономическому развитию региона¹⁰. Это убедительно доказывает, что развитие социальной сферы, проведение грамотной демографической политики, увеличение финансирования развития человеческого потенциала следует рассматривать как важный фактор поступательного развития общества.

Таблица 5

Основные показатели культуры в Республике Мордовия в 2011 — 2015*

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2011 г.	
						+ (-)	%
Число библиотек, всего	545	541	539	537	531	-14	-2,57
В том числе:							
в городах и поселках городского типа	74	69	69	69	69	-5	-6,76
в сельской местности	471	472	470	468	462	-9	-1,91
Библиотечный фонд, тыс. экз.	6 968	6 889	6 823	6 751	6 689	-279	-4,00
В том числе:							
в городах и поселках городского типа	2 935	2 894	2 875	2 868	2 860	-75	-2,56
в сельской местности	4 033	3 995	3 948	3 883	3 829	-204	-5,06
Число экземпляров в среднем на 1 000 чел. населения, экз.	8 442	8 416	8 401	8 346	8 284	-158	-1,87
Всего организаций культурно-досугового типа	544	539	535	529	526	-18	-3,31
В том числе:							
в городах и поселках городского типа	41	39	38	37	36	-5	-12,20
в сельской местности	503	500	497	492	490	-13	-2,58
Число музеев (включая филиалы), всего	24	22	24	24	24	0	0,00
Число посещений музеев, тыс.	209,2	192,3	160,4	193,9	222,6	13,4	6,41
Число посещений музеев на 1 000 чел. населения	252,2	233,9	196,7	239,2	275,4	23,2	9,20
Число профессиональных театров, всего	5	5	5	5	5	0	0,00
В том числе:							
драмы, комедии и музыкальных	3	3	3	3	3	0	0,00
детских и юного зрителя	2	2	2	2	2	0	0,00
Число посещений театров, тыс.	178,0	196,1	207,2	204,3	206,4	28,4	15,96

Составлена по: Мордовия. 2016. С. 197 — 198.

* В последнем статистическом ежегоднике, опубликованном в конце 2017 г. и содержащем сводную информацию за 2016 г., данные по культуре не представлены.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости оптимизации сферы образования как основополагающего фактора формирования человеческого потенциала и социально-экономического развития региона. Образование всегда высоко ценилось, но при переходе к шестому технологическому укладу человеческий капитал становится конкурентным преимуществом любого социума.

В целях повышения эффективности использования бюджетных средств в Республике Мордовия, можно предложить следующие направления:

1. Применять в региональной практике эффективного использования бюджетных средств процессы прогнозирования и планирования. Нами рассчитан прогноз расходов бюджетных средств на 2017 — 2019 гг., согласно которому к концу указанного периода расходы бюджета РМ составят 41 235,4 млн руб.

2. Необходимо проводить политику по увеличению среднедушевых бюджетных расходов, что будет способствовать развитию образования, культуры и других социально значимых сфер.

3. Исключить возможное нарушение бюджетного законодательства, заключающееся в нецелевом использовании бюджетных средств.

Предлагаемые меры могут быть применены в практике использования бюджетных средств Республики Мордовия, что будет способствовать выравниванию доходной и расходной частей бюджета и развитию экономики и социальной сферы региона.

Библиографические ссылки

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2018 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 02.02.2018).

² См.: **Кильдюшкина И. Г., Ушакова О. Ф.** Парадигма устойчивого развития региональной экономики // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 7 — 12 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Ерёмкина Т. В.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2011. № 3 (19). С. 7 — 20 ; **Лещайкина М. В.** Интегральная оценка социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия // Там же. 2012. №2 (22). С. 7 — 16 ; **Николаев К. Н.** Комплексное исследование социально-экономического развития муниципальных образований Республики Мордовия // Там же. 2012. № 4 (24). С. 14 — 22 ; **Игнатьева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3. С. 127 — 134 ; **Кильдюшкина И. Г.** Эффективность программно-целевого регулирования бюджетной сферы региона // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 158 — 167 ; **Кашицина В. В., Блинов Д. С., Подсевакин Д. В., Саушев С. В.** Динамика доходов населения Республики Мордовия и их дифференциация как индикатор уровня жизни // Там же. 2015. № 1 (33). С. 89 — 96 ; **Щукин Г. М., Тингаев В. К., Агафонова И. А.** Дифференциация регионов Приволжского федерального округа по уровню экономического развития // Там же. 2016. № 2 (38). С. 117 — 132 ; **Филипова А. Г., Еськова А. В., Инзарцев А. В.** Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // Регионология. 2017. № 3. С. 438 — 455 ; **Гусева С. В., Артемьева С. С.** Исследование системы межбюджетных отношений в контексте повышения устойчивости региональных бюджетов РФ // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 2 (42). С. 132 — 138 ; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В.** Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Там же. 2017. № 1 (41). С. 94 — 104.

³ См.: **Липатова Л. Н.** Народонаселение России в постсоветский период: федеральный и региональный аспекты. Саранск, 2014. С. 41.

⁴ См.: О налогах и межбюджетных отношениях (По материалам пресс-конференции Президента Российской Федерации В. В. Путина 14 дек. 2017 года) // Финансы. 2017. № 12. С. 3 — 5.

⁵ Байнев В. «Четвертая промышленная революция» как очередной этап экономической интеграции // Экономист. 2017. № 2. С. 3 — 9.

⁶ URL:<http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

⁷ Закон РМ от 11.12.2015 N89-3 «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2016 год» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

⁸ URL:<http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

⁹ Чубриков Н. В. Государственное регулирование и финансирование социокультурной сферы // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 3 (34). С. 60 — 66.

¹⁰ См.: Зотова Е. В., Катайкина Н. Н., Чубрикова Л. Н. Человеческий потенциал региона: формирование и развитие. Саранск, 2013. С. 230 ; Клупт М. А. Центр — периферийные отношения в Европе: демографический аспект // Мировая экономика и международ. отношения. 2015. № 2. С. 60.

Поступила 22.02.2018 г.

УДК 334(470.345)

Н. В. Тренькаева, Л. Н. Липатова
N. V. Trenkaeva, L. N. Lipatova

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

THE MAIN TRENDS OF SMALL INNOVATION BUSINESS DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, научно-технический прогресс, научные исследования, инновации, технопарк, инвестиции.

В статье выявляются основные тенденции развития малого инновационного предпринимательства в Республике Мордовия, оценивается его эффективность; предлагаются меры по развитию инновационной деятельности.

Key words: entrepreneurship, small business, scientific and technological progress, scientific researches, innovations, technology park, investments.

The main tendencies of small innovative entrepreneurship development in the Republic of Mordovia is revealed in the article, as well as its effectiveness is estimated and measures to develop innovative activities are proposed.

Мировые тенденции экономического развития определяют необходимость прорыва в развитии всех секторов отечественной экономики, что возможно только на основе широкого внедрения в хозяйственную деятельность достижений научно-технического прогресса¹. Для современной России задача перехода к инновационной модели является одной из самых актуальных и сложных, решение которой заключа-

ется в повсеместном распространении инноваций, ускоренном развитии науки, технологий и высокотехнологичных производств, применении инновационных подходов к управлению экономическими системами и др.²

Решающим фактором динамичного развития экономики рыночного типа является сектор малого предпринимательства, благодаря которому происходит обновление участников рынка, возникают новые виды бизнеса, новые предприятия, обеспечивается гибкость всей экономической системы страны и удовлетворение меняющихся и возрастающих потребностей каждого из нас³.

В июне 2017 г. на Прямой линии с Президентом РФ поднимались и вопросы развития малого предпринимательства. «У нас малый и средний бизнес... развивается, может быть, не так быстро, как нам хотелось бы, но, что особенно приятно, развивается в высокотехнологичных сферах. Наши крупные компании должны развиваться рядом с собой целую сеть малых и средних предприятий. Не просто закупать за границей то, что им нужно, а опираться именно на наши малые высокотехнологичные структуры», — отметил В. В. Путин⁴.

Малый инновационный бизнес, реализуя новые направления технологического развития, действует в зоне высоких рисков. Обладая определенными преимуществами, которые помогают им выживать в современных рыночных условиях, малые инновационные предприятия добиваются быстрого роста и развития новых технологических областей, а также выхода на новые конкурентные рынки. К основным сильным сторонам малых форм хозяйствования можно отнести следующее:

— высокая инициативность, реализация новых идей и проявление своих способностей в организации деятельности предприятия;

— отсутствие инертности и быстрая адаптация к постоянно меняющимся условиям на местных рынках;

— повышенная восприимчивость к инновационным и технологическим нововведениям;

— гибкость и оперативность, маневренность и динамизм в принятии управленческих решений;

— низкая потребность в первоначальном капитале, невысокие управленческие затраты, высокая оборачиваемость вложенных инвестиционных средств и низкая капиталоемкость.

Особую актуальность вопросы инновационного развития разных отраслей экономики имеют для Республики Мордовия. Не обладая запасами полезных ископаемых, республика уступает другим регионам РФ в развитии промышленности. В связи с этим основой стратегического развития Мордовии является формирование региональной инновационной системы и более эффективное использование современных наукоемких технологий во всех сферах деятельности. Основной целью Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года, утвержденной Законом Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З, определяется повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики и повышения качества жизни населения⁵.

Политика в области поддержки инновационного предпринимательства опирается на положения республиканской целевой программы развития Республики Мордовия на 2013 — 2019 годы, утвержденной постановлением Правительства Республики Мордовия от 8 октября 2012 года № 363, определяющие одним из основных направ-

лений развития малого бизнеса в Республике Мордовия поддержку малого инновационного предпринимательства, в том числе в сфере высоких технологий⁶.

В целях развития научно-технической и инновационной сферы в Республике Мордовия реализуется Государственная программа научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013 — 2018 гг., целью которой является создание эффективной региональной научно-инновационной системы, направленной на повышение конкурентоспособности экономики и обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия на основе формирования развитой республиканской инновационной инфраструктуры, сбалансированного и эффективного использования ресурсов, научно-технического и образовательного потенциалов республики⁷.

Вопросы в области инновационной деятельности в регионе регулируются Законом Республики Мордовия от 19 июня 2017 г. № 47-З «Об инновационной деятельности в Республике Мордовия». Данным нормативно-правовым актом разграничены полномочия органов государственной власти Республики Мордовия в области инновационной деятельности, определены субъекты инновационной деятельности, установлены формы государственной поддержки инновационной деятельности, определен механизм реализации государственной инновационной политики в Республике Мордовия.

Одним из ключевых проектов в инновационном развитии республики в сфере высоких технологий является деятельность автономного учреждения «Технопарк — Мордовия». Его реализация позволяет обеспечить необходимые условия для наращивания инновационного потенциала и коммерциализации инноваций. В рамках Технопарка активно функционируют:

— Инновационно-производственный комплекс, оснащенный современными инженерными коммуникациями и техническим оборудованием;

— Центр энергосберегающей светотехники, располагающий исследовательской и производственной базами, позволяющими проводить исследования всех современных источников света, а также производить и обрабатывать собственные изделия;

— Центр экспериментального производства, предназначенный для опытного и мелкосерийного производства продукции;

— Инжиниринговый центр волоконной оптики — межрегиональная технологическая платформа для разработки технологии и производства специального оптического волокна с заранее заданными свойствами для промышленных предприятий Российской Федерации в области фотоники;

— Центр проектирования инноваций, оказывающий полный комплекс услуг от разработки компьютерной модели и встроенного программного обеспечения изделия до изготовления опытного образца и его тестирования;

— Информационно-вычислительный комплекс, призванный обеспечить максимально благоприятные условия работы для компаний в сфере информационных технологий⁸.

В конце 2017 г. резидентами АУ «Технопарк — Мордовия» выступали 102 компании, из которых 81 — субъект малого предпринимательства, в том числе микропредприятия и индивидуальные предприниматели, что составляет 79,4 %, остальные 20,6 % — компании с участием государства и крупный бизнес⁹ (рис. 1).

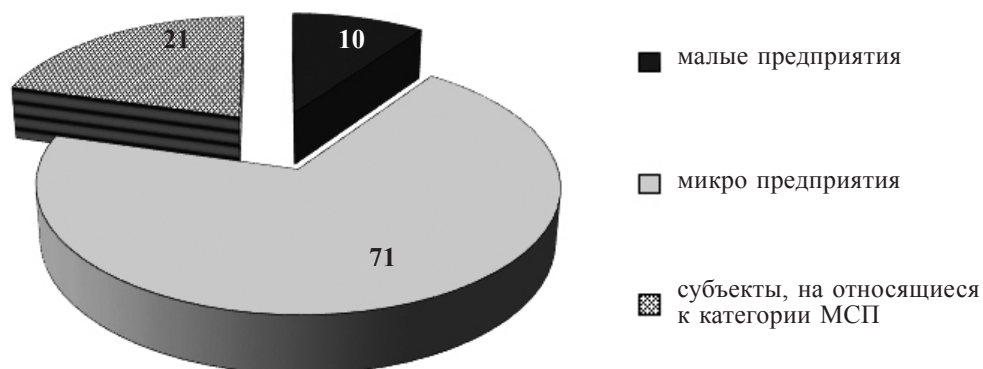

Рис. 1. Состав резидентов АУ «Технопарк — Мордовия» по категориям, единиц

Важнейшим институтом поддержки инновационного предпринимательства в Республике Мордовия является Агентство инновационного развития Республики Мордовия (АИР РМ), которое осуществляет всестороннюю поддержку инновационных проектов на ранних стадиях развития и является управляющей компанией инновационного бизнес-инкубатора «Молодежный». К главным задачам АИР РМ относятся:

- поиск и отбор инновационных идей и проектов;
- осуществление экспертизы проектов;
- оказание услуг по исследованию конъюнктуры рынка и выявлению общественного мнения;
- оказание консультационных услуг субъектам инновационной деятельности;
- содействие подбору персонала субъектам инновационной деятельности;
- организация и проведение встреч и переговоров с потенциальными контрагентами;
- информационная поддержка субъектов инновационной деятельности в Мордовии;
- организация и проведение образовательных мероприятий, направленных на формирование знаний и навыков в области современных технологий и бизнеса;
- эффективное управление инфраструктурой АИР РМ в рамках всесторонней поддержки инновационных проектов и программ;
- конструктивное взаимодействие с другими организациями, учреждениями, объединениями и физическими лицами с целью развития инновационной экосистемы Республики Мордовия.

АИР РМ проводит образовательные мероприятия, целью которых является подготовка кадров для инновационной деятельности, а также популяризация инновационного предпринимательства среди молодежи. Проектам предпринимателей, имеющим высокий научно-технический и коммерческий потенциал, оказывается экспертная, правовая, инфраструктурная и информационная поддержка, а также помощь в подборе персонала, поиске инвесторов и соответствующих заявленным проектам программ грантового финансирования¹⁰.

Резиденты инновационного бизнес-инкубатора «Молодежный» в конце 2017 г. представлены 67 молодыми компаниями сектора малого бизнеса, из них 33 индивидуальных предпринимателя и 34 хозяйственных общества (рис. 2)¹¹.

При анализе развития малого инновационного бизнеса в Мордовии мы опирались на статистические данные за 2012 — 2016 гг., выделив следующие виды экономической деятельности:

- научные исследования и разработки;
- деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий;
- производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что количество малых предприятий в Мордовии в 2012 — 2016 г. сократилось на 17 % и составило 1 018 ед., в то время как их число в сфере инновационной деятельности выросло на 31,3 % и к концу 2016 г. таких было 42 ед. Если рассматривать только сферу научных исследований и разработок, то здесь наблюдается еще больший прирост — 33,3 %. Численность занятых в сфере инноваций за рассматриваемый период изменилась мало: в 2016 г. на инновационных малых предприятиях трудились 1 225 чел.

Малые инновационные предприятия занимают небольшую долю в секторе малого бизнеса региона (0,4 %) в связи с тем, что они либо являются частью научно-исследовательских организаций, таких как ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (инновационный проект «Синтез и обработка монокристаллов карбида кремния»), ООО «Научно-исследовательский институт источников света имени А. Н. Лодыгина» (проект «Создание высокоэффективных, энергосберегающих и экологически безопасных источников света на основе инновационных достижений в области материалов, технологий и принципов генерирования светового излучения»), ООО «Научно-исследовательский институт специальных систем связи, автоматизации и управления» (проекты в сфере информационных технологий на базе сети современных центров обработки данных), либо функционируют на основе крупного бизнеса, заводов и опытных производств, таких как ЗАО «РМ-Рейл Инжиниринг» (иннова-

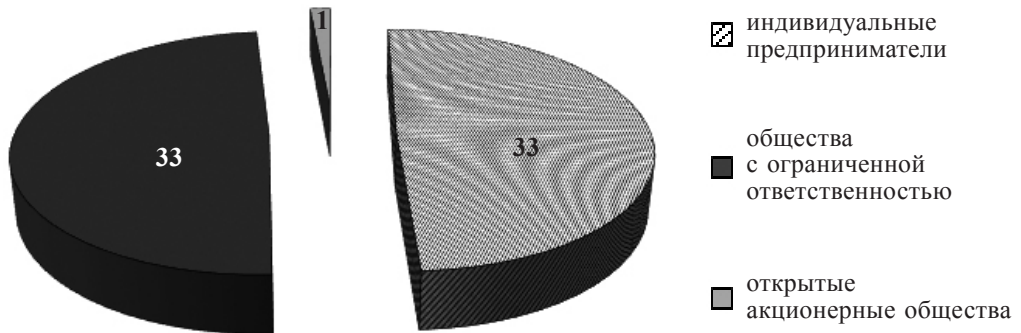

Рис. 2. Состав резидентов инновационного бизнес-инкубатора «Молодежный» по категориям, единиц

Таблица

Основные показатели деятельности малых предприятий Республики Мордовия в сфере инновационной деятельности за 2012 — 2016 гг.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 к 2012, %
1	2	3	4	5	6	7
Число малых предприятий, ед.						
Всего по Республике Мордовия	1 227	1 148	1 073	1 068	1 018	83,0
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	16	14	15	14	16	100,0
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	13	15	15	15	22	169,2
Научные исследования и разработки	3	3	3	3	4	133,3
Итого в сфере инноваций	32	32	33	32	42	131,3
Средняя численность работников, чел.						
Всего по Республике Мордовия	35 940	37 267	32 637	29 501	31 806	88,5
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	616	609	448	405	543	88,1
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	431	528	562	578	639	148,3
Научные исследования и разработки	121	105	84	20	43	35,5
Итого в сфере инноваций	1 168	1 242	1 094	1 003	1 225	104,9
Среднемесячная начисленная заработная плата работников предприятий, руб.						
Всего по Республике Мордовия	10 617,9	11 964,3	13 930,7	15 888,3	22 141,0	208,5
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	15 059,1	17 081,4	16 959,6	20 584,4	28 088,0	186,5
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	21 719,2	21 004,6	24 043	27 331,4	24 886,3	114,6
Научные исследования и разработки	16 452,2	18 662,6	25 736,6	40 277,5	18 443,9	112,1
Итого в сфере инноваций	17 743,5	18 916,2	22 246,4	29 397,8	23 806,1	134,2

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб.						
Всего по Республике Мордовия	24 206 570	27 009 324	26 723 894	31 764 577	32 545 007	134,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1 612 056	1 002 577	523 823	638 025	1 179 550	73,2
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	267 510	323 806	353 440	444 648	492 050	183,9
Научные исследования и разработки	39 928	32 137	30 989	36 761	52 307	131,0
Итого в сфере инноваций	1 919 494	1 358 520	908 252	1 119 434	1 723 907	89,8
Оборот предприятий, тыс. руб.						
Всего по Республике Мордовия	44 799 005	44 896 097	46 811 944	50 851 099	58 707 878	131,0
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1 615 818	1 009 010	552 668	668 691	1 246 366	77,1
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	290 127	333 092	358 213	504 887	534 523	184,2
Научные исследования и разработки	39 928	32 137	30 989	36 761	52 307	131,0
Итого в сфере инноваций	1 945 873	1 374 239	941 870	1 210 339	1 833 196	94,2
Производительность труда, тыс. руб. на чел.						
Всего по Республике Мордовия	1 246,5	1 204,7	1 434,3	1 723,7	1 845,8	148,1
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	2 623,1	1 656,8	1 233,6	1 651,1	2 295,3	87,5
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	673,1	630,9	637,4	873,5	836,5	124,3
Научные исследования и разработки	323,0	306,1	368,9	1 838,1	1 216,4	в 3,8 раза
Итого в сфере инноваций	1 666,0	1 106,5	860,9	1 206,7	1 496,5	89,8

Составлена по: URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 05.03.2018).

ционный проект «Проектирование железнодорожных грузовых вагонов с использованием программных средств 3D-моделирования, текстурирования и анимации»), ООО «РЕГИОН-13 РУС» (проект «Разработка микрооптических коллимирующих элементов и приборов на их основе»), ЗАО «Лидер-Компаунд» (проект «Организация производства пероксидносшиваемого изоляционного среднего компаунда для кабелей напряжения до 35 кВт») и др.

Обращает на себя внимание резкое сокращение численности занятых в сфере научных исследований и разработок: если средняя численность работников малых предприятий РМ в 2012 — 2016 гг. сократилась на 11,5 % и составила 31 806 чел., то в сфере научных исследований и разработок рассматриваемый показатель снизился почти в 3 раза (с 121 до 43 чел.), хотя занятых этим видом деятельности малых предприятий стало больше. Причиной такой динамики может быть то, что организация деятельности данных предприятий оправдано допускает неполную занятость: многие сотрудники заняты на условиях совместительства или по договорам возмездного оказания услуг, в штатный состав либо не включаются, либо учитываются на часть ставки.

Среднемесячная начисленная заработная плата работников малых предприятий РМ в 2012 — 2016 гг. выросла более чем в 2 раза и составила 22 141 руб. Не может не вызвать вопросы более чем 2-кратное падение средней заработной платы сотрудников малых предприятий в сфере научных исследований и разработок. В 2016 г. их заработная плата была самой низкой из числа организаций выделенных видов экономической деятельности — 18 444 руб., что на 17 % меньше среднего показателя по сектору малого бизнеса региона. Хотя еще годом ранее занятые научными исследованиями и разработками зарабатывали в среднем в 2,5 раза больше, чем работники других малых предприятий. Возможной причиной этого могло стать расширение занятости на условиях договоров возмездного оказания услуг, не предусматривающих премиальные выплаты и оплату отпусков, что уменьшает средний показатель.

Оборот предприятий инновационной сферы в 2016 г. превысил 1,8 млн руб., но за 2012 — 2016 гг. показатель сократился на 5,8 %. Весь сектор «малой экономики» за этот период демонстрирует прирост на 31,0 %. В результате удельный вес оборота малых предприятий инновационной сферы уменьшился с 4,3 % до 3,0 %. Несмотря на небольшое значение данного показателя, конкурентоспособная продукция производимая малыми инновационными предприятиями республики позволяет им ориентироваться на новые рынки сбыта, в том числе за пределы региона.

В 2016 г. 68 % оборота малых инновационных предприятий обеспечивало производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования. По сравнению с 2012 г. доля этого вида деятельности уменьшилась на 15 п. п. по причине бурного развития деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, структурная доля которой в обороте почти удвоилась. На научные исследования и разработки в 2012 г. приходилось 2,1 % оборота малых инновационных предприятий, в 2016 г. — 2,8 %.

Оценивая эффективность малого инновационного предпринимательства, следует отметить, что за 2012 — 2016 гг. производительность труда в этих организациях снизилась на 10 %. За этот период в секторе малого бизнеса показатель вырос почти в 1,5 раза. Падение произошло по причине снижения эффективности функциониро-

вания предприятий, занятых производством электрооборудования, электронного и оптического оборудования. В организациях, занятых деятельностью, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, производительность труда увеличилась на 24 %, а в научно-исследовательских организациях — почти в 4 раза.

Итак, развитие малого инновационного предпринимательства в Мордовии характеризуется ростом числа предприятий и численности занятых на них работников. В то время как в 2012 — 2016 гг. число малых предприятий, зарегистрированных в регионе, уменьшилось на 17,0 %, малых предприятий, занятых в инновационной сфере, стало больше на 10 ед.; численность занятых в секторе «малой экономики» сократилась на 11,5 %, а численность работников малых инновационных предприятий увеличилась на 5,0 %. Однако показатель оборота имеет противоположную динамику: по сегменту малых предприятий региона — увеличение на 31,0 %, по группе малых инновационных предприятий — падение на 6,0 %. В результате эффективность инновационной деятельности снизилась на фоне общего роста производительности труда в секторе «малой экономики» региона.

Для дальнейшего развития малого инновационного бизнеса в Республике Мордовия необходимо продолжать работу по формированию надлежащих организационных, финансовых, материальных и технологических условий развития республики, активизировать научно-инновационную деятельность организаций региона и качественно увеличить число научно-инновационных проектов, результатов научных исследований и внедренных инноваций. Для принятия эффективных управленческих решений в данной сфере необходимо организовать мониторинг научно-инновационного потенциала региона, по результатам которого публиковать реестр научных работ, инновационных проектов и идей с целью практической реализации и коммерциализации результатов научной деятельности, а также привлечения потенциальных инвесторов. Стимулированию инновационной творческой инициативы молодых ученых и изобретателей будет способствовать организация конкурсов научных работ и инновационных проектов с выплатой денежных премий победителям, научно-практических конференций для обмена опытом и рождения новых идей. В целях создания имиджа Республики Мордовия как инновационно активного региона, привлечения инвестиций в инновационную сферу, обеспечения общественной поддержки инновационных процессов, необходимо всесторонне освещать мероприятия, направленные на развитие инновационного бизнеса в Республике Мордовия в средствах массовой информации, в том числе в форме телевизионных передач, информационных материалов для федеральных каналов.

Библиографические ссылки

¹ См.: Липатова Л. Н., Пашкин А. А. Характеристика участников рынка инновационного продукта // Инновационные процессы в развитии современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 144 — 147 ; Их же. Оценка инновационного потенциала России // Интеграция образования в условиях инновационной экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2014. Ч. 2. С. 36 — 40 ; Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Статистическая оценка развития инноваций в России // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т. М., 2017. Т. 3. С. 230 — 234.

² См.: **Липатова Л. Н.** Инновации как фактор экономического роста // Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы XVI Макаркин. науч. чтений. Саранск, 2016. С. 96 — 105 ; **Ее же.** Инновационный потенциал экономического развития // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра // Сосновобор. филиал Рос. академии народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. 2016. № 7 (6). С. 127 — 135 ; **Липатова Л. Н., Тингаев В. К., Пашкин А. А.** Сравнительная характеристика инновационных процессов в России // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 107 — 122.

³ **Липатова Л. Н., Саков И. А.** Малый бизнес как важнейший сектор региональной экономики // Государство, наука и бизнес: перспективы сотрудничества : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 109 — 129 ; **Их же.** Статистический анализ развития малого бизнеса в Республике Мордовия // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 442 — 450 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Тулапин С. А.** Основные направления и результаты государственной поддержки малого бизнеса в Республике Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1. С. 105 — 115.

⁴ URL:<http://kremlin.ru/> Официальный сайт Президента России (дата обращения: 05.03.2018).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года [Электронный ресурс]. URL:<http://mineco.e-mordovia.ru/> Официальный сайт Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия (дата обращения: 05.03.2018).

⁶ Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2013 — 2019 годы [Электронный ресурс]. URL:<http://mineco.e-mordovia.ru/> Официальный сайт Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия (дата обращения: 05.03.2018).

⁷ Государственная программа научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013 — 2018 годы [Электронный ресурс]. URL:<http://www.e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/tselevyye-programmy/ministerstvo-promyshlennosti-nauki-i-novykh-tekhnologiy-rm/> Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия (дата обращения: 05.03.2018).

⁸ URL:<http://www.technopark-mordovia.ru/> (дата обращения: 05.03.2018).

⁹ Там же.

¹⁰ URL:<http://i-mordovia.ru/> (дата обращения: 05.03.2018).

¹¹ Там же.

Поступила 27.03.2018 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'271

Н. Н. Щемерова

N. N. Shchemerova

ЯВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ ПРИ УСВОЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ*

PHENOMENA OF GRAMMATICAL INTERFERENCE IN THE RUSSIAN SPEECH OF BILINGUAL CHILDREN LEARNING VERBAL FORMS

Ключевые слова: грамматическая правильность речи, интерференция, глагольные формы.

В статье на материале русской речи дошкольников и младших школьников эрзянской национальности анализируются интерферентные явления, возникающие при усвоении глагольных форм.

Key words: grammatical correctness of speech, interference, verbal forms.

The interference phenomena, observed during learning verbal forms, are analyzed in the article on the example of the Russian speech of preschool children and junior schoolchildren of the Erzya nationality.

Грамматическая правильность речи — это соблюдение в ней основных грамматических норм, большая часть которых сформулирована в виде правил. Отступления от этих норм квалифицируются как грамматические ошибки, которые подразделяются на словообразовательные, морфологические и синтаксические. Знание законов грамматики позволяет человеку успешно общаться на втором языке и при достаточно ограниченном словаре в рамках определенной тематики. Для овладения русским языком ребенку недостаточно заучить ряд типовых фраз — он должен научиться самостоятельно строить фразы из знакомых слов. Чтобы быть понятым собеседником, ему необходимо каждый раз ориентироваться в конкретных условиях общения,

* Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева) по теме «Инновационные технологии обучения дошкольников второму языку».

т. е. творчески использовать имеющиеся у него в памяти языковые (коммуникативные) средства.

Контакт двух грамматических систем (эрзянского и русского языков) в мышлении говорящего вызывает процесс, называемый грамматической интерференцией. Интерференция — процесс объективный, возникающий при языковом контакте независимо от воли и желания говорящего.

Возможность изменения грамматической системы одного языка под воздействием другого является предметом давних дискуссий среди языковедов. Если взаимодействие контактирующих языков в плане синтаксиса¹ сейчас мало у кого может вызвать возражение, то проницаемость морфологического уровня для иноязычного воздействия до сих пор вызывает сомнения и споры среди лингвистов. О. Е. Поляков, рассматривая вопрос взаимодействия мордовских и русского языков, отмечает: «Фонетико-грамматическая структура обычно не затрагивается, когда контактируют разносистемные языки (языки, которые являются разноструктурными). Мордовские и русский языки — языки разноструктурные. Однако их контактирование, которое продолжалось в течение нескольких столетий, привело к значительным изменениям структуры мокшанского и эрзянского языков. В результате длительного контактирования из русского языка в мордовские языки вошли многочисленные лексические элементы, кроме того, русский язык оказал влияние на звуковую сторону мокшанского и эрзянского языков, на словообразование, морфологию и синтаксис»². Грамматическая интерференция является результатом взаимодействия двух различным образом устроенных языковых систем. В связи с этим их исследование возможно лишь на основе анализа структурно-типологических черт контактирующих языков. Сравнивая эрзянский язык с русским, мы находим больше отличительных черт в области морфологии, чем в области фонетики. Они частично рассмотрены мордовскими учеными-языковедами³.

Однако в действительности специфических черт в них несравненно больше и знание их (и учет) важно при анализе интерферентных явлений в русской и родной речи дошкольников и младших школьников эрзянской национальности. Большой интерес вызывают у методистов и педагогов явления интерференции, возникающие в русской речи при усвоении глагольных форм детьми эрзянской национальности.

Глагольные формы в русском и эрзянском языках имеют довольно существенные различия в структурном, грамматическом и стилистическом уровнях:

1) наличие категории вида у русского глагола и ее отсутствие в эрзянском языке. В мордовских языках выделяются лишь видовые оттенки: однократности, многократности и продолжительности действия. Видовые значения в русском языке выражаются морфологическим способом, в мордовских — синтаксическим. Русским префиксальным глаголам совершенного вида в эрзянском языке соответствуют: а) глаголы объектного спряжения + наречный конкретизатор; б) глаголы безобъектного спряжения + наречие или глаголы с частицей; в) сочетание глаголов с деепричастием, местоимением, существительным с послелогом, парные глаголы.

Несовершенный вид передается многократными глаголами. В мордовских языках форма глагола одинакова для выражения как совершенного, так и несовершенного вида русского глагола. При этом добавляется лишь наречие или другое средство, подчеркивающие законченность и незаконченность действия;

2) наличие в эрзянском языке (в отличие от русского) двух форм прошедшего времени — 1-е и 2-е. 1-е прошедшее выражает законченное и незаконченное действие: *морынь* («пел»). 2-е прошедшее (продленно-прошедшее) служит для передачи либо действия, которое предшествовало другому и продолжалось в момент начала последнего, либо повторяемости действия: *морылинь* (пел). В русском языке, глаголы в прошедшем времени единственного числа принимают родовые окончания: *ходила* — *ходил*, *ела* — *увидел* — *увидела*. В эрзянском языке категория рода отсутствует;

3) отсутствие прямых соответствий формы будущего времени в русском и эрзянском языках (будущее простое время в эрзянском языке обозначает законченное действие, а будущее сложное время — незаконченное), например: форма будущего совершенного времени русского глагола *прочитаем* и будущего несовершенного *будем читать* в эрзянском языке передается формой глагола настоящего времени в значении будущего *ловносынек*;

4) наличие семи наклонений в эрзянском языке. Кроме совпадающих с русским изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений имеется: условное — *Молиндерян ошов, сован се музеентень* («Если поеду в город, зайду в тот музей»); условно-сослагательное — *Кундындерявлить те тевентень тон, те-весь улевель теезь* («Если бы взялся за это дело ты, дело было бы сделано»); побудительное — *Мереде, кадык сы ванды школав* («Скажите, пусть завтра придет в школу»); желательное — *Саиксэлинек тейтерьканть ульцяв* («Хотели взять девочку на улицу»);

5) различие систем спряжений глагола в обоих языках. Если в русском языке выделяются два вида спряжения, и каждый глагол относится к одному из них, то все эрзянские глаголы могут спрягаться по двум видам — безобъектному и объектному.

Большинство отклонений от нормы в речи детей-билингвов при реализации русских глагольных форм — это ошибки, связанные с наличием и отсутствием в рассматриваемых языках тех или иных способов или средств выражения некоторых грамматических значений. Кроме того, в русской речи прослеживается тенденция к унификации, единообразию грамматических форм. Так, при употреблении русских глаголов, дети часто допускают следующие реализации: *Часы ходют* (вм. *ходят*) (Дш: 6; 7; Мш: 7; 8); *Дети рыбу ловют* (вм. *ловят*) (Дш: 6); *Машины водют* (вм. *водят*) *водители* (Дш: 6; 7); *Девочки кормлют* (вм. *кормят*) *цыплят* (Дш: 7); *Осенью ученики ходют* (вм. *ходят*) *школу* (Мш: 7); *Девочка и мальчик ловют* (вм. *ловят*) *бабочек* (Мш: 8); *Они (друзья) в беду никогда тебя не оставют* (вм. *не оставят*) (Мш: 9); *Звери просят* (вм. *просят*) *еду* (Дш: 7; Мш: 7); *Курочки кукурюкают* (вм. *кудахчут*) *сплют* (вм. *спят*) *и яички появляются у курицев* (Дш: 6); *Обезьяны по деревьям прыгают, лазиют* (вм. *лазают*) (Мш: 10); *Тебе поставлют* (вм. *поставят*) *тройку* (Мш: 9).

Причинами подобных отклонений от норм русской речи являются особенности спряжения русского глагола, отличающиеся от спряжения глагола эрзянского языка: некоторые глаголы II спряжения в 3-м лице множественного числа получают окончания глаголов I спряжения, например: *водют, смотрют, ловют, ломют, гладют, носят, ставлют, портют, ходют, молотют, просят, носят* и другие⁴. Здесь же следует отметить и противоположное явление: глаголы I спряжения в

3-м лице множественного числа получают окончания глаголов II спряжения, например: *колят, полят, мелят*. Наблюдаются и отклонения типа *кричат* (вм. *кричат*), *танцует* (вм. *танцуют*), *рисует* (вм. *рисует*), *дают* (вм. *дают*), *толкуют* (вм. *толкуют*).

При реализации глаголов с **-овать, -евать** в инфинитиве в устной и письменной речи эрзянскими детьми сохраняются суффиксы **-ова, -ева** (по аналогии с формами инфинитива): *Не командвай* (вм. **не командуй**) (Дш: 7; Мш: 8); *Дети радовоятся* (вм. **радуются**) *празднику* (Дш: 6); *Попробовай* (вм. **попробуй**) *сделать сам* (Мш: 7, 8); *Поздоровывайся* (вм. **поздоровайся**) *с тетей* (Дш: 6, 7).

Глаголы в 3-м лице множественного числа настоящего времени дети-билингвы употребляют по аналогии с формами глаголов в 1-м или во 2-м лице единственного числа настоящего времени (т. е. без чередования согласных): *Кошки хочут* (вм. **хотят**) *молоко* (Дш: 7); *Лисята хочут* (вм. **хотят**) *к маме* (Дш: 6, 7); *Не могут* (вм. **не могут**) *так себя вести* (Дш: 7; Мш: 7); *Не можно* (вм. **нельзя**) *трогать чужие вещи* (Дш: 6; Мш: 8, 9).

Тенденция к выравниванию основ русского глагола наблюдается и при образовании форм 1-го лица множественного числа настоящего времени: *берегом* (*берегу*), *могём, можем* (*могу*), *лягем* (*лягу*), *стерегём* (*стерегу*), т. е. по аналогии с формами глаголов 1-го лица единственного числа: *текёт* (*теку*), *пекёт* (*пеку*), *стригёт* (*стригу*). Аналогичные ошибки в речи детей встречаются при употреблении форм глаголов 2-го лица единственного и множественного числа: *стригёте* (*стригу*), *берегёте* (*берегу*), *пекёте* (*пеку*), *берегёт* (*берегу*) и т. д.

Кроме того, в русской речи эрзянских детей дошкольного возраста выявлены ошибки и на образование других глагольных форм:

- а) повелительного наклонения — *искай* (вм. **ищи**) *меня*; *спей* (вм. **спой**) *мне песню*; *склади* (вм. **сложи**) *кубики*; *скакай* (вм. **скачи**) *дальше*; *ехай* (вм. **езжай**) *сюда*;
- б) изменения основы глагола — *плакаю* (вм. **плачу**), *плескаю* (вм. **плещу**), *бабочки сижут* (вм. **сидят**);
- в) спряжения глаголов — *хотишь* (вм. **хочешь**), *едишь* (вм. **ешь**), *дадишь* (вм. **дашь**).

Формы *поставлют* (вм. **поставят**), *кормлют* (вм. **кормят**), *сплют* (вм. **спят**) образованы как формы глагола 1-го лица единственного числа будущего простого времени и как формы настоящего времени от глаголов I спряжения с основой на согласный -л.

Встретилось несколько случаев образования страдательных причастий с суффиксом **-т-** вместо **-н-**: *Это сломатая* (вм. **сломаная**) *машина* (Дш: 6); *У медвежонка оборватая* (вм. **оборванная**) *лапа* (Дш: 6, 7); *В комнате убрата* (вм. **убрано**) (Дш: 6; Мш: 8); *По полу послата* (вм. **постла**) *одеяло* (Дш: 6; Мш: 8).

Особые трудности вызывает у эрзянских детей образование возвратных глаголов русского языка. Так называемые возвратные глаголы или глаголы, оканчивающиеся на **-ся**, обладают большим разнообразием семантических значений. Глаголы, соотносительные с переходными глаголами, делятся на следующие семантические группы:

— собственно-возвратные глаголы, обозначающие действие, в котором объектом является сам производящий действие субъект (*одеваться, мыться*);

— взаимно-возвратные, называющие действие между двумя и более лицами, каждое из которых является одновременно и субъектом, и объектом действия (*обниматься, целоваться*);

— общевозвратные, называющие действие, происходящее в самом субъекте, которое выступает как состояние этого субъекта (*сердиться, радоваться*) или как физическое действие (*остановиться, направляться*);

— косвенно-возвратные, обозначающие действие, совершаемое субъектом для себя (*строиться, запасаться*);

— активно-безобъектные глаголы, называющие действие как постоянное, характерное свойство субъекта (*кусаться, бодаться*).

Возвратные глаголы, соотносительные с переходными, могут иметь значение интенсивности действия (*стучаться*) или получать безличное значение, называющее состояние, переживаемое субъектом помимо его воли (*не спится*). Возвратные глаголы в сочетании с различными префиксами получают значения: полного прекращения действия (*отвоеваться*), интенсивного достижения результата (*выспаться, набегаться*), усиленности, напряженности и т. п.

В эрзянском языке единой морфологической формы, соответствующей русским глаголам на **-ся**, нет. Так, А. Е. Тургаева отмечает: «Возвратные глаголы в мордовских языках образуются главным образом при помощи древнего финно-угорского суффикса **-в-**. Но наряду с этим суффиксом средством выражения возвратности нередко может выступать слово **пря**; в эрзя-мордовском языке — суффикс **-тт-**. Присоединяясь к основе переходного глагола, суффикс **-в-** придает всему глаголу залоговое значение возвратности. Глагол в этой залоговой форме обозначает действие, обращенное на субъект или же замыкающееся в нем. Значение возвратности в мордовских языках в большинстве глаголов сочетается со значением возможности совершения действия»⁵.

В зависимости от лексического значения непроизводного глагола и от конструкции предложения возвратные глаголы могут иметь следующие оттенки значений:

— собственно-возвратные, например: *Дуракошь мери: Мон прынь болотас ды вадневинь...* («Дурак говорит: я упал в болото и **вымазался**...»). Следует отметить, что в мордовских языках глаголов с собственно-возвратным значением немного;

— средне-возвратные, например: *Учи Марина Мишань, ды аволь вадря арсематне таргавить пряванзо* («Ждет Марина Мишу, а нехорошие мысли **проносятся** в ее голове»);

— страдательно-возвратные, например: *Менелесь вельтявсь пельсэ* («Небо покрылось облаками»);

— неопределенно-лично-страдательно-возвратные, например: *Нумолоськак сэвевсь* («И заяц был съеден»);

— обобщенно-лично-возвратные значения. Это наиболее часто употребляемая, но немногочисленная группа глаголов. К ней относятся главным образом глаголы со значением чувственного восприятия, например: *марявомс* «слышаться, чувствоватьсь», *неявомс* «видеться, виднеться»;

— пассивно-возвратные значения. Глаголы с суффиксом **-в-** могут употребляться и в пассивно-возвратном значении. При этом предложение обычно является безличным, например: *Ней вадрясто неяви, миненек тесэ а мезть тейнемс* («Теперь хорошо видно, нам здесь делать нечего»).

В русской речи детей-эрзя наблюдается неправильное употребление возвратной частицы **-ся(-сь)**, что выражается в следующем:

— опускается частица **-ся(-сь)** там, где она необходима — *Санки перевернули* (вм. **перевернулись**) и *мальчик упал* (Мш: 7, 8); *Мы мчали* (вм. **мчались**) *по дороге* (Дш: 7); *Все кружат* (вм. **кружатся**) *перед елкой* (Дш: 6; Мш: 9).

Ошибки такого рода довольно часты в устной речи детей-эрзя: *свернувший* (вм. **свернувшийся**) *ёж*, *засмеявший* (вм. **засмеявшийся**) *мальчик*, *все разбежали* (вм. **разбежались**), *приближавший* *праздник* (вм. **приближавшийся**);

— прибавляется возвратная частица там, где ее нет в литературном русском языке, например: *Мальчик играет на самолетике* (вм. **играет с самолетиком**) (Дш: 6); *Бабушки стираются* (вм. **стирают**) (Мш: 8); *Девочка играет* (вм. **играет**) (Дш: 6; 7); *Но вот солнце засиялось* (вм. **засияло**) (Мш: 10); *На этой картинке заяц ест морковку, а здесь съелась* (вм. **съел**) (Дш: 6; 7).

Оба типа отклонений могут встречаться и в речи русских детей, например: *приближавшего, разбегающим, пресмыкающие; видели сидевшегося мальчика, сидящего на краю дороги; завод начался строиться*⁶. Основная причина таких ошибок — сложность залоговых отношений в современном русском языке: многие глаголы употребляются и в возвратной, и в невозвратной форме (причем они могут быть близкого и даже одинакового значения).

Неправильное употребление возвратной частицы в русской речи эрзянских детей объясняется отсутствием аналогии для сопоставления в родном языке.

Довольно распространенными в русской речи детей (как в устной, так и письменной) являются ошибки на употребление видо-временных форм глагола.

При анализе русской (устной и письменной) речи эрзянских детей, нами выявлены случаи, когда вместо глаголов несовершенного вида употребляются глаголы совершенного вида, например: *На картинке мальчик встал и сделает* (вм. **делает**) *зарядку* (Мш: 9); *Дети долго засмеялись* (вм. **смеялись**) *над зайцем* (Дш: 6; Мш: 8); *Ученики на уроке труда часто сделали* (вм. **делали**) *игрушки* (Мш: 10); *Встаю рано утром, потом сделаю* (вм. **делаю**) *зарядку, чищу зубы, умоюсь* (вм. **умываюсь**) и *завторкаю* (Мш: 10, 11).

Некоторые глаголы совершенного вида в русской речи детей реализуются глаголами несовершенного вида: *Автобус останавливается* (вм. **остановится**) *на другой остановке* (Мш: 9); *Я делаю* (вм. **сделаю**) *папе подарок* (Дш: 7); *После уроков с другом иду* *домой* (вм. **пойду**) (Мш: 9; 10); *После школы с подружкой хожу* (вм. **пойду**) *домой* (Мш: 11); *Девочка узнала голос подружки и говорила* (вм. **сказала**) (Мш: 10); *Она принесла тарелки и ставила* (вм. **поставила**) *их на стол* (Дш: 7; Мш: 7); *Медведь до сих пор не лазил* (вм. **лазит**) *по деревьям* (Мш: 8); *Зайчик ела* (вм. **съел**) *морковку* (Дш: 6; 7); *Девочка моет руки, девочка мыла* (вм. **помыла**) *руки* (Дш: 6, 7).

При образовании времени русского глагола в речи детей-билингвов характерны следующие ошибки, например: *По утрам я встану, оденусь и уйду* *в школу* (вм. **встаю, одеваюсь и иду**) (Мш: 7; 8); *Синичка села на березу и станет чи-чик-черик* (вм. **сядет и станет чик-чирикать**) (Мш: 10); *Пчелы ужалили медведя и он стал бежать* *в лес* (вм. **убежал**) (Мш: 8, 9); *Целый месяц дует холодный ветер* (вм. **дул**) (Мш: 11); *Мальчик нарисует* *волка* (вм. **рисует**) (Дш: 7); *Встану рано утром, потом убираю* (вм. **уберу**) *постель, чищу зубы, умоюсь* (вм. **умываюсь**) (Мш: 10); *Сначала*

они с котенком все время дрались, но через неделю я увидела, что они прижавшись друг к другу **спали** (вм. **спят**) вместе (Мш: 11).

При образовании одновременно вида и времени русского глагола в устной и письменной речи детей-билингвов встречаются следующие реализации: Он давно уже **читает** эту сказку (вм. **давно уже прочитал**) (Мш: 9); На этой картинке дом **строилась** (вм. **построился**) (Дш: 6; 7); Зайчик морковку **кушает**, на этой картинке морковка кончилась (вм. **зайчик съел морковку**) (Дш: 6; 7); Тетя стирает, а на другой (картинке) уже **помылась** (вм. **постирала**) (Дш: 7); Тетя посуду моет, а на другой (картинке) уже **мыла** (вм. **вымыла**) (Дш: 6; 7); Утром **проснется** заяц и сразу **побежит** на речку, **поплавает**, потом **ходит** и **пойдет** в лес всем зверям **радоваться** (вм. **Проснувшись** утром, заяц **побежит** к речке поплавать и потом **гуляет** по лесу и **радует** всех зверей) (Мш: 11); Дед молча сидел и слушал, он **улыбнулся** (вм. **улыбался**) (Мш: 10); Мой дед говорил сказку (вм. **рассказывает**) (Мш: 8); Дядя Петя и тетя Нина вчера **говаривали** о войне (вм. **говорили**) (Мш: 10); Когда придет зима, замерзнет земля, **падает** (вм. **выпадет**) снег, вся земля станет белой (Мш: 8); Мальчик дом **строила** уж (вм. **построил**) (Дш: 7).

Глаголы прошедшего времени в русском языке имеют категорию рода, например: Урок закончился (м. р.). Сестра пришла из школы (ж. р.); Поле покрылось снегом (с. р.). Отсутствие данной категории в эрзя-мордовском языке создает дополнительные трудности в употреблении глаголов прошедшего времени в русской речи детей. Они могут сказать: урок закончилась, сестра пришел, поле покрылась снегом; Мой пес захотела покупаться в речке (вм. **захотел искупаться**) (Мш: 8); Я шел по дороге и увидела очень красивую машину (вм. **шла**) (Дш: 7); Я сидела на скамейке и ко мне подошел (вм. **подошла**) маленькая кошка (Дш: 6).

В современном русском языке будущее время имеет две формы: *нарисую* — совершенный вид; *буду рисовать* — несовершенный вид. Формы будущего простого и настоящего времени имеют видовые пары: *решу* — *решаю*, *решишь* — *решаешь*, *решит* — *решает*, *решим* — *решаем*, *решите* — *решаете*, *решат* — *решают*. Система форм будущего сложного времени состоит из аналитических форм, каждая из которых представляет собой сочетание личной формы глагола *быть* и инфинитива спрягаемого глагола: *буду решать* (ед. ч.), *будем решать* (мн. ч.). Формы будущего сложного времени с формами будущего времени образуют видовые пары: *буду решать* — *решу*, *будешь решать* — *решишь*, *будет решать* — *решит*, *будем решать* — *решим*, *будете решать* — *решите*, *будут решать* — *решат*.

Трудности при употреблении обеих форм будущего времени глаголов русского языка, как уже отмечалось выше, обуславливаются особенностями глагольных форм эрзянского языка. Дети не различают совершенный и несовершенный вид чаще всего в формах будущего времени. Будущее простое они воспринимают как настоящее. Известно, будущее простое время не имеет формальных показателей, оно совпадает с формами настоящего времени. Эти формы глагола различаются по лексическим средствам выражения и речевым ситуациям. Например, в эрзянском языке вводятся наречия, указывающие на действие в настоящем *ней* «сейчас»; в будущем *ванды* «завтра»: *Мон ней ванан телевизор* («Я сейчас смотрю телевизор»); *Мон ванды молян библиотекав* («Я завтра пойду в библиотеку»).

В эрзя-мордовском языке значение будущего времени выражается двумя формами безобъектного спряжения: *ловноса* — *карман ловномо* «прочитаю — буду читать», — и двумя формами объектного спряжения: *ловносамак* — *карман ловномот* «ты прочитаешь меня — я буду читать тебя».

В эрзянском языке, очевидно, под влиянием русского языка, образовалась аналитическая форма будущего времени, состоящая из форм настоящего времени вспомогательного глагола *кармамс* и инфинитива основного глагола, например: *карман ловномо* «буду читать», *карман морамо* «буду петь».

Однако различие этих форм обуславливается в основном их семантикой. Смешение форм настоящего и будущего времени связано с тем, что дети не всегда осознают значение глаголов с приставками. Это оказывает интерферирующее влияние при усвоении видо-временных форм русского глагола и приводит к неразграничению видовых коррелятов в двух типах видовых пар: *Можно буду рассказать* (вм. **рассказать**) *сказку про репку?* (Дш: 6); *После зарядки я обычно позавтракаю* (вм. **завтракаю**) (Мш: 10); *После школы я всегда приду* (вм. **иду**) *домой* (Мш: 9); *Ученик будет подготовиться* (вм. **готовится**) *к урокам* (Мш: 8, 9); *Ученица будет прочитать* (вм. **будет читать**) *эту красивую книгу* (Мш: 7); *Сегодня мы будем попробовать* (вм. **пробовать**) *лепить игрушки из глины* (Дш: 7); *В лесу Маша с подругами будут поискать* (вм. **искать**) *грибы* (Дш: 6).

Подобные ошибки детей порождаются, очевидно, в результате «стихийного» перевода глаголов в форме будущего времени с эрзянского языка на русский.

Важная роль префиксации в русском словообразовании, в особенности в глагольном, общеизвестна: префиксы являются основным средством образования глаголов с новым лексическим значением. Присоединяясь к бесприставочному глаголу, он изменяет его лексическое значение; при этом глагол несовершенного вида обычно приобретает значение совершенного вида: *лететь* — *залететь, подлететь, улететь, облететь* и т. д.; *работать* — *выработать, заработать, переработать* и т. д. Глагольная приставка в этом случае выполняет двоякую функцию — лексическую и морфологическую. Нередко эти две функции настолько переплетаются и взаимопроникают друг в друга, что разграничение их оказывается весьма затруднительным, поскольку в эрзянском языке русским приставкам соответствуют послелогии (*под домом* — *кудонть ало*).

При проведении анализа глагольных префиксов в плане сопоставления с эрзянскими аналогами, можно выявить разнообразные средства их передачи. Следует отметить, что все значения глагольных префиксов русского языка могут быть переданы в эрзя-мордовском литературном языке, в котором префиксы отсутствуют. Эта грамматическая категория восполняется другими грамматическими средствами: переводным словом, формой глагола и сочетанием формы глагола с инфинитивом, суффиксальной формой глагола, сочетанием глагольной формы с инфинитивом, а также сочетанием простой и суффиксальной форм глагола с деепричастием, наречным конкретизатором, вспомогательным глаголом + инфинитивом, парными глаголами, сочетанием простой формы глагола с глаголом-частицей *теемс* «сделать» и устойчивыми словосочетаниями, например: *приеду* — «сан», «карман само», «карман сакшномо», «карман сакшнокшномо», «сындерян», «ванды сан», «мейле сан» и т. д.

Агглютинативный строй эрзянского языка обуславливает и отсутствие предлогов. Между тем большая часть приставок русского языка имеет общее происхождение и общий звуковой состав с предлогами, поэтому в известных пределах они выполняют общую роль. При усвоении значения русских приставочных глаголов, эта особенность вызывает у детей-эрзя определенные трудности. Иногда дети в устной и письменной речи вообще приставки не употребляют: *Дружок **видел** (вм. уви-дел) кошку и бросился к нему* (Мш: 7); *Мело большой сугроб (вм. **намело**)* (Мш: 8); *Девочка **бежала** на улицу (вм. **выбежала**)* (Дш: 6, 7); *Собака **прыгнула** со скамейки (вм. **спрыгнула**)* (Мш: 9); *Катя и Антон вышли на улицу, они **видели** птичку (вм. **увидели**)* (Мш: 8); *Дети **льют** лейкой цветы (вм. **поливают**)* (Дш: 6; Мш: 7); *Школьники **садили** деревья (вм. **посадили**)* (Мш: 10); *Дедушка **стал** и показал, как с краю крыши капает сосульки (вм. **встал**)* (Мш: 11); *В огороде **садили** (вм. **посадили**) лук, картошку, редиску* (Мш: 10); *Летом я **вожу** (вм. **отвожу**) теленка на луг и обратно* (Мш: 10).

Трудность в употреблении русских приставок заключается в том, что их значение в эрзянском языке передается различными способами. Так, однокоренные слова с приставками (*пришел, зашел, ушел*) переводятся разнокоренными словами («*сась*», «*совась*», «*тусь*»); родственные слова *стлать, настлать, постлать, устилать, подстилать* — однокоренным словом («*ацамс*»). Значения русских приставок могут передаваться на эрзянском языке и словосочетаниями, например: слово *объехать* — «*ютамс перьканзо*», *отъехать* — «*туемс эйтэнзэ*», *проехать* — «*ютамс ваксканзо*». Они являются одним из распространенных способов передачи значений русских приставок.

Все это чрезвычайно затрудняет понимание русских приставок с их многообразным значением. Дети усваивают самые употребительные приставочные глаголы (*зашел, ушел*), но редко используют в речи менее употребительные (*сошел, обошел*). Вместо того, чтобы употребить в своей речи эти малопонятные для них глаголы, образованные с помощью приставок, они начинают их избегать и употреблять одни и те же сочетания, тем самым обедняя речь, а иногда и допуская стилистические ошибки, например: *В это время раздался гром и **пошел** ливень (вм. **начался**)* (Мш: 11); *На этой картине **прилетает** самолет (вм. **приземляется**)* (Дш: 6; Мш: 7); *Самолет **приезжает** (вм. **прилетает**)* (Мш: 7, 8); *Мама **вышла из поезда**, дети **встречают** (вм. **сошла с поезда**)* (Дш 6, 7; Мш: 7–11); *Снег **постелил** землю (вм. **укрыл**)* (Мш: 10); *Автобус **поехал от остановки** (вм. **отъехал**)* (Мш: 9); *Я **поехал с горки** (вм. **съехал**)* (Мш: 8); *Дети **вышли на улицу ходить** на лыжах с горы (вм. **кататься**)* (Мш: 10); *Медведь **пошел** в дупло (вм. **полез**)* (Мш: 8); *Самолет **едет** (вм. **летит**)* (Дш: 6, 7; Мш: 7); *Мы **ходили** Пензу (вм. **ездили**)* (Дш: 6); *Ехали на автобусе. **Опоздали на другом поезд, на другом пошли** (вм. **поехали**)* (Дш: 6, 7).

Детям не всегда понятно, что с прибавлением приставки изменяется семантика русского глагола, что слово приобретает новое значение и управление: *Эту **закадушку** (вм. **наволочку**) **вышила** (вм. **сшила**) мне бабушка* (Дш: 6); *Оксана **посаживает** лук, Миша **посаживает** репу (вм. **сажает**)* (Мш: 10); *Мальчик **прицепился** (вм. **зацепился**) и упал* (Мш: 7, 8); *Пришла зима **упал** (вм. **выпал**) белый снег* (Мш: 10); *На стройку **превезли** (вм. **привезли**) кирпич* (Мш: 9); *Таня **убежала** (вм. **выбежала**) из-за дома* (Мш: 8); *Мальчик **дереву посажает** (вм. **сажает**)* (Мш: 10); *У собачки **завязано на голове** (вм. **перевязана голова**)* (Дш: 7); *Миша*

порезал (вм. *нарезал*) *сыр* (Мш: 11); *Ранним утром когда лес спит, взходит семицветная радуга* (вм. *восходит солнце или заря*) (Мш: 11); *Тут Петя спрыгнул* (вм. *прыгнул*) *опять в воду и уплыл* (вм. *поплыл*) *на тот берег* (Мш: 11); *Комбайнеры целыми днями собирают* (вм. *убирают*) *зерна* (вм. *зерно*) (Мш: 10); *Младший брат заплатил* (вм. *отплатил*) *злом старшему брату и они помирились* (Мш: 11); *Я размотаю* (вм. *перемотаю*) *кассету* (Дш: 6); *Выступили теплые дни* (вм. *наступили*) (Мш: 8); *Мальчишка вышел в сад и стал потряхивать* (вм. *встряивать*) *снег с кустарников* (Мш: 11); *Змея выбросилась* (вм. *бросилась*) *на ежика* (Мш: 11); *У меня под ногами лед треснул, и я тоже утонула* (вм. *стала тонуть*) (Мш: 10); *Автобус выехал* (вм. *въехал*) *в город* (Мш: 7); *Вася убежал* (вм. *выбежал*) *из дома* (Мш: 9); *Ласточка влетела* (вм. *вылетела*) *из гнезда* (Мш: 8, 9); *Я ехал* (вм. *приехал*) *из деревни на машине* (Дш: 7); *Осенью начинают расставлять рамы* (вм. *вставлять*) (Мш: 10)⁷.

При анализе русской речи детей дошкольного возраста нами выявлены своеобразные «неологизмы», образованные путем соединения эрзянских и русских морфем (например, прибавление к эрзянскому корню русской флексии): *Папа венником пыль теньцивакает* (вм. *подметает*) (Дш: 6); *А это девочка тоже суп пидивакает* (вм. *варит*) (Дш: 6, 7); *Юла чарывакает* (вм. *крутится*) (Дш: 6); *Я на печку кузил, кузил* (вм. *лез, лез*) *и упал* (Дш: 6); *Рыбки экиелят* (*купаются*) (вм. *плавают*) (Дш: 5); *На улице снег бурит* (вм. *падает снег* или *буранит*) (Мш: 8).

С другой стороны, в родной речи эрзянские дети употребляют аналитические конструкции (вместо суффиксальных форм), которые появились под влиянием русского языка. Особенно ярко этот процесс проявляется в системе образования категориальных форм наклонения. Наибольшему влиянию подверглись сослагательное, условное, условно-сослагательное и желательное наклонения:

1. Формы сослагательного наклонения строятся по типу русского сослагательного наклонения: первичные суффиксальные образования осложняются заимствованной из русского языка частицей *бы* (*бу*): *Варштавлить бу* *ляя комнатас* (Дш: 6) — «Посмотрел бы в другую комнату»; *Саевлия бу* *мартон эсень кискам ды молевлинь бу охотас* (Мш: 8) — «Взял бы собой свою собаку и пошел бы на охоту»; *Кода тувелинь бу* *тестэ, зярдоак а савлень* (Дш: 7) — «Как бы я ушел отсюда, никогда бы не пришел»; *Сон ярцаволь бу* *умарьде, а мон ярцавлинь бу* *грушадо* (Мш: 7) — «Он хотел бы есть яблоко, а я бы хотела есть грушу».

В связи с этим в русской речи эрзянских детей встречается неверная передача частицы *бы*: *Я бу* (вм. *бы*) *этому теленку поставила имя Звездочка* (Мш: 11); *Я бу* *хотела рассказать другое стихотворение* (Дш: 7; Мш: 8); *Хотелось бу* *сказать всем спасибо* (Мш: 11); *Ты хотел бу* *с какой машиной играть?* (Дш: 7); *Мы бу* *хотели нарисовать мамам открытки с цветами* (Мш: 8); *Мне бу* *хотелось посмотреть мультик вот этот* (Дш: 6); *Я бу* *хотела поехать в Пензу* (Дш: 6); *А я бу* *хотела летом поехать в Саранск и сходить в парк* (Мш: 10); *Я бу* *хотела написать о своей любимой кошке* (Мш: 10).

2. Формы условного и условно-сослагательного наклонений заменяются эквивалентными по значению придаточными предложениями, вводимыми в состав сложного предложения с помощью русских союзов *если*, *коли*, *кабы* и частицей *так* (*молинъдерят* *вирев* — *если молят вирев* «если пойдешь в лес»). Аналитические эквиваленты по вышеуказанному типу могут быть образованы с помощью союзов

кода, бути, также имеющих значение условности (*неиньдерят роботыця — кода неят роботыця* «как увидишь работающего(-ую)»): *Если те велестэнть ломань туи лия енов, сон нек скушнави каждой чувтонть кис* (Мш: 11) — «Если с этого села человек уедет на сторонку, он соскучится по каждому дереву»; *Если молят лавкав, рамак моненьгак истямо книга* (Мш: 10) — «Если пойдешь в магазин, купи и мне такую книгу»; *Бути молят панго мельга, эряви свал саемс мартоп пеель* (Мш: 10) — «Если пойдешь за грибами, нужно всегда брать с собой нож»; *Кода несызь нумолотне вергизэнтъ, так сеске кекишитъ* (Дш: 6, 7) — «Как увидят зайцы волка, так сразу же спрячутся»; *Паро неят, бути паро теят* (Мш: 10) — «Добро увидишь, если делаешь добро».

3. Формы желательного наклонения заменяются аналитическими образованиями, состоящими из русского заимствования *хотел* и эрзянского инфинитива на *-мо / -ме* (*мон туиксылинь — мон хотел туемс* «я хотел уйти»): *Маша хотел ансяк ваномо* (вм. **ваныксэлизе**) *кукланть*. (Дш: 6) — «Маша хотела только посмотреть куклу»; *Тон бу ков якамс хотел* (вм. **якавлить**) *ардтнеме лыжасо?* (Мш: 9) — «Ты бы куда хотел пойти кататься на лыжах?»; *Кизна ялгань марто хотели модемс* (вм. **моликсэлинек**) *вестъ васов панго мельга, но минек кудосто эзимизь нолда* (Мш: 10) — «Летом однажды с подружкой хотели пойти далеко за грибами, но нас из дома не отпустили».

4. Формы побудительного наклонения чаще заменяются оборотами, в состав которых входят глаголы в 3-м лице в единственном и множественном числе безобъектного и объектного спряжений и частицы *кадык* «пусть» («пускай»): *Кадык Юля кирди, а мон клеяса* (Мш: 9) — «Пусть Юля держит, а я приклею»; *Кадык вадрясто пиземесь пизесы моданть* (Мш: 9) — «Пусть дождь хорошо промочит землю»; *Кадык пры ламо лов, минь хотим модемс ардтнеме саласкесэ* (Мш: 10) — «Пусть выпадет много снега, мы хотим пойти кататься на салазках»; *Мереде Васянь, кадык канды ванды школав нулыне* (Мш: 8) — «Скажите Васе, пусть принесет завтра в школу тряпочку»; *Мереде, кадык сон максы монень те картинканть* (Дш: 7) — «Скажите пусть он отдаст мне эту картинку»; *Мон сайса те ведранть, а сынъ кадык кандсызь граблтанень* (Мш: 10) — «Я возьму это ведро, а они пусть возьмут грабли».

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выявить, что морфологическая система одного языка испытывает прямое и скрытое воздействие другого языка независимо от генетической и структурной близости контактирующих языков. Выявленные примеры послужили подтверждением того, что морфологический уровень эрзянского языка, является проницаемым, подверженным воздействию русского языка. Большинство отклонений от нормы в речи детей-билингвов при реализации русских глагольных форм — это ошибки, связанные с наличием и отсутствием в рассматриваемых языках тех или иных способов или средств выражения некоторых грамматических значений.

Библиографические ссылки

¹ См.: Цыплякова О. Ю., Щемерова Н. Н. Интерферентные явления в русской речи эрзянских детей-билингвов на синтаксическом уровне // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2. С. 138 — 149.

² Поляков О. Е. Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов — взаимоотношения языков. Саранск, 1993. С. 85.

³ См.: Сопоставительная грамматика русского и мордовских языков. Саранск, 1980. С. 8 — 9.

⁴ **Обнорский С. П.** Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 147 — 148.

⁵ **Тургаева А. Е.** К вопросу о средствах выражения возвратности в мордовских языках // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 214.

⁶ **Текучев А. В.** Обучение орфографии с учетом особенностей местного диалекта. М. ; Л., 1949. С. 144.

⁷ **Щемерова Н. Н.** Интерферентные явления в речи эрзянских дошкольников и младших школьников : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2007. 18 с.

Сокращения

ДШ — дошкольный возраст

МШ — младший школьный возраст

6 — 11 — возраст ребенка

вм. — вместо

Поступила 03.04.2018 г.

УДК 81'37:811.511.152.1

О. Ю. Цыплякова

О. Yu. Tsyplyakova

ПОСЛЕЛОЖНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

POSTPOSITIONAL COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE ERZYA LANGUAGE

Ключевые слова: эрзянский язык, сравнение, послелог, послеложная сравнительная конструкция, маркеры сравнения, структура, семантика, синтаксическая связь.

В статье рассматриваются послеложные сравнительные конструкции в эрзянском языке с точки зрения лексического наполнения и синтаксических связей между их элементами.

Key words: the Erzya language, comparison, postposition, postpositional comparative construction, comparison markers, structure, semantics, syntactic relation.

The article deals with postpositional comparative constructions in the Erzya language from the point of view of lexical content and syntactic relations between their elements.

Сравнительная конструкция — это трехкомпонентная структура, включающая предмет сравнения (что сравнивается), образ сравнения (с чем сравнивается) и основание сравнения (признак, по которому реализуется сравнение). В эрзянском языке выделяются три типа сравнительных конструкций: падежные, союзные и послеложные¹.

В падежных сравнительных конструкциях предмет сравнения может быть представлен в форме двух падежей — транслатива и компаратива². Соответственно,

маркерами падежных конструкций являются следующие форманты: *-кс* — транслатива и *-шка* — компаратива.

В союзных сравнительных конструкциях маркером сравнения является союз³. В эрзянском языке перечень компаративных союзов такой: *буто* «словно», «будто», *мерят* «будто», *кода* «как», «словно», «будто», *прок*, *теке* «словно», «будто», «как», *што* «что». Производными от них являются составные союзы *кода прок*, *прок буто*, *прок мерят*, *теке мерят* «как будто», *истя... кода* «так... как», *истя жо... кода и* «так же... как и» и т. д.⁴

В послеложных компаративных конструкциях маркером сравнения является послелог. Послелог — это служебная часть речи, которая «употребляется с именем существительным или замещающими его словами (местоимением, прилагательным, числительным и причастием), в сочетании с которыми (ставится после знаменательного слова) образует послеложную конструкцию»⁵. В эрзянском языке, по мнению Н. Н. Воробьевой, к сравнительным послелогам относятся *ладсо* «подобно, наподобие, словно, как», *кондяма* «наподобие, подобно, словно, как, похожий на» и *эйшка* «с, величиной с»⁶. П. С. Кудяев выделяет еще один компаративный послелог — *коряс* «по сравнению с, относительно, чем у»⁷.

Семантическая трехкомпонентная структура сравнительной конструкции (предмет — образ — основание) в послеложных образованиях имеет своеобразную формальную репрезентацию, выражающуюся в том, что образ сравнения передается при помощи послеложной группы или, иными словами, представлен аналитической структурой, например: *Алкине, коськаны рунго инжесь мольсь цёрынька ёнов, конань улос ансяк-ансяк кармасть касомо пухонь кондяма сакалат*⁸ («Низкий, худощавый гость был похож на юношу, у которого на подбородке только-только стала расти похожая на пух борода*»); *Ютксост [веленть ды чугунокань кинть] цивтёлды парсеень кондямо луга, кона келес-кувалмос викинешь ожо цецясо*⁹ («Между ними [селом и железной дорогой] переливается похожий на шелк луг, который вдоль и поперек вышит желтыми цветами»); *Авардсь [Кечай] пакша ладсо, верьга вайгельть ды ильсезь, шкань-шкань натой повавиль... кежтнеде*¹⁰ («Плакал [Кечай] словно ребенок, громко и захлебываясь, время от времени даже давился... от злости»).

Послелог *ладсо* «подобно, наподобие, словно, как», участвующий в создании сравнительной конструкции, является русским заимствованием — *лад* «подобие, согласие» — *ладсо* < *лад* + *со* (суффикс инессива)¹¹.

В компаративных конструкциях с послелогом *ладсо* образ сравнения передается послеложной группой. Основанием для сравнения может служить качество и функция сопоставляемых предметов. Если предметы сравниваются по качеству, то послеложная группа выполняет в предложении функцию определения или именного сказуемого, например: *Читне икелень ладсо лембельть* [Брыжинский, с. 100] («Дни как и предыдущие были теплыми»). Если же предметы сравниваются по функции, то послеложная группа выполняет в предложении функцию обстоятельства образа действия, например: *Кечай пелезь ладсо сауize пенченть кедезэнзэ ды амольдысь ваканстонть. Те ульнесь вецям* [Там же, с. 67] («Кечай боязливо взял ложку в

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

руку и зачерпнул из миски. Это был крупяной суп»); *Бодзяояк кода-бути жальязь ладсо ваньс лангозонзо [Кечаень]* [Там же, с. 58] («И бабушка, словно жалея, смотрел на него [Кечая]»); *Пити пелюма ладсо керязь керинзе [чумась] ломантнень* [Доронин, 1996, с. 340] («Словно острой косой выкосила [чума] людей»). Согласно примерам из художественной литературы, в эрзянском языке компаративные конструкции с послелогом *ладсо* второго типа преобладают над сравнительными конструкциями первого типа.

Сравнительные конструкции с послелогом *ладсо* служат для выражения образного, условного и предметно-логического сравнения, например: *Идемкась [Нумолось], мездеяк апак пеле, озадоль те нупонев кандонть лангосо ды икельце пильгетнесэ чиполасо — то вейкесэ, то омбоцесэнтъ — ёзась нерензэ, теке шлясь катка ладсо* [Брыжинский, с. 73] («Зверек [заяц], не боясь ничего, сидел на этой замшелой колоде и передними лапами поочередно — то одной, то другой — тер мордочку, будто умывался как кот»); — *Каволяк, — кармавтозь ладсо мерсь Куляс. — Нучка-мить, содаса* [Там же, с. 94] («— Жуй, — словно приказывая сказал Куляс, — Знаю, проголодался»); *Метьказонь, Якомасонь цёранть, Улонь ладсо салакишнызь...* [Там же, с. 18] («Метьказа, сына Якомаса, похищали как и Уло...»).

Еще одним формантом выражения сравнения в эрзянском языке является послелог *кондямо* «наподобие, подобно, словно, как» состоящий из четырех частей: *ко-*, *-н-*, *-да-*, *-мо*. Первая — *ко-* считается корнем вопросительных местоимений, от которого образовались такие местоимения, как *кода* «как», *кона* «который», *косо* «где», *ков* «куда», *козо* «куда», *кува* «где»; вторая часть — *-н-* является местоименным суффиксом, встречающимся в настоящее время в следующих словах: *мон* «я», *тон* «ты», *сон* «он», *минь* «мы», *тынь* «вы», *сынь* «они»; третья — *-д'а-* восходит к древнему указательному местоимению *-то*; четвертая часть — *-мо* является суффиксом прилагательного¹².

В компаративных конструкциях с послелогом *кондямо* основанием для сравнения двух предметов является их качество, признак или свойство, например: *Сон [тейтересь] варитась цёранть лангс лёмзёронь кондямо раужо сельмсэнзэ, яходизе удалов раужо черьбулонзо, комавтызе прянзо цёранть ёнов* [Ключагин, с. 54] («Она [девушка] посмотрела на парня черными, словно черемуха, глазами, смахнула назад черную косу, наклонила голову в сторону парня»); *Кемай тетянтъ кондямо алкине, келей лавтово*¹³ («Кемай как и отец низкий, широкоплечий»); *Кискинеськак, некак, азоронзо кондямо: эсензэнтъ а менстясы*¹⁴ («И собачка, кажется, похожа на хозяина: своего не упустит»); *Прячерензэяк [атянтъ], сакалонзояк ловонь кондят ашот*¹⁵ («И волосы [у старика], и борода как снег белые»). В этих конструкциях послеложная группа выполняет функцию определения или именного сказуемого, например: *Ленить вельксэ ашетьс вецаямонь кондямо сув* [Доронин, 1993, с. 244] («Над рекой стоял как кашаца туман»); *Сонзэ кондят цёратне а ёмсит!* [Абрамов, с. 330] («Такие парни как он не пропадают!»); *Оймезэнзэ [Федосья Прокопьевнань] кадовсть ве сонзэ сельмензэ. Домка лисьмань кондят сынь* [Доронин, 1996, с. 248] («В душе [Федосья Прокопьевны] остались только его глаза. Они как глубокий колодец»); *Аавтомо кудось — утомонь кондямо* [Там же, с. 155] («Дом без женщины — словно амбар»).

Сравнительные конструкции с *кондямо* подвержены сильной редукции, в результате чего может упраздниться не только основание, но и предмет сравнения. В этих

случаях послеложная группа субстантивируется и может выполнять функцию подлежащего или дополнения, например: *Атянь чамасто неявь мелявксонь кондямо* [Доронин, 1993, с. 20] («На лице старика виделось что-то похожее на тоску»); *Муменэнь кондянтэ мукишовить тесэяк* [Абрамов, с. 462] («Похожие на Мумена находятся и здесь»).

Сравнительные группы с послелогом *кондямо* являются именными, так как состоят из существительного с послелогом или местоимения с послелогом, например: *Пухонь кондямо чевте ловось пильгалонок цётордсь эль марявозь* [Ключагин, с. 42] («Мягкий как пух снег скрипел еле слышно под нашими ногами»); *Налкикенъ кондямо кудо стьявтсть — шабрятнеяк абунгалить: сонсь Кузьма, келя, Рав лангсто а лисни, тесэ бояронь терем кепедсь*¹⁶ («Как игрушка дом построили — и соседи удивляются: сам Кузьма, говорят, с Волги не приезжает, здесь барский терем поставил»); *Вастнестъ [цётратне] эсест кондянт сокицят ды калонь кунцицят* [Абрамов, с. 59] («Встречали [мужчины] похожих на себя пахарей и рыбаков»); *Монь кондянтэде зяро, зяро вирьсэ чувттэде* [Ключагин, с. 117] («Похожих на меня столько, сколько в лесу деревьев»).

Имя существительное, выполняющее семантическую функцию образа сравнения, обнаруживает большое разнообразие: оно может быть собственным или нарицательным, конкретным или абстрактным, например: *Кижеватонь кондямонть монгак аволинъ лисе [мирденень]. Сон вельть апаро. Промзань кондямонть лисевлинъ* [Абрамов, с. 84] («За такого как Кижеват и я бы не вышла [замуж]. Он очень плохой. Вышла бы за похожего на Промзу»); *Тон ломанесь алкуксонь. Ойметъ ванькс, виде-паро лисьмапрянь кондямо* [Ключагин, с. 169] («Ты человек настоящий. Душа у тебя чистая, на самом деле как родник»); *Эйкакиштомо ломанесь коське чувтонь кондямо — а лопат эйсэнзэ, а умартъ* [Абрамов, с. 80] («Человек без детей подобен сухому дереву — не листьев на нем, не плодов»); *Платононь турватнестэ менсь тошкамонь кондямо* [Доронин, 2001, с. 124] («С губ Платона сорвалось наподобие шепота»).

Сравнительные конструкции с послелогом *кондямо* служат для выражения образного и предметно-логического сравнения, например: *Тюсозо [гармониянтъ] панаронть кондямо — якстере-ашназа* [Ключагин, с. 240] («Цвет [гармони] как и у рубашки — бледно-красный»); *Инечиськак ёвксонь кондямо* [Доронин, 2001, с. 38] («И Пасха как сказка»); *Обуцянь коряс Олег эсензэ кондямо: тол!* [Доронин, 1993, с. 211] («По характеру Олег похож на него: огонь!»).

Как отметила Н. Н. Воробьева, в эрзянском языке «конструкции с *ладсо* и *кондямо*, вследствие их лексической синонимичности, могут взаимозаменяться»¹⁷. Однако в отдельных случаях замена одного послелога другим невозможна из-за грамматического строя языка. Так, рассмотрев функционирование предложений с послеложными сравнительными конструкциями в произведениях эрзянских писателей, можем отметить следующее: в конструкциях с *ладсо* отсутствуют послеложные группы в функции подлежащего и дополнения, а в конструкциях с *кондямо* — обстоятельства образа действия. Следовательно, у каждого из рассмотренных нами послелогов кроме типологических свойств имеется индивидуальная функция, при которой замена одного послелога другим невозможна. Данным фактом объясняется параллельное существование послелогов *ладсо* и *кондямо*.

Сравнение, формируемое при помощи послеложной группы с *эйшка* «с, величиной с», который является грамматическим эквивалентом форманта компаратива *-шка*, основано на сходстве сравниваемых предметов по величине. В связи с этим они относятся к категории сравнения по качеству.

Образ сравнения, создаваемый с помощью послелога *эйшка*, содержит формант определенности (указательности), чем и отличается от образа, образовываемого с помощью компаратива, например: *Букатне ульнесть покит ды виевть, усковольть пандонть эйшка (пандошка) улав.* [Абрамов, с. 53] («Быки были большими и сильными, могли везти воз величиной с гору»). Являясь также функциональными аналогами сочетаний с *сэрсэ* «в высоту», *келесэ* «в ширину», *кувалмосо* «в длину», *эчкесэ* «в толщину», конструкции с *эйшка* сравнительно редко встречаются в эрзянском языке. Чаще писатели в произведениях вместо них используют конструкции с компаративом сравнения, например: *Поки эрьгешка кельме покольнетне шалтаесть-скирясть прянзо, чаманзо [цёрьыненць]* [Ключагин, с. 23] («С большую бусину холодные комья били-царапали голову, лицо [мальчика]»); *Тикшай вансь дубушки стязь букашка овтонть лангс* [Доронин, 1996, с. 378] («Тикшай смотрел на вставшего на дыбы величиной с быка медведя»).

В предложении конструкции с послелогом *эйшка* выполняют функцию определения или именного сказуемого, например: *Ней се раськесь покшолмань коряс лиятненъ эйшка* [Абрамов, с. 290] («Теперь тот род по величине как и другие»); *А содан... Разин оно кодамо ульнесь, ды ушмозояк — аволь минекентъ эйшка, яла теке изнизь. Ков уш миненек!*¹⁸ («Не знаю... Разин вон каким был, и войско его — не как наше, все равно их победили. Куда уж нам!»). Они передают значение только предметно-логического сопоставления.

В компаративных конструкциях с послелогом *коряс* «по сравнению с, относительно, чем у» образ сравнения передается послеложной группой и содержит формант определенности (указательности), например: *Лия нитненъ коряс Обран весемеде пек вансь мелензэ* [Вежавань] [Абрамов, с. 11] («По сравнению с другими женами Обран больше всех за ней ухаживал»); *Тюжа ривезень кедесь раужконсентъ коряс аволь питнев* [Там же, с. 105] («Коричневая лисья шкура по сравнению с черной недорогая»).

В предложении конструкции с послелогом *коряс* выполняют функцию дополнения, например: *Теке марто Валерий ульнесь пек седе од тейтерентъ коряс* [Доронин, 1993, 22] («Вместе с тем Валерий был очень молод по сравнению с девушкой»); *Лия цёратненъ коряс седе алкине* [Кижеват] [Абрамов, с. 68] («По сравнению с другими мужчинами ниже [Кижеват]»).

Итак, в эрзянском языке выделяются послеложные сравнительные конструкции с послелогоми *ладсо* «подобно, наподобие, словно, как», *кондямо* «наподобие, подобно, словно, как, похожий на», *эйшка* «с, величиной с» и *коряс* «по сравнению с, относительно, чем у». Основанием для сравнения в компаративных конструкциях с *ладсо* являются функция и качество, с *кондямо* — качество, признак, свойство, с *эйшка* — качество (величина), с *коряс* — качество. Наиболее употребительными в художественных произведениях эрзянских писателей являются компаративные конструкции с послелогоми *ладсо* и *кондямо*; послеложные группы с *эйшка* и *коряс* встречаются редко.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Воробьева Н. Н.** Сравнительные конструкции в мордовских языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1987. 17 с.
- ² См.: **Цыплякова О. Ю.** Падежное выражение сравнительных отношений в эрзянском языке : (На материале романа А. Доронина «Баягань сулейть») // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2014. № 2 (30). С. 167 ;
- ³ См.: **Цыплякова О. Ю.** Союзные сравнительные конструкции в эрзянском языке : (На материале романа «Баягань сулейть» («Тени колоколов») А. Доронина) // Там же. 2016. № 1 (37). С. 171.
- ⁴ См.: **Бояркина О. Ю.** Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными в эрзянском языке // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2003. С. 123.
- ⁵ **Щемерова Н. Н., Гурьянова Л. А.** Послелог // Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 230.
- ⁶ См.: **Воробьева Н. Н.** Сравнительные конструкции в мордовских языках. С. 10.
- ⁷ См.: **Кудаев П. С.** Категория послелога в мордовских языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1969. С. 18.
- ⁸ **Доронин А.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 266. [Тени колоколов]. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.].
- ⁹ **Ключагин П.** Анискат : ёвтнемат, новеллат, лирикань цюцёвнеть, стихть, ледстнемат. Саранск, 2010. С. 6. [Анис-трава : рассказы, новеллы, лирические миниатюры, стихи, воспоминания]. Далее ссылки в тексте: [Ключагин, с.].
- ¹⁰ **Брыжинский М. И.** Кирдажт : повесть. Саранск, 2008. С. 77. [Ровесники : повести]. Далее ссылки в тексте: [Брыжинский, с.].
- ¹¹ См.: **Цыганкин Д. В., Мосин М. В.** Этимологиянь валкс. Саранск, 1998. С. 89 ; **Вершинин В. И.** Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского языков) : в 4 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 194.
- ¹² См.: **Цыганкин Д. В., Мосин М. В.** Указ. соч. С. 77.
- ¹³ **Абрамов К.** Пургаз : кезэрень пингедэ ёвтнема. Саранск, 1988. С. 23. [Пургаз : роман-сказание]. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, с.].
- ¹⁴ **Доронин А.** Кочкодкесь — пакся нармунь : роман. Саранск, 1993. С. 80. [Перепелка — птица полевая]. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1993, с.].
- ¹⁵ **Тремасов Н.** Дивань штере : ёвкт. Саранск, 2011. С. 30. [Чудо-веретено : сказки].
- ¹⁶ **Доронин А.** Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001. С. 15. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 2001, с.].
- ¹⁷ **Воробьева Н. Н.** Типология сравнения в мордовских языках // Совет. финно-угроведение. 1986. № 3. С. 206.
- ¹⁸ **Брыжинский М. И.** Кочказь произведенийт : кавто томсо. Саранск, 2013. Т. 1. С. 263. [Избранные произведения : в двух томах].

Поступила 26.03.2018 г.

УДК 81'34811.511.152.2

Г. С. Иванова, О. Е. Поляков, Н. В. Леткина
G. S. Ivanova, O. E. Polyakov, N. V. Letkina

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ НЕПЕРЕДНЕГО РЯДА В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА)

THE USE OF NOT FRONT VOWELS IN THE MOKSHA LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTHEASTERN DIALECT)

Ключевые слова: непередний ряд, мокшанский язык, гласный, первый слог, фонетическая позиция, диалект.

В статье рассматривается употребление гласных непереднего ряда в мокшанском языке на примере юго-восточного диалекта; выявляются закономерности фонетических изменений.

Key words: not front row, the Moksha language, vowel, first syllable, phonetic position, dialect.

The use of not front vowels in the Moksha language is considered in the article on the example of its southeastern dialect. The patterns of phonetic changes are also revealed.

Согласно последней классификации мокшанских диалектов профессора А. П. Фектистова¹, к юго-восточному диалекту относятся Кадошкинский, Инсарский, Ковылкинский (часть), Рузаевский (часть) районы Республики Мордовия. Особенность данного диалекта заключается в широком распространении гласного верхнего подъема *и*, который, кроме своего обычного употребления, используется вместо гласного среднего подъема *е* других диалектов². В связи с этим некоторые исследователи называют юго-восточный диалект иовым, или икающим³.

В отличие от мокшанского литературного языка, где количество основных гласных звуков составляет семь единиц, в юго-восточном диалекте их шесть: пять гласных полного образования *и* (*ы*), *е*, *у*, *о*, *а* и один редуцированный *ь*, из которых гласные *и*(*ы*), *е* — переднерядные; гласный *ь* — среднерядный, гласные *у*, *о*, *а* — заднерядные.

В статье рассмотрим употребление гласных непереднего ряда в юго-восточном диалекте мокшанского языка.

В первом слове слова употребляются все три гласные фонемы: *а*, *о*, *у*; вне первого слога — только *а*, *у*.

Гласные заднего ряда нижнего и среднего подъёмов исторически восходят к таким же гласным общемордовского языка. Это подтверждается тем, что они, во-первых, имеют одинаковую распространённость во всех мокшанских диалектах, во-вторых, соответствуют таким же гласным эрзянского языка, например: м. *кару* / *гару*, э. *карво* «муха»; м., э. *сал* «соль»; м., э. *ков* «луна»; м., э. *сод* «сажа»; м. *куд*, э. *кудо* «дом»; м. *тумс*, э. *туйемс* «уйти».

Статистические исследования, проводимые студентами филологического факультета, показывают, что в первом слове самым употребляемым является нелаби-

ализованный гласный нижнего подъема *a*, на втором месте — лабиализованный гласный среднего подъема *o*, реже остальных встречается лабиализованный гласный верхнего подъема *y*.

Дистрибуции гласного *a* следующие: самой встречаемой является позиция между двумя велярными согласными (СГС), например: *самс* «придти, приехать», *кавал* «коршун», *кафтъ* «два», *мар* «куча», *максъмс* «дать», *лакамс* «кипеть», *лафчъ* «слабый», *нар* «трава, спорыш», *салмъкс* «игла», *караф* «ров»; а в абсолютном начале слова — перед твердым согласным (ГС), например: *аш* «не, нет», *азъмс* «сказать», *ава* «женщина», *ал* «яйцо», *акл'е* «сестра мужа», *акшь* «белый»; реже употребляется перед мягким парным согласным (ГС'), например: *ат'евъс'* «отец мужа», *ас'кълкс* «шаг», *ал'гевъс'* «старший брат мужа», *ат'е* «старик, дед»; (СГС') — *кат'л'амс* «обглодать», *кал'* «ива, ветла», *каР'ц'амс* «тратить, расходовать», *кар'ас* «спина», *кар'ън'т'фн'ъмс* «раздеваться».

В позиции С'ГС в подавляющем большинстве случаев предыдущим согласным является палатальный непарный *й*, например: *йан* «тропа», *йалга* «друг», *йавъмс* «расстаться», *йакамс* «ходить», *йавамс* «истопиться», *йакиам* «холод», *йафъд'ъмс* «выбросить».

Очень редко перед гласным *a* выступает мягкий парный согласный, например: *т'акъ* «единственный», *т'азъ* «сюда», *т'асъ* «здесь», *с'ас* «потому», *т'афтамъ* «такой», *т'ашка* «такой».

В первом слоге гласный *a* совсем не встречается после палатализованного согласного и между двумя палатальными или палатализованными согласными.

Относительно ударяемости заднерядный гласный *a* в юго-восточном диалекте имеет следующие закономерности: в первом слоге производных слов он всегда ударный; в сложных словах иногда отдает ударение такому же гласному непервого слога (*a // ъ*). Это наблюдается в некоторых исторически сложных словах, в первом слоге второго компонента которых стоял гласный *a* (в юго-восточном диалекте встречается двойное или даже тройное произношение, например: *ка:Р'ц'иган* и *къР'ц'ига:н* «ястреб»); 2) в трехсложных словах, где в одном из непервых слогов тоже стоит гласный *a*: *ка:Рцад'ъмс*, *къРца:д'ъмс* и *ко:Рцад'ъмс* «ткнуть», а также в производных от них (*ка:Р'ц'иганън'* и *къР'ц'ига:нън'*, *ка:Р'ц'игатт* и *къР'ц'ига:тт*, *ка:Рцад'ъма* и *къРца:д'ъма*, *ка:Рцат'фт'ъмс* и *къРца:т'фт'ъмс*, *ка:Рцат'фн'ъмс* и *къРца:т'фн'ъмс* и т.п.). Какие-либо закономерности вывести пока не представляется возможным, так как явление не последовательно, но можно предположить, что причина, вероятнее всего, в равнозначности ударяемых гласных.

Если в корневом закрытом слоге в распространении гласного *a* мало ограничений, то на морфемном стыке между двумя мягкими согласными *a* чередуется с *e*, например: *ал'ат* «мужчины» — п.-пш. *ал'ес'*, цент. *ал'ăс'* «тот мужчина»; *нр'ат* «голова» — п.-пш. *нр'ес'*, цент. *нр'ăс'* «та голова»; *с'т'амс* «встал» — п.-пш. *с'т'ес'*, цент. *с'т'ăс'* «он поднялся»; *т'р'амс* «прокормить» — п.-пш. *т'р'ес'к*, цент. *т'р'ăс'к* «мы прокормили его»; *нар'амс* «попариться» — п.-пш. *нар'ес'к*, цент. *нар'ăс'к* «мы его пропарили»⁴. В некоторых говорах средне-вадского диалекта (Ачадово, Пичпанда, Старое Бадиково) встречаются слова, в которых произошел переход гласного *a* > *e* и перед твердым согласным: ср.-вад. *нр'е* — *нр'ет* «голова — головы», п.-пш. *т'азъ* > ср.-вад. *т'езъ* «п.-пш. *т'ашка* > ср.-вад. *т'ешка*»⁵.

Вне первого слога наибольшую частотность имеет *ъ*, наименьшую — *у*, совсем не встречается *о* (исключением являются сложные слова, в первом слоге второго компонента которых стоит гласный *о*, например: *кэмготувь* «шестнадцать»).

Гласный *о* встречается в абсолютном начале слова перед твердым согласным (ГС): *олга* «жердь», *озамс* «сесть», *оламс* «выцвести», *омбът* «после завтра», *омбъцъ* «второй», *ош* «город»; реже — перед мягким парным согласным (ГС'): *ол'кс'ъмс* «причитать», *от'кър* «шустрый, юркий, быстрый», *оц'у* «большой», *от'н'ъмс* «донимать», *оц'е* «старший брат отца»; в согласном окружении (СГС): *ломан* «человек», *торамс* «греть», *ловн'е* «снег», *шовиямс* «вспениться», *тов* «ядро», *ков* «луна», *мон* «я», *морки* «скамья»; (СГС') *тоз'ър* «пшеница», *кос'ке* «сухой», *тос't'ед'ъмс* «толкнуть»; *мус'къмс* «стирать»; (С'ГС) *с'ора* «юноша», *с'орма* «письмо», *с'ок / с'ока* «кисть (деталь праздничной женской одежды), *с'окс'ъ* «осень»; совсем редко — между мягким парным и смягченным согласным (С'ГС'): *т'ож'ен* «медведь», *т'ож'д'е* «легкий». В мокшанском литературном языке в последней позиции *о* не встречается вообще.

Гласный *у* встречается в абсолютном начале слова и после любого по качеству согласного (ГС), например: *ур* «белка», *улал* «подбородок», *увамс* «лаять», *уркъд'ъмс / уркъдъмс* «выть»; (ГС') *ут'амс* «нагнуть, согнуть», *ул'ъмс* «быть», *ус'къ* «провода, провод», *ур'аш* «жена старшего брата»; (СГС) *тумс* «уйти», *сур* «палец», *лувъмс* «считать», *сускъмс* «кукусить»; (С'ГС') *с'ур'е* «нитка», *т'ур'ъмс* «драться», *с'ут'амъмс* «успокоиться», *с'уц'ъмс* «поругать», *т'уж'е* «желтый», *ш'уж'ер'* «сено».

Редко встречаемыми позициями являются С'ГС, например: *с'урь* «рог» и СГС', например: *кул'ъмс* «слышать», *куч'ъмс* «послать».

При словоизменении или словообразовании, когда в последующем слоге появляется *а* или *е* < *ä*, и *у* оказывается в безударном положении, он чередуется с *ъ*, в других мокшанских диалектах безударный *у* свое качество сохраняет, например: *кънц'а:н* «я ловлю», *пъта:н* «я ставлю», *съска:н* «я кусаю» (сравните в других диалектах — *кунца:н*, *пута:н*, *суска:н*).

В двусложных корнях при гласном *а* или *э* < *ä* в последующем слоге вместо гласного *у* других диалектов тоже выступает редуцированный гласный: п.-пш. *ш'ър'ке*, центр. *шур'кă* «лук», п.-пш. *пър'ке*, центр. *пур'кă* «морковь», а также в русских заимствованиях: п.-пш. *ц'ълка*, центр. *ц'улка* «чулок», п.-пш. *ъл'ц'е*, центр. *ул'ц'ă* «улица». В связи с этим частотность употребления гласного *у* в данном говоре ниже, чем в тех, которые не знают процесса редукции.

В позиции непервого слога *у* встречается достаточно редко.

В абсолютном исходе слова употребляется одиночный *у*: *тоду* «подушка», *куцу* «ложка»; в середине слова последующим звуком может быть *в*, *ф* — во всех этих случаях *у* восходит к общемордовскому дифтонгическому сочетанию **ув*: *тодув-ъц* «его подушки», *тодуф-т* «подушки»; *куцув-ънц* «его ложки», *куцуф-т* «ложки».

О появлении редуцированного гласного в мокшанском языке нет единого мнения. Одни исследователи⁶ считают, что в общемордовском языке этого гласного не было, он развился в период самостоятельного развития из узких гласных верхнего подъема *у*, *и(ы)*, когда они оказывались в безударном положении. Мнение, что редуцированные гласные в финно-угорских языках появились относительно недавно, переклика-

ется с высказываниями марийских исследователей Д. Г. Казанцева и Е. И. Коведяевой о влиянии тюркских языков на возникновение современного типа ударения и редуцированных гласных в марийском языке⁷.

По мнению некоторых ученых, редуцированный гласный в мокшанском языке и в некоторых диалектах эрзянского языка является наследием общемордовского языка. В юго-восточном диалекте мокшанского языка переход безударных *у*, *и* в *ь* продолжается до сих пор. В эрзянском языке из гласного **ь* развились гласные полного образования, а в шугуровском диалекте он сохранился, так как «там создались наиболее благоприятные фонетические условия, при которых действительные ассимилятивные процессы были минимальными. И это, прежде всего, сохранение ударения в первом слоге»⁸. Кроме того, теорию происхождения мокшанского гласного *ь* из *у*, *и* (*ы*) подтверждают соответствия из эрзянского языка, например: ю.-в. *ьр'ве*, м. л. *ьр'вй*, э. л. *ур'ва* «жена»; ю.-в. *ьрдас*, м. л. *ьрдас*, э. л. *урдас* «грязь»; ю.-в. *пльТамс*, м. л. *пльТамс*, э. л. *пултамс* «сжечь».

Таким образом, в юго-восточном диалекте мокшанского языка все три гласных заднего ряда *а*, *о*, *у* встречаются только в первом слоге в сильной позиции, где *а*, *о* всегда ударные, *у* теряет ударение в безударной позиции, если в последующем слоге появляется открытый *а* или полуоткрытый *э*; в данном случае *у* чередуется с *ь*. Хотя возможен перенос ударения с *а* первого слога на равнозначный гласный не первого слога, в результате этого *а* чередуется с *ь*. Вне первого слога самая высокая частотность употребления у гласного *ь*; реже встречается *у*, который взял свое начало от исторического дифтонгического сочетания; в производном слове не встречается звук *о*. Для гласных заднего ряда характерной является позиция между двумя твердыми согласными.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Феоктистов А. П.** Мокшанские диалекты // X. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. P. 79.

² См.: **Иванова Г. С., Жебряткина И. Я., Ишаева Л. В.** Дистрибуция гласных непервого слога в центральном диалекте мокша-мордовского языка // Финно-угор. мир, 2015. № 4 (25). С. 14.

³ См.: **Кукушкина Н. Ф.** Фонетика мокшанских диалектов в лингвогеографическом освещении : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2012. С. 6 ; **Кукушкина Н. Ф., Иванова Г. С.** Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. № 4 (20), 2011. С. 99.

⁴ См.: **Жебряткина И. Я.** Глушковско-алексовские говоры в системе мокшанских диалектов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2013. С. 9.

⁵ См.: **Деваев С. З.** Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. С. 264.

⁶ См.: **Паасонен Х.** Мордовская фонетика. Нельсинки, 1903. С. 97 ; **Бубрих Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. С. 116 ; **Феоктистов А. П.** Указ. соч. С. 17 ; **Поляков О. Е.** Фонетические системы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в синхроническом и диахроническом аспектах : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. СПб., 1997. 36 с. ; **Иванова Г. С.** Некоторые особенности мокшанской акцентуации // Гуманитар. науки и образование. 2014. № 3 (19). С. 135 — 136.

⁷ См.: **Ермушкин Г. И.** Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Эрзянский язык. М.: Наука, 1984. С. 93.

⁸ См.: **Цыганкин Д. В.** Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979. С. 76.

Сокращения

- м. — мокшанский язык
м. л. — мокшанский литературный язык
э. — эрзянский язык
э. л. — эрзянский литературный язык
п.-пш. — пшеневский говор мокшанского языка
ср.-вад. — средне-вадский диалект мокшанского языка
центр. — центральный диалект мокшанского языка
ю.-в. — юго-восточный диалект

Поступила 28.03.2018 г.

УДК 811.111:81'373.72

Н. В. Поцелуева, О. Л. Косован, Т. Н. Федуленкова
N. V. Potseleeva, O. L. Kosovan, T. N. Fedulenkova

**ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ
(На материале современного английского языка)**

**TRADITIONS IN FORMATION OF THE SOCIAL
AND CULTURAL CODE OF PHRASEOLOGICAL UNITS
(On the base of Modern English)**

Ключевые слова: традиция, фразеологическая единица, социокультурный код, английский язык.

В статье, осуществляя семантизацию фразеологических единиц современного английского языка посредством словарных дефиниций, выявляется связь генетического прототипа рассматриваемых языковых единиц с обычаями, традициями, поверьями и историческими событиями, что доказывает причастность генетического прототипа фразеологических единиц к кодировке социокультурной информации носителя языка.

Key words: tradition, phraseological unit, social and cultural code, English.

As a result of the semantization of phraseological units (PU) of modern English by means of dictionary definitions, the connection of a genetic prototype of the language units under study with customs, traditions, beliefs and historical events is revealed that makes it possible to prove the participation of the PU genetic prototype in encoding of the social and cultural information of the native speaker.

В процессе семантизации фразеологической единицы (ФЕ) происходит не только выявление ее значения, но и декодирование генетического прототипа¹, следствием которого является получение фоновых знаний об истории, быте, традициях, нравах и т. п., т. е. о многогранной культуре народа, язык которого мы изучаем. Так, фразеологизм *baker's dozen* (букв.: дюжина пекаря) со значением «чертова дюжина» восходит к **старинному английскому обычаю**, согласно которому, пекарей нака-

зывали, если они продавали хлеб заниженного веса, и во избежание наказания им приходилось добавлять тринадцатую буханку к каждой реализуемой дюжине бесплатно, что и отражено в словарной дефиниции: *Formerly bakers were punished if they sold loaves of bread below a lawful weight. To each dozen (12) loaves that were sold, therefore, an extra loaf was added free, to keep the weight above the lawful standard²*, например:

There were twelve occupants of the Maud Long Medical Ward (aged people, female). The ward sister called them Baker's Dozen, not knowing that this is thirteen, but having only heard the phrase (M. Spark. *Memento Mori*) («В медицинской палате „Мод Лонг“ было двенадцать обитателей (старички, женщины). Палатная сестра называла их чертовой дюжиной, не догадываясь, что это тринадцать, лишь зная фразу понаслышке»)*.

Знакомясь со статьей фразеологического словаря, вводимой словом *salt*, — In the houses of rich and important people, salt was formerly kept in a large container placed in the middle of the long dining table. Guests of honour at dinner sat between this container and the head of the table (Longman Dictionary..., p. 283) — узнаем, что по старой английской традиции солонку ставили посередине стола, причем знатных гостей сажали за верхним концом стола, а незнатных гостей, бедных родственников и слуг — за нижним, откуда в речь вошли две ФЕ: *to sit above the salt* (букв.: сидеть выше соли) со значением «занимать высокое положение в обществе» и *to sit below the salt* (букв.: сидеть ниже соли) со значением «занимать скромное общественное положение», например:

Tarkington, the prince of popular novelists, was never taken seriously — in critical circles he sat below the salt... (V. W. Brooks. *The Confident Years: 1885 — 1915*) («К Таркингтону, чрезвычайно популярному романисту, никогда не относились серьезно: он не очень высоко котировался в среде критиков...»).

Происхождение ФЕ *to dance attendance on somebody* (букв.: вытанцовывать чье-либо внимание к себе) со значением *to give much attention to (a person or thing), esp. in an effort to please* (Longman Dictionary..., p. 11) («ходить на задних лапках перед кем-либо») связано со старинной английской традицией, в соответствии с которой на свадебном вечере невеста должна была танцевать с любым гостем, пригласившим ее на танец, например:

About him flock the courtiers, great nobles and ecclesiastics, now deprived both of their powers and their duties, and with nothing to do but dance attendance at court (U. Sinclair. *Mammonart*) («Вокруг него (короля Людовика XIV) толпились придворные, видные дворяне и духовные лица, лишённые власти и своих обязанностей и которым не оставалось ничего другого, как пресмыкаться при дворе»).

ФЕ *to cut somebody off with a shilling* (букв.: отделить кого-либо с шиллингом), имеющая значение «to leave or arrange to leave (a person, esp. a member of one's family) little or no money when one dies» (Longman Dictionary..., p. 293) («лишить кого-л. наследства»), ведет свое начало от английского обычая, по которому завещатели часто оставляли лицам, лишённым наследства, всего один шиллинг в доказательство того, что лишение было преднамеренным, например:

* Здесь и далее перевод автора.

It was still not unheard of for an angry parent to cut off his son with a shilling or to tell his daughter... never to darken his door again (W. S. Maugham. *Cakes and Ale*) («Все еще случалось иногда, что рассерженный отец лишал сына наследства или запрещал дочери... переступить порог своего дома»).

В средние века трубными звуками приветствовали знатных лиц и рыцарей, принимавших участие в турнирах, что вызвало к жизни ФЕ *to blow one's own trumpet* (букв.: дуть в собственную трубу), которая имеет следующую словарную дефиницию: *to praise one's own abilities* (Longman Dictionary..., p. 349) со значением «хваляться, бахвалиться, заниматься саморекламой», например:

*I don't like to blow my own trumpet, but I must say the sales conference would have been utter chaos if I hadn't been there to organize it*³ («Я не люблю заниматься саморекламой, но я должен сказать, что торговая конференция превратилась бы в абсолютный хаос, если бы мне не пришлось ее организовывать»).

ФЕ *to beat the air/ wind* (букв.: бить воздух/ ветер), согласно словарной дефиниции, означает «*to make efforts that are in vain*»⁴ («попусту стараться, понапрасну затрачивать энергию, переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе»). Семантизация данной ФЕ посредством англо-русского фразеологического словаря представляет информацию о средневековом обычае англичан потрясать оружием в знак победы в случае неявки противника на суд чести, например:

This is Mr. Mont, said Nora Curfew, who made that splendid speech in the House... Beating the air, I'm afraid (J. Galsworthy. *The Silver Spoon*) («Это мистер Монт, — сказала Нора Керфью, — тот самый, который произнес в палате ту блестящую речь... — Боюсь, что энергия потрачена зря»).

Расшифровка с помощью энциклопедического словаря генетического прототипа ФЕ *to rob Peter to pay Paul* (букв.: обворовать Петра, чтобы заплатить Павлу) со значением, дефинируемым как «*to take from one to give to another, both being in equal circumstances, thereby not altering or improving the situation*» (Seidl J. [et. al.]. *Op. cit.*, p. 199) («облагодетельствовать одного за счет другого, отдать одни долги, сделав новые»), дает сведения о старой традиции английского духовенства передавать из богатых церквей разную утварь бедным приходам, например:

In the usual Wall Street high finance style he was robbing Peter to pay Paul, that is, he was using the money of one corporation which he controlled to bolster up any of the others which he controlled... (Th. Dreiser. *Twelve Men*) («Он прибежал к тем же приемам, к которым прибегали и другие крупные финансисты Уолл-стрита, и грабил Петра, чтобы расплатиться с Павлом, т. е., иными словами, использовал деньги одной из своих корпораций для того, чтобы поправить дела другой»).

Заметную роль в этимологии ФЕ играют поверия, обращение к которым способствует отысканию признаков мотивированности некоторых фразеологизмов английского языка. Так, фразеологический оборот *the black sheep (of the family)* (букв.: черная овца семьи) обязан своим происхождением старинному поверию, по которому черная овца отмечена печатью дьявола. Значение данного фразеологизма поясняется следующей дефиницией: *that member (of a family or other group) who is thought to be a disgrace to other members of it (because he is a criminal, a wastrel or because he does not measure up to their imposed standards)* (Cowie A. P. [et. al.]. *Op. cit.*, p. 68) и выражается следующими русскоязычными эквивалентами: «паршивая овца», «позор семьи», «негодяй», «белая ворона» и др., например:

...like her father, she was, she said, the religious **black sheep of the family**. She had never been able to believe anything save that which appealed to her as reasonable. (Th. Dreiser. A Gallery of Women) («...она говорила, что, подобно, своему неверующему отцу, она была паршивой овцой в семье. Она всегда верила только тому, что казалось ей разумным»).

Поверие англичан средневековья о поведении испуганного страуса послужило мотивационной основой появления ФЕ *to bury one's head in the sand* (букв.: прятать свою голову в песок), значение которой «закрывать на факты глаза», «придерживаться страусовой политики» разъясняется словарным толкованием: *to refuse to take any notice of a difficulty; refuse to admit that something is a problem and hope that it will get better by itself* (Longman Dictionary..., p. 152), например:

*And what are people like us supposed to do? asked Lina. Live in a vacuum? **Bury our heads in the sand?** No, you've helped your people and I've helped them too. Therefore you owe me some consideration* (M. Dodd. Sowing the Wind) («А что же тогда должны делать люди вроде нас с тобой? — спросила Лина. — Жить в пустоте? Спрятать головы в песок? Ты ведь помогал своим единоверцам, и я тоже помогала им. Значит, я имею право на твое уважение»).

Прочтение генетического прототипа фразеологизма *to be born under a lucky star* (букв.: родиться под удачливой звездой) свидетельствует о том, что происхождение его значения «*to be continually lucky*» (Seidl J. [et. al.]. Op. cit., p. 168) («быть счастливым») связывается с поверием англичан о влиянии расположения звезд на судьбу человека, например:

*That's how it goes, son; if you **haven't been born under a lucky star** you just have to work all the harder to get what you want* (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 74) («Такие вот дела, сынок. Если ты не родился под счастливой звездой, то тебе просто придется вкалывать, чтобы получить то, что ты хочешь»).

Семантическую дешифровку генетического прототипа фразеологизма *to kiss the Blarney Stone* (букв.: поцеловать камень Бларни) мы находим в предании, согласно которому, каждый, кто поцеловал камень крепостной стены замка Бларни в Ирландии, наделялся даром лстивой речи, ср. с дефиницией: *have the ability or intention to flatter, persuade or deceive people with one's talk (from an inscribed stone in the castle wall of Blarney, near Cork in Ireland, kissing which is supposed to give one such powers of persuasion* (Ibid, p. 334), например:

*Anna... lemon pie! You knew I was coming! Go on with you, been **kissing the Blarney stone** again, eh? When you make lemon pies a man can find this house blindfolded from a mile away!* (D. Carter. Fatherless Sons) («Анна! Лимонный торт! Вы знали, что я приду. — Да будет тебе! Опять начинаешь подлизываться! — Когда вы печете лимонный торт, ваш дом всякий найдет с завязанными глазами за версту отсюда»).

Значение ФЕ *a peeping Tom* (букв.: подглядывающий Том) — *a prurient person who spies upon persons who think they are alone*⁵ формируется на основе предания о леди Годиве, жене графа Мерсийского, которое повествует о том, что граф наложил непосильный налог на жителей города Ковентри. Спасая людей от этого налога, леди Годива решила проехать по всему городу, как требовал граф, обнаженной в полдень верхом на лошади. Все жители города закрыли ставни своих домов, чтобы не смущать ее, и только портной Том стал подсматривать в щелку, за что тут же поплатил-

ся зрением: from 'Peeping Tom of Coventry', a tailor who was said to have been the only person to peep through his window at Godiva, wife of an 11th century Lord of Coventry, when she rode naked through the town on horseback (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 452), например:

Oh, by the way, if you want a bath, take one. There ain't a Peeping Tom on the place (F. Knebel. Trespass) («Да, кстати, если вам нужно принять ванну, пожалуйста принимайте. Здесь никто не будет подсматривать за вами»).

От ирландской истории о двух кошках, после драки которых друг с другом остались только хвосты, ведет свое начало ФЕ *fight like Kilkenny cats* (букв.: драться как килкеннийские кошки), имеющая значение «бороться до победного конца, бороться не на жизнь, а на смерть» в соответствии со словарным толкованием: *fight so violently and persistently that both, or all, parties are defeated or destroyed* (from an Irish story of two cats who fought each other till there was nothing left but their tails) (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 184), например:

Members of Parliament and ladies of fashion, like himself and Fleur... now and then... going for each other like Kilkenny cats (J. Galsworthy. The Silver Spoon) («Члены парламента и светские женщины, как сам он и Флер... время от времени... вцепляются друг в друга не на жизнь, а на смерть»).

В современном английском языке имеются ФЕ, освоение смысла которых, т. е. прослеживание связи переосмысленного значения собственно ФЕ со значением ее генетического прототипа, требует обращения к конкретным реалиям английской жизни. Так, значение фразеологизма *strange bedfellows* (букв.: странные постельные товарищи) — «случайные знакомые» — связано с тем обстоятельством, что в Англии в средние века отдельные кровати были редкостью, и лица одного пола часто спали вместе вплоть до середины XVII в. Рассматриваемая ФЕ, дефинируемая как *people, or things, one would not expect to find close together, or to be closely associated with each other, because of their very different nature, uses, habits etc* (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 523), находит широкое использование в речевом употреблении, например:

But it is hardly the first time in history that strange bedfellows have worked together for the same cause (New Statesman) («Но вряд ли это происходит впервые в истории, когда временные союзники работают вместе ради общего дела»).

Одна из реалий жизни англичан, населяющих Лондон, представлена генетическим прототипом фразеологизма *born within the sound of Bow Bells*, который имеет буквальное прочтение рожденный в пределах досягаемости звука колоколов Боу и, претерпевая семантическую трансформацию, служит для обозначения коренного лондонца, представителя кокни, см. словарную дефиницию: *born in the district of London round Bow Church, Cheapside, and hence a true Cockney* (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 74), например:

But I am a true Cockney myself. Yes, born within the sound of Bow Bells. Where do you come from? (C. Mackenzie. The Rival Monster) («Ну, а я сам — настоящий кокни. Да, родился в Ист-Енде. А ты откуда?»).

Фразеологический оборот (*all*) *shipshape and Bristol-fashion* (букв.: все как на корабле и в стиле Бристоль) употребляется в значении *in good order, tidy; well-organized and fully equipped* (the reference being to the time when Bristol was an important commercial port for sailing-ships) (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 498), т. е. в безупреч-

ном порядке, аккуратный, хорошо организованный и полностью оборудованный и представляет собой метафорическую реализацию реалий тех времен, когда Бристоль был важным коммерческим портом для торговых судов, например:

*Jim Larkin arrives at a Devonshire hotel to find everything **shipshape and Bristol-fashion** — only there's no owner, no staff and no guests* (The Scotsman) («Джим Ларкин прибывает в Девонширскую гостиницу и видит, что все там в безупречном порядке, только нет хозяина, нет персонала и нет гостей»).

Происхождение многих фразеологических единиц тесно связано с историческими событиями, имевшими место в Англии. Например, одним из лозунгов крестьянской войны в Англии в 1381 г. были слова, приписываемые сподвижнику Уота Тайлера монаху Джону Боллу: *When Adam delved and Eve span who was then the gentleman?* («Когда Адам пахал и пряла Ева, где родословное стояло древо?»). В современном английском языке эта фраза произносится иронически в адрес человека, кичащегося своей родословной.

Исторический факт удержания королевской власти в начале XVII в. в руках королевы Анны (1665 — 1714), последней из династии Стюартов, нашел свое отражение в фразеологии современного английского языка в форме фразеологизма *Queen Anne is dead* (букв.: королева Анна мертва) со значением «открыл Америку, ваша новость устарела», которое подтверждается дефиницией толкового словаря: *your news is stale; everybody knows (this) already* (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 471), например:

*The most depressing rumours are about here as to the next... production — Julius Caesar or some such obsolete rubbish... Will nothing persuade H. I. that **Queen Anne is dead?*** (B. Shaw. Ellen Terry and Bernard Shaw. A Correspondence) («Ходят удручающие слухи, что готовится к постановке Юлий Цезарь или какой-то подобный антиквариат. Неужели никак нельзя убедить Г. Н., что давно открытыми Американами никого не удивишь?»).

У ФЕ, возникших в связи с какими-либо конкретными историческими событиями, национально-культурная специфика наиболее очевидна и рельефна. Так, фразеологический оборот *the three tailors of Tooley Street* (букв.: трое портных с улицы Тули) имеет значение «небольшая группа людей, считающих себя представителями всего народа». Основа мотивации данной ФЕ становится очевидной, если обратиться к свидетельству английского политического деятеля Д. Каннинга (1770 — 1827), согласно которому трое портных с улицы Тули обратились в парламент с петицией, начинавшейся словами «Мы, люди Англии...», обратимся к контексту:

*At the conference held last week-end of writers in London, H.G.Wells in a speech he made said something not very complementary about **the three tailors of Tooley Street** who were settling the fate of the British Empire, and that remark met with a rebuke from Ilya Ehrenburg who mentioned that Gorki at one time in Capri did not think it beneath him to collect one metal worker, one tailor and one carpenter, and believed that these men might overthrow the Russian Empire, which seemed then as strong as the British Empire is to-day* (R. Fox. The Novel and the People) («На совещании писателей, которое состоялось в Лондоне на прошлой неделе, Г. Уэллс в своей речи неодобрительно отозвался о трех портных с улицы Тули, которые решали судьбы Британской империи. Это замечание встретило резкий отпор со стороны Ильи Эренбурга, который сказал, что Горький одно время не считал ниже своего достоинства обучать одного металлиста, одного

портного и одного плотника и верил в то, что эти люди свергнут Российскую империю, которая в то время казалась такой же мощной, как Британская империя кажется в наши дни»).

Связь фразеологизма *a Florence Nightingale* (букв.: Флоренс Найтингейл), употребляющегося в значении «преданная сиделка», с конкретным историческим лицом раскрывается путем дешифровки его генетического прототипа посредством словарной дефиниции: *a devoted nurse (from the British nurse, also known as the Lady with the Lamp, who served in the military hospital at Scutari, during the Crimean War, 1854 — 1856) (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 192):*

I only hope you're feeling better, he said. But I'm sure you are, with so charming a Florence Nightingale to attend to you. (A. Wilson. Anglo-Saxon Attitudes) («Я лишь надеюсь, что ты чувствуешь себя лучше, — сказал он. — Но я уверен, что это так, да еще с такою сиделкой, которая за тобой ухаживает»).

Фразеология современного английского языка — богатый источник сведений об исторических событиях не только в жизни самой Англии, но и в области ее взаимоотношений с другими странами. Так, отрицательная коннотация, привносимая компонентом *Dutch* (голландский) в ФЕ, связывается с негативными ассоциациями англичан по поводу определенных исторических фактов, а именно: англо-голландской конкуренции на морях и войн в XVII в.: *double Dutch* (букв.: двойной голландец) — *sth spoken or written, that cannot be understood or that seems to be glibberish (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 154)* («тарабарщина, галиматья»); *to talk to smb like a Dutch uncle* (букв.: разговаривать с кем-либо как голландский дядюшка) — *to lecture, admonish, talk seriously and reprovingly (Ibid, p. 538)* («отечески наставлять, журить кого-либо, делать замечание, выговор»); *to go Dutch with someone* (букв.: идти по-голландски) — *to share expenses (Seidl J. [et. al.]. Op. cit., p. 184)* («платить свою часть за угощение, устроить складчину»); *(then) I'm Dutchman* (букв.: тогда я голландец) — *(then) I'm not what I am (used after a clause beginning with if to indicate the speaker's belief that the facts, opinions, etc., stated in the if-clause are wrong) (Longman Dictionary..., p. 91)* («даю голову на отсечение, провалиться мне на этом месте, черт меня побери»); *Dutch courage* (букв.: голландская храбрость) — *courage lent by strong drink, either in the form of assertions as to what one can do or will do, or carried over into action (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 160)* («хмельной кураж, храбрость во хмелю»); *a Dutch treat* (букв.: голландское угощение) — *an outing, entertainment, social gathering, etc where each person pays his own share of the expenses (Ibid, p. 160)* («развлечение за свой счет»); *in Dutch* (букв.: в голландском) — *in trouble with someone⁶* («в неприятном, трудном положении, в немилости» и др., например:

I'm not going to do the outraged husband stunt. I like you and I respect you... But I think it's about time for you and Valborg to call a halt before you get in Dutch (S. Lewis. Main Street) («Я не собираюсь разыгрывать взбешенного супруга. Я уважаю тебя и люблю... Но мне кажется, что вам с Вальборгом пора бы остановиться, пока ты не влипла в неприятную историю»).

Пояснение при словарной дефиниции фразеологизма *the black hole of Calcutta* (букв.: черная дыра Калькутты), декодируя информацию, заложенную в его генетическом прототипе, сообщает о том, что происхождение значения данного фразеологизма «гиблое место» связано с инцидентом, имевшем место в Индии в середине XVIII в., когда большое количество английских заключенных было заперто на ночь

в тесной комнате и многие из них погибли: a dark unpleasantly hot and stuffy building or place, with few amenities etc (from an incident in India in 1756 when a large number of English prisoners were crowded into a small room overnight where many of them died (Cowie A. P. [et. al.]. Op. cit., p. 68), например:

Peter: Upset? I'm not upset. I just want to get the hell out of this black hole of Calcutta (S. Delany. A Taste of Honey) («Питер: Расстроен? Я не расстроен. Я просто хочу, черт побери, выбраться из этого гиблого места»).

Специфика ФЕ как знака вторичной номинации заключается в том, что ее генетический прототип посредством метафорических, метонимических, синекдохических и других трансформаций компонентного состава кодирует социокультурную информацию о носителе данного языка и таким образом сообщает результирующей ФЕ ее кумулятивную функцию, т. е. функцию фиксации, хранения и передачи значительного объема информации о постигнутой обществом действительности.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Федуленкова Т. Н.** Универсальность генетических связей в германской фразеологии : (На материале английского, немецкого и шведского языков) // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах : материалы междунар. науч.-практ. конф. 18 — 23 марта 2016 г. Кострома, 2016. С. 100 — 102.

² Longman Dictionary of English Idioms / (ed.) Urdang L. Harlow and London: Longman Group UK Ltd, 1996. P. 15. Далее ссылки на источник будут даваться в тексте с указанием названия и страницы.

³ **Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R.** Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. London: Oxford University Press, 1984. Vol. 2. P. 72. Далее ссылки на источник будут даваться в тексте с указанием названия и страницы.

⁴ **Seidl J., McMordie W.** English Idioms and How to Use Them. Oxford: Oxford University Press, 1983. P. 195. Далее ссылки на источник будут даваться в тексте с указанием названия и страницы.

⁵ **Hornby A. S., Gatensby E. V., Wakefield H.** The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London: Oxford University Press, 1970. P. 717.

⁶ **Spears R. A.** Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions: Special Edition. Lincolnwood: National Textbook Company, 1991. P. 174.

Поступила 02.04.2018 г.

РЕЦЕНЗИИ

Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Средне-го Поволжья: 1953 — 1991 гг. (На материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) : монография / Е. Н. Бикейкин ; науч. ред. В. А. Юрченков; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2017. — 448 с.

В настоящее время устойчивость и эффективность функционирования аграрного комплекса представляют собой один из важных элементов национальной безопасности в условиях экономической глобализации и многочисленных угроз продовольственной стабильности государства и социальному благополучию граждан. Научная значимость исследования определяется предложенной автором оригинальной методологией изучения модернизационных процессов в аграрной сфере в 1953 — 1991 гг. Применение инструментария и возможностей теории модернизации, цикличности и кризисов в конкретно-исторических исследованиях имеет научные перспективы и позволяет выявлять наиболее фундаментальные, основополагающие закономерности и процессы функционирования сельскохозяйственной отрасли страны. Особую актуальность данной работе придает ярко выраженный региональный аспект, без учета которого любое исследование будет носить отвлеченный характер. Ценность исследования очевидна и в практическом плане, так как всестороннее изучение причин и последствий сельскохозяйственных кризисов приводит к выводам, имеющим большое значение для совершенствования аграрной политики и антикризисного управления в современных условиях.

Новизна полученных научных результатов исследования Е. Н. Бикейкина состоит в том, что аграрная история 1953 — 1991 гг. впервые изучена через призму последовательной смены циклов развития, начало и завершение которых связано с преодолением кризисных состояний сельскохозяйственного производства. При этом автором на основе широкого круга источников выявлены и систематизированы факторы, обусловившие смену состояний и циклов в развитии сельского хозяйства, определены основные характеристики и индикаторы кризисов аграрного производства в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР.

Хронологические и территориальные рамки исследования определяются его предметом и позволяют автору рассмотреть изучаемую проблематику во всей полноте, так как период с 1953 по 1991 гг. — важная веха в аграрной истории Советского государства, когда с особой остротой и четкостью проявилась цикличность, выраженная в смене состояний системы. Следует отметить, что ключевым состоянием является кризис, обеспечивающий связь циклов и переход системы на качественно новый виток развития. При этом трудно не согласиться с автором в том, что формы, методы и стратегии реализации программ антикризисного управления в области сельского хозяйства наиболее полно раскрываются при исследовании регионов, традиционно являвшихся аграрными, к их числу принадлежат Марийская,

Мордовская и Чувашская АССР, сделавшие в рассматриваемый период значительный шаг вперед по пути аграрной модернизации и освоения достижений индустриальной цивилизации. Проведенный Е. Н. Бикейкиным анализ развития сельского хозяйства в данных республиках — удачный пример выявления общих тенденций и динамики глобальных процессов на локальном уровне.

Вызывает уважение объем проанализированных автором разноплановых источников. В первую очередь это документы из 10 архивов — центральных (Российский государственный архив экономики, Российский государственный архив новейшей истории) и региональных (Государственный архив современной истории Чувашской Республики, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Центральный государственный архив Республики Мордовия, Государственный архив Республики Марий-Эл и др.). Большая группа источников представлена опубликованными материалами, в том числе стенографическими отчетами заседаний Верховных Советов указанных республик; статистическими сборниками, изданными центральным и республиканскими ЦСУ; материалами периодической печати; работами партийно-хозяйственных руководителей и отдельных работников и т. д.

Анализ содержания глав и параграфов монографии Е. Н. Бикейкина позволяет выделить, на наш взгляд, значительные достоинства исследования:

во-первых, осмысление аграрной истории Советского государства во второй половине XX в. в ракурсе таких фундаментальных теорий, как цивилизационная, модернизации, циклических теорий исторического процесса, теории кризисов и катастроф. Е. Н. Бикейкиным проведен обстоятельный анализ методологической базы исследования, выявлены преимущества и недостатки теорий, методов и подходов;

во-вторых, детальная и обстоятельная проработанность историографии вопроса. Автор вполне справедливо историографический дискурс выстроил по проблемно-хронологическому принципу, что позволило выявить степень изученности отдельных аспектов проблемы, определить исследовательские лакуны и актуальные направления дальнейших изысканий, а также показать специфику историографической ситуации, влиявшей на исследовательские приоритеты и оценки аграрного развития в тот или иной период истории;

в-третьих, использование Е. Н. Бикейкиным возможностей теорий модернизации, цикличности и кризисов позволило ему сформулировать оригинальную авторскую концепцию аграрной истории рассматриваемого периода, в которой он исходит из того, что развитие социальной системы и всех ее подсистем имеет циклический и нелинейный характер. При этом кризисы рассматриваются как важнейшие состояния в социодинамике. В процессах аграрной модернизации и развития сельского хозяйства Среднего Поволжья в исследуемый период автором выделены три цикла: 1953 — 1965 гг.; 1965 — 1982 гг. и 1982 — 1991 гг. В результате исследования Е. Н. Бикейкиным на богатой источниковой базе осуществлен детальный анализ каждого цикла, определены факторы, оказавшие влияние на их конфигурацию. В науку были введены новые наблюдения, касающиеся формы и остроты протекания кризисов в сельскохозяйственном производстве национальных регионов;

в-четвертых, авторский подход к рассмотрению аграрных преобразований Н. С. Хрущева, содержащий взвешенные оценки как позитивных, так и негативных результатов реформ. Обоснованно звучит вывод Е. Н. Бикейкина о том, что практи-

ка реализации модернизационных инициатив в 1953 — 1964 гг. в регионах свидетельствует об их противоречивом характере, что явилось фактором ускорения смены состояний системы. Автор справедливо отмечает, что говорить о провале реформ нельзя, поскольку они, во-первых, позволили решить наиболее острые социально-экономические проблемы деревни, доставшиеся в наследство от сталинской модернизации, во-вторых, определили основные векторы интенсификации сельского хозяйства, показавшие в определенной мере свою эффективность в практике антикризисного управления в последующие периоды истории;

в-пятых, аргументированное доказательство того, что социалистическая модель хозяйствования показала устойчивость и сопротивляемость кризисам, а модернизация, основанная на принципах и методах интенсификации сельскохозяйственного производства, являлась вполне адекватной в рамках существовавшей в стране экономической модели. В причинах же длительного предкризисного и кризисного развития сельскохозяйственного производства в 1970 — начале 1980-х гг., как справедливо полагает автор, превалировал субъективный фактор. Е. Н. Бикейкин отмечает, что власть отказалась от проведения реформ и реализации антикризисной программы управления, сделав ставку на консервацию и абсолютизацию социалистического способа хозяйствования. В методологическом плане важен вывод о незавершенности, прерванности в 1991 г. цикла развития сельского хозяйства республик под действиями политических факторов. На основании данных статистики Е. Н. Бикейкин убедительно показал, что фазовый переход аграрной системы в кризисное состояние в рамках последнего цикла так и не произошел;

в-шестых, авторский анализ государственной аграрной политики и системы управления сельским хозяйством на продолжительном хронологическом отрезке, что дало возможность сравнить различные антикризисные программы и оценить их результаты и эффективность. В итоге были выявлены факты, свидетельствующие о значительном потенциале развития советской системы хозяйствования на селе;

в-седьмых, выстраивание перспективных путей для дальнейшего изучения сельского хозяйства регионов, т. е. возможность применения теоретико-методологической схемы, предложенной и апробированной автором, для разработки проблем аграрной истории как в региональном, так и общероссийском масштабе.

Исследование Е. Н. Бикейкина заметно поднимает планку изучения как истории советского села, так и советского периода в целом, убедительно свидетельствуя о большом творческом потенциале автора, сумевшего найти новые подходы к решению поставленных задач. Результаты работы Е. Н. Бикейкина могут служить базой для дальнейших научных изысканий в области советской аграрной истории второй половины XX в., будут полезны для разработки учебных пособий и вузовских курсов по отечественной и региональной истории. Несомненно, их необходимо использовать при совершенствовании аграрной политики и антикризисного управления в условиях современной России.

Т. Д. Надькин.

Д. С. Щукин Жизнь и деятельность Н. П. Румянцева : Российский сановник среди придворной элиты, в научном кругу и провинциальном социуме. — Саранск, 2017. — 272 с.

В 2017 г. вышло в свет монографическое исследование «Жизнь и деятельность Н. П. Румянцева: российский сановник среди придворной элиты, в научном кругу и провинциальном социуме» кандидата исторических наук Дмитрия Сергеевича Щукина. Монография, публикуемая в серии «Герои былых времен» Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, демонстрирует нешаблонный подход к проблеме изучения личности, субъекта истории в контексте роли и места персоналии в определенной эпохе. Фигура Николая Петровича Румянцева в своих идеях и действиях является двигателем прогресса и воплощением положительных нравственных стремлений в общественной жизни. Н. П. Румянцев оставил заметный след в политической жизни России начала XIX в. и еще больший — в культурной. Однако, в отличие от персоны его отца — фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, биография Н. П. Румянцева недостаточно разработана, поскольку беспристрастного всеобъемлющего исследования его деятельности до последнего времени не существовало. Рамки работы не ограничиваются рассмотрением определенного периода жизни Н. П. Румянцева, а охватывают все этапы его государственной карьеры и просветительской деятельности.

Новизна исследования в значительной мере определяется освещением малоизвестных фактов из биографии Н. П. Румянцева, связанных, например, с оценкой его дипломатии, внутренней политики, степени самостоятельности внешнеполитического курса графа. Существенное место в работе занимает анализ научных связей Н. П. Румянцева, его культурно-просветительской и меценатской деятельности. Автор обоснованно уделяет приоритетное внимание проблеме формирования мировоззренческой позиции Н. П. Румянцева, отметив в ряде случаев значение влияния убеждений и морально-этических установок графа на особенности его государственной и общественной деятельности. Особый интерес представляет попытка автора оценить значение исторической взаимосвязи рода Румянцевых с Мордовией в контексте воздействия произошедшего в Чеберчинской вотчине на стыке XVIII — XIX столетий социального конфликта на изменение взглядов Н. П. Румянцева в отношении господства крепостнической системы.

Монографическое исследование основано на широкой источниковой базе, которая включает в себя значительный комплекс архивных и опубликованных материалов различного характера — от официальных документов органов государственной власти Российской империи до эпистолярных сочинений. Корпус архивных документов, использованных в работе, извлечен автором из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Опубликованные материалы представлены сборниками документов (ПСЗ, сборники Русского исторического общества, «Внешняя политика России XIX — начала XX в.», «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в.» и др.) и эпистолярны-

ми источниками («Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками», «Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными», письма Н. П. Румянцева членам императорской фамилии, опубликованные в различных журналах).

Таким образом, автор вводит в научный оборот новые архивные и малоизученные документальные материалы, ставит острые вопросы и по-иному интерпретирует уже поставленные проблемы.

Структурно монография состоит из трех глав, в основу выделения которых положен хронологический принцип. Однако при этом каждый этап имеет определенную качественную специфику, отражающую преобладавший на тот момент вид деятельности Н. П. Румянцева.

Первая глава посвящена рассмотрению истории рода Румянцевых, вопросам анализа характерных особенностей социально-экономического развития Чеберчинского имения фамилии и основных принципов управления вотчиной, применявшихся владельцами в конце XVIII столетия. Автор рассматривает данные проблемы во взаимосвязи с личностью Н. П. Румянцева, выделяя такие аспекты, как влияние родовых традиций на формирование его взглядов, значение опыта управления Чеберчинской вотчиной в дальнейшей деятельности графа. Здесь же обосновывается значительная роль семейной среды в качестве одного из главных факторов становления личности графа. Другими важными факторами, на которых акцентирует внимание Д. С. Щукин, являются учеба Н. П. Румянцева в Лейденском университете и его путешествие по Западной Европе, в ходе которого он получил представление о европейских политических и культурных традициях, воспринял лучшие ценности западной культуры. На основе анализа наиболее ярких и значимых эпизодов дипломатической деятельности Н. П. Румянцева в Германии 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. автор делает вывод о том, что граф являлся одним из выдающихся российских дипломатов своего времени. В итоге Д. С. Щукин приходит к справедливому, на наш взгляд, заключению, определяя заграничный этап служебной карьеры Н. П. Румянцева как период окончательного формирования его жизненного кредо, в том числе отношения к экономической и политической системам России и взглядов на преодоление ее отставания в научной и культурной сферах.

Во второй главе подробно анализируется государственная деятельность Н. П. Румянцева начала XIX в. При рассмотрении мероприятий графа, осуществленных за время пребывания во главе министерства коммерции, основное внимание автор сосредотачивает на разработке им нового таможенного тарифа, предусматривавшего сочетание принципов меркантилизма и фритредерства и, в частности, установление различного процента тарифных ставок на разные группы товаров. Другим приоритетным направлением деятельности Н. П. Румянцева на этом посту, как указывает Д. С. Щукин, являлась работа над комплексом мер, направленных на расширение торговых связей России, к которым относились поддержка кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а также проекты облегчения условий колонизации Русской Америки со стороны российских переселенцев. Автор подчеркивает, что торговая политика Н. П. Румянцева и в целом проводимые им меропр-

ятия в экономической сфере способствовали внедрению некоторых буржуазных элементов в феодальную экономику России.

В оценке характера внешнеполитической деятельности Н. П. Румянцева Д. С. Щукин исходит, прежде всего, из тезиса, что вопреки распространенному в научной литературе мнению, граф не являлся галломаном и поклонником Наполеона, а также не был пешкой в руках императора Александра I. Автор достаточно убедительно доказывает, что курс Н. П. Румянцева на сохранение союзнических отношений с Францией 1807 — 1812 гг. в значительной степени отражал его личную позицию, основанную на убеждении, что Россия может получить немало стратегических выгод и важных территориальных приобретений путем ведения дипломатических консультаций с Наполеоном, что было бы недостижимо в союзе с другими европейскими державами. Вместе с тем в работе подчеркивается, что Н. П. Румянцев вполне осознавал неизбежность угрозы, исходившей от Франции, а потому понимал необходимость серьезной подготовки к предстоявшему военному столкновению. Автор отмечает, что основным вкладом графа в создание крепких тылов для обороны государства стало заключение Фридрихсгамского мира со Швецией в 1809 г., повышавшего уровень безопасности северо-западных границ России. Д. С. Щукин заключает, что, несмотря на неполную реализацию всех идей Н. П. Румянцева в период его руководства министерством иностранных дел, проводимый им внешнеполитический курс не препятствовал, а, наоборот, содействовал укреплению обороноспособности страны.

В третьей главе монографии рассматривается просветительская и меценатская деятельность Н. П. Румянцева в период его ухода в отставку с государственных постов, дается оценка его роли как коллекционера памятников русской и славянской истории. Значительное место автор отводит анализу особенностей структуры и состава научного кружка Н. П. Румянцева. Основываясь на тезисе, что кружок являлся объединением, не имевшим формального организационного начала и существовавшим благодаря авторитету, финансовым средствам и желанию графа Н. П. Румянцева, Д. С. Щукин обоснованно анализирует деятельность входивших в него исследователей сквозь призму их связей и взаимоотношений с канцлером. Подчеркивая покровительственный характер этих связей со стороны Н. П. Румянцева, автор приходит к выводу, что патронаж являлся наиболее исторически приемлемой формой взаимоотношений графа со своими соратниками, поскольку позволял в полной мере использовать его большие материальные возможности и общественный вес в достижении необходимого результата в научной деятельности. Автор подробно, в доступной форме анализирует основные достижения и вклад румянцевского научного общества в российское просвещение и гуманитарное знание, рассматривает основные источники пополнения знаменитых научных коллекций канцлера Н. П. Румянцева: монастырские и церковные архивы, ярмарки, старообрядческие собрания, различные экспедиции. Д. С. Щукин делает вывод, что, являясь первопроходцем в ряде научных исследований в России, Н. П. Румянцев во многом опередил свое время, поскольку не был понят своими современниками, но по достоинству оценен потомками.

В целом же, по мнению Д. С. Щукина, судьба Н. П. Румянцева не вполне типична для обладателя того социального статуса, к которому он принадлежал. Граф, яв-

ляясь одним из богатейших людей России, продолжительное время оставался незаменимой фигурой на политической авансцене, но, достигнув вершины служебной лестницы, тяготился своим положением, о чем неоднократно упоминал впоследствии. Страсть Н. П. Румянцева к путешествиям и стремление принести пользу России не позволили ему удовлетвориться рутинным церемониалом придворной размеренной жизни.

Таким образом, монография Д. С. Шукина представляет безусловный интерес как для узкого круга специалистов, занимающихся проблемами политической истории и культурного наследия России, так и для читателя, интересующегося историей мордовского края, широко представленной на страницах исследования.

*Э. Д. Богатырев,
доктор исторических наук, профессор.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авданин Владимир Владимирович — аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления (филиала) РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: avdanin@mail.ru

Ананьев Михаил Александрович — доктор экономических наук, профессор, директор НИИ «Продовольственная безопасность» РЭУ им. В. Г. Плеханова, г. Москва, Россия, e-mail: ama1959@mail.ru

Анохина Анна Борисовна — аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: anoxina73@mail.ru

Артемов Андрей Александрович — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заместитель директора по научной работе Мордовского НИИСХ (филиала) ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока, г. Саранск, Россия, e-mail: artemjevaa@yandex.ru

Бибин Михаил Андреевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Бибина Наталья Михайловна — преподаватель кафедры общеобразовательных и юридических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Бистяйкина Динара Асымовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: dinagaas@mail.ru

Богатырев Эдуард Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: edbog@mail.ru

Вильчик Андрей Александрович — аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: kafist73@mail.ru

Гераскина Инна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления организацией Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: geraskina82@mail.ru

Градусов Виктор Викторович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Градусова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления (филиала) РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vgradusova@gmail.com

Гурьянов Александр Михайлович — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Мордовского НИИСХ (филиала) ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока, г. Саранск, Россия, e-mail: niish-mordovia@mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Ефремов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения МГПИ им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: een.pravo@gmail.com

Зинуров Рафаил Нариманович — доктор юридических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя Комитета по международным делам, г. Москва, Россия, e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Иванов Алексей Ананьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Иванов Виталий Петрович — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник БНУ «ЧГИГН», г. Чебоксары, Россия, e-mail: human2000@yandex.ru

Иванова Галина Софроновна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Катайкина Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск, Россия, e-mail: kataikina@mail.ru

Косован Ольга Леонидовна — доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: olga-kosovan@mail.ru

Леткина Наталия Владимировна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: letkinanv@mail.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления (филиала) РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Лохтина Лариса Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и торгового дела Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск, Россия, e-mail: llohtina@rusooper.ru

Лушин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления (филиала) РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lushin@mail.ru

Маркова Анна Александровна — старший преподаватель кафедры финансов Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск, Россия, e-mail: markovaanna2012@yandex.ru

Мухамедов Рашид Алимович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия, e-mail: rasisit56@mail.ru

Нагорных Ольга Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: aldan12@yandex.ru

Надькин Тимофей Дмитриевич — доктор исторических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой отечественной и зарубежной истории и методики обучения МГПИ им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: ntd2006@yandex.ru

Наумкина Екатерина Ивановна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: kathrin08061991@ Rambler.ru

Нуйкин Сергей Юрьевич — аспирант отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Поляков Осип Егорович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: Osip.poljakov@rambler.ru

Поцелуева Наталья Николаевна — преподаватель кафедры английского языка Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Республика Казахстан, e-mail: nata_potz@inbox.ru

Пупышев Игорь Васильевич — аспирант кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой, ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: 89877353133@mail.ru

Савинов Леонид Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: savinova-t@bk.ru

Сбитнева Диана Владиславовна — ассистент кафедры управления организацией Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sbitneva.diana@mail.ru.

Соловьев Анатолий Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: solowaa@mail.ru

Соловьев Олег Витальевич — доцент учебного военного центра Национального исследовательского университета «МИЭТ», г. Москва, Россия, e-mail: olezhka.7@mail.ru

Соловьева Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: tanysha_v@bk.ru

Сосновский Андрей Владленович — аспирант отдела этнографии и этнологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: ansosnov67@mail.ru

Стариков Сергей Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: sv.starikov@yandex.ru

Тренькаева Наталья Васильевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: NVKiyaeva@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: fedulenkova@list.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Чубриков Николай Вячеславович — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: mag1991@rambler.ru

Щанкина Любовь Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, e-mail: schanckina@yandex.ru

Щемерова Надежда Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования МГПИ им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: nadya.shem@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Avdanin Vladimir Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: avdanin@mail.ru

Ananyev Mikhail Aleksandrovich — Doctor of Economics, Professor, Director of Research Institute of Food Security, Plekhanov Russia University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: ama1959@mail.ru

Anokhina Anna Borisovna — Postgraduate Student of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: anoxina73@mail.ru

Artemyev Andrey Aleksandrovich — Candidate of Agriculture, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, Mordovia Research Institute of Agriculture — Branch of Federal Agrarian Scientific Center of North-East, Saransk, Russia, e-mail: artemjevaa@yandex.ru

Bibin Mikhail Andreyevich — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Bibina Natalya Mikhaylovna — Lecturer of Department of General and Legal Disciplines, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, e-mail: mouse.nata.84@mail.ru

Bistyaikina Dinara Asymovna — Candidate of Sociology, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: dinaraas@mail.ru

Bogatyrev Eduard Dmitrievich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of History of Russia, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: edbog@mail.ru

Vilchik Andrey Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: kafist73@mail.ru

Geraskina Inna Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Management of Organization, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: geraskina82@mail.ru

Gradusov Viktor Viktorovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Gradusova Valentina Nikolayevna — Candidate of Economics, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Accounting, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: vgradusova@gmail.com

Guryanov Aleksandr Mikhaylovich — Doctor of Agriculture, Professor, Director, Mordovia Research Institute of Agriculture — Branch of Federal Agrarian Scientific Center of North-East, Saransk, Russia, e-mail: niish-mordovia@mail.ru

Guseva Tatyana Mikhaylovna — Doctor of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Efremov Evgeny Nikolayevich — Candidate of History, Doctoral Student of Department of National and Foreign History and Methods of Teaching, Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: een.pravo@gmail.com

Zinurov Rafail Narimanovich — Doctor of Law, Member of Council of Federation of Federal Assembly of the Russian Federation, Deputy Chairman of Committee on International Affairs, Moscow, Russia, e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Ivanov Aleksey Ananyevich — Doctor of History, Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ivanov Vitaly Petrovich — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, Chuvashia State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia, e-mail: human2000@yandex.ru

Ivanova Galina Sofronovna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Kataykina Natalya Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Finance, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Saransk, Russia, e-mail: kataikina@mail.ru

Kosovan Olga Leonidovna — Assistant Professor of Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: olga-kosovan@mail.ru

Letkina Nataliya Vladimirovna — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: letkinanv@mail.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Economics, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Lokhtina Larisa Mikhaylovna — Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department of Management and Trading, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Saransk, Russia, e-mail: llohtina@rucoop.ru

Lushin Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lushin@mail.ru

Markova Anna Aleksandrovna — Senior Lecturer of Department of Finance, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Saransk, Russia, e-mail: markovaanna2012@yandex.ru

Mukhamedov Rashit Alimovich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: rasit56@mail.ru

Nagornykh Olga Stanislavovna — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Social and Humanitarian Sciences, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: aldan12@yandex.ru

Nadkin Timofey Dmitrievich — Doctor of History, Associate Professor, Acting Head of Department of National and Foreign History and Methods of Teaching, Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: ntd2006@yandex.ru

Naumkina Ekaterina Ivanovna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: kathrin08061991@rambler.ru

Nuykin Sergey Yuryevich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Polyakov Osip Egorovich — Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: Osip.poljakov@rambler.ru

Potselueva Natalya Nikolayevna — Lecturer of Department of English, Pavlodar State University named after S. Toraigyrov, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, e-mail: nata_potz@inbox.ru

Pupyshv Igor Vasilyevich — Postgraduate Student of Department of National History named after A. V. Arsentyeva, Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: 89877353133@mail.ru

Savinov Leonid Ivanovich — Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: savinova-t@bk.ru

Sbitneva Diana Vladislavovna — Assistant of Department of Management of Organization, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbitneva.diana@mail.ru

Solovyev Anatoly Andreyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: solowaa@mail.ru

Solovyev Oleg Vitalyevich — Assistant Professor of Military Training Center, National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia, e-mail: olezhka.7@mail.ru

Solovyeva Tatyana Vladimirovna — Candidate of Sociology, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: tanysha_v@bk.ru

Sosnovsky Andrey Vladlenovich — Postgraduate Student of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: ansosnov67@mail.ru

Starikov Sergey Valentinovich — Doctor of History, Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: sv.starikov@yandex.ru

Trenkaeva Natalya Vasilyevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: NVKiyaeva@mail.ru

Fedulenkova Tatyana Nikolayevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: fedulenkova@list.ru

Tsyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Chubrikov Nikolay Vyacheslavovich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: mag1991@rambler.ru

Shchankina Lyubov Nikolayevna — Doctor of History, Professor of Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russia University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: schanckina@yandex.ru

Shchemerova Nadezhda Nikolayevna — Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Preschool and Primary Education, Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: nadya.shem@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ГАНИ УО — Государственный архив новейшей истории Ульяновской области

ГАПО — Государственный архив Пензенской области

ГАСО — Государственный архив Самарской области

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться две рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;
2) название статьи на русском и английском языках;
3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом; располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию; оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

Первичная

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

Повторная

⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

Первичная

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socittr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

Повторная

⁴ Ibid. or ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

Первичная

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.

Повторная

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

Первичная

² **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.

Повторная

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. or ⁶ Paasonen H. Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В тексте

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ **Юрченков В. А.** Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. *Плата за публикацию рукописей не взимается.*

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 2 (46) 2018

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 09.06.2018. Дата выхода в свет 28.06.2018 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №
Цена свободная

Адрес издателя:
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:
ООО «РТ Красный Октябрь». 430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а,
e-mail: tko-saransk@mail.ru